

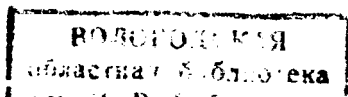
А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО ЛЕКСИКОЛОГИИ И ЛЕКСИКОГРАФИИ

**ПРОБЛЕМАТИКА
ОПРЕДЕЛЕНИЙ
ТЕРМИНОВ
В СЛОВАРЯХ
РАЗНЫХ ТИПОВ**

832414

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД 1976

Редакционная коллегия:
С. Г. БАРХУДАРОВ (председатель),
В. П. ПЕТУШКОВ, Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник создан на основании материалов Всесоюзного терминологического совещания, созванного согласно решению Президиума Академии наук СССР в Ленинграде 26—29 марта 1974 г.

Это совещание было проведено Научным советом по лексикологии и лексикографии АН СССР совместно с академическими Институтом русского языка, Институтом языкознания и его Ленинградским отделением, Комитетом научно-технической терминологии АН СССР, издательством «Советская энциклопедия». Помимо сотрудников названных организаций и учреждений в совещании приняли участие сотрудники республиканских академий и энциклопедий, преподаватели университетов и вузов, а также сотрудники ряда академических учреждений, центральных издательств («Наука», «Русский язык», «Воениздат», «Машиностроение») и других организаций (Институт русского языка им. А. С. Пушкина, ВНИИКИ, Институт военной истории, проектные организации по АСУ и т. п.). Всего было представлено 63 организации и учреждения. В работе совещания приняли участие 232 человека.

Как видно из самого названия сборника, данное совещание было посвящено одному из самых актуальных лексикографических вопросов, которому сейчас уделяется много внимания как в отечественной, так и в зарубежной литературе. В связи с этой центральной проблемой в статьях сборника рассматриваются вопросы типологии словарей, их лексической системности и прочие существенные теоретические положения современной лексикологии и лексикографии.

Помимо традиционного вида словарной работы выяснение проблемы определений терминов трактуется и в плане тех научных направлений, которые связаны с применением математизации в лингвистике, а также с созданием так называемых информационно-поисковых тезаурусов.

В ряде статей содержится информация о состоянии терминологической работы в некоторых советских республиках.

По мнению участников совещания, состоявшийся обмен мнениями по вышеизложенным вопросам был плодотворным и весьма содержательным, а доклады и сообщения должны внести существенный вклад в дальнейшее развитие научных взглядов на организацию социально значимой научно-технической информации способами словарного дела.

Надо полагать, что материалы данного Всесоюзного терминологического совещания, как и предыдущих (московского совещания — в 1959 г., опубликованные в сборнике «Вопросы терминологии», 1961 г., ленинградского — в 1967 г., опубликованные в сборниках «Современные проблемы терминологии в науке и технике», 1969 г., «Лингвистические проблемы научно-технической терминологии», 1970 г., и «Проблемы языка науки и техники», 1970 г.), будут по достоинству оценены читателем.

К сожалению, по причинам, не зависящим от редколлегии, в сборнике не помещены некоторые материалы докладов и сообщений.

С. Г. БАРХУДРОВ

АКТУАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ ЛЕКСИКОГРАФИИ В ОБЛАСТИ ТЕРМИНОВ

За те годы, которые прошли со времени Второго всесоюзного терминологического совещания, проведенного Научным советом по лексикологии и лексикографии совместно с Комитетом научно-технической терминологии АН СССР (1967 г.), в стране было сделано, на наш взгляд, много в сфере глубокого изучения научно-технического языка, его лексики и прежде всего терминов. За этот период опубликован ряд ценных в научном отношении сборников по терминологической тематике,¹ написано и защищено немало диссертаций по данной проблематике. Проводилось несколько ведомственных и региональных совещаний по терминологии, среди которых очень содержательны симпозиумы, устраивавшиеся Московским университетом.²

В материалах, с которыми приходилось знакомиться, видна широта поднимаемых вопросов и подлинная теоретичность их разработки.

Примечательно, что в настоящее время внимание к терминам у нас не выливается в форму кратковременных кампаний, а приняло характер планомерных, повседневных научных занятий. В связи с этим нельзя не отметить деятельность Всесоюзного научно-исследовательского института технической информации, классификации и кодирования (ВНИИКИ) Государственного комитета стандартов СССР. Это сравнительно молодое учреждение, не обладающее еще достаточным количеством опытных сотрудников, работает с невиданным до сего размахом в области стандартизации терминов, номенклатурных названий и углубления

¹ Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М., 1970; Современные проблемы терминологии в науке и технике. М., 1969; Проблемы языка науки и техники. М., 1970; Терминология и норма. М., 1972, и др.

² Место терминологии в системе современных наук (1969), Семантические проблемы языков науки, терминологии и информатики (1971).

методологических основ этого дела. Заслуживает поощрения его реферативный журнал «Научно-техническая терминология», сообщаящий много полезной информации. Хотелось бы, чтобы журнал увеличился в объеме и выходил значительно большим тиражом, что, следует заметить, явилось и единодушным мнением участников последнего, третьего Всесоюзного терминологического совещания.

Возросший объем терминологической работы, ее высокий научно-теоретический уровень поставили перед Научным советом по лексикологии и лексикографии задачу определения перспектив ее развития, выявление наиболее важных пунктов ее современного состояния.

Словари, в том числе и терминологические, можно рассматривать в двух аспектах: во-первых, как составную часть науки о языке и, во-вторых, как существенный элемент вообще справочной литературы, соотнося их, таким образом, с новой наукой, именуемой информатикой. Важное значение словарей в языкознании теперь нет уже нужды доказывать. (В. Дорошевский остроумно это показал на изменении смысла термина «лексикография».)³ Связь словарей с информатикой нуждается еще в выяснении и конкретном определении.

Никто из лингвистов не отрицает, что филологические словари являются справочными пособиями, но далее самых общих положений в этом плане мы не стремимся сделать надлежащих выводов. Наоборот, наше внимание преимущественно уделено проблеме тщательного выявления специфики, отличительности словарей от иной справочной литературы, и прежде всего от энциклопедий. Дело «разграничения» дошло до того, что объединяющее звено словарей и энциклопедий видят лишь в том, что материалы в тех и других размещены в алфавитном порядке. Но тогда надо считать родственной словарям и энциклопедиям «телефонную книгу», являющуюся справочным пособием с алфавитным расположением текста. (Кстати, не все энциклопедии строятся алфавитным образом. Напомним, что в Энциклопедическом словаре бр. Гранат материалы помещены в системном порядке, точно так же поступают составители «Детской энциклопедии», уже выходящей 3-м изданием.)

Думается, что отличие энциклопедии от филологического толкового словаря настолько очевидно, что его в общем-то и устанавливать не требуется. Тем не менее некоторые компоненты этих изданий почти неотличимы. Так, Д. Н. Ушаков особо подчеркивал, насколько «бывает трудно провести тончайшую грань между объяснением предмета и объяснением называющего его слова»,⁴ т. е. между задачей энциклопедии и толкового словаря.

³ Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики. М., 1973, с. 32.

⁴ Ушаков Д. Н. Как пользоваться словарем. — В кн.: Толковый словарь русского языка. Т. I. М., 1934, с. XXIV.

особенно в отношении терминов. Однако он считал все же необходимым соблюдать эту «грань», тогда как А. А. Шахматов, в тех выпусках академического Словаря русского языка, которые он редактировал, старался при определении терминов полностью опираться на энциклопедические начала. Впрочем, так же поступают редакторы многих больших филологических словарей западных стран.

Следует учесть, что Л. В. Щерба в своем классическом труде по теории лексикографии, противопоставляя филологический толковый словарь энциклопедии, имел в виду наглядность полноты данных понятий в отстраненном теоретическом плане. Лишь этим можно объяснить его нарочитый пример «словарного» определения слова *золотник* («одна из частей паровой машины»). В своей лексикографической практике Л. В. Щерба в определении терминов следовал за А. А. Шахматовым. Так, *игла* в значении военного термина им определяется как «часть ударника в огнестрельном оружии» и сопровождается пояснительной цитатой из Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона: «Для производства выстрела внутри затвора ружья паходилось особое приспособление, называемое ударником, с тонкою и длинною иглою, которое в момент выстрела, силою сжатой спиральной пружины, быстро двигалось вперед внутри затвора, причем игла прокалывала патрон и концом своим воспламеняла ударный состав», а также цитатой из «Объяснительного морского словаря» Н. Вахтина.⁵ В других случаях определением термина (как «Иглокожий») берется определение из энциклопедии.

Нельзя упускать из виду столь немаловажное обстоятельство, что энциклопедии у нас адресованы самым широким кругам читателей⁶ и определения терминов в энциклопедиях производятся максимально общедоступным языком. (На всякий случай поясним в скобках, что имеются в виду так называемые универсальные энциклопедии, так как отраслевые энциклопедии предназначены в основном для специалистов и представляют собой такой вид справочной литературы, который лишь конструктивно отвечает характеру энциклопедического издания; см., например, Энциклопедию полимеров.⁷) Эту же цель общедоступности по

⁵ Цит. по: Словарь русского языка АН СССР. Т. 9. Вып. 1. М.—Л., 1935, ст. 42.

⁶ В постановлении ЦК КПСС «О выпуске третьего издания Большой Советской Энциклопедии» указывается, что помещаемые в новой энциклопедии статьи должны быть написаны в форме, доступной для понимания широких кругов читателей (Правда, 18 III 1967). Соответственно и в «Методических указаниях для редакторов БСЭ» говорится, что определения терминов «должны быть научными и, даже при сложности темы, доступны широким кругам читателей» (М., 1969, с. 132).

⁷ Пусть не смущает читателя заявление, что эта «энциклопедия рассчитана на широкое и круги инженерно-технических работников, занятых синтезом, переработкой и применением полимеров в различных областях народного хозяйства», сделанное в статье «От редакции» в 1-м томе дан-

существу имеет и филологический словарь в отношении определенных терминов.

Конечно, помимо дефиниции термина в энциклопедической статье дается краткое описание реалии или понятия, приводятся основные данные о сообщаемом предмете и т. д., тогда как в словарной статье отмечаются переносные значения термина, его устаревшее употребление, если таковое было, и т. п. Однако основное, номинативное определение должно совпадать. Речь идет не о стилистическом однообразии определенных терминов в энциклопедии и в словаре, а об уровне популярности толкования понятия, выражаемого термином.

Впрочем, практически это так и происходит, хотя здесь нужно еще много поработать, чтобы добиться более эффективных результатов. Вот почему на 3-е Всесоюзное терминологическое совещание были приглашены ведущие сотрудники энциклопедических издательств, чтобы достигнуть возможно лучшего взаимопонимания по поводу принципов современных определений научно-технических терминов.

Но эта проблема не должна замыкаться кругом энциклопедий и толковых словарей. По идее она касается всей научно-технической справочной литературы в той части, где сообщаются определения терминов. За последнее время у нас в стране ежегодно издаются сотни справочных пособий по всем отраслям народного хозяйства, по многим научно-техническим дисциплинам. Они предназначаются работникам различной квалификации, разной степени подготовки и в зависимости от этого имеют неодинаковый объем информации, отличный характером ее изложения. И тем не менее все справочные пособия должны быть взаимосвязаны как по линии их целенаправленности (например, от Большой Медицинской Энциклопедии до какого-нибудь справочника стоматолога), так и по линии уровня знаний читателя (например, от «Энциклопедии по автоматике» до справочника моториста 2-го класса). Взаимосвязаны не по внешним формальным показателям (стандартизация употребляемых в справочной литературе условных знаков, символов, последовательность индексации и т. п.), хотя и они существенны, а единством содержания, когда, скажем, определения какого-либо термина не тождественны целиком во всей однотемной справочной литературе, но общи между собой в основном, в чем-то дополняют, конкретизируют понятие, расширяют или сужают его объем, но не противоречат друг другу (если в том нет, конечно, острой необходимости, возникшей из-за новых научных открытий, и т. п.)

ного издания (М., 1972). В нашей стране настолько велико число специалистов в любой отрасли промышленности, что почти каждое научно-техническое издание действительно становится массовым в количественном отношении.

Надо признать, что сейчас последовательного единства в этом отношении в нашей справочной литературе наблюдается крайне мало. Каждый автор-составитель поступает, как ему вздумается, и, к сожалению, нет никаких регламентирующих положений, которым можно было бы следовать. Существующие же ГОСТы касаются лишь внешних формальных показателей.

Проблема обусловленного однообразия подачи материалов в справочной литературе в пору научно-технической революции приобретает исключительно важное значение, ибо обилие информации непреложно нуждается в «обуздании» материала, чему, собственно, и посвящены усилия науки информатики. Информатика, выросшая из библиотекovedения,⁸ во многом опирается на его методы, его систематику, что в общем-то вполне разумно, хотя уже далеко не достаточно для решения большинства задач новой науки. Так, при всей привлекательности универсальная десятичная классификация (УДК), применяемая в библиотеках, как показал опыт, крайне инертна и не «эвристична» для целей современной информационной службы.

Информатика нацелена на использование электронно-вычислительной техники и нуждается в так называемом математическом обеспечении для разработки информационно-поисковых систем. Здесь достигнуты определенные результаты. Однако эти результаты бесполезны, если они не будут наполнены должным содержанием.

Сейчас в экспериментальном порядке производится сбор информации с помощью ЭВМ по названиям книг. Но названия книг (или статей) нередко могут быть «ложными друзьями» специалистов по информатике, когда они не передают суть, идею произведения, а служат, например, рекламным целям. Помнится, лет пятнадцать назад была издана брошюра о русской орфографии под названием «И все-таки она хорошая!», несомненно способствовавшая быстрой распродаже брошюры в киосках «Союзпечати».

Использование названий глав произведений для формирования информационно-поисковых систем (ИПС) также мало результативно, тем более что главы произведений далеко не всегда имеют названия.

Вполне понятно, что сейчас обращено большое внимание на «реабилитацию» вспомогательных указателей к научным книгам и учебникам для высшей школы,⁹ которые могут стать ценным

⁸ См.: Гильяровский Р. С. Информатика и библиотекovedение. М., 1974, с. 3.

⁹ О временной инструкции Госкомиздата СССР по выбору и составлению вспомогательных указателей к научным книгам и учебникам для высшей школы сообщается в еженедельнике «Книжное обозрение» (1974, № 49, с. 2).

источником сбора информации. Однако сами по себе указатели (предметные, именные и др.) не являются конечным звеном в цепочке розыска искомого материала.

Статистика утверждает, что на сбор информации по печатным источникам ученые тратят до 30% своего времени. Одной из главных задач информационной службы является минимальное сокращение этой непроизводительной траты научной деятельности. Но его можно достичь в какой-то значительной мере и с помощью справочной литературы, которая заключает в себе нужные сведения в «свернутом» состоянии. Почему-то в пособиях по информатике справочной литературе традиционного типа, в том числе энциклопедиям и словарям, не уделяется должного внимания. Видимо, предполагается, что информация, добытая, так сказать, из первоисточников, более корректна и оперативна. Вряд ли это справедливо.

Понимая, что без справочных печатных пособий все же не обойтись в конечном счете, специалисты по информатике стали их издавать самостоятельно. Начали публиковаться так называемые информационно-поисковые тезаурусы, причем особенно подчеркивается их полное отличие от общезыковых словарей.¹⁰

Однако когда познакомишься с такими публикациями (вроде очень интересного «Тезауруса научно-технических терминов» под редакцией Ю. И. Шемакина), то находишь в них много сходного с существующими идеографическими словарями.¹¹ Да оно иначе и быть не может, ибо разработка систематики, классификации наших знаний ведется в принципе на одних и тех же основах.

Когда говорят о деятельности информационно-поисковых систем, то наряду с их математическим обеспечением возникает задача их лингвистического обеспечения,¹² причем здесь имеется в виду непосредственное участие естественного языка, в лексический состав которого входят термины и номенклатурные названия. Однако естественный язык при всех своих замечательных коммуникативных и прочих свойствах не поддается в полном объеме строгой формализации, без которой немыслимо применение ЭВМ. Это все-таки не означает, что той части естественного языка, которая непосредственно связана с областью ИПС, т. е. преимущественно терминологии, невозможно придать элементы искусственности, делающей доступной ее формализацию. Впрочем, частично, хотя и не полностью удачно, это делается, благо к тому же многие термины являются придуманными «искусственными» словами.

¹⁰ См.: Майтла К. Составление двуязычных тезаурусов. Таллин, 1972, с. 4.

¹¹ См.: Морковкин В. В. Идеографические словари. М., 1970.

¹² См.: Научно-техническая терминология, 1974, № 12, с. 21.

Говорят, что термины не существуют вне термосистем. С бóльшим основанием можно сказать, что термины не существуют без определений. Хорошо известно, что многие обычные слова естественного языка, становясь терминами, приобретают иное, специальное определение.

К специфическому определению терминов у нас нет достаточного внимания со стороны их возможности формализоваться. Составители ИП-тезаурусов, видимо, в этом еще не видят необходимости, а лексикографы считают, что оно вредит популярности толкования терминов. Заметим, что КНТТ, его инструкции дают образцы конструирования терминов на строго научной основе, но они никак не соотносены с задачами формализации.

Тут должен быть найден выход. Надо полагать, что он заключается в создании «искусственного» языка определений терминов, но максимально приближенного к естественной речи, основанного на ней.

В отдаленной мере такие определения могут в некоторых случаях напоминать так называемые отсылочные определения в толковых общелитературных словарях, например: «Действие по знач. глаг. ...», «Уменьш.-ласк. к сл. ...». Вряд ли подобные модели можно безоговорочно отнести к естественной речи. Однако читатели примирились с таким лексикографическим способом изъяснения, позволяющим рационально, с необходимой соответственностью представлять лексическую систему. Добавим, что создание таких определений есть результат многолетнего опыта лексикографической практики.

Нет каких-либо веских причин всеми силами отмежевываться от искусственности в языке, если она приносит несомненную пользу.

Может быть, и идея Лейбница о создании такого языка науки, когда сложные понятия рассматриваются как комбинации простых понятий, элементарных частиц смысла, не нашедшая в свое время практического применения и признания утопической, окажется небесполезной на путях поиска решений создания «формул»-определений терминов, пригодных для автоматизированной деятельности ИПС.

Во всяком случае надо перепробовать все возможности конструирования формализованных видов искусственного языка, если нас действительно заботит завтрашний день науки, ее терминология и использование последней в условиях широкого применения средств автоматизации. В этом плане должна быть нацелена и вся сегодняшняя работа по стандартизации терминов и номенклатурных названий. Здесь особенно важно обратить внимание на терминообразование.

За последние годы в отечественном языкознании много сделано в области изучения современного словообразования, но это

не нашло еще «выхода» в лексикографических изданиях. Маленький, учебного типа словарь служебных морфем З. Потихи¹³ можно считать «первой ласточкой» в данном деле.

Нельзя не сожалеть, что у нас нет словаря международных терминологических элементов. Переизданный незначительным тиражом в 1968 г. словарь-справочник Н. Юшманова «Элементы международной терминологии» несколько нас не выручает: он устарел (его первое издание относится к 1942 г.) и охватывает лишь незначительную часть интернациональных терминологических элементов латинского и греческого происхождения.

Помимо общих целей стандартизации терминов в плане их формализации работа с интернациональными и национальными терминологическими элементами имеет очень важное значение при расширении региональных и глобальных связей в области упорядочения стандартов.

Приходится также сожалеть, что у нас отсутствуют словари научно-технических аббревиатур, хотя они необычайно широко распространены. Нет нужды особо отмечать, что аббревиатуры (особенно когда они уже выполняют функции термина) входят во все ИПС.

Относясь с самым глубоким вниманием к словарям, связанным с терминологическими задачами и стандартизацией, созданием лингвистического обеспечения ИПС, подчеркивая насущную важность образования формализации определенной части языка, мы несколько не умаляем того значения, которое имеют лексикологические и лексикографические начинания в основном русле языковедческой работы.

Мы приветствуем начавшееся составление сотрудниками Института русского языка им. А. С. Пушкина лингвострановедческого словаря,¹⁴ мы отдаем должное описанию лексики поэтической речи,¹⁵ надеемся, что публикация ИПС-тезаурусов побудит лексикографов к созданию отечественных идеографических словарей, и без сомнения выдающуюся роль в развитии советской лексикографии сыграет филолого-идеологический словарь языка В. И. Ленина, к составлению которого приступает академический Институт русского языка. Думается, как словари терминологического назначения, так и общепилологического совместно с энциклопедиями будут взаимно обогащать друг друга своими достижениями.

¹³ Потиха З. А. Как сделаны слова в русском языке. Справочник служебных морфем. Л., 1974.

¹⁴ См.: Верещагин Е. М. и Костомаров В. Г. Об учебном лингвострановедческом словаре безэквивалентной лексики. — В кн.: Лингвострановедческий аспект преподавания русского языка иностранцам. М., 1974, а также статьи этих авторов в журнале «Русский язык за рубежом».

¹⁵ Поэт и слово. Опыт словаря. М., 1973.

О КЛАССИФИКАЦИИ СЛОВАРЕЙ

Все русские академические толковые словари, начиная со Словаря Академии Российской 1789—1794 гг., составлялись при консультативной помощи в области специальной лексики крупных ученых и знатоков всех видов отечественной промышленности, техники и ремесел. Если в прошлых словарях для оказания такой помощи привлекались отдельные лица, то 17-томный ССРЛЯ консультировали многие научные коллективы и учреждения, как входящие в состав АН СССР, так и находящиеся вне ее. Таким образом, можно сказать, и это уже неоднократно говорилось, что создание ССРЛЯ в известной мере явилось делом всей советской науки.

Подчеркнуть связь советских лексикографов с учеными естественных и других наук нам кажется необходимым потому, что у многих складывается такое впечатление: энциклопедические и терминологические словари по преимуществу составляют сами ученые, а филологические словари — лишь филологи, слабо осведомленные в других современных науках, чем объясняется непонимание толкования специальных слов в их словарях. Возникал ряд предположений, имеющих целью способствовать избавлению от этого положения. Например, собрать группу специалистов по различным дисциплинам и поручить им разрабатывать специальную лексику в филологическом толковом словаре, как это делается в «Словаре иностранных слов». Однако вряд ли так следует поступать. «Словарь иностранных слов» — словарь терминологический (что оговаривается в его предисловии), да и тот слой лексики, который в нем заключен, не образует со всем русским языком системных связей. Предлагались и другие решения — отказаться от объяснений в филологических словарях специальной лексики, например философских терминов, названий фундаментальных физических понятий и т. д. (их подлинно научное определение читатель найдет в специальном словаре). Впрочем, выдвигалось и совершенно радикальное предложение — освободить филологов совсем от толкований слов, ибо в современном языке любое, даже самое обиходное слово включает в себе какую-то научную информацию. Тогда филологам-лексикографам остается право посвятить себя созданию орфографических, орфоэпических и прочих словарей, далеких от семантики.

Напомним, что уже при создании Словаря Академии Российской лексикографы, видимо, не без влияния ученых-естественников, широко включали элементы энциклопедизма в определения специальных слов (относящихся к «трем царствам природы»), но было это произведено не очень удачно. В последующих академических словарях значительная часть специальных слов определяется самостоятельным, «филологическим» способом, хотя

элементы энциклопедизма в определениях слов все же остаются в немалой степени.

Но что значит — определение специального слова «филологическим» способом? Это в первую очередь толкование его (и называемой им реалии, явления) общедоступными словами, очень краткое и максимально понятное. Общедоступный язык в нашу эпоху является и общелитературным языком. Здесь необходимы некоторые пояснения. Литературный язык есть современный нормативный язык, называемый еще некоторыми исследователями (Полыванов и др.) стандартизованным. Этим языком (в его письменной и устной формах) пользуется почти все современное общество и в общих, и в специальных сферах общения. Все подязыки науки, техники, спорта и т. д. входят в систему литературного языка. Общелитературный язык — это лишь часть литературного языка и, как показывает его «внутренняя форма», достаточный и понятный всему обществу. Это язык массовых коммуникаций, в значительной мере язык художественной литературы. Общелитературный язык состоит из широко разветвленной системы стилей, концентрирующихся вокруг нейтральной лексики. Трудно отчетливо показать отличие литературного языка от общелитературного, но оно несомненно есть и даже заметно в наборе лексических средств, посредством которых определяются специальные слова в филологических словарях.

Собственно говоря, общелитературному языку и посвящены так называемые филологические словари. Однако их различный объем делает неопределенным как в количественном, так и в качественном отношении само понятие общелитературного языка. Различный селективный подход к специальной лексике при ее включении в филологические толковые словари не позволяет выработать общую схему толкования специальных слов.

Кроме того, очень существенно представлять, на какого читателя рассчитан словарь. Как-то принято считать, что филологический толковый словарь адресован читателю со средним образованием. Но однотомным Словарем русского языка С. И. Ожегова с успехом пользуются в учебных занятиях школьники 8—10 классов. В общем в данном деле нужны лингвосоциальные исследования.

Соотнесенность словаря с определенным читателем требуется не только для филологических, но любых словарей, ибо это формирует общие задачи конкретного словарного пособия, подсказывает правильные пути «подачи» лексического материала. По этой причине, да и по многим другим, актуальна проблема научной классификации словарей (наличествующих и потенциально возможных, теоретически подготовленных к реализации).

Уже прошло свыше трети века, как Л. В. Щерба наметил основные черты такой классификации. Его работа «Опыт общей теории лексикографии» сохранила свое основополагающее значение до сих пор. Однако нельзя не учитывать, что теоретиче-

ские положения этого труда строились на сравнительно узкой базе имевшихся тогда отечественных и зарубежных словарей. В последующие затем десятилетия, особенно за последнее десятилетие, количество и разнообразие словарей значительно умножилось, по-иному стали реализовываться идеи некоторых лексикографических предприятий. Так, идея словаря-тезауруса в его традиционном понимании у нас по ряду научно-организационных причин перевоплотилась в совокупность нескольких исторических словарей русского языка, сводного словаря русских говоров и словарей современного литературного языка. Поэтому третье противоположение словарей по теории Л. В. Щербы вряд ли теперь можно считать актуальным. (Совокупность указанных словарей не едина по методике, подаче лексического материала.)

Бурно развивающаяся за последние годы теория информации («информатика») для своих задач создает свои словари — дескрипторные, тезаурусные (в значении — идеографические) и т. д.

Следовательно, необходимо выработать новые принципы классификации словарей, координируя их с общей системой современных информационных пособий, ибо теперь невозможно словари и энциклопедии рассматривать изолированно. Конечно, эти принципы классификации должны опираться и на учение Л. В. Щербы.

Надо отметить, что уже существуют некоторые попытки формирования новой классификационной системы словарей. Назовем работу М. И. Апашева «Лексикография и классификация словарей русского языка», изданную в Нальчике в 1971 г. Это небольшое учебное пособие грешит многими недостатками, но привлекает к себе внимание своевременной постановкой проблемы. Нельзя не отдать должного внимания работам Л. А. Новикова, посвященным типологии учебных словарей. Хотя они посвящены лишь небольшому разделу словарей, но затрагивают многие принципиальные вопросы современной лексикографии.

Надо упомянуть и статью Ю. К. Якимович «Типология словарных изданий», опубликованную в 25-м сборнике «Книга» (М., 1972). Ее автор — библиотеквед и проблему рассматривает формализованно, что по-своему небезынтересно.

К упомянутым работам мы решили присовокупить свои соображения по данному поводу, отнюдь не претендуя ни на широту разработки темы, ни на фундаментальность выводов. Наши предложения могут послужить лишь поводом, зачином для начала дискуссии по этой очень важной проблеме.

Из тезисов нашего доклада видно, что мы предлагаем прежде всего все современные словарные издания делить на предназначенные самым широким кругам читателей и исключительно специалистам той или другой отрасли знаний. Это разделение представляется на первый взгляд не столь существенным, само собой разумеющимся и не относящимся к подлинно научным критериям. Обычно считают, что словари для массового читателя являются производными от научных словарей и носят как бы второстепен-

ный характер. Однако такое суждение неверно для нашего времени, для советской лексикографии. Надо особенно подчеркнуть, что В. И. Ленин одной из первых задач в области строительства молодой советской культуры видел создание массового словаря русского языка с установкой на нормативность.

Напомним, что идеей такого словаря Ленин занимался в далеко нелегкое для республики время (1920—1921 гг.), когда он был чрезвычайно занят. Письма к Лупачарскому и заместителям по Наркомпросу РСФСР — Покровскому и Литкексу, неоднократные беседы с ними по поводу создания словаря и его признаков достаточно убедительно свидетельствуют, что данное предприятие глубоко занимало вождя революции. Примечательно, что когда работа по составлению словаря наладилась, Ленин пристально следил за ней, требовал ежемесячно докладывать о ее ходе.

С гениальной прозорливостью В. И. Ленин предвидел значение нормативного словаря «образцового русского языка» для нужд советского общества, расцвета его культуры, для умножения его духовных богатств.

Ленинские принципы, определившие словарь для широких кругов читателей, были положены в основу создания толкового словаря русского языка под редакцией Ушакова, затем однотомника Ожегова и ССРЛЯ АН СССР.

Весьма симптоматично, что Щерба назвал нормативный словарь в «Опыте общей теории лексикографии» академическим, справедливо придав данному типу словаря высоко научный характер (но не назвавшее).

Можно, понятно, указать, что нормативность была свойственна ряду дореволюционных академических словарей русского языка. Но для кого была предназначена эта нормативность в России, 90% населения которой было безграмотным? Она была обращена только к цивилизованной верхушке классового общества, ее значение воспринималось крайне узко. Нормативность же словаря, основанного на ленинских принципах, служила перспективным задачам, она была увязана с начавшейся ликвидацией безграмотности всего населения, с освоением русской культуры прошлого (в том числе классической литературы), с общим подъемом духовной жизни раскрепощенного народа. Эта нормативность языка ориентирована на демократизм.

Как известно, ленинские идеи помогли и созданию советских энциклопедий, также рассчитанных на широкие читательские круги.

Итак, массовые филологические словари и универсальные энциклопедии с указанием их важного места в общей народной культуре, с сообщением, что их создают высококвалифицированные специалисты, мы противопоставляем словарям, предназначенным исключительно специалистам той или другой отрасли знаний.

Делается это не только по формально профессиональным причинам (структура и объем словаря, характер объяснения помещенных в нем спецслов и т. д.), но и по причинам назначения употребления информации. Так, специалисты — работники милиции должны знать жаргон преступного мира и для них (исключительно для служебного пользования) издаются соответствующие словарики; для специальных целей, как информирует нас составитель «Англо-русского словаря военного сленга» Г. Судзиловский (М., 1973), крайне необходимо знать этот слой лексики.

Мы уже не говорим о терминологических словарях и отраслевых энциклопедиях, где наличие узкоспециальных слов не уготовано для взыскательных ревнителей чистоты русского языка.

Словари специальной лексики могут быть предназначены и не для специалистов. Таким, например, является, очень хорошо сделанный, «Иллюстрированный авиационный словарь для молодежи» (М., 1964). Тематические энциклопедии, такие как «Цирк», также предназначены не для специалистов, а для любителей этого вида искусства. Поэтому в предисловии указано, что цирковые жаргонизмы опущены сознательно. Точно так же поступили в «Словаре любителя футбола» (даже более строго), упустив и столь хорошо всем известный жаргонизм, как «попасть в девятку».

Мы не предполагаем касаться классификации словарей второго класса, т. е. предназначенных для специалистов. Однако некоторые общие положения считаем возможным высказать.

Это, говоря терминами Щербы, противоположение словарей «суммарных» частным словарям. Под условным названием «суммарный словарь» подразумевается не универсальное издание (типа БСЭ, МСЭ и Энциклопедического словаря), а издание, относящееся к какой-либо довольно широкой отрасли знаний, включающей в себя многие соподчиненные и даже частично соседствующие дисциплины. Так, в Большой и Малой Медицинских Энциклопедиях сосредоточена информация по анатомии, психологии, по фармакологии, санитарии и т. д. В Сельскохозяйственной энциклопедии даются сведения по агрономии и ветеринарии, почвоведению и ботанике и т. д. Техническая энциклопедия, издававшаяся в довоенные годы, включала в себя информацию по всем техническим дисциплинам.

Но наряду с этими энциклопедиями, их называют «отраслевыми», и политическими словарями издаются словари, сообщающие информацию по отдельным наукам, отдельным видам техники и т. д. Так, есть словари по анатомии и стоматологии, фармакологии и санитарии, есть энциклопедия военной медицины и словарь космической медицины. Имеются ветеринарные словари и энтомологические, по рыбоводству и т. д. Следует отметить, что данное противоположение словарей может сочетаться с некой градацией словарей. Как известно, геология входит в состав

других наук о Земле и в свою очередь сама делится на ряд наук. Это наглядно устанавливается по 2-му изданию «Геологического словаря», состоящему из 27 разделов, каждый из которых посвящен определенной геологической дисциплине. Но кроме этого «суммарного» геологического словаря существуют словари по петрографии, стратиграфии и т. д.

В чем специфика таких частных, узкоспециальных словарей? Они полнее представляют терминологию своей дисциплины. Это естественно, тем более что «суммарные» словари в той или иной мере всегда дифференцированы. Поэтому частные словари более полно сближены с системой понятий своей дисциплины. Хотя сам термин «система понятий» неоднозначен (в чем можно убедиться по «Логическому словарю»), можно все-таки говорить о какой-то совокупности понятий (или реалий), находящихся в той или другой взаимосвязи. Но дело не только в «системе понятий». Частный словарь значительно конкретнее может представить читателю информацию, не ограничиваясь основными, кодифицированными терминами, но привлекая и профессионализмы и тем приближая читателя к реальному языку науки, хотя и в одностороннем аспекте. Некоторые исследователи даже считают необходимым делить узкоспециальные словари на терминологические и специальной лексики.¹

Уже упоминалось, что Л. А. Новиков разрабатывает классификацию учебных словарей. Он их именует «лексикографией меньших форм».² Стоит только указать, что среди этих «меньших форм» есть специфические, относящиеся исключительно к данной разновидности словарей, как словарь базисного языка, и словарей, связанных с так называемым «градуированным чтением», ситуативных словарей и тому подобных, определяемых методикой обучения периодным языком. Учебным словарям противоположны большие двуязычные и многоязычные словари, применяемые для квалифицированных переводов. Сюда же надо отнести и словари аббревиатур, коннотаций, а также создаваемый сейчас в Институте русского языка им. А. С. Пушкина «Лингвострановедческий словарь современного русского языка». Хотя он и назван учебным, но, судя по его проспекту, предназначен очень подготовленным ученикам.

В статье Ю. К. Якимович противопоставляются исследовательские и инвентаризирующие словари. «Исследовательские словари, — по мнению автора, — фиксируют результаты специального лингвистического исследования».³ К ним автор относит этимоло-

¹ См.: Сергеев В. Н. О типах современных терминологических словарей. — В кн.: Вопросы разработки научно-технической терминологии. Рига, 1973.

² Новиков Л. А. Типология учебных словарей. — В кн.: Учебные словари русского языка. М., 1973, с. 5.

³ Якимович Ю. К. Типология словарных изданий. — В кн.: Книга. Исследования и материалы. Т. XXV. М., 1972, с. 28.

гические и исторические словари, словари языка писателя. Инвентаризирующими словарями являются такие издания, в которых поставлена задача инвентаризировать определенную часть словарного состава языка, например диалектные слова, эпитеты, рифмующие слова.

Конечно, неверно говорить, будто инвентаризирующие словари могут создаваться без какого-либо предварительного специального лингвистического исследования словарного состава языка. Такого словаря вообще быть не может, по публикация «сырых» наборов лексических средств, которые послужат основой для дальнейших лингвистических штудий, представляется небесполезной. К инвентарным публикациям, видим, примыкают конкордансы, списки сочетаний слов, сделанных с использованием ЭВМ, позволяющие в дальнейшем произвести отбор устойчивых, типичных словосочетаний. Очевидно, применение ЭВМ в словарной работе приведет к созданию таких машинных «инвентаризирующих» словарей-словников, которые с применением разных программ позволят создавать словари различного типа в пределах своих возможностей. Но это дело будущего.

Таковы наши крайне общие соображения по классификации словарей. Они имели бы более отчетливый вид при наличии теории классификации специальных научно-технических словарей. Однако ее создание будет возможным только по завершении все-союзной системы классификаторов, над которой сейчас работает ВНИИКИ.

Л. Л. КУТИНА

ТЕРМИН В ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ

(к антитезе: энциклопедическое—филологическое)

Обращаясь к вопросу о терминах в общих словарях литературного языка, лексикографы не могут не вспомнить о знаменитой статье Л. В. Щербы «Опыт общей теории лексикографии». Работа Л. В. Щербы прочно ввела в теоретические построения и практическую деятельность лексикографов антитезу: словари энциклопедические—словари филологические. Антитеза Щербы строилась на двух противоположениях: объектов описания и дефиниций. Объект описания энциклопедических словарей—научное понятие, филологических словарей—языковое значение; значения термина в научном языке и в языке литературном не совпадают. В научном языке реализуется научное понятие, в общем языке—обиходное. «Очень часто, — пишет Щерба, — они (термины, — Л. К.) будут иметь разные значения в общелитературном и специальных языках... Прямая (линия) определяется в геометрии как „кратчайшее расстояние между двумя точками“. Но в литературном языке это, очевидно, не так. Я ду-

маю, что прямой мы называем в быту линию, которая не уклоняется ни вправо, ни влево (а также ни вверх, ни вниз)».¹

Прямым следствием антитезы объектов является антитеза дефиниций: определение энциклопедическое, или научная дефиниция, — и определение филологическое.

Л. В. Щерба развил в своей статье ту мысль, которая отчетливо сформировалась в кругу лексикографов 30-х годов и прежде всего составителей толкового словаря под ред. Д. Н. Ушакова (Д. Ушаков, Г. Впlockур, С. Ожегов, Б. Ларин, Б. Томашевский). Осмыслия опыт своих предшественников, где были примеры и совершенно безудержного «наивного» энциклопедизма (Словарь Академии Российской), и полного его отрицания (Словарь 1847 г.), составители этого словаря в предисловии к I тому заявили: «Новый Толковый Словарь не есть энциклопедический словарь, а словарь языка, т. е. он не должен давать ни анализа, ни даже полного описания предметов и явлений; он „толкует“ значения слова». И — крупным шрифтом: «Новый Толковый Словарь есть словарь филологический, и к нему нельзя предъявлять тех требований, которым должны удовлетворять энциклопедические словари» (с. IX—X).

Десятилетием-двумя позднее, когда в стране, во всех союзных республиках, развернулась широкая лексикографическая работа (в Академии наук в это время создавались Большой и Малый академические словари), к этим положениям стали вновь и вновь обращаться лексикологи и лексикографы, осмыслия позиции создаваемых словарных собраний. Напомню Рижскую конференцию лексикографов (1961 г.), посвященную проблеме «Определения в толковых словарях», где высказанные Л. В. Щербой и ушаковцами идеи в их декларативной форме нашли полное сочувствие. Декларировано названное противопоставление и в предисловии к ряду словарей, вышедших в это время (конец 50-х — начало 60-х годов) у нас и в странах народной демократии. Так, например, во вводной статье к «Słowniku języka polskiego» Дорошевского — Скорупки говорится: «Определения слов имеют словарный характер, а не энциклопедический, это обозначает, что их основной целью является выяснение значения..., что является реальной формой связи с обозначаемым. Но это, однако, не предполагает включения сведений исторического или технического характера».

Приверженность к филологическому и отрицание энциклопедического стало своеобразной клятвой при заглавии.

Однако при отчетливой как будто общей позиции относительно энциклопедического и филологического в теоретических статьях тех лет нет сколько-нибудь отчетливого и однозначного понимания того, что же есть то энциклопедическое, что недопустимо в общем словаре, — логические определения, как у Каса-

¹ Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. I Л., 1958, с. 68.

реса? Исторический комментарий, как у Дорошевского? Описание реалий? Вербальный характер научных дефиниций, ведущий к специфическому научному стилю изложения? Столь же неясным было и представление о том, что филологическое должно быть выдвинуто в противовес и взамен.

Зыбкость и нечетливость этих понятий не могли не сказаться на реальной практике составления общих словарей. Но наличие известной доли отрицательного опыта, который может быть извлечен из наших словарей, не заслоняет того большого, сконцентрированного в них положительного опыта, который помог поставить и сформулировать целый ряд кардинальных вопросов теоретической семантики, по-новому определить соотношение литературного ядра языка и его подязыков, наметить существенные тенденции лексической и семантической динамики. Словари 50—70-х годов, обработавшие огромный лексический материал, описавшие семантическую структуру десятков тысяч слов и отметившие характер их контекстного функционирования, сделали очевидным то, что в литературном языке наших дней, в типических литературных жанрах и контекстах (т. е. вне специальной сферы) регистрируется употребление огромного массива терминов разных областей знаний и деятельности. Они показали, что львиная доля неологии наших дней — это новые термины (очень выразительный пример этому — словарь «Новые слова и значения», включивший неологизмы 60-х годов). Они позволили обнаружить, что значительная доля семантических изменений в современном языке связана с процессом проникновения терминов в общелитературное употребление, с их детерминологизацией и развитием на их базе новых общелитературных и обиходных значений.

Выявлено было и то в высшей степени примечательное обстоятельство, что в общем языке (и даже в обиходной его форме) получают языковую реализацию не только обиходные понятия, но и понятия научные.² Это свидетельство складывания новых форм речевого опыта современных людей. Наивное видение мира в той мере, в какой оно продолжает твориться в каждую новую историческую эпоху, получает новые черты. У нас часто цитируют известное место из книги М. Борна «Физика в жизни моего поколения» о соотношении «тривиальных понятий, составляющих содержание слов обычной речи», и понятий научных. «В принципе они однородны с абстрактными понятиями науки, — пишет М. Борт, — и отличаются от них только допуском, аппроксимацией, степенью приближения».³ Современность обнаруживает явную тенденцию к сближению тривиального и научного. Отлагаясь в словах общего языка, научные понятия как элементы научного знания начинают «усыновляться» языковой семантикой и стано-

² Интересные наблюдения этого рода сделаны в статье Л. С. Ковтун «Сближение обиходно-разговорной речи с научной» (в кн.: Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии. Пермь, 1972).

³ Борт М. Физика в жизни моего поколения. М., 1963, с. 95.

вятся заметным фактором речевого общения. А отсюда следует, что самый филологический словарь будет сталкиваться с потребностью толковать (и толковать научно, т. е. определять) научные понятия, так как самой логикой развития языка они начинают вовлекаться в сферу языковой семантики. Иначе говоря, научное понятие становится объектом описания общего словаря не только потому, что этот словарь форма в известной мере гибридная, соединяющая собственно литературную (и литературно-обиходную) лексику с лексикой специальной, принадлежащей подязыкам. Научное понятие проникает в заповедные зоны собственно литературного и обиходного языка как часть языковой семантики в той мере, в какой является «языковой» семантика отражения.

Большой положительный опыт можно извлечь, далее, из деятельности терминологов, занимающихся упорядочением научных и научно-технических терминологий (в Комитете технической терминологии АН СССР и ВНИИКИ и других организациях). Принципы их работы, пожалуй, более, чем все другие теоретические штудии, утвердили в общем словарном обиходе представление о том, что определение научного понятия и определение термина (знака этого понятия) — вещи не идентичные. Научное понятие — понятие содержательное, для описания его нужно выделить целый ряд признаков, и связей этих признаков, и отношений данного понятия к существующей системе понятий. Все богатство и глубина такого понятия не укладывается в одной дефиниции, оно требует многих дефиниций для полного своего раскрытия. Описание научного понятия по существу своему энциклопедично.

Дефиниция термина, оставаясь вполне научной, должна указывать лишь на те существенные признаки, которые выделяют данный термин в его терминологической системе. И соотносится такая дефиниция с формальным, а не с содержательным понятием. (Мысли эти особенно отчетливо выражены в работах Т. Л. Канделаки.)

Я не буду вдаваться в обсуждение вопроса о том, является ли на основании всего вышесказанного система значений терминов областью языковой семантики (именно такова мысль Т. Л. Канделаки). Оставляю также открытым вопрос о том, является ли сформулированный таким образом принцип необходимости и достаточности при определении термина единственно возможным, или это лишь научный минимум дефиниции в специальном словаре, нижний ее предел, предполагающий также закономерные с точки зрения специальной различные формы его расширения. Основная цель общелитературных словарей найти именно этот минимум, в пределах которого дефиниция научна (достаточна), но не энциклопедична (т. е. содержит лишь признаки, необходимые для выделения понятия в системе). Существенно для нас и то, что функция такого определения дистриктивна (выделительная, различительная), чем характеризуются в принципе толкования всех языковых значений. Правда, определение термина —

всегда определение логическое (самый распространенный вид его строится на основе подведения под ближайший род и выделения видовых признаков). Но подобные определения широко представлены и в некоторых группах петерминов — в частности в лексике предметной. И в известной степени такие определения в этом разряде слов оптимальны, так как отражают определенную структуризацию лексического состава, разделение его на логико-тематические группы.

В принципе такие определения-дистинкторы для терминов пригодны и для терминологических словарей (по крайней мере некоторых типов этих словарей), и для словаря общелитературного. Но аналогия здесь не полная. И дело здесь не в том, что в определениях терминов в общих словарях довольно часто нарушается принцип необходимости и достаточности по отношению к дефинициям такого рода. Общие словари не заявляют, как правило, особых принципов отбора признаков понятия при определении термина, они просто не всегда знают, что нужно отобрать. Ведь энциклопедии, давая описания различных сторон и отношений понятия, не выдвигают градации признаков — существенных и второстепенных. В последнем издании БСЭ ощутима тенденция давать более систематически краткие дефиниции термина (не понятия!). Но характер этих дефиниций чрезвычайно разнообразен: этимологические и содержательные, научные и обиходные. Нормативы Комитета терминологии ограничиваются определением понятий. Терминологические словари представляют самое пестрое соединение различных принципов и подходов. А ведь научная дефиниция термина начинается со специального словаря.

Различие (но тоже частичное) между терминологическими словарями и общелитературными в определении терминов возникает в связи с требованием «определения в системе». Общие словари включают, как правило, лишь фрагменты терминологических систем. Сообразно принципам отбора слов в такие словари (а они обычно опираются на анализ реальной встречаемости термина в общелитературных текстах) сюда будут попадать и термины-одиночки, и некоторые их совокупности. Применительно к таким совокупностям встает вопрос о том, следует ли учитывать их отношения и связи в научной системе, которую мы обозначаем своей пометой (в геометрии, в биологии, в химии) и которая должна отразиться во взаимной ориентированности их определений. В наших общелитературных словарях этот фактор то учитывается, то не учитывается.

Возьмем, к примеру, такие термины геометрии, как *точка*, *линия*, *плоскость*. Определения БАС (Словарь современного русского литературного языка в 17 томах) отразили соотносительность их в системе геометрических понятий, ориентируя их по признаку «количество измерений». Но в определении геометрических фигур и тел (эта группа терминов представлена в словарях общего языка с исчерпывающей полнотой) идея системности,

отражаемой в дефинициях, сбита. Так, плоские фигуры получают такие определения (по родовому признаку):

Треугольник. Геометрическая фигура на плоскости. .

Круг. Часть плоскости. .

Параллелограмм. Четырехугольник. .

Ромб. Параллелограмм. .

Квадрат. Прямоугольник. .

Трапеция. Четырехугольник. .

В определениях выдвинуто пять различных родовых признаков. У тел:

Шар. Геометрическое тело. .

Цилиндр. Геометрическое тело. .

Конус. Геометрическое тело. .

Призма. Многогранник. .

Куб. Правильный шестигранник — и т. п.

С точки зрения видовых признаков определения геометрических тел распались на две группы: для тел вращения (шар, цилиндр, конус) (с дефиницией: тело, образованное вращением той или иной геометрической фигуры) и для тел, определяемых через признак фигур, ограничивающих эти тела в пространстве.

В МАС (Словарь русского литературного языка в 4 томах) цилиндр из тел вращения изъят и определен как геометрическое тело, образуемое замкнутой цилиндрической поверхностью и двумя параллельными пересекающими ее плоскостями. Шар и конус в МАС — тела вращения.

Мне думается, что учет научных системных связей при определении терминов, относящихся к таким «организованным» совокупностям, вполне уместен и в словарях общего языка. Наши лексикографы много работают сейчас над формами показа в словарных дефинициях структуризации лексического состава, системных отношений в нем. Исключать термины из этой общей тенденции к системности определений из-за того, что система здесь другая, или из-за того, что здесь не вся система, это значит создать участки хаоса там, где имеется самая высокая организация.

Противопоставление общелитературных словарей терминологическим при общем подходе к сущности дефиниции термина (отбор признаков необходимых и достаточных, определение в системе) связано с обязательностью для первых элементов словарной аппроксимации.

Словарная или лексикографическая аппроксимация это целая система приемов обработки научных определений, которая имеет целью согласовать их с нормами (лексическими, семантическими, грамматическими и пр.) общелитературного языка и тем самым облегчить их понимание для читателя-неспециалиста. Лексико-

графическая аппроксимация отличается, таким образом, от естественной языковой аппроксимации, которая представляет собой явление семантической актуализации определенных признаков (или признака) научного понятия в речевом обиходе. Это тоже проблема для словарей, но проблема особая.

Лексикографическая аппроксимация касается разных сторон определения и прежде всего его вербальной формы. Научное определение в общем словаре не должно включать в свой состав слов, которых не будет в этом словаре: это важное правило определений. Всем словарщикам хорошо известны те поистине адские муки, когда дело доходит до определений химических или математических терминов. Внутренний «перевод» научного определения такого рода очень труден и все время грозит опасностью утраты научной сущности его.

Так, в БАС включен химический термин *инверсия*. Энциклопедия определяет его таким образом: «Превращение дисахаридов в моносахариды действием водных растворов кислот и ферментов (энзимов)». В БАС определение переводится: «Преобразование сложных видов сахара в менее сложные под влиянием воды и минеральных кислот». Замена «дисахаридов» и «моносахаридов» (их не будет в словаре) на «более и менее сложные виды сахара», как думается, существа дела не нарушила, только форма «сахара» (ед. ч.) вполне может и должна быть дапа в обычной для специального языка форме «сахаров» (мн. ч.) (специальное значение сахара помещено в нашем словаре).

Но вот определяя термин *гидролиз* под этим углом аппроксимации, мы, как кажется, грешим относительно существа дела. Гидролиз в БАС: «Химическое разложение вещества под воздействием воды». В БСЭ (изд. 2-е): «Реакция обменного разложения между различными веществами и водой»; в БСЭ (3-е изд.): «Реакция полного обмена между различными веществами и водой». Сущность этой реакции, как известно, в том, что при взаимодействии вещества и воды разлагаются и вещество и вода, а в новых веществах, возникших при реакции, обнаруживаются элементы Н и ОН. То, что в энциклопедиях называется «ионный обмен» или «обменное разложение», есть суть дела, а в нашем словаре это отражения не получило.

Существенной проблемой для всякого общего словаря является установление уровня, меры аппроксимации, с которой подходят к терминологической лексике. Для словаря типа Большого академического эта мера, степень допуска меньше, чем в Малом академическом или словаре-однотомнике. Это вопрос адресата, читателя словаря, среднего уровня знаний. Но разная мера аппроксимации в пределах одного словаря — явный недостаток (хотя можно говорить, как кажется, о разной мере аппроксимации применительно к терминам разных наук).

С точки зрения лексикографической аппроксимации приходится учитывать и некоторые структурно-семантические моменты,

а именно несоответствие категорий, под которые подводятся терминологические значения в науке и терминоведении, и тех языковых семантических групп, на которые делится лексический состав, и в частности разряд имен. Эти членения языкового и научного характера пересекаются в таких категориях/группах, как предмет, форма, движение, процесс, явление. Но вот категория величин и единиц измерения в науке и технике весьма отличается от соответствующих языковых групп и их реального (словесного) наполнения. В науке в категорию величин попадает значительное число понятий, в которых помимо качественных характеристик содержится и момент количественный. С точки зрения электротехники и теории электричества *напряжение* тока — величина, *сопротивление* в цепи — величина, *емкость* — величина, *магнитная проницаемость*, *индуктивность*, *частота* — величины. В подобных случаях, определяя термины, составители общелитературных словарей начинают метаться между желанием удерживать специальный смысл в рамках общезыковых категорий и сохранением научности в назывании родового признака.

В БАС *сопротивление* и *проводимость* определяются как «способность» (проводника, тела и т. п.); *напряжение* (физ., электр.) как «состояние» («физическое состояние электричества, которым определяется сила тока»). Мы развели эти имена в их лингвистические дома. Но вот *напряжение* в механике (сопротивление материалов) мы обозначаем величиной. Мне думается, что этот вопрос должен быть изучен специально. Признак — величина, выдвинутый на основании возможности исчисления и измерения степени какого-либо свойства или количественной характеристики состояния, может быть введен в дефиницию лишь на правах сопутствующего, а не конституирующего.

Тем более невозможны в общем словаре определения, которые представляют собой словесное выражение математической зависимости. Так, *плотность*, одно из основных свойств материи (наряду с инерцией, упругостью и т. п.), определено у нас таким образом: *Плотность*. Спец. Отношение массы тела к его объему. (Ср. *Инерция*. Свойство. .; *Упругость*. Способность. .).

Что же касается естественной языковой аппроксимации, то в том случае, если это семантическое явление устойчиво, оно тоже должно найти отражение в дефиниции термина в общелитературном словаре и не должно иметь места в словарях специальных. Так, финансовое понятие *ассигнация* означает распоряжение одного лица другому о выплате денег третьему. Этой триадой признаков *ассигнация* отличается от векселя. В результате бытовой аппроксимации *ассигнация* понимается как «распоряжение о выплате денег». Случаи такого рода представляют один из трудных моментов словарной практики. Дело в том, что большинство контекстов не дифференцируется с точки зрения отношения к этим двум семантическим величинам и они по необходимости объединяются в составе одного словарного определения.

Таким образом, в плане определения терминов общелитературные словари и словари специальные (терминологические) сходятся: 1) в однопакетном подходе к отбору признаков понятия, необходимых и достаточных для его научной репрезентации, 2) в отражении в определениях их системных связей; и различаются по мере применяемой в общих словарях лексикографической аппроксимации и отражения в них аппроксимации языковой. Последнее приводит к существенным вербальным различиям дефиниций и (иногда) к усложнению их структуры. И те, и другие определения научны, и те, и другие не энциклопедичны.

Но общелитературные словари отличаются от специальных и еще одной стороной. А именно закономерным и оправданным с точки зрения их собственных задач обращением к элементам энциклопедизма, т. е. введением в дефиницию термина элементов смысла, признаков сверх тех, которые представляются обязательными для научного определения. В них может смещаться граница достаточного, они могут вторгаться в область понятия содержательного. Мотивация таких введений различна. Она может лежать в плоскости идеологии, культуры и в плоскости собственно языковой. Она может быть связана с определенным типом филологического словаря и тем особым углом зрения на предмет, который для этого типа свойствен. Она может быть связана с определенными разрядами терминов.

Возьмем некоторые примеры. Термин *демократия* в БАС определен таким образом: «Форма правления, при которой верховная власть принадлежит народу; народовластие». Дается цитата из Ленина, в которой демократия противопоставляется двум другим, соотносимым с нею формам правления: аристократии и монархии. Дается далее еще одна цитата из современной политической статьи о демократии в СССР и капиталистических странах. С точки зрения научной дефиниции здесь есть как будто все необходимое и достаточное, а в цитатном материале, который выполняет в словарях существенную семантическую функцию, указания связи данного термина в системе политических терминов. Но бросается в глаза, что круг рассматриваемых текстовых материалов здесь сужен и хронологически стянут к концу XIX — началу XX в., тогда как БАС охватывает хронологически период от Пушкина до наших дней. Если бы мы обратились к картотеке БАС, мы нашли бы там, к примеру, цитаты из Ф. Вигеля (первая половина XIX в.), резко отрицательно высказывающегося о демократии, хотя его критика — не критика буржуазной демократии в духе марксизма-ленинизма, это критика монархиста; и цитаты из сочинений декабристов, Пестеля в частности, для которого демократия — идеал; и цитату из Пушкина («Джон Теннер») об американской демократии «в ее отвратительном цинизме» и т. д. Для обобщения всего этого материала определение должно быть усилено указанием на социальные основы демократии, на ее клас-

совый характер и изменение классовой основы ее в ходе истории (так, как трактует это марксистская теория).

Словарь общего языка строится на многомиллионной картотеке текстов и соответственно отражает многообразный опыт: и достижения, и заблуждения, и знание, и неполное знание, и разные его этапы, и разные системы понятий, и разные идеологии. Определение, строго ориентированное на одну систему понятий, исключает другую систему. При слове *класс* (социальном термине) мы выставили в качестве определения цитату из Ленина. Прием — возможный для филологических словарей; не вызывает, естественно, сомнений и научная верность дефиниции. Но мы потеряли весь материал, относящийся к домарксовому пониманию класса как явления социального. И если определение термина *демократия* следовало бы дополнить марксистским социологическим комментарием, в определение слова *класс* (как социального термина) следовало бы ввести указание на домарксову трактовку этого понятия.

Словарное определение должно учитывать наличие различных систем понятий и находить способы их показа, поскольку все они — формы русской культуры. Особенно остро ставится поэтому вопрос об определении терминов политических. Здесь страшны оба греха: как объективизм, так и схематизм и антиисторичность.⁴ А для избежания этого приходится вторгаться в сферу понятия содержательного.

С разными системами понятий встретимся мы и при определении терминов естественнонаучных. Так, в русской науке XVIII в. понятие *атом* встречается в трех интерпретациях, связанных с тремя научными школами: атом древнегреческих атомистов — материальный, неделимый; атом Декарта — материальный, бесконечно делимый; атом Вольфа—Лейбница — нематериальный. Различие интерпретаций падает иногда на те признаки, которые относятся к сфере содержательного понятия. И тем не менее в определение их приходится вводить.

В. Дорошевский в предисловии к упомянутому выше словарю писал, что в нем не будет энциклопедизма. И при слове *телефон* не будет указано, в каком году он изобретен. Заявление вполне резонное, если иметь в виду современный толковый словарь. Но представим себе словарь исторический, который обязан проследживать и отмечать все факты неологии и факты выпадения слов из словарного состава. Он хронологизирует различные лексические и семантические явления, и для него важно отметить, что *алтын* — монета, которая упразднена в Петровское время, а *ассигнации* — бумажные деньги, введенные при Екатерине. Исто-

⁴ Очень симптоматичны в этом отношении данные, приведенные в докладе М. Карулиса на лексикографической конференции в Риге, об определениях слов *коммунизм* и *социализм* в ряде английских и американских словарей. Эти определения реакционны и совершенно антиисторичны. См.: Проблема толкования слов в филологических словарях. Рига, 1963.

рия вещей важна для истории слов. С хронологическими зарубками в мире вещей нередко связаны семантические явления в мире слов (счет на алтыны сохранился после упразднения монеты, но слово *алтын* в значении счетной единицы стало резко просторечным). Общие словари снабжают датировками многие историзмы и слова, относящиеся к области культуры, проецируя их таким образом на культурно-исторический фон (ср. *казачий круг, масонство, кубизм, тератологический стиль* и др.).

Энциклопедизм в описании реалий прямо постулируется Словарем русских народных говоров, и постулируется вполне правомерно. В проекте этого словаря приведено в качестве образца определение сл. *донце*: «Гладко выструганная, небольшая (около метра длины, 20—30 см ширины) доска с колодкой на одном конце; в отверстие колодки втыкается гребень, на самую доску садится пряжа, которая прядет пряжу».

Исторические словари могут выходить за рамки необходимого и достаточного в определении в своем намерении проследить генезис языковых семантических явлений. Для терминов существенным будет фиксация тех точек смысла, от которых потянутся ассоциации в общий язык. Эти ассоциации служат отправным пунктом в развитии новых (уже не специальных) значений.

Один пример из материалов Словаря XVIII в. — термин *атмосфера*. В содержании этого понятия наука того времени выделяет такие признаки: ее состав (воздух и пары), положение (оболочка земного шара), высота, строение (слои в атмосфере), давление атмосферы, рефракция света, метеорологические явления, «перемешы» в атмосфере (изменение физических характеристик: плотность, температура) и др. Дефиниция этого термина, опиравшаяся на существенные признаки, сходна с современной: воздушная оболочка вокруг земного шара (воздушная, а не газовая, последнее понятие еще не существует). Термин *атмосфера* дает несколько серий устойчивых сочетаний, в которых реализуются лишь некоторые из перечисленных признаков. Ср. следующие сочетательные формулы: Давление, тяжесть, гнетение а.; Слой, пределы а.; качественные характеристики в атрибутивной форме: А. густая, редкая, легкая, холодная, спокойная, мрачная, нечистая. и в форме глагольной: А. нагревается, охлаждается, очищается, освежается и т. п. И вот характерно, что ассоциативные нити потянулись в общий язык, во-первых, от существенных признаков (ср. оболочка — и *перен.* сфера, окружение: «*Это не его а.*»; воздух — и *распр. а. в комнате, дышать одной атмосферой с кем*), а во-вторых, от тех признаков, которые реализовались в названных контекстных связях (ср. *гнетущая а., а. давит, спокойная а., мрачная а.* и т. п.).

Такое выделение языком определенных признаков понятия может быть отражено в определении или представлено в соче-

тательных формулах слова (дополнительной семантической характеристике).

И последний пример — термин в таком филологическом словаре, как словарь писателя-ученого, и его дефиниция. В словаре такого рода при возможной общей семасиологической схеме в рубрикации, отведенной значению, развертывается судьба идеи. Описание термина в таком словаре строится на основе систематизации данных всех имеющихся текстов: обобщающихся в типизированные группы и уникальных, выявляющих существенные признаки и второстепенные, признаки общественно осмысляемые и являющиеся результатом осмысления творчески индивидуального, а также фиксирующие конечный результат и разные этапы осмысления. Право таких словарей на энциклопедичность определений несомненно.

Несколько слов в заключение. Здесь говорилось об антитезе энциклопедическое—филологическое, сформулированной Л. В. Щербой, и ее дальнейшей модификации. Эта модификация — результат развития самого языка и обнаружения ряда новых тенденций в сфере взаимодействия языка литературного и специальных подязыков; эта модификация — результат развития словарного дела в сфере общелитературной и специальной. Противопоставление энциклопедического филологическому, а также энциклопедического научному имеет право на существование только при формулировке целого ряда ограничений.

Н. З. КОТЕЛОВА

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТЕРМИНОВ В СЛОВАРЯХ

I

Термины являются объектом семантического описания толковых словарей и словарей терминологических.

Что касается энциклопедий, то в них инвентаризируются и описываются не языковые знаки, каковыми являются термины, представляющие собой слова и сочетания слов с определенными свойствами, а внеязыковая действительность — люди, предметы, населенные пункты, государства, явления, события, ремесла, отрасли науки и техники и т. д. К словарям обращаются, чтобы получить справку о языке и правильно пользоваться им, к энциклопедиям — чтобы получить справку о действительности и расширить круг знаний о ней.

Описываемые в энциклопедии предметы и явления могут обозначаться отдельным словом, в том числе именем собственным, или развернутым сочетанием слов: *смягчение наказания ниже минимума, поражение током, капитальное строительство в СССР, посев ползащитных полос гнездовым способом* и т. д. Направленность содержания энциклопедической статьи на описание реальных проявляется в игнорировании знаковых свойств обозначений

этих реалий. Индекс приводимых обозначений не содержит производных слов, нет в нем глаголов, прилагательных (вне сочетания), наречий, предикативов, предлогов и союзов, не применяются заглавные буквы при написании собственных имен, характерна форма множественного числа в заголовке, ср. *символисты*, *синицы*, *синонимы*, *понтоньы*, *пони*, *трематодаы*, при этом из текста статьи мы узнаем много о лошадях, называемых пони, или о червях, именуемых трематодами, но не узнаем, как называется одна лошадь и один червь, какого рода эти существительные и т. п. Характерно отсутствие категориального соответствия заголовочного обозначения и описывающей части статьи. Так, *сигнализация* определяется как «условные знаки и системы устройств», отсутствует значение «действие...», хотя именно в этом значении слово употребляется далее в тексте, сигнализация автоматическая — как «подача и воспроизведение...», сигнализация военная — как «передача и приказание...» (при этих объяснениях, напротив, не учтено предметное значение слова), сигнализация железнодорожная — как «система...», морская — как «способы передачи...», оптическая — «средства связи» и т. д. В толковом словаре отмечено употребление слова в трех значениях — 1) 'действие', 2) 'система', 3) 'устройство' (предмет). В энциклопедической статье может отсутствовать соответствие заголовочного слова и дефиниции по числу, ср. *симптом* — характерные проявления и признаки болезненных состояний, *пометы* — термин советской лексикографии, указывающий (?) на сферу стилистического употребления того или иного слова (помимо несоответствия по числу отмечается перебой в отнесенности слова термин к субъекту или объекту описания).

Во многих случаях при обозначении описываемой реалии не только игнорируются знаковые свойства обозначений, но и разрушается существующая языковая норма, что отмечается, например, при изменении в заголовочном обозначении фиксированного порядка слов: *симметрии плоскость*, *поля теории*, *последовательных приближений метод*, *постоянного тока машины*, и даже строго устойчивого порядка слов: *правило статики золотое*, *Провидения поселок* и т. д.

Даваемый в энциклопедии после обозначения реалии текст не является семантической характеристикой этого обозначения. Начинаящая его дефиниция относится к реалии, в том числе и тогда, когда она дословно совпадает с толкованием филологического словаря, что становится явным при развертывании и завершении дефиниции, ср. находящиеся в ее пределах, до поставленной в конце ее точки, указания типа «применяется там-то, имеет такой-то вес, длину, обнаружен тогда-то» и т. д. (см., например, в БСЭ статьи *Символизм*, *Симд*, *Симфонietta* и др.). Часто статья начинается не дефиницией, а общим указанием на реалию, которая затем подробно описывается: *попугаи* — «отряд птиц», *синтоизм* — «религия, сложившаяся в Японии». Если в энциклопе-

дических статьях приводятся синонимы, то не в описании, а как варианты обозначений, т. е. относятся к объекту, а не к субъекту описания.

Направленность энциклопедического описания на реалии только подчеркивается наличием в энциклопедии инородной для нее информации, к которой следует отнести, например, вошедшие в нее слова типа *помпа* (в значении 'помпезность', при этом помета *разг.* отсутствует), *престиж*, *прецедент*, *карьеризм*, *приватный*, *притон* или значения слов *сигнал* — 'первые экземпляры тиража' (также без стилистической пометы), *поприще* — 'род занятий' и под. и переключение описания в таких случаях на разъяснение значений слов.

Все названные особенности, и тогда, когда они являются закономерными, оправданными, и тогда, когда они подлежат, с нашей точки зрения, устранению, являются характерными, обнаруживающими лингвистический характер энциклопедического описания.

Толковый словарь инвентаризирует слова и функционально близкие сочетания слов и описывает слово со всеми его языковыми характеристиками в их пересечении.

Имеется в толковых словарях и инородная информация. Это, например, не лингвистическая интерпретация обозначаемых словом предметов, явлений, оформление заголовков во множественном числе, как в энциклопедиях (ср. в БАС: *антисептики*, *тремато́ды*, *воскресные школы* и т. д.), что создает перебой в сходных словарных формах, ведет к излишеству энциклопедической информации и недостатку лингвистической (толковый словарь не сообщает нам рода и формы единственного числа, например слова *тремато́ды*). Это информация о частотности ситуаций, появляющаяся из-за смещения формообразования и вероятности ситуаций, ср. в Словаре Ожегова указания на отсутствие форм 1 и 2 лица при глаголах *колоситься*, *вытянуться*, *лечь*, *опоясать*, *пасть*, *отсохнуть* (наряду с такими же указаниями при глаголах *очутиться*, *окрыситься*, *убедиться* и под.),¹ хотя при подобных глаголах формы могут быть образованы и употребляются при описании перереальной действительности или в определенных формах речи (персонификация, метонимия, вопрос, негация). Это смешение устойчивости языковой сочетаемости и сочетания реальных, ведущее к нейтрализации критерия несвободности сочетания. Это ремарки, проецирующиеся во внеязыковые сферы, оформленные так же, как и лингвистические ремарки, ср. характеристики слова: «в просторечии», «в сниженной речи», «в устной речи», «в речи военных моряков», «в школьном аргю», «до революции», «в прямой речи», «в сочетаниях» и т. д., и оформленные таким же образом указания, относящиеся к предметам и явлениям, ср. в МАС: *Беглые гласные* — «В русском языке: гласные звуки *о* и *е*, появ-

¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка. Изд. 9-е. М., 1972.

ляющиеся в одних формах слова и исчезающие в других (например: *лоб* — *лба*, *день* — *дня*); Писцовые книги — «В древней Руси: книги, содержавшие перепись различных объектов налогового обложения»; Банк — «В некоторых карточных играх: определенная сумма денег, поставленная на кон»; Стульчак — «В уборной: сиденье с отверстием в середине». Из-за смешения задач энциклопедического и толкового словаря ни один из словарей не описывает правильно такие разряды слов, как этнонимы, названия сословий, партий, естественнонаучные классификационные единицы и под. В предисловии к БАС сообщается, что географические названия не приводятся в словаре, а этнические наименования СССР приводятся полностью по официальному списку.² Неправомерное объединение в одну группу имен собственных и нарицательных, особый интерес к этнонимам и не лингвистический характер источников их лексикографического описания (ср. также исключение специальными параграфами двух инструкций выборки материалов к этнонимам и их производным из литературных текстов),³ отсутствие в предисловии собственно языковой характеристики разрядов слов привели к неправильному пониманию задач словаря читателями, сетовавшими, например, на отсутствие в словаре слова Русь, к перебоям в лексикографическом описании географических наименований и их производных и к направлению лексикографического описания этнонимов по этнографическому руслу. В словарных статьях к этнонимам не ограничены разные слова (*испанцы*, *испанка*, *испанец*), не вскрыта полисемия (3 значения), дивергенция и пересечение грамматических свойств и парадигматических противопоставлений.

Однако в толковом словаре наличие чужеродной информации и имеющая иногда место ущербность информации лингвистической только подчеркивают целостность лексикографического описания знаковой системы.

Таким образом, противопоставление толковый словарь — энциклопедия следует рассматривать как противопоставление описания знаковой системы и описания действительности. Энциклопедия — не словарь и не имеет отношения к лексикографии. Единственный повод считать ее словарем — расположение обозначений описываемых реалий в алфавитном порядке.

Неправомерно также и утверждение о том, что в энциклопедии описываются научные понятия. Наука имеет самое прямое отношение к энциклопедиям, но не к объекту описания, а к самому описанию, т. е. к субъекту описания, — в том смысле, что реалии описываются в научных понятиях, в свете определенных концеп-

² Словарь современного русского литературного языка. Т. 1. 1948, с. VI.

³ Инструкция для выборщиков. М., 1955, с. 9; Разработка лексики и фразеологии современного русского литературного языка. Пособие по выборкам. Л., 1972, с. 35.

ций, теорий, на основе имеющихся классификаций и научных описаний. Между прочим, что подтверждает нашу мысль, сказанное не обязательно, а лишь преимущественно имеет место, обычны и просто фактографические справки о тех или иных предметах, событиях, имеющие слабое отношение к каким-либо областям знаний. Научное познание или информация о фактах направлены в энциклопедиях непосредственно на объекты действительности, а не на понятия. Энциклопедии могут использоваться и широко используются в лексикографии (т. е. при описании не действительности, а знаковой системы), так как являются источником надежных сведений о действительности и содержат нередко хорошие дефиниции, которые хотя относятся и не к значениям слов, а к вещам и явлениям, но могут быть использованы для корректного толкования денотативного компонента лексического значения.

Если говорить о том, где понятия, в том числе и научные, описываются, т. е. являются объектом описания, то они описываются скорее в толковом словаре, во всяком случае утверждать это было бы меньшей ошибкой, чем утверждать принадлежность понятий к объекту описания в энциклопедиях. Понятия, так же как и слова, являются элементами знаковой системы, какой является мышление (или знание — если выделять знание как особую отражательную систему и специфический вид интеллектуальной деятельности). Язык и мышление связаны очень тесно, в толкованиях многих слов трудно отделить толкование значения и понятия. Что касается противопоставлений язык—действительность или мышление—действительность, то они содержат более, чем язык и мышление, отдаленные друг от друга члены противопоставления. Если мы будем утверждать, что, ставя задачу описать в энциклопедии действительность, мы фактически описываем не ее, а наши понятия о ней (значит объектом, областью определения в энциклопедии являются понятия), то неизбежно приходим к идеалистическому пониманию отношения бытия и сознания. Непосредственным объектом описания понятия должны являться в словарях логических (так как логика изучает законы и формы мышления, а понятия составляют инвентарь этой системы) и отчасти философских, отчасти — потому, что философия изучает как законы развития природы и общества, так и законы мышления.

Предпринимаются попытки опровергнуть оценку противопоставления энциклопедия—филологический словарь как противопоставления описания действительности описанию знаковой системы, указывая на то, что и толковый словарь описывает реалии, что доказывается возможностью и даже предпочтительностью раскрытия значения слова картинкой, фотографией. Действительно, основным компонентом значения является депотативный компонент. Именно поэтому, например, дефиниция энциклопедий, имеющая в виду реалию, и дефиниция толкового словаря могут

совпасть дословно, в особенности это касается слов со слабо выраженным «интенционалом». Во многих случаях картинка может использоваться как вспомогательное средство указания значения слова. Однако этот способ в качестве самостоятельного средства раскрытия значения нельзя считать приемлемым. Прежде всего он годится не для всех слов языка. Кроме того, известно, что каждое слово обобщает, и при этом обобщает свойства предметов и явлений не одипаково. Картинка не передает способов и форм такого обобщения. Кроме денотата, существенным компонентом значения слова является смысл, интенционал. Число 5 может быть осмыслено как следующее после 4 число в последовательном ряду чисел или предшествующее 6, как сумма 2 и 3, 4 и 1, как произведение 2,5 и 2, как половина 10, как число пальцев на руке и т. д. Нарисованный на картинке снег у говорящего на языке, имеющем десятки названий для разного вида снега, вызовет ассоциацию с одним словом, у говорящего на другом языке — с другим.

В словаре китайского языка при значении одного из слов, обозначающего часы, нарисованы часы ручные, будильник, термометр. Нужно угадывать, называют ли этим словом еще термометр для измерения температуры тела, барометр, степные часы и т. д. При 2-м значении этого слова нарисовано сооружение в виде башни, однако самое богатое воображение не сможет помочь отождествить эту картинку с каким-либо значением, так как для этого нужно знать и интенционал, и страноведческий семантический компонент значения, который может быть вскрыт только словесным толкованием. Глагол *выбивать* в русском языке обозначает одну и ту же ситуацию во фразах *выбивает ковер* и *выбивает пыль из ковра*, однако глагол в них имеет разные значения, что и отражено в словарях. Наконец, не сформулировав словесно значение и не указав его пределов, объема, мы не сможем оценить вид сочетаемости слова, так как от установления таких границ зависит ответ на вопрос, является ли сочетание данного слова свободным или несвободным, аналитичным или синтетичным и т. д. Что касается терминов, то интенциональная часть их значений более весома, так как понятийный компонент таких слов специально отрабатывается и проецируется на уровень знания.

В некоторых изданиях, например в кратких энциклопедических словарях или в Словаре иностранных слов, сознательно допускается соединение объектов энциклопедий и филологических словарей. В Словаре иностранных слов⁴ такое соединение ничем не оправдано. Отбор единиц в этот словарь осуществляется по чисто языковому принципу: в него помещаются слова, заимствованные из других языков. Описание в нем реалий наряду с описанием значений слов вызывает удивление, ощущается так перебой, нарушение системности объекта (см. статьи к словам *культура*, *ко-*

⁴ Словарь иностранных слов. Изд. 6-е. М., 1964.

мета, коммунизм, кредит, национализм, облигация и мн. др.). Почему описание иностранного слова должно включать в себя и описание обозначаемого явления, предмета, а описание русского слова, обозначающего подобное или то же явление, — только описание языкового значения? Какая здесь логика? Если бы иностранные слова обозначали зарубежные реалии, может быть, удалось бы уловить ход мысли создателей этого словаря, но ведь в действительности это не так.

Терминологические словари представляют собой особый тип лексикографических описаний, они отличны от энциклопедий в том отношении, что их объекты — компоненты знаковой системы, а не вещи-предметы и сходны с ними ориентацией на научные знания в субъекте описания. Со словарями литературного языка терминологические словари сходны по принадлежности их объектов знаковой системе и отличаются от них ареальным захватом объектов (так как не включают нетермины и термины других отраслей знания), преимущественной направленностью на описание понятийного компонента значения (но объекты их — не понятия), большей степенью использования научных знаний в субъекте описания.

II

Остановимся подробнее на семантической характеристике терминов в толковых словарях. Слово-термин, как уже говорилось, описывается в толковом словаре как элемент языковой системы, терминологический его статус отражается в соотносительности понятийного компонента значения с научным понятием, отработанным научным знанием и санкционированным со стороны своего содержания.

Термины могут занимать разные позиции в отношении толкового словаря. Так, какое-либо слово может быть известно только как термин. Здесь прежде всего встает вопрос о включении этого термина в данный толковый словарь. В лексикографии при включении термина в словарь используются такие слабо формализуемые критерии, как принадлежность термина к словарному запасу, освоенному образованным человеком, подбор текстов, служащих источником материалов, характер употребления в тексте и некоторые другие. Не вдаваясь в обсуждение этих критериев, мы остановимся на вопросах семантической характеристики включенного в словарь термина.

Давая определение значения термина, следует опираться на научное его определение. Поскольку существует не один вариант понимания и толкования термина, нужно осуществить выбор одного варианта, сочетая экстралингвистические критерии (авторитетность источников, общеприятность понимания) с лингвистическими (место термина в языковой системе, употребление в речи, регистрируемое по материалам). Вариантность понимания терминов — явление не только распространенное, но и более распространенное, вопреки обычным представлениям, чем вариантность

нетерминов. Она является следствием двух важных характеристик терминов. Во-первых, это их конвенциональный характер. Это не значит, что все термины вводятся конвенционально, существует много терминов, сложившихся исторически независимо от воли отдельных людей (в последнем случае, однако, тоже обязательно санкционированность или принятость кем-либо того или иного сложившегося употребления). Но то, что термины могут вводиться конвенционально, отличает их от нетерминов. В принципе каждый ученый может оговорить собственное понимание термина и пользоваться им в своей работе. Во-вторых, лишь распространением заблуждением является представление об однозначности термина (как в смысле моносемии, в отличие от полисемии, о которой сейчас речи нет, так и в смысле одинакового понимания термина в определенном его значении в случае полисемии), однозначности, выводимой как следствие приписываемой термину истинности отражения действительности. В самом деле, если бы значения терминов отличались истинностью, адекватностью отражения действительности, вариантность или «многозначность» была бы исключена. Однако терминологичность слова — обозначение им единого понятия и истинность такого понятия (истинность отображения в значении определенного кусочка действительности) — разные свойства. В понимании термина отражаются разные этапы желаемого приближения к истине. Значения всех слов статичны как значения отработанной и характеризующей постоянством знаковой системы и подвижны в зависимости от изменения действительности, ее освоения и развития мышления. Значения терминов, сверх того, подвижны в зависимости от движения и разных форм научного знания.

Установленное по специальным источникам и подтвержденное употреблением в текстах определение термина нужно «перевести» на общелитературный язык, используемый при описании слов в данном толковом словаре. Не может вызвать сочувствия утверждение, что «термины, которые отобраны для включения в общечеловеческий словарь, должны описываться в нем точно так же, как они были бы описаны в специальном словаре»,⁵ так как словарем не смогут пользоваться тогда специалисты, а если принять предлагаемое сторошником такого мнения определение слова морфема в специальном⁶ (а значит и в «общечеловеческом») словаре, то и не все специалисты.

Кроме перевода, взятое из специального источника определение, как правило, хотя и не всегда, нуждается в сокращении. Нам представляется, что, не поступаясь в реализации требования адекватности, в толковом словаре можно сократить такое толкование с небольшими потерями в точности и полноте. Вопрос об объеме

⁵ Тезисы докладов на совещании, посвященном проблеме определений терминов в словарях. Л., 1974, с. 40.

⁶ Там же, с. 39.

научной информации при определении значения термина в общем словаре, т. е. о включении тех или иных дифференциальных признаков, найденных знанием, может решаться аналогично отбору в словарь самих терминов или терминологических значений. Большую помощь в установлении такого объема окажет выработанная сетка параметров, по которой последовательно проверяется наличие/отсутствие дифференциальных признаков в значении данного слова. Не нужно только навязывать языку логичность и последовательность такой сетки, если таковая отсутствует фактически. Уточнение самого знания — дело науки.

Описывая термин, нужно иметь в виду все его знаковые свойства. Совершенно необходимо, например, учитывать полисемию термина, в том числе и в пределах одной и той же отрасли знания. Так, например, в философии сложилась весьма драматичная ситуация, заключающаяся в противоречивом освещении вопроса о материальности/идеальности сознания. Между тем эта противоречивость легко может быть снята (что поможет вскрыть подлинную диалектичность вопроса о материальности/идеальности сознания), если контролировать употребление термина *сознание* в разных (4—5) лексических значениях этого слова. Обычны и в языкознании ситуации непонимания, ложных затруднений или получения неверных выводов, возникающие из-за неразличения разных значений таких терминов, как *язык, речь, мышление, система* и др.

Характеризуя термин семантически, нужно заботиться о соответствии определения внутриязыковым семантическим свойствам термина, например, таким, как обозначение им действия или предмета, предмета или совокупности, названия классификационной единицы (превращенного нередко в *Pluralia tantum*) или множества единиц, качественное или относительное значение, использование в первичном, исходном, или вторичном, например методическом и т. д., употреблении. Всякий лексикограф знает, что получаемые от специалистов образцы дефиниций терминов часто оказываются в противоречии с текстовыми иллюстрациями из-за таких несоответствий.

Нужно заботиться об экспликации в определении термина того способа обозначения, который, помимо специфического терминологического способа, характеризует данный термин: самого обычного для терминов — неосложненно номинативного (*нейтрино, дательный падеж*), фразеологического (*части речи, магдебургские полушария*), с актуальной внутренней формой (*квазизвезда, микромир*), переносно-ассоциативного (*скелет почвы, стертая форма*), эвфемистического (*канцер*). Для словаря «Новые слова и значения»⁷ консультант предложил в качестве определе-

⁷ Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов. Под ред. Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина. М., 1971.

ния термина *диод* подробное описание электропной лампы, в котором, однако, не было слова *два* (ср. *диод*) и слова *электрод* (ср. *диод*), что не способствовало пониманию значения этого термина (см. данное в словаре толкование: «электронная лампа с двумя электродами»).

Нельзя согласиться с тем, что «лексическое значение термина равно научному понятию».⁸ В толковании термина должен быть учтен, помимо названных, еще денотативный компонент (отнесенность термина к предмету, явлению особенно ярко выступает при употреблении его в речи), затем компонент сигнификативный, т. е. способ задать предмет, — компонент, имеющийся у всех слов и проецирующийся на уровень мышления. Мы считаем такой компонент самостоятельным, существующим у терминов наряду с особым компонентом — научным понятием, проецирующимся на уровень знания.

Специфика термина усматривается иногда в отсутствии у него «прагматических» компонентов. Разберемся в этом. Теория Ч. Морриса, «в рамках которой языковой знак характеризуется не только именем (означающим) и семантикой (означаемым), но и еще двумя параметрами — синтактикой и прагматикой», оценивается как противостоящая «сосюрвской концепции языкового знака как двусторонней единицы, характеризующейся означающим и означаемым».⁹

Так, к прагматике относят семантические ассоциации (коннотации), которые зависят от «культурных представлений и традиций» и могут быть не связанными со значением и обозначаемыми реалиями. Глаголы *резать* и *пилить* обозначают сходные или даже одно и то же действия, а коннотации у них разные — резкость и боль для *резать* (в боку режет) и монотонность, нудность для *пилить* (вечно она его пилит). Коннотации должны записываться в особой зоне статьи и служить основой определения переносных значений. У терминов, как утверждается, нет коннотаций, если они развиваются, то это означает наличие не-терминологического значения.¹⁰

Ассоциации как семантическое явление известны не одно столетие. В одних случаях они имеют место, когда релевантные для возникновения переносного значения признаки обозначаемого исходным значением предмета являются его семантическими компонентами. К такого рода случаям следует отнести и переносные значения слов *резать* — разделять на части острым инструментом, *пилить* — разделять на части специальным инструментом, применяя однообразные, повторяемые движения. Действия, обозначаемые глаголом, и значения их разные; переносные значения построены на характерных признаках дейст-

⁸ Тезисы докладов... , с. 26, 27.

⁹ Там же, с. 25, 26.

¹⁰ Там же, с. 26.

вий — острота инструмента при выполнении первого действия и продолжительность, однообразие («пудность») — второго. Внимание к содержанию тех или иных ассоциаций помогает правильно оценить значение слова и построить его толкование. В других случаях основой переносного значения могут быть не семантизированные исходным значением признаки обозначаемой им реалии, признаки побочные, второстепенные, не существенные. Указания на них отсутствуют в толковании первого значения, но могут иметься в толковании переносного значения (ср. семантизацию в переносном значении слова *резать* признака «боль»). В тех и других случаях нет оснований для выделения в словарной статье «особой зоны». Не ясно, что там может быть записано. Семантизированные ассоциативные компоненты будут отражены в толкованиях второго или того и другого значения, не семантизированные не релевантны лексикографически (за исключением содержательных и научно подтвержденных этимологий). Таким образом, ассоциации оказываются не вне семантики (означающего), а в ее пределах, и наличие их не «противостоит» учению Соссюра о двусторонности языкового знака.

Природа термина не противоречит наличию у него ассоциаций. Ассоциации — движущая сила развития и языковой семантики, и мышления, и научного знания, и научного поиска. Ассоциации могут быть направлены от нетермина и лечь в основу терминологического значения (ср. значения слов *лабиринт, лад, лапа, лапчатый, оттенок, симметрия, перо, управление, память*), они могут быть направлены от термина к термину (ср. значения слов *метаморфоза, лаборатория, параллельный, перспектива*). Менее обычны, но также имеют место ассоциации, связывающие два терминологических значения (ср. значения слов *точка, информация, объект* и др.).

Лингвистика, формируя свою терминологию, постоянно пользуется ассоциациями, которые нередко являются единственным источником образования термина. Так, превращается в термин метафора *тонкий* (тонкий оттенок значения, тонкие семантические различия), и лингвисты не располагают каким-либо другим термином для обозначения нужного понятия. Ассоциации как субстратный компонент значения термина очень живучи. Под влиянием, например, метафоры, легшей в основу значения термина *управление*, лингвисты все дальше и дальше заходят в тупик в поисках «управляющих» синтаксическими формами сил, давая большую волю своему воображению, так что вызванное к жизни понятие, занимавшее определенное место в научной классификации, оказалось смещенным на весьма далекое расстояние от первоначальной своей позиции.

Не вне значения, а в его пределах находятся и те концепты, которые названы «модальной рамкой».¹¹ Интерпретация

¹¹ Там же.

этого компонента не точна, но обсуждать ее трудно, так как приведен только один пример — предлог *за*. Для предлога *за* требуется указание не на «отношение говорящего или адресата сообщения к ситуации, о которой идет речь», и не на то, что «расстояние от Y до X представляется говорящему не большим (или ненамного большим), чем расстояние от Y до наблюдателя»,¹² а на относительность оценки ситуации в зависимости от точки отсчета. Положение наблюдателя — частный случай точки отсчета. Относительность свойственна многим словам (ср. *передний, левый, следующий, конец, будущий* и т. п.) и обычно отражена в толкованиях этих слов в словарях. Не чужда она и терминам.

Самым важным для терминов является компонент, проецирующийся на уровень знания. Он может включать и такие составные элементы, как идеологические представления (что окончательно убеждает нас в том, что значение термина не инвариантно вообще и в разных языках в частности, ср. определения в словарях разных языков таких терминов, как *пролетариат, философия, капитализм*) или представления об истинности или реальности обозначаемого (ср. *парапсихология, биокинез, гомункул, перпетуум мобиле* и под.). Нужно внимательно следить, семантизованы ли подобные воззрения и оценки, так как часто соответствующая информация дается в толковых словарях без оснований, представляя собой инородные энциклопедические вкрапления.

Резких различий в семантической характеристике термина и нетермина не должно быть также в связи со следующими обстоятельствами: 1) термины включаются в общий толковый словарь в качестве слов, освоенных системой литературного языка; 2) на настоящем уровне развития научных знаний почти каждое наименование проецируется на клетку отработанной научным знанием системы; 3) значения слов-нетерминов уточняются, обогащаются с развитием научных знаний; 4) почти каждое слово общего языка в потенции и реально в подязыке — термин, так как все шире становится охват реалий разными отраслями знаний, появляются и новые отрасли;¹³ 5) противопоставление значений нетерминов значениям терминов по отсутствию/наличию точности несправедливо. Поясним последний аргумент. Значения нетерминов в высшей степени точны, иначе язык не смог бы не только использовать сокровищницу своих содержаний, но и хранить их; точность эта приобретена благодаря многим

¹² Там же.

¹³ Так, приводившиеся выше «инородные» для энциклопедии слова, описанные как слова литературного языка, могут быть и терминами (например, слово *престиж* может быть термином социологии, ср. появившиеся в связи с работами по социологии личности термины *одиночество, дружба, любовь*), и обозначаемые ими явления могут стать объектом энциклопедического описания.

уникальным знаковым свойствам естественного языка и его неповторимой истории развития. Рациональность естественного языка, именно точность его смыслов, используется и наукой (и все больше будет использоваться, у языкознания есть все основания быть такой же междисциплинарной наукой, как математика), многие термины являются словами общего языка, отраженными в своем содержании естественным языком, они лишь санкционированы учеными.

Обратимся теперь к такой позиции слова, когда оно употребляется как нетерминологически, так и терминологически. Нельзя согласиться с тем, что «если одно и то же слово имеет и строго терминологическое, и нетерминологическое употребление (ср., например, существительное *агрессия*), целесообразно выделять у него два разных значения».¹⁴ В действительности здесь возможны три варианта. Первый вариант — это когда тождество значения слова при терминологическом и нетерминологическом употреблении сохраняется. В таком случае дается обычное толкование, имеющее своим субстратом терминологическое определение значения (см. определение значения слова *агрессия* в МАС). Второй вариант имеет место в том случае, когда терминологическое значение шире или, что чаще, уже нетерминологического и денотативная отнесенность не совпадает, или при одной и той же денотативной отнесенности различается осмысление обозначаемого. В обоих случаях в словаре даются разные значения: нетерминологическое и терминологическое. Чрезмерное противопоставление терминов нетерминам приводит к выводу, что при наличии употребления в общем языке и в подъязыках значения всегда расходятся. Ср.: «Следует различать термины и созвучные им выражения обычного языка; так, слово *блокада* может быть точным термином ряда дисциплин (военного дела, международного права, медицины), однако в бытовом языке оно несколько отличается по значению и употреблению от этих терминов. В обычный словарь, скорее всего, следует помещать именно бытовое слово *блокада* и толковать его так, как понимает рядовой посетитель языка».¹⁵ Малый академический словарь поступает правильно, давая разные значения слова *блокада* и толкуя их как термины (медицинский термин *блокада* отсутствует, так как в материалах того времени он не представлен). Что такое «бытовое» употребление слова *блокада*, остается неясным. Третий вариант отмечается в том случае, когда терминологическое значение не принадлежит литературному языку и в словарь не включается: ср. *капля* — «свободный объем жидкости, ограниченный в состоянии равновесия поверхностного натяжения» (БСЭ).

¹⁴ Тезисы докладов... с. 27.

¹⁵ Там же, с. 40.

Практика описания терминов в толковом словаре показывает, что нужно различать кажущиеся тождественными, но в действительности относительно самостоятельные и пересекающиеся свойства слова: характеристика их по обозначаемой реалии, терминологичность и стилистическая маркированность. Требуют дифференциации следующие случаи:

1. Реалии находятся в обиходе какой-либо отрасли знания, но могут обозначаться не терминованным способом и не являться профессионализмами, т. е. не маркированы и стилистически, тогда при описании слова может иметься в толковании указание на локализацию реалии, если такая локализация является дифференциальным признаком.

2. Реалия вообще терминовывается, т. е. имеет терминологическое обозначение, но данное ее обозначение — не термин и не профессионализм той области знания, к которой относится реалия.

3. Слово стилистически маркировано как профессионализм, но не является термином, в словаре нужна только стилистическая ремарка.

4. Слово является термином, стилистически маркированным или стилистически не маркированным (ср. такие термины, как *предложение*, *космонавт*, *число*). Обычные в таких случаях ремарки типа «в грамм.», «в физике», «в механике» и т. п. не являются стилистическими, они указывают на область применения слова.

Неразличение этих ситуаций приводит к неадекватности лексикографического описания терминов, стилистически маркированных слов, слов, обозначающих терминованную реалию или реалию с ограниченным ареалом распространения, так как указанные характеристики, обладая относительной самостоятельностью, могут совмещаться друг с другом в разных комбинациях.

Последний вопрос, на котором мы остановимся, — это вопрос о построении формализованного метаязыка для описания терминологии. Совершенствование языка описания терминов, как и вообще лексикографического описания, — важное дело, осуществление которого уточнит и наши знания об объекте описания. Однако стремление выработать целиком и строго формальный метаязык, который позволит достичь однозначности определяемого и определения, представляет собой задачу некорректную, утопическую. Говоря о формализации языка, обычно имеют в виду введение неопределяемых понятий, устранение синонимии и омонимии, запрещение «кругов», толкование не через ближайший вид и т. д. Однако нужно учесть, что в действительности при определении терминов, как и при определении других слов, нет «перевода знака в знак»¹⁶ (кроме синонимизации в собственном смысле) или толкования знака через «суммы» содержаний

¹⁶ Там же, с. 14.

компонентов (тех же или таких же, которые определяются). Определения, толкования, дефиниции реальных представляют собой речевые сегменты, речевые последовательности, речеописания, т. е. единицы уровня речи, а не языка. Содержания этих единиц не являются аддитивными по отношению к составляющим, они бесконечно разнообразны, они могут отождествлять описываемые единицы с разнообразными внеязыковыми ситуациями и систематизациями ремесел, наук, техники и т. д. Строгость исходных понятий может способствовать, но отнюдь не гарантирует строгости и точности, а тем более адекватности содержания целых речевых сегментов.

Выстроим в один ряд исходных форм слова, входящие в определение термина, взятое из словаря терминов по информатике: *объект, закономерность, действительность, освоение, форма, теоретический, присущий, практический, исходящий, изучаемый, и, из*. Мы не можем гарантировать строгости и точности целого определения, как бы строги и точны ни были эти составляющие его компоненты. Мало того, мы даже вообще не можем отождествить данное в таком виде определение с нужным или вообще с каким-либо определяемым словом, нужно знать, как организованы эти слова в речевом сегменте. Кроме того, действительно ли уж так страшны названные выше недостатки существующей системы семантического описания слов, заставляющие создавать искусственные системы описания? Что касается полисемии, то в целом речевом отрезке нужные значения актуализуются и формализуются, что касается синонимии, то она нужна для характеристики внутрисистемных отношений, «круги» часто оказываются мнимой тавтологией, так как отношение одного из слов определения к определяемому с учетом новых качеств единиц речи по отношению к единицам языка не тождественно отношению к нему содержания целого речевого сегмента. Наконец, не ясно, как могут повысить познавательность и информативность определений терминов с помощью метаязыка вводимые в него неопределяемые понятия.

Наличие у единиц речи новых и бесконечно разнообразных содержаний, порождаемых сложным механизмом, о котором, к сожалению, здесь мы не имеем возможности говорить, по отношению к содержаниям элементов языковой системы объясняет несостоятельность теорий лингвистической относительности (например, гипотезы Сэпира—Уорфа, согласно которой люди находятся в плену расчленений действительности, павязываемых данным языком), с одной стороны, а с другой — в значительной степени нейтрализует результаты попыток создания формализованного метаязыка.

ТЕРМИН В ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ

(к проблеме определения)

Способы определения термина в общем толковом словаре и лексикографические трудности, возникающие в связи с их изысканием, обсуждались в научной литературе не однажды. Академики Л. В. Щерба¹ и А. А. Шахматов, Х. Касарес, В. Дорошевский и другие авторы высказывали свои суждения по этому вопросу и приводили данные лексикографического опыта.

Источником лексикографических трудностей в определении термина является его принадлежность системе специального знания. Занимая определенное место в структуре этого знания, аккумулируя связи с другими элементами его, термин в описании общего толкового словаря требует так или иначе сформулированного отношения именно к этой стороне его онтологической сущности. В этой связи проблема принимает облик противопоставления толкового словаря энциклопедическому словарю, с одной стороны, и специальному — с другой. В ряде случаев такое противопоставление решается в пользу описания содержательного понятия — в словарях специальных и энциклопедических и формального понятия — в толковых словарях. Это самостоятельная проблема, связанная, в частности, и с противоположением исходных принципов и подходов к лексикографическому описанию. Для словарей специальных и энциклопедических исходным моментом описания является понятие (план содержания), некоторая дискретная единица мысли, материализованная в знаке. При этом в специальном словаре структура специального знания (в объеме терминологии) и соответственно система терминов составляют объект описания словаря и почву для определения термина. В энциклопедических словарях присутствует два аспекта: один из них (собственно определение) строится под контролем системы терминов, другой (познавательный) — на базе элементов энциклопедического знания.

Исходной позицией описания толкового словаря является слово (план выражения, в том числе и термин), материализующее в общем употреблении некоторый содержательный комплекс (обозначаемое) как элемент структуры языковой семантики. Последнее наглядно иллюстрируется словарной статьей, в структуре которой слово соотносится с рядом обозначаемых и находят место средства обозначения, выраженные словосочетаниями.

С этими общими и достаточно хорошо известными положениями связано изучение проблемы определения термина в толковом

¹ Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии. — В кн.: Избранные работы. Т. I. Л., 1958, с. 68; Касарес Х. Введение в современную лексикографию. М., 1958, с. 289—299; Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики. М., 1973, с. 253—254.

словаре не только в аспекте названных выше противопоставлений, но и с точки зрения места в системе описания толкового словаря.

В этом случае способы определения термина рассматриваются в ряду типов определений, принятых в системе описания толкового словаря, в соотношении с типами терминосистем и терминов, на фоне неравномерности процесса проникновения терминов в общее употребление и различий в степени освоенности термина системой общеупотребительной лексики. Следовательно, суждению о принципах определения терминологической части лексики в толковых словарях должен предшествовать хотя бы краткий обзор типов определений, используемых ими в системе описания вообще. Правда, при возможности отослать к инструкциям по составлению словарей такой необходимости могло бы и не возникнуть. Однако в современной русской лексикографии лишь часть способов определения значений слов задана концептуально и с большей или меньшей подробностью сформулирована инструкциями. Ее составляют с давних пор разработанные типы определений, которые являются результатами собственно лингвистической процедуры анализа и распространяются на ту часть лексики, которая поддается такой процедуре и семантически исчерпывается ею. Мы имеем в виду словообразовательный анализ и соответственно производную часть лексики, слова, в которых не только материальная сторона, но и семантическая структура моделирована и целиком мотивирована словообразовательно. Следствием такого анализа явились многие типы словообразовательных, или деривационных, определений, в том числе и типовых, сформулированных для категорий слов, образуемых однозначными формантами. Например, «Действие по знач. глаг.», «Свойство по знач. прил.», «Относящийся к...», «Уменьш.-ласк. к...» и т. д. Многие словообразовательные определения распространяются лишь на небольшие разряды слов.

В семантическом анализе производных слов и категорий слов отчетливо определился структурный подход толковых словарей к объекту описания. Типы деривационных определений можно уточнять и корректировать, но они позволяют адекватно описать эту часть объекта со стороны структурно-семантической.

Операция анализа меняется, по остается лингвистической, когда слова соотносятся между собой внутри лексико-семантической парадигмы (синонимической, антонимической). В результате формулируются синонимические или антонимические определения, случаи и условия применения которых также оговариваются инструкциями. Известно, что синонимические и отсылочно-синонимические («То же, что...») определения у некоторых авторов вызывают неприятие как тавтологические и, следовательно, в информативном отношении неполноценные. Это предмет особого разговора. Однако они имеют и свои достоинства, которые заключаются не только в достигаемой с их помощью краткости описа-

ния, но и практически устанавливают системно организованные звенья лексики.

Типы собственно лингвистических определений, построенных на основании установления внутренних отношений между языковыми элементами, не ограничиваются словообразовательными, синонимическими и антонимическими определениями. К ним относятся и такие способы лексикографического описания, которые формулируют словарные определения на основе синтагматических отношений слов. При этом выводятся такие значения, которые реально существуют лишь в связанном состоянии слов, в лексических сочетаниях, серийных или одиночных.

Например: **Брать**. . Овладевать, охватывать (о душевных состояниях). Страх, скука, досада, охота и т. п. берет (БАС, т. I); **Впадать**. . 3. Оказаться во власти какого-либо физического или морального состояния, доходить до такого состояния. Впадать в апатию, в беспамятство, в отчаяние, в уныние и т. п. (БАС, т. III); **Собачий**. . Очень трудный, тяжелый, невыносимый. . (БАС, т. XIV) выделяется из сочетаний *собачья доля, собачья жизнь, собачьи условия*, а значение 'очень сильный' — из сочетаний *собачий холод, собачий голод*; **Желтый**. . Продажный, предательский, изменнический (БАС, т. IV) — из сочетаний *желтая пресса, желтая печать*; **Жгучий**. . Остро переживаемый (БАС, т. IV), значение выделяется из ряда сочетаний, в том числе — *жгучий вопрос, жгучая проблема* и т. д.

Этот прием описания важно отметить потому, что здесь не только формула определения, но и самый объект его, т. е. значение, становится элементом лексикографического описания, текста словаря, так как на лексико-семантическом уровне ему ничто не соответствует. В этих контекстных определениях, которые можно назвать релятивно-синтагматическими, наступает предел лексикографического описания, взятого на лексико-семантическом уровне. Оно переходит на другой объект — серии устойчивых сочетаний слов. Во многих случаях релятивно-синтагматическими определениями фиксируется в словарной статье распад тождества слова: в них не находит продолжения ни один семантический признак «производящего» значения.

В словарной практике может быть пересмотрено отношение к типам синтагматических определений, установлен более адекватный предел лексикографического описания семантики слова, но это не изменит их оценки как определений, построенных на основании собственно лингвистической процедуры анализа, ничего общего не имеющей с логическими подходами.

Однако типы определений, в основе которых лежат языковые отношения между лексико-семантическими элементами (словообразовательные, парадигматические и синтагматические) и лингвистическая операция построения, составляют лишь часть приемов и способов словарного описания, и не основную.

Базисная, непронизованная и немотивированная лексика, значения слов как следствие их соотношенности с объектами действительного мира и результатами познания его определяются иначе. Иные приемы построения характерны для определений слов конкретной лексики, составляющей тематические ряды, и классов слов, организованных на основе лексико-семантических отношений. Однако инструкции не задают типов определений этих классов лексики, ограничиваясь лишь указанием на применение описательных толкований. Такие типы складываются в непосредственном опыте словарного описания, подсказанные разнообразным характером материала. Анализ лексикографической практики, теоретическое обоснование реально примененных в ней типов определений — один из путей восполнения концептуальных пробелов современных толковых словарей.

Анализ позволяет заключить, что слова конкретной лексики распределяются между несколькими типами логических определений. Их составляют родо-видовые дефиниции, или определения через ближайший род и видовые отличия (*Стерх. Белый журавль. БАС, т. XIV; Песец. Полярная лисица. БАС, т. IX*), определения через отношения части и целого (*Обод. Часть колеса...*), определения в широком смысле классифицирующие (так определяются, например, инструменты, орудия и многое другое). Тип преобладающий. Все они формулируются на основе логической операции подведения определяемого под более общий класс на основе общности классифицирующего признака и различия внутри класса на основании отличительных, или дифференциальных, признаков.

Логический характер операции определения слов конкретной лексики объясняется непосредственной соотношенностью их с элементами реальной действительности и воспроизведением в объеме тематических классов отношений между предметами и явлениями реальной действительности.

Семантические единицы, как известно, имеют два параметра: содержания и объема, параметры неязыковые, которые называют иногда качественными и количественными. В операции определения составитель словаря работает с тем и другим. Для значений некоторых слов определения строятся только на параметре объема. Например: *Дети. Сыновья, дочери; Родители. Отец, мать (по отношению к детям)*. Определений через объем, или перечислительных, немного.

В логических, классифицирующих типах определений обобщающие слова называются словами-определителями (инструмент, орудие, средство, устройство, агрегат, одежда, обувь, мебель, животное, растение и т. д.). И исчисление таких определителей является важнейшей вспомогательной процедурой семантического анализа, как правило, адекватной классификации на тематические группы.

Логические типы определений следует отличать от описательных, так же как в логике терминологически различаются описа-

пие и определение. Описание применяет любой набор признаков, в любом объеме. Оно помогает уяснить содержание предмета, но не дает того, что требуется от определения, не строится по перечисленным выше правилам как логическая форма высказывания. Описательные формы определений в толковых словарях применяются в ряде случаев, когда не имеет обозначения обобщающий класс или такового не существует. Например, для некоторых существительных оно дается по формуле: «тот, кто...», для прилагательных: такой, который... и др.

Следует обратить особое внимание на идентифицирующий тип определений, который строится на основании комплексного использования параметра смысла и объема номинации.

Возьмем, например, не однажды использовавшийся в научной литературе семантический параметр совокупного множества, в обобщенном значении представляемый словом *совокупность*. Семантический элемент в нем не ограничен: **Совокупность**. Неразрывное соединение, сочетание чего-либо. «Чего-либо» в определении подчеркивает безразличие определяемого к объему.

Иначе выглядят определения, где семантический признак совокупности представлен в ограниченном объеме. Например: **Общество**. 1. Совокупность людей, объединенных определенными отношениями (БАС, т. VIII); **Кампания**. 1. Совокупность военных операций, объединенных общей целью... (БАС, т. V); **Репертуар**. 1. Совокупность пьес, музыкальных и иных произведений, идущих в театре... (БАС, т. XII); **Набор**. 2. Совокупность предметов одного назначения, составляющих что-либо целое (БАС, т. VII); **Группа**. 2. Совокупность людей, объединенных общностью интересов профессии, деятельности и т. п. (БАС, т. III); **Комфорт**. Совокупность бытовых удобств; уют (БАС, т. V).

Совокупным может мыслиться все материальное и все духовное в равной мере. Потому примеры столь разнотипны, хотя и все — совокупности. Может показаться, что перед нами тот же самый тип определения, что рассмотрен выше: классифицирующий. Однако совершенно ясно, что слова *комфорт*, *общество* и *репертуар* не составят тематической группы. Как содержательные отдельные, как жесткие предметы или (что одно и то же) как обозначаемые в таком, а не ином объеме они сформировались языковой деятельностью номинации. Следовательно, мы имеем дело не с предметным объемом, как в словах конкретной лексики, а с объемом номинации, признаком структурно-семантическим. Объем номинации ограничивает семантический признак по-разному. По-разному, часто ремарками (о том-то) это выражено в определениях. В принципе же составитель словаря здесь имеет дело с классами слов, в которых соотношение семантических параметров признака и объема формируется языком. Поэтому операция определения переключается с логической процедуры подведения под более общий класс на лингвистическую процедуру идентификации по смысловому компоненту. Он пересекает слова

разных тематических классов, в идеале должен быть точно формулирован, и в этой одной формулировке проведен в определениях всех слов, находящихся на линии пересечения. В отличие от классифицирующего типа определения здесь мы имеем дело не со словами-определителями, а со словами-идентификаторами.

Тип идентифицирующего определения завершается в значениях слов, которые в толковом словаре упорядочены пометой «перепосное». Но это уже самостоятельная проблема семантического анализа.

В итоге краткого обзора следует обратить внимание на то, что инструмент лексикографического описания складывается из двух классов определений, подразделяемых в свою очередь на типы: 1) определения лингвистические как следствие лингвистических операций анализа: деривационные (с подклассами), синонимические, антонимические, релятивно-синтагматические и идентифицирующие; 2) определения логические: обобщенно-классифицирующие, родо-видовые, через отношение целого и части, через объем и описательные. Набор дополняется множеством комбинированных определений и немногими определениями энциклопедического характера.

* * *

Общий обзор инструмента описания, применяющегося составителями современных толковых словарей, дает возможность рассмотреть, как распределяется терминологическая часть словарика толковых словарей между перечисленными типами словарных определений, что нового, специфического вносит она в лексикографическое описание.

Ответы на поставленные вопросы связаны прежде всего с типологической дифференциацией терминов, в общей массе которых (без учета пометов) обычно различаются предметные термины и собственно термины.

Становление последних, как правило, связано с работой мысли по формированию абстрактных предметов на базе отвлечения признаков (процессуальных и непроцессуальных), свойств и отношений от классов конкретных предметов. Т. е. собственно термин связан с более высокими уровнями абстрагирующей работы мысли. Материализуя абстракцию, он ограничивает ее применительно к определенной области знаний, формирует «жесткие» предметы мысли, дискретные единицы ее.

Естественно, поэтому, что предметные термины тяготеют к классифицирующим типам определений, а собственно термины — к идентифицирующим. Причем следует учитывать, что предметные термины, как и конкретная лексика, делятся на обозначения природных предметов и предметов, созданных человеком. Опыт разложения на структурные составляющие показывает, что те и другие представляют собою многообразные комбинации в принципе исчислимых элементов. В первом случае комбинации

и сами элементы сложнее, во втором — проще. Так, все предметы, созданные человеком, имеют признак предметности, практическое назначение, материальную основу, определенное устройство, размер и форму, отличаются способом изготовления или применением для этого различных инструментов, способом использования или действия, так или иначе воздействуют на органы чувств, тем или иным образом связаны с другими предметами. И в принципе это весь перечень основных элементов, комбинации которых (с учетом бесчисленных модификаций каждого из них) составляют многообразный мир предметов. Из числа этих элементов отбираются признаки для построения содержательных интерпретаций предметных терминов. И степень детализации любого из названных элементов может служить мерилем специализации определения.

Терминологическая часть словника многочисленна. Однако очень немногие специальные области знания представлены в ней с такой широтой, чтобы можно было построить на материале словника толкового словаря хотя бы каркас терминосистемы. К таким относятся давние и постоянно актуальные области знания, такие как сельское хозяйство и агрономическая наука, горное дело, или весьма популярные, как спорт. В основном же проникает в общее употребление незначительная часть терминов из каждой терминосистемы. Однако общенаучные и общетехнические термины именно по причине «общности», как правило, являются достоянием общеупотребительной лексики и словника толкового словаря, например: *устройство, приспособление, установка, инструмент, орудие, агрегат, прибор* и т. д. Они организуют тематические группы на почве общего употребления терминов разных специальностей. И для этих групп терминов оказываются словами-определителями, названиями обобщенных классов, под которые подводятся определяемые термины. Например: **Радар.** Радиолокационная установка; **Синхронизатор.** Устройство, обеспечивающее синхронное действие чего-н.; **Фотоэлемент.** Электронный прибор, в котором электронный поток или электрический ток управляется светом; **Циклотрон.** Установка для ускорения тяжелых заряженных микрочастиц; **Ускоритель.** Устройство, установка для ускорения какого-н. процесса, движения чего-н. (Примеры из Словаря Ожегова).

Обычно при обсуждении вопроса о способах определения терминов (и петерминов) и их достоинствах основное внимание уделяется той части, которая формулирует отличительные дифференциальные признаки. Вероятно, потому, что именно здесь допустимы более широкие пределы описательности в связи с оценкой определения со стороны достаточности. Именно здесь возникает опасение впасть в энциклопедичность или вторгнуться в область признаков узкоспециальных.

Однако и слово-определитель как обозначение именно того обобщающего класса, под который следует подвести то или иное

определяемое, слово, обозначающее нужную тему, по-видимому, не во всех случаях можно найти без затруднений, о чем свидетельствуют нередкие ошибки в толковых словарях. Например: **Ключ**. Металлический стержень особой формы для отпирания и запираания замка (Сл. Ожегова), хотя: **Отмычка**. Инструмент в виде крючка, которым вместо ключа можно открыть замок (там же). Во всяком случае, хотя материал и подсказывает лексикографу, задача отбора слов-определителей должна быть специальной задачей словаря, как и деление конкретной лексики на тематические классы. О том, что типы слов-определителей в соответствии со способами определений должны соотноситься и стать специальной задачей словаря, свидетельствуют и другие примеры: **Колесо**. Круг, вращающийся на оси и служащий для приведения в движение повозки или механизма (Сл. Ожегова).

В связи с тем, что все производимое человеком создается с какой-то целью и имеет свое назначение, из набора составляющих предметные термины и конкретную лексику элементов ведущим является функциональный, потому обобщенно-функциональные обозначения чаще других оказываются словами-определителями и организуют тематическую группу. Обозначения других составляющих выступают в этой функции спорадически (форма, конструкция, материал могут меняться, а функция предмета остается). Другие содержательные элементы чаще служат основой для составления дифференциальной части определения. Из приведенных выше примеров видно, что она довольно скупа, так как детализация дифференциальных признаков ведет к специализации определения. Кроме того, нельзя забывать, что дифференциация признаков в определениях толкового словаря должна производиться внутри общезначимой тематической группы (устройств, установок, инструментов, приборов и т. д.). Иногда она бывает такой, какая не нужна в специальных словарях. Например: **Культиватор**. Сельскохозяйственное орудие... Дифференцирующий признак «сельскохозяйственное» слово получает в тематической группе орудий вообще, а не в сельскохозяйственной терминологии.

Что же касается класса природных предметов, то операция их определения связана с другими трудностями.

Сложные по своим свойствам, они, как правило, являются объектом изучения разных наук и соответственно формирования различных понятий, каждое из которых может быть предметом заимствования в общий язык.

Например, все то, что в химии рассматривается в качестве химических элементов и дифференцируется по химическим свойствам (атомный вес, способность к окислению, к поддержанию горения, радиоактивность и т. д.), в металлургии дифференцируется по физическим свойствам (ковкость, теплопроводность, агрегатное состояние, цвет, запах и др.), а в технике и в быту, согласно этим свойствам, различается областью применения.

Растения и животные в биологии классифицируются по биологическим признакам, в агрономии и сельскохозяйственной практике получают свои характеристики с точки зрения культуры разведения, хозяйственного использования и т. д.

Хозяйственное применение предметов обозначения столь широко, что большая часть состава этих терминосистем является органической частью общеупотребительной лексики. Сложность лексикографического описания этих классов слов состоит в том, что с ними приходит неполное знание из тех специальных отраслей, которые они обслуживают терминологически. Кроме того, различна степень и область практического применения химических элементов, а вместе с тем и освоенность терминов общим языком. Все это отразилось в пестрой картине определений.

Одни слова определяются как термин разных специальностей. Например: **Ванадий**, 1. *Хим.* Химический элемент, принадлежащий к группе фосфора. 2. *Металл.* Твердый металл, имеющий применение при изготовлении высококачественной стали (БАС, т. III), **Вольфрам**. 1. *Техн.* Тяжелый тугоплавкий металл серо-стального цвета, употребляющийся при изготовлении инструментальной качественной и магнитной стали. 2. *Хим.* Шестиатомный элемент с указанными выше свойствами (БАС, т. III). В них совмещается и указание на область и способы технического применения.

Другие определения отражают только химические характеристики терминов. Например: **Актиний**. Один из радиоактивных элементов; **Бром**. Химический элемент из группы галогенов; **Калий**. Химический элемент, относящийся к группе щелочных металлов; **Тулий**. Химический элемент; **Мышьяк**. Твердое ядовитое вещество. Для бериллия, золота, алюминия, свинца определителем избирается слово металл, а железо, магний, кальций, медь, уран — химический элемент, металл. **Кислород**. Газ. химический элемент; **Азот**. Газ. .

По набору отличительных признаков определения также очень различны. Кислород и азот характеризуются с точки зрения физических (цвет, запах) и химических свойств. Другие элементы характеризуются с точки зрения только физических свойств: цвета (серебро, свинец) или ковкости, вязкости, цвета (медь, золото), в определениях других акцент делается на химических свойствах (уран, актиний), в третьих — свойства химические и физические комбинируются с указанием на область применения (титан, сера).

Определения одного и того же слова в разных словарях оказываются несоизмеримыми. Например, в БАС: **Золото**. благородный металл желтого цвета, обладающий большой гибкостью, ковкостью, тягучестью; в словаре Ожегова: **Золото**. Драгоценный металл желтого цвета, употребляющийся как мерило ценностей и в драгоценных изделиях. В МАС признаки суммируются.

Здесь не только обобщающая и дифференциальная части определения требуют соотнесения и упорядочения, но отдельному

обсуждению подлежит также вопрос о принципиальной возможности или невозможности связывать слова-определители с одной специальной областью, скажем, химией (химический элемент), а внутри этого класса различать по физическим свойствам и области применения. При этом следует учитывать, что большая часть рассмотренных слов обобщается и термином «полезные ископаемые» и все, что человеком берется из природы, обязательно чему-то служит. Но если сделать акцент на этом моменте, то пригоден ли в качестве определителя термин «химический элемент»?

Можно ли считать, что в словах общего языка (железо, медь, золото и др.), которые одновременно являются и терминами, все привнесенные из разных специальных областей признаки в комплексе с содержанием, давно известным общему языку, составляют одно обозначаемое и, следовательно, могут толковаться как единое значение? Эти и другие, не предусмотренные здесь вопросы могут быть предметом обсуждения при работе над совершенствованием словарей в этой области.

Аналогичного подхода требуют и определения слов-обозначений растений и животных. Например: *Василек*. Однолетнее сорное растение сем. сложноцветных... (БАС, т. II); *Куколь*. Травянистое растение сем. гвоздичных, с малиново-розовыми цветками и ядовитыми семенами; сорняк, растущий среди злаков (БАС, т. V); *Осот*. Крупное сорное травянистое растение из сем. сложноцветных.

Ботаническая классификация (сложноцветные, гвоздичные) не предполагает оценки растений как сорных и культурных. Она исходит из биологических свойств и отражает объективную точку зрения природы. Культура земледелия вносит поправки. А какую позицию должен занять словарь? В определениях слов *василек* и *осот* игнорируется разная специальная принадлежность признаков: они объединяются в одном определении как признаки обобщающий и дифференциальный. В определении слова *куколь* даются две части, соответствующие точкам зрения двух специальностей.

Типологически определения рассмотренных классов слов относятся к обобщенно-классифицирующим. В некоторых случаях применяются определения через ближайший род и видовое отличие. Например, выше приведенные определения *песца* и *стерха*, а также *актиния*.

Определяются в толковых словарях термины и с помощью установления отношений целого и части, т. е. другого типа классифицирующего определения (см. *аванпорт*, *аванзал*, *авансцена*). Перекрестно-отсылочные определения применяются в тех случаях, когда из какой-либо специальной терминологии заимствованы дублирующие термины. Например, математические *двуучлен* и *бином*. Встречаются также определения аптонимические. Например, *тезис* и *антитезис*, *гомогенный* и *гетерогенный*.

Определений терминов через предметный объем понятия толковые словари почти не применяют. Хотя есть такие термины, которые иного определения и не могут иметь. Например, *материя* как философская категория. Нет для него более общего понятия, и только указание на объем может как-то определить.

Из классов собственно терминов для филологического словаря наиболее, пожалуй, интересны такие, которые, входя в общее употребление, находят место не в тематических группах общеупотребительной лексики, а на одном из семантических пересечений. Такие термины получают идентифицирующие определения. Например: **Климат.** Совокупность метеорологических условий, свойственных данной местности; **Синдром.** Совокупность симптомов, характерных для какого-либо заболевания; **Множество.** 2. В математике — совокупность элементов, выделенных по какому-либо признаку в обособленную группу; **Агрегат.** 1. *Минер.* Совокупность отдельных кристаллических зерен, напр., мрамор. 2. *Техн.* Соединение нескольких машин в одно целое для производства одной работы.

Или: **Старт.** Начальный момент спортивного состязания, а также момент взлета летательного аппарата; **Пролог.** 1. Вступительная, вводная часть литературного или музыкального произведения или спектакля; **Прелюдия.** Вступительная часть к музыкальному произведению; **Интродукция.** Короткое музыкальное вступление, предшествующее основной части музыкального произведения. Сюда же — *увертюра, предисловие.*

Или: **Финиш.** Заключительная часть спортивного состязания на скорость; **Эпилог.** Заключительная часть художественного произведения.

Первую группу терминов (*климат, синдром, агрегат, множество*) организует общий для всех семантический компонент совокупного множества; вторую (*старт, пролог, прелюдия, интродукция, увертюра, предисловие*) — семантический компонент — начало, вступление; третью (*финиш, эпилог*) — завершение, окончание; группу *зенит, апогей, кульминация* — высшая точка.

Общие семантические элементы в терминах не дают, однако, общего значения, так как в различных специальных областях этот признак жестко терминирован разнонаправленным объемом номинации.

Общность семантического признака терминов разных специальностей проявляется на почве общеупотребительной лексики не только как идентифицирующая часть определения, но и в их семантических деривациях, в совпадающих по смыслу «переносных» значениях.

Операция определения такого класса терминов, в отличие от ранее рассмотренных предметных, переключается на лингвистические позиции идентификации. Составляющие определение части соотносятся как обобщенный смысл и ограничивающий его по-разному во всех случаях объем номинации, т. е. оно построено на основе структурно-семантических составляющих.

В инструкциях толковых словарей «рекомендуется давать развернутые описательные определения»² терминам процессуального значения, в отличие от нетерминов этого типа, получающих словообразовательно-грамматическое определение по модели: «Действие (состояние) по знач. глг. . .». Например: **Торможение**. . . 1. Действие по знач. глг. тормозить; замедление, задержка. 2. В физиологии — активная задержка деятельности нервных центров или рабочих органов (мышц, желез); **Окисление**. Химическая реакция соединения вещества с кислородом. См. также *излучение, извержение, известкование* и др. Немало и случаев нарушения принятого правила (см. *окольцовывание, окультуривание* и др.), которое вызвано тем, что специальная область знания обычно приспосабливает процессы, специализует их, придает дополнительную направленность (см. *торможение*). Например, окольцовывание — не просто надевание кольца птице на лапку, а снабжение знаком путем указанной операции.

Таким образом, в принципе этот класс собственно терминов определяется также с помощью идентифицирующего типа определений, в которых специфика процесса содержится в дифференциальной части, а идентификатором служит слово обобщенного смысла (не класса).

Все классы терминов рассматриваются (или должны рассматриваться) в тематических или лексико-семантических парадигмах и анализируются путем соотнесения знака с обозначаемым (с предметом действительным или конструированным мыслью), дифференцируются по отличительным признакам от других терминов парадигмы. Контексты служат для установления или подтверждения терминологических значений (показания словарей, учебная литература, специальные и научно-популярные тексты или тексты художественные, тематически связанные с соответствующей специальностью). Поэтому в наборе определений терминов отсутствуют определения релятивно-синтагматические, которые соотносят слово с устойчивыми контекстами его употребления.

В разное время из разных специальных отраслей вошли в обиход язык агглютинирующие части словосложений, а с ними — и модели образования таких сложений. Это хорошо известные *анти-, аэро-, баро-, био-, зоо- изо-, макро-, микро-, гидро-, космо-, ультра-, супер-, транс-, контр-* и т. д. Модели сложений и сами сложения заняли соответствующее место в словниках толковых словарей. В наборе определений прибавились модели типовых определений, отражающие однозначные отношения между частями сложений, обильно возникающих в разных отраслях знания с помощью этих структурных элементов.

² Инструкция для составления «Словаря современного русского литературного языка» (в пятнадцати томах). Л., М.—Л., 1958, с. 34.

Типы определений терминов-словосочетаний составляют самостоятельную проблему со своими особенностями и должны рассматриваться отдельно.

О. С. АХМАНОВА, С. А. ТЕР-МКРТИЧАН

НАУЧНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ И СЕМИОТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Вопрос о научном определении неоднократно исследовался и обсуждался представителями различных наук, причем особенно много сделано для того, чтобы раскрыть семиотическую сущность научного определения. Имеется ряд серьезных исследований, которые посвящаются разным типам определений, существует разработанная классификация и весьма солидный инвентарь (реестр) названий (или «метаязыковых обозначений»), которыми пользуются, чтобы называть разные виды определения или выявлять разные аспекты одного и того же определения.¹ Так, кроме энциклопедических и филологических определений, выделяются интенсивные и экстенсивные, формальные (экстенсиональные), содержательные (интенсиональные, или «смешанные», по терминологии Х. Касареса), толковые семантические определения, нормативные семантические определения, констатирующие семантические определения и переводные определения.

Мы исходим из двойственной природы научного определения и считаем, что оно лежит как бы на грани лингвистики и семиотики. Поскольку научное определение выражается языковыми средствами, оно относится к языкознанию. Соотносясь непосредственно с предметом научной мысли, оно имеет и другую обусловленность. Иначе говоря, в нем раскрывается двусторонняя связь, т. е., с одной стороны, с языком, а с другой стороны, с определяемым «предметом».

Вполне понятно, что всякое определение предполагает наличие определяемого. Иными словами, исследователь исходит из дихотомии, во-первых, наличия какого-то предмета мысли, которое подвергается определению, и, во-вторых, самого определения. Однако для того, чтобы эта связь (или эта дихотомия) могла реализоваться, необходимо, чтобы существовала так называемая «знаковая ситуация».

Сущность этого вида отношения заключается в следующем. В определенных случаях или определенных ситуациях человеческой жизни по тем или иным причинам становится необходимым

¹ Особенно подробно этот вопрос рассматривается в статьях Д. И. Арбатского «О действительной и мнимой тавтологичности семантических определений», «О специфике семантического определения и его функциональных типах» (ВЯ, 1973, № 5), которые можно считать отражением современного состояния науки в данной области.

создание определенного «выражения», т. е. коммуникативное использование определенной системы различных сигналов, для передачи того или другого сообщения. «Знаковые ситуации» — это, следовательно, такие условия или особенности социальной жизни, в которых объективно существующие предметы требуют установления научно обоснованного соотношения между ними и выражения этого соотношения соответствующими «сигналами», т. е. утверждениями, замечаниями или предложениями, которые призваны «словесно» раскрывать сущность этих предметов. Из миллиардов разнообразнейших жизненных ситуаций вполне определенно выделяются такие, в которых непосредственное восприятие либо заменяется, либо восполняется посредничеством той или иной семиотической системы. Иными словами, как только мы начинаем называть, определять, привлекать какие-то словесные или, иначе, знаковые (семиотические) средства для идентификации данного предмета или предметов, непременно возникает именно данный вид ситуации.

Заметим, что научно организованная терминология должна обладать такими свойствами, которые раскрывали бы знаковый характер данной ситуации вполне эксплицитно. Но научная терминология по природе своей «дефинитивна», и вне системы определений нет и системы терминов. Поэтому такое большое значение приобретает вопрос о семантическом соотношении определения и определяемого. Хорошо известно, что именно данная область семиотики² оказывается наиболее существенной и важной для разработки проблемы семантической эквивалентности (*meaning equivalence*), т. е. проблемы, которой занимаются в разных ее аспектах многие лингвистические направления. В частности, попытки выяснить природу так называемой глубокой или глубинной структуры по существу предпринимаются исходя из понятия семантической эквивалентности или даже семантического тождества: только принимая возможность создания таких сообщений, которые были бы если не тождественны, то хотя бы эквивалентны друг другу, можно обсуждать вопрос о том, как соотносится «глубинная структура» с ее «поверхностными реализациями». Хотя у нас этому до сих пор не выясненному термину — «глубинная структура» и отдается предпочтение, было бы гораздо полезнее и плодотворнее, если бы, ища названия для того «фонового» содержания, которое должно, по идее, служить в качестве основы для семантического сближения тех или иных языковых и соответ-

² Слово («заголовочное», *heslo*) и его определение, с точки зрения семиотики, должны быть связаны «законом обращения планов», ср.: Степанов Ю. С. Семиотика. М., 1971, с. 129—137. Каждому, кто когда-либо составлял словарь, вполне понятно, что определение не может не включать слов, данных на своих местах в словнике. В терминологических словарях это не только неизбежно, но и помогает глубже понять ту лексическую систему (или «подсистему»), которую описывает данный словарь.

ствующих речевых единиц, мы обращались к метаязыку советского языкознания.

Когда мы подходим к вопросу об определении и его природе с позиций общей теории знаковых систем, при современном развитии семиотики мы оказываемся вынужденными ограничиться лишь такими его (т. е. определения) наиболее общими свойствами, как способность указывать на те или иные предметы мысли в пределах данной системы семиотически-релевантных противопоставлений. Мы можем также определять преимущества той или иной конвенциональной знаковой (соответственно металингвистической) системы, разрабатывать предложения дальнейшего ее усовершенствования и т. п. Но, понятно, нас, как лингвистов, больше всего интересуют наиболее конкретные, собственно лингвистические вопросы. Иными словами, определения интересуют нас не как предмет более широкого и отвлеченного обсуждения, но прежде всего в плане их конкретной разработки и, что самое главное, определенного влияния на практику составления словарей и разработки оптимальной системы определений в научных монографиях. Последнее, понятно, особенно важно для новых научных областей, т. е. для тех разделов науки, которые впервые доходят до уровня собственно научного знания, вырабатывая свою систему категорий и свой метод.³

Хотя мы, таким образом, должны фиксировать внимание на более конкретных и собственно лингвистических аспектах изучаемого нами вопроса, тем не менее и для нас необходима четкая формулировка тех общих положений, из которых мы исходим. Суммируя сказанное выше, к таким вопросам следует отнести понятие «знаковой ситуации» и характер отношений между определяемым и определением, которые не только позволяют, но и требуют рассмотрения более широкой проблемы, а именно вопроса о «семантической эквивалентности».

Что касается последнего из этих вопросов, то он ставится обычно в общефилософском плане: каково соотношение между семантическим подобием или даже семантическим тождеством, с одной стороны, и тавтологией — с другой. То, что последняя трактуется обычно как «неоправданная избыточность выражения»,⁴ показывает, что в основном это понятие имеет как будто бы пейоративный смысл. Но в случае сопоставления термина с его определением термин «тавтология» не только можно, но и нужно употреблять. Ведь речь идет именно о том, чтобы выразить «то же самое».

³ Материалом нашего исследования явилось большое количество текстов по математике и экономической кибернетике на английском языке, составивших исходный материал для частотного словаря по кибернетике. См. программы и методику в коллективной монографии: Английские тексты по экономической кибернетике. М., 1972.

⁴ Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, с. 467.

Перейдем теперь к рассмотрению языковедческих методов исследования проблемы определения или лингвистического подхода к ней и того, что конкретно это значит.

Во-первых, это вопрос о том, к какой из основных лингвистических категорий следует отнести определение. Является ли определение предложением или словосочетанием? Если же это не предложение и не словосочетание, то что это такое? Исследуя данный вопрос, мы пришли к выводу, что определение — это особый вид словосочетания, так как это номинативная, а не предикативная единица в обычном смысле слова. Правда, и здесь возникают трудности, ибо определение очень часто включает в себя глагол в личной форме, который, таким образом, как будто бы выражает предикацию.

Особый интерес в этой связи представляет «бытийная» предикация определения, которая носит настолько своеобразный характер, что подвести этот вид предикации под обычное понимание этого явления, т. е. как соотнесение с действительностью, включающее отношение говорящего и прямую, т. е. не косвенную модальность, очень трудно. Иными словами, если в предложении предикация обязательно соотносит высказывание с некоторой мыслимой ситуацией, вполне определенно координированной в пространстве и времени, то в составе определения (хотя предикация как будто оказывается и выраженной вследствие наличия глагола в личной форме) она носит настолько вневременной и оторванный от говорящего характер, что по существу создает совершенно особый синтаксический тип, который, по-видимому, следует рассматривать как особого рода словосочетание.

Из сказанного ясно, что очень большое место в нашем исследовании уделяется проблеме синтаксической структуры определения в связи с формой и содержанием того глагола в личной форме, который является его стержнем. Мы столкнулись здесь с очень интересным явлением. Оказалось, что наряду с глаголом-связкой, который должен был бы быть единственным средством выражения «предикации в составе определения», имеется целый ряд глаголов, которые выступают в этой функции. Из зарегистрированных папп глаголов (исследование проводилось на материале английского языка) приведем следующие: call, consist of, classify, define, deal with, have, know, mean, represent, refer, say, term, use. При этом здесь возникает целый ряд интересных явлений. Дело в том, что определения, которые мы находим в научно-технических словарях, неизбежно опираются на те определения, которые впервые создавались или продолжают создаваться для новых отраслей науки в соответствующих монографиях.

Отсутствие четких теоретических обоснований основных принципов построения определения приводит к тому, что даже в словаре, где требуется совершенно «деперсонализированная» речь, полностью отвлеченная от каких-либо прагматических или дейк-

тических моментов, определения несут на себе печать личной речи данного ученого. Сравнение двух лингвистических словарей показывает нам это (см. с. 62—63).

Мы так подробно остановились на том аспекте нашей проблемы, который можно было бы назвать «глаголы в составе научного определения», потому что этот вопрос представляется нам стержневым, основой лингвистического (т. е. языковедческого) подхода к его исследованию. Однако это не значит, что собственно лингвистический подход к определению этим и ограничивается. Имеется целый ряд других моментов, таких как родо-видовой принцип.

а) В своем наиболее общем виде, например: *a broken line is a line made up of connected straight lines; an acute angle is an angle that is less than a right angle; the empty set is the set containing no elements; an exact number is a number that represents a discrete, exact quantity; the empty set is a set that contains no elements.*

б) Использование местоименных обозначений, т. е. свойственная английскому языку модификация родо-видового принципа, например: *a proper fraction is one in which the numerator is less than the denominator; a mixed number is one composed of a whole number and a fraction; a smooth surface is one which offers no resistance to another body sliding on it; dynamic parameters are those whose values change depending on the values of other parameters and variables; on-line computer systems are those in which the output and input devices are wired to the main computer unit.*

В предыдущем изложении мы попытались разъяснить, что мы понимаем под семиотической стороной определения и что относим к стороне лингвистической. Однако есть некоторые стороны нашей проблемы, которые не поддаются такому строгому, однозначному отнесению либо к лингвистике, либо к семиотике. Речь идет о проблеме параметров, на которых должно строиться научное определение. Исследования, проводившиеся на кафедре английского языка филологического факультета МГУ в разных областях (географической, биологической, математической, полиграфической, строительной и химической), позволили выделить ряд параметров, составляющих основу определений для терминов этих наук.⁵ Универсальных параметров, которые бы относились ко всем областям и могли бы быть представлены как наиболее общие, выделить вполне определенно не удалось. Тем не менее уже теперь можно говорить о параметрах, определивших общее направление в толковании научно-технической терминологии. Это такие понятия, как: а) назначение или функция, б) «место» или область применения, в) способ действия, г) особенности строения определяемой единицы, д) ее субстанциональная сущность.

⁵ См.: Terminology. Theory and Method. Ed. by Olga Akhmanova. MGU. 1974.

Абсолютив	Так называют иногда член предложения	В семитских языках падеж субъекта и именного сказуемого
Абсолютной конст-рукцией	называют такую, ни один член которой не связан прагматически с остальной частью предложения	Оборот, связанный с остальной частью предложения лексически и особым видом контактного положения
Аббревиация	Во французском языке термин употребляется обычно для обозначения графического сокращения	Образование аббревиатур
Аномалия	В настоящее время этот термин употребляется лишь для обозначения нерегулярного характера какой-нибудь формы	Несоответствие общему или стандартному типу формообразования
Второй предупредительный	Этот термин употребляется иногда для обозначения слога, непосредственно предшествующего ударному	Слабая позиция второй ступени, характеризующаяся редуцированными гласными звуками
Антиципация	В синтаксисе это название дается иногда пролепсису	Воздействие последующего звука на предшествующий
Инструментатив	Название, которое иногда дается глаголу, вызывающему представление об орудии действия	Отыменный глагол со значением применения данного предмета в качестве средства, орудия данного действия
Контакт	Иногда говорят, что гласный и последующий согласный находятся в тесном контакте	Характер соединения гласного с последующим согласным
Неустойчивый (нестойкий)	Так говорят о звуке или системе, подверженной изменениям	Неспособный удерживаться или сохраняться в языке
Отделяемый	Обычно говорится об элементах образования, могущих отделяться от слова	Подвижный, морфологический, не закрепленный в составе слова в качестве постоянного элемента
Гипертеза	Иногда этим словом обозначают метатезу на расстоянии	Метатеза на расстоянии, воспринимаемая как перенесение звука из одного слога в другой
Очарограф	Таким термином обозначают слова, которые пишутся одинаково, но имеют разное происхождение	Разные слова, совпадающие по написанию

	Марузо. Ж. лингвистических (М., 1953)	Словарь терминов	Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов (М., 1966)
Предикатив	В специальном смысле это слово обозначает сказуемое именного предложения		То же, что и предикативный или именной

Определение всегда является предметом семиотики, так как оно по природе своей не может быть отнесено просто к естественному функционированию языка как особого общественного явления. Попятно поэтому стремление некоторых ученых «изолировать» его от естественного человеческого языка, строить его на основе искусственных семиотических систем. Однако до сих пор все эти попытки остаются в области «прожектов», и словари составляются на прежней основе. Поэтому столь важным остается вопрос о рациональном построении определения, создаваемого средствами естественного человеческого языка.

П. Н. ДЕНИСОВ

СИСТЕМНОСТЬ И СВЯЗАННОСТЬ В ЛЕКСИКЕ И СИСТЕМА СЛОВАРЕЙ

Вопрос о том, является ли лексика системой, большинством ученых решается теперь положительно. Однако доказательства этого тезиса обычно ограничиваются показательным анализом небольших участков словарного состава языка: дискретные обозначения непрерывного цветового спектра (красный, зеленый, синий и т. д.); термины родства, анализируемые вновь и вновь со времени львовско-варшавской школы и работ А. Тарского по теории отношений; группы глаголов (движения, говорения, мысли и т. п.), иллюстрирующие метод компонентного анализа и уточняющую роль парадигм избирательной лексической сочетаемости; синонимические ряды и антонимические пары, а также в последние годы тематические группы и «ассоциативные профили слов». Ограниченность и разрозненность привлекаемых для анализа групп слов делают неубедительными попытки обобщения свойств системной организации лексики, выявленной на малом участке словарного состава языка, и безоговорочного переноса этих свойств по молчаливо признаваемому закону «лексикологической индукции» на весь словарный состав языка в целом. Трудно отделаться от подозрения, что некоторые работы по формализации лексической семантики, широко и свободно обращающиеся с понятиями системности и структурности лексики, не несвободны от школьного приема решения задач, называемого «подгонкой под ответ».

При попытках расширения лексического материала, например при попытках написания словаря в жестких рамках какого-либо формального метода, приходится сталкиваться с многочислен-

ными «исключениями», нерегулярностями, с неподатливостью лексики, что связано, на наш взгляд, со своеобразным преломлением в пей понятия системы. Часто системность лексики связывается с возможностью ее иерархического классифицирования, и в доказательство предъявляются идеографические словари, но в лексике возможно много самых разнообразных классификаций, из которых некоторые в значительной части перекрещиваются, например классификация по лексико-грамматическим рядам слов (частям речи) с дальнейшими семантическими рубриками и классификация по словообразовательным гнездам (гиперлексемам), в которых в одно гнездо попадают слова, принадлежащие к разным частям речи на основе смысловой близости (читать, чтение, чтиво (разг., пренебр.), читатель, чтец, читальня, читальный (зал), читающий (автомат)). Классификация лексики по семантическим полям тоже не лишена недостатков.¹

Эти трудности заставляют исследователей именовать словарный состав языка, взятый в полном объеме, системой систем, но это не выход из положения, так как неясно, сколько систем в лексике, все ли они однородны, т. е. одинаково организованы, и каково отношение последней, интегрирующей системы к своим подчиненным. Применительно к многотысячным лексическим массивам нас интересует «не только сам факт наличия системы, т. е. определенных взаимосвязей объектов (единиц), но и степень их системности».²

К сказанному надо добавить, что язык также очень часто определяют как систему систем, но никто не станет утверждать, что фонологическая система и лексическая система — однопорядковые явления, хотя связь между ними несомненна, например изменение фонологической системы может повлечь за собой изменение грамматической (утрату падежных флексий) и лексической (развитие омонимии) систем, что засвидетельствовано в истории многих языков.

Система — множество элементов с отношениями и связями между ними, образующее определенную целостность.³ Понятие

¹ Шур Г. С. Является ли термин «поле» в языкознании метафорой? — В кн.: PHILOLOGICA. Л., 1973. Г. С. Шур, в частности, говорит о том, что термин *поле* трудно отличить от терминов *система*, *структура*, *категория*. Семантическим полям посвящена также работа: Минина Н. М. Пособие по лексике немецкого языка. *Semantische Felder leicht gemacht-praktisch angewandt*. М., 1973.

² Виноградов В. А. Всегда ли система системна? — В кн.: Система и уровни языка. М., 1969, с. 250.

³ См.: Философская энциклопедия. Т. 5. М., 1970, с. 18, статья «Система». В «Древнегреческо-русском словаре» И. Х. Дворецкого (М., 1958) слово *συστήμα* имеет 12 значений и подтверждается оправдательными примерами из Аристотеля, Платона, Полибия, Плутарха и Секста Эмпирика. Из этих 12 значений особого внимания в данном рассмотрении заслуживают следующие: 3) устройство, организация. Система демократии. Полибий;

множества, под которое подводится понятие системы, не определяется, а поясняется с помощью примеров. Множество состоит из элементов. Элементы «принадлежат» множеству. Множество, например, букв русского алфавита «включает» в себя подмножество гласных букв. Отношения принадлежности и включения являются самыми общими, имеющимися во всяком множестве: элементы принадлежат множеству и одно множество есть часть другого. Элементы множества должны быть достаточно четко очерченными, неизменяемыми объектами. Так, например, выделяя из множества букв русского алфавита подмножество гласных букв, мы должны знать, как поступить с буквами *ь*, *ъ*, *й* и что означает буква *е* : только *е* или еще и *ё*. Легко понять, что множество слов современного русского литературного языка едва ли можно указать с точностью до одного-единственного слова ввиду нечеткости элемента этого множества, а именно: слова, и ввиду нечеткости признака «быть словом современного русского литературного языка». Множества бывают конечные и бесконечные. Существует два главных способа задания множеств: перечисление и описание. Лексикография пользуется по преимуществу способом перечисления.

Таким образом, сначала на основе лексического материала выделяется исходное множество элементов, которые считаются далее неделимыми (при данном способе рассмотрения) единицами анализа. Так можно построить несколько базовых лексических множеств: 1) множество лексем, 2) множество лексико-семантических вариантов (ЛСВ), 3) множество гиперлексем, 4) множество частей слов (приставок *в-*, *вы-*, *из-* и т. п., морфем типа *анти-*, *авто-*, *теле-*, *ультра-* и т. п., с помощью обратного словаря множество суффиксов), 5) множество фразеологизмов, эквивалентов слов плюс самые разнообразные объединения слов по любому лингвистически разумному признаку. Выделив эти базовые лексические множества, мы строим (на основе анализа материала) лексематическую, лексико-семантическую, гиперлексематическую, словообразовательную, фразеологическую и другие абстрактные лексические системы данного языка. Все наши усилия, естественно, направлены на выявление всех отношений и связей между элементами исходного множества. Если нам удастся построить такие системы, то мы можем сравнить их между собой на более высоком уровне абстракции. При этом мы не можем заранее утверждать, что число и характер отношений и связей между элементами, к примеру системы словообразования и системы лексической деривации, будут полностью совпадать, что эти системы будут изоморфными, и, следовательно, их изучение

12) философское учение, система. Секст Эмпирик. На системность познания, в котором целое важнее частей, указывали Кант, Кондильяк, Шеллинг, Гегель. В современной науке кроме общей теории систем системный метод применяется в биологии, социологии, экономике и т. д.

на абстрактном уровне может быть сведено к изучению не двух систем, а одной (вследствие их изоморфизма). Тем не менее известный параллелизм в устройстве двух вышеупомянутых систем словообразования и лексической деривации наблюдается. Например, связь «Помещение—Его обитатели» имеется и в той и в другой системе: *дом — домочадцы, домашние* (в знач. сущ.): Никто из домашних не противоречил мне и не остановил меня (Ф. М. Достоевский, Подросток), *дом — 1) строение, здание: Деревянный, каменный, государственный, кооперативный, жилой, загородный... дом; 2) все обитатели дома: Стук, шум! ах, боже мой! Сюда бежит весь дом* (А. С. Грибоедов, Горе от ума). Отмечая все подобные случаи параллелизма, мы должны предполагать все же «разную степень системности» в разных лексических системах. Однако поскольку все лексические системы одного и того же языка так или иначе связаны со словом как центральной единицей языка, мы вправе говорить о соприкосновении, связанности всех лексических систем (через посредство лексематической системы), но агрегат этих систем — «система систем» — будет характеризоваться более слабой степенью системности, чем каждая система в отдельности. Это свойство слабой системности, которое можно приписать лексике языка в целом, мы называем связностью, непрерывностью семантического пространства языка. Здесь возникает аналогия с математикой. Обобщение понятия числа приводит к теоретико-множественной концепции, к абстрактным алгебрам, обобщение первоначального предмета геометрии — трехмерного евклидова пространства — приводит к более широкому пониманию пространства — четырех- и многомерные пространства, неевклидовы, топологические пространства и т. п. Но «язык теории множеств», а следовательно, и язык теории систем переводим на язык современной геометрии. Так, для конечных систем используется их представление в виде графов (в лексикографии в виде графа изображается система лексико-семантических вариантов слова). В современной геометрии пространство определяется как множество каких-либо элементов («точек») с условием, что в этом множестве установлены некоторые отношения, сходные с обычными пространственными отношениями. Семантическое пространство языка и теоретико-множественное представление языка в виде системы систем — представления изоморфны, по геометрические пространственные образы, по крайней мере в силу своего эвристического синтетизма более продуктивны. Так, когда мы говорим о близости или совпадении слов по смыслу, об ассоциативном ореоле (об ассоциативной «окрестности» слова, если воспользоваться топологическим термином), о переходе одного значения в другое, о распаде (разрыве) слова на омонимы и т. п., сам наш практический метаязык навязывает нам геометрические образы. Поскольку мозг человека — тоже пространственная фигура некоторой геометрической формы и поскольку наряду со словами

в памяти должны храниться «образцы денотатов», то не лишено основания предположение о том, что описание словарного состава языка с привлечением средств геометрической наглядности (там, где это возможно) имеет более глубокий характер, чем просто произвольный выбор «удобного метаязыка».

Кроме наличия элементов, отношений и связей, система характеризуется целостностью. В тектологии А. А. Богданова эта особенность всякой системы формулировалась как принцип «целое больше суммы своих частей».⁴ В истории языкознания Фердинанд де Соссюр первым четко сформулировал принцип целостности системы, утверждая в противоположность младограмматизму с его атомистическим подходом к лексике, что изолировать слово от системы нельзя, так как это означало бы построение системы как простой суммы слов, в то время как следует исходить из сложного единства, чтобы путем анализа прийти до составляющих его элементов.⁵

В современной лингвистике система определяется как «известным образом организованное (т. е. упорядоченное) иерархическое целое, обладающее структурой и воплощающее данную структуру в данную субстанцию для выполнения определенных целей».⁶

Отличительная черта этого определения состоит в том, что оно указывает три главных атрибута для каждой действующей и развивающейся системы, а именно структуру, субстанцию и функцию в их диалектическом единстве. Другими словами, понятия системы и структуры выступают как два совершенно различных, хотя и взаимообусловленных понятия.⁷ Система — понятие глобальное, понятие структуры акцептирует важность для системы схемы отношений, ее реляционного каркаса. «Реализуя определенную схему связей через элементы определенной природы, система представляет собой такое функциональное образование, целостность которого обеспечивается благодаря наличию конкретного способа согласования структуры с субстанцией».⁸

Другими словами, анализ субстантивных свойств элементов системы (например, анализ «основного», «номинативного», «первич-

⁴ Богданов А. А. Очерки всеобщей организационной науки. Самара, 1921.

⁵ См.: Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974 (гл. IV. Понятие структуры в лингвистике). Об «исторических соседях» Соссюра в момент формулирования принципа примата системы над элементом см.: Слюсарев Н. А. Некоторые полузабытые страницы из истории языкознания (Ф. де Соссюр и У. Уитней). — В кн.: Общее и романское языкознание. М., 1972; Леонтьев А. А. Бодуэн и французская лингвистика. — Изв. АН СССР, ОЛЯ. Т. XXV. Вып. 4. М., 1966.

⁶ Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972, с. 30.

⁷ Разграничение понятий «система» и «структура» в истории языкознания происходило очень медленно. Э. Бенвенист указывает, что Соссюр вообще не пользовался термином «структура», но стал предтечей структурализма: Бенвенист Э. Общая лингвистика, с. 60—61.

⁸ Общее языкознание, с. 30.

ного», «свободного от контекста», собственно «вещественного» значения отдельного, изолированного слова) и анализ реляционных свойств элементов (например, анализ значимостей лексико-семантических вариантов слов в границах единого «семантического поля») не дадут полной картины, не будут системным анализом: «Термин „системный“ означает „относящийся к принципам организации объекта как целостного функционального образования“ (т. е. несводимого по своим общим свойствам только к свойствам его отдельных элементов или только к особенностям сети отношений между ними)».⁹ Все большее признание получают в современной науке положения о неразрывной связи системы и ее функции, о связи структуры и той субстанции, в которую воплощены ее элементы, наконец, о зависимостях между структурой и целостностью системы. Это особенно ярко видно на примере лексических систем в силу их периферийного расположения в общей конфигурации языковой системы систем.

Теория лексикографии как самостоятельная научная дисциплина должна решать вопрос о системности лексики в целом (в отличие от семасиологии и лексикологии, которые могут заниматься малыми участками лексики, разрабатывать новые методы в надежде на «лексикологическую индукцию», которая поможет обобщить эти частные исследования и перенести их результаты на всю лексику в целом). Теория лексикографии призвана работать с лексикой хотя бы в тех объемах, в которых она зафиксирована в академических словарях и в общих и специальных энциклопедиях. Говоря математически, словники этих изданий — конечные множества, но с большим числом членов. В БАС — 120 480 слов. Причем это всего лишь «общеупотребительная нормативная лексика, представляемая наиболее важными литературными и научно-политическими источниками» (БАС, т. I, От редакции, стр. III). В Большой Советской Энциклопедии (БСЭ, 3-е изд.) — более 100 000 слов, причем словники БАС и БСЭ не совпадают. Словник БСЭ не включает многих слов отраслевых энциклопедий. Даже в Краткой Литературной Энциклопедии (буква «Л») без труда находим слова, не помещенные в БСЭ (т. 14). Это — *латинизмы*, *ле* (жанр средневековой литературы), *лейма* (рптмообразующая пауза), *летризм* (течение в современной французской модернистской поэзии), *липометрия* (недостаток одного или нескольких слогов в стопе).¹⁰

Для теории лексикографии необходимо понятие максимальной лексической системы и понятие универсального словаря, в котором зафиксирована максимальная лексическая система. Пользуясь таким словарем, можно общаться на этом языке во всех ситуациях, говорить на любую тему с любым носителем этого языка. Легко понять, что это — сознательная идеализация,

⁹ Там же.

¹⁰ См.: Краткая Литературная Энциклопедия. Т. 4. М., 1967.

теоретический мир лексикографии.¹¹ Ум, который оказался бы достаточно обширен, чтобы овладеть максимальной лексической системой, и который владел бы идеальным универсальным словарем, адекватно отражающим не только любую актуально существующую, но и потенциально имеющую возникнуть в будущем лексическую единицу, все-таки оказался бы в затруднительном положении, попав в плен лапласовского детерминизма. «Ум, — писал Лаплас, — которому были бы известны для какого-либо данного момента все силы, одушевляющие природу, и относительное положение всех ее составных частей, если бы вдобавок он оказался достаточно обширным, чтобы подчинить эти данные анализу, обнял бы в одной формуле движения величайших тел Вселенной наравне с движениями легчайших атомов: не осталось бы ничего, что было бы для него недостоверно, и будущее, так же как и прошедшее, представало бы перед его взором».¹²

Нарушения принципа детерминизма в идеальных объектах теории лексикографии, а именно в максимальной лексической системе, в идеальном универсальном словаре, могут быть объяснены следующими причинами: 1) лексика не вселенная Лапласа, в лучшем случае она не сам мир, а знаковый дубликат мира, 2) она представляет собой динамическую, становящуюся бесконечность по двум разным причинам: а) по мере расширения и углубления знаний в лексической системе возникают новые слова по заложенным в ней моделям, т. е. максимальная лексическая система принципиально не может быть перечислена, а только описана; б) каждому слову в ономастологическом плане должна быть приписана область номинаций, границы которой могут быть весьма неопределенными, что обеспечивает многообразие подхода ума к спятию «слепок» с предмета, действия, явления, признака и т. п., причем не только с тех из них, которые впервые предстают перед нами, например космические и лунные пейзажи, словесное описание ощущений невесомости и пр., но и с тех, которые давно известны нам, но должны быть вдруг представлены по-новому; 3) дубликатный и динамический характер максимальной лексической системы позволяет ей отображаться в самое себя, так что часть системы может быть функционально равной всей системе.

Другими словами, при удалении из максимальной лексической системы некоторых звеньев она сохраняет возможность служить универсальным средством общения, т. е. в лексической системе заложены большие ресурсы функциональной компенсации. Лексическая система освобождается от пут лапласовского детерминизма благодаря своему знаковому, дубликатному, динамическому характеру и широким возможностям отображения, перекодиро-

¹¹ См.: Грязнов Б. С., Дынин Б. С., Никитин Е. П. Теория и ее объект. М., 1973.

¹² Лаплас П. Опыт философии теории вероятностей. М., 1908, с. 9.

вании и функциональных компенсаций внутри себя. Идеальный ум как теоретическая конструкция хорош для астрономии и небесной механики Лапласа. Что же касается лексической системы, нацеленной на общение, т. е. на циркуляцию информации между «умами», то неполнота лексической системы и вероятностный характер номинаций и реализации словообразовательных и других ресурсов системы лучше всего говорит об ограниченности (при сохранении шансов бесконечного развития) человеческого среднестатистического ума, воплощающего в себе какую-либо одну из форм общественного сознания одной из существующих в данном обществе социальных групп, прослоек или классов.

Эмпирическим прообразом максимальной лексической системы может быть стеллаж с книгами, среди которых будут толковые словари, энциклопедии, справочники и т. п. Если составить объединение множеств слов в них, то только в своей перечислительной части универсальный словарь обязан был бы иметь 100—200 млн слов. В наше время эта цифра не должна повергать нас в уныние, так как технические возможности компактной записи и быстрого считывания информации растут с фантастической быстротой. Но в универсальном словаре должна еще быть описательная часть, т. е. такая, где слова дапы не перечислением, а способами их построения, если они понадобятся. Универсальный словарь должен также отразить не только все выше упоминавшиеся лексические системы (лексематическая, гиперлексематическая, лексико-семантическая и др.), но и характер их соприкосновения, сцепления, а также правила динамического развертывания каждой из них при появлении непредвиденных объектов коммуникации или коммуникативных условий.

Максимальной лексической системе кроме ее частично усеченных, но функционально эквивалентных вариантов можно было бы постараться противопоставить минимальную лексическую систему, построив ее как пересечение (общую часть) множеств словников словарей и энциклопедий, а если это не удастся, то обратиться непосредственно к текстам, выделяя действительно только те слова, которые встречаются во всех текстах без исключения.

Как уже было сказано, лексематическая система, элементами которой являются слова (лексемы), является главной среди других лексических систем. Этот взгляд соответствует традиционному лексикографическому лексическому центру, и нам остается указать некоторые специфические связи и отношения между элементами лексематической системы, которые, с одной стороны, уточняли бы природу системности именно этой системы, а с другой — показывали бы ее центральное, цементирующее положение среди прочих лексических систем.

Если деление множества лексем на многозначные и омонимы проведено удовлетворительно, то многозначные слова, в которых заключена его специфика, являются самым гибким инструментом естественного языка. По-видимому, прав Р. А. Будагов, на-

зывающий это явление законом многозначности слова (естественного языка).¹³ Рассмотрим распределение многозначных слов в словаре.¹⁴

Буква	Число значений в слове (число ЛСВ)												всего
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
А	599	129	16	2	3	—	—	—	—	—	—	1	749
Б	1205	252	50	14	4	4	1	—	—	—	—	1	1531
В	1941	452	110	44	16	10	2	4	1	1	1	—	2582
Г	114	19	3	2	—	—	—	—	—	—	—	—	138
Итого	3859	852	178	62	23	14	3	4	1	1	1	2	5000

Мы видим, что лексематическая система имеет «узлы» трех видов: 1) слова с числом ЛСВ от 1 до 3 (таких слов 4889, или 97.78%), 2) слова с числом ЛСВ от 4 до 6 (таких слов 99, или 1.98%), 3) слова с числом ЛСВ больше 7 (таких слов всего 12, или 0.24%). Наибольшую системную значимость мы обязаны приписать самым многозначным словам. Они имеют высокую частотность в текстах любого содержания, они непременно входят в минимальную лексическую систему, через их посредство определяются многие другие слова, к ним привязаны большие словообразовательные гнезда и значительные массивы фразеологии. Эти их особенности намечают связи как внутри этой системы, так и точки, через которые выходят связи, идущие к другим системам. Именно самые многозначные слова интересно представлять в геометрическом языке, т. е. при помощи графов (деревьев). С другой стороны, в чисто номинативном аспекте, например с точки зрения иерархического тематического классифицирования, эти «слова-гиганты» очень расплывчаты, подчас безлики — глаголы *бить*, *брать* (по 12 ЛСВ), *выйти* (10 ЛСВ) и т. п. Напротив, слова с малой многозначностью, как правило, имеют четкую тематическую «привязку» в сфере своих номинаций. Многие из них не входят в минимальную лексическую систему, но зато они часто выступают в общем словаре как пункты связи общеупотребительной лексики с лексикой специальной, через них идет связь классификаций слов со специальными классификациями терминов, которые в полном объеме представлены только в специальных справочниках и энциклопедических словарях.

Каждое слово, которое имеет терминологическое значение или совмещает в себе терминологические и нетерминологические

¹³ Будагов Р. А. Человек и его язык. М., 1974.

¹⁴ Было просмотрено 5000 слов (буквы А, Б, В — полностью, из Г было взято 138 слов «для ровного счета») по «Словарю русского языка» С. И. Ожегова (М., 1972).

значения, выступает как точка пересечения обиходного и научного понятия, житейского и теоретического мышления, и правильная обработка таких слов в словаре общего типа представляет немалые трудности. Здесь можно выделить несколько проблем. Во-первых, включение в словарь базовых, исходных понятий фундаментальных естественных наук — математики, физики, химии и биологии, а также общественных наук — истории, социологии, политической экономии, философии и т. д. Во-вторых, невозможность системного отражения всей терминологии этих наук и их многочисленных ответвлений. В-третьих, характер определений, особенно в связи с тем, что точные определения терминов могут включать в себя редкие термины, которые по принятому в словаре соглашению об определении всех слов словаря, могут расширять и расширять его словник. В-четвертых, отношение к общепринятым символическим системам обозначения, которые могут быть очень информативными, будучи к тому же интернациональными, — химические формулы, биологическая систематика, общепонятные схемы и рисунки в технике, искусстве и т. п. Некоторые зарубежные словари включают и химические формулы, и латинские систематические названия животных и растений, и рисунки, и чертежи, и схемы непосредственно в текст словарных дефиниций. Наконец, специфическую трудность представляют термины, выражаемые сочетанием слов, в том случае, когда они, обозначая важное понятие, с лингвистической точки зрения не являются фразеологизмами и не подлежат обработке в отдельных словарных статьях. В этих случаях они могут «потеряться» в словаре, так как не будут вынесены в основной словник. По-видимому, здесь необходима система отсылок.

Ввиду того что максимальная лексическая система практически не может быть воплощена в одном издании, необходима взаимосвязанная система справочных словарно-энциклопедических изданий, которая была бы задумана таким образом, чтобы все издания этой серии как бы взаимно дополняли друг друга, а каждое в отдельности отражало бы существенную часть максимальной лексической системы, т. е. какую-нибудь самостоятельную лексическую систему, достаточно большую, чтобы заслужить отдельное описание.

В заключение можно сказать, что представление лексики как системы систем и установление сравнительно слабого системного взаимодействия в точках соприкосновения частных лексических систем позволяет надеяться на то, что система словарей как общего, так и энциклопедического типа может отражать сам объективный характер устройства словарного состава такого высоко развитого языка, как современный русский литературный язык. Другими словами, жанры, типы и разновидности справочных лексических изданий должны определяться не тем, что «так повелось», такова традиция и т. д., а с позиций точного научного анализа всех внутренних и внешних факторов, от которых зави-

сит строение, функционирование и перспективы развития словарного состава языка в современную эпоху.

А. В. СУПЕРАНСКАЯ

ТЕРМИНОЛОГИЯ И НОМЕНКЛАТУРА

Каждая наука обладает системой термилируемых, т. е. ограничиваемых, точно определяемых понятий, которые таким точным образом термилируются лишь в ее рамках, и системой именованных предметов — номенклатурой. В каждой области науки, техники, производства номенклатура упорядочивается своим особым образом, свойственным лишь данной отрасли науки, что во многом определяется эстралингвистическими причинами — реальным соотношением именуемых вещей.

По справедливому замечанию Хьюэлла (в русских публикациях Уэвель или Уэвелл),¹ терминология это собрание терминов, или технических слов, относящихся к науке. Фиксируя значение терминов, мы фиксируем и понятия, которые они передают (Хьюэлл, I, 481). Следует отметить, что ни о какой номенклатуре не может быть речи там, где еще не выработана терминология. До того, как это произошло, имеется лишь некоторый фонд специализированных обозначений, недостаточно четко выделяющихся из общего словарного состава, ср. народную ботаническую, геологическую, географическую, зоологическую номенклатуру и т. д.

Как отмечал Г.-В. Лейбниц, гражданское употребление слов заключается в общих разговорах, философское — служит для сообщения точных понятий и для выражения в общих предложениях достоверных истин. Обычное употребление достаточно хорошо устанавливает значение слов для повседневного разговора, но тут нет никакой точности.² Обычные слова обладают свободой употребления и двусмысленностью, так как обыденное знание не вполне четко. Обычный язык, приспособляясь к такому знанию, в каждом предложении содержит эмоции или воображение. Когда наше знание становится абсолютно точным, нам нужен точный язык, где каждый термин имеет строго фиксированное значение. Таким язык науки делается благодаря употреблению технических терминов (ср.: Хьюэлл, II, 479).

Существуют различные понимания слова термин. Так, для логиков термин — это слово (или комбинация слов), подразумевающее определенную характеристику (или пучок характеристик) и приложимое к известному объекту, обладающему этими характеристиками. Им может быть любое слово данного языка. Термином его делает логический подход к его характеристикам и по возмож-

¹ Whewell W. The philosophy of the inductive sciences founded upon their history. Vol. I—II. London, 1967 (далее: Хьюэлл, том и страница).

² Лейбниц Г.-В. Новые опыты о человеческом разуме. М.—Л., 1936, с. 294—295.

ности четкое отграничение обозначаемой им понятийной сферы от прочих понятийных сфер, обозначаемых другими словами (терминами).

Термин в науке и технике — это специально культивируемое слово, придуманное искусственно или взятое из естественного языка. Сфера приложения такого слова определяется и ограничивается представителями той или иной научной школы. В отличие от терминов общего языка, которыми для логика могут быть любые полнозначные лексические единицы, термины науки объединены в терминологические системы иерархически организованных единиц, и свое значение они обретают лишь внутри этих систем, где им соответствуют логические (понятийные) терминологические поля. Почти каждый шаг в прогрессе науки знаменуется созданием или уточнением научных терминов.

Терминирование понятий науки и техники — особая сфера деятельности специалистов этих областей совместно с логиками и лингвистами. Подыскание подходящих обозначений для каждого подразделения иерархически организованных понятий — задача не менее сложная, чем само терминирование понятий. Начало сознательного и планомерного подыскания таких обозначений относится к сравнительно недавнему прошлому. Например, понятия описательной ботаники были систематизированы К. Линнеем к 1751 г. К животным применение единых принципов систематического описания началось в 1758 г. Систематизация объектов исследования химиков относится ко второй половине XIX в. Большую роль в этом сыграла периодическая система Д. И. Менделеева. Подлинное терминирование систем других наук относится лишь к XX в. Немалую роль в этом сыграли работы С. А. Чаплыгина и Д. С. Лотте.

До середины XIX в. основная масса терминов образовывалась следующим образом.

1. В употреблении обычного слова делался ряд ограничений. Слово с ограниченной зоной применения или с ограничениями в логической соотнесенности делалось термином.

2. На основании наличного языкового инвентаря создавались описательные названия — термины-фразы.

3. На базе развиваемой автором теории изобретались новые слова.

Начиная с середины XIX в. эти способы дополняются введением систематической номенклатуры и систематической терминологии с системой терминов-модификаторов, необходимых для показа теоретических отношений (см.: Хьюэлл, II, 493).

Новым этапом в развитии и совершенствовании процессов логического деления можно считать разработку теории маркированных и немаркированных единиц. В частности, этим занималась в 30-е годы XX в. Пражская лингвистическая школа (Н. С. Трубецкой, Р. О. Jakobson). Идеи эти оказались очень плодотворными в связи с развившимися в 40-е и 60-е годы машинной обработкой

текстов, их кодированием и перекодированием, машинным поиском информации и разработкой возможности машинного перевода текста с одного языка на другой. Немаркированные единицы могут иметь нулевой показатель; маркированные, как правило, несут дополнительную информацию по сравнению с немаркированными.

Чтобы термин точно соответствовал терминируемому понятию, создание его сопровождается введением дефиниции, которая относится и к терминируемому понятию, и к слову (термину), его обозначающему. Дефиниция термина дает общее представление об определяемой вещи, устраняет двусмысленность, которая может возникнуть при употреблении термина.

Чтобы дефиниции были достаточно точными и четкими, к ним предъявляется ряд требований.

- 1) Дефиниция должна давать основу того, что определяется.
- 2) Дефиниция должна быть *per genus* (или *per proximum genus*) *et differentiam* (или *differentias*).
- 3) Дефиниция должна быть соизмеримой с тем, что определяется.
- 4) Дефиниция не должна определять объект через него самого.
- 5) Дефиниция не должна быть в негативной форме там, где возможно позитивное определение.
- 6) Дефиниция не должна выражаться в туманных или переполно употребленных словах.³

Наиболее типичный вид терминов однословный (термины-названия). Однако существуют и термины-фразы, или термины-описания. Дефиниции терминов, как правило, представляют собой фразы. Описательная фраза дает характеристику какого-либо объекта. Однотипных объектов, подходящих под эту характеристику, может быть несколько. Но даже если бы их не было ни одного, фраза все равно понятна, если она характеризует то, что может быть охарактеризовано.⁴

Номенклатура, по сравнению с терминологией, — категория значительно более новая. Номенклатура любой отрасли естественной истории — это собрание имен всех ее видов (подвидов). Когда они становятся слишком многочисленными, они требуют специальной организации. Например, бесполезно пытаться изобрести и применить отдельное имя для каждого из 200 тыс. видов известных в настоящее время растений.

Деление объектов на подчиненные системы классов позволяет ввести номенклатуру, не требующую чудовищного числа имен. Для этого виды называются именами, состоящими из двух (или более) «шагов» последующего деления. Например, в ботанике имя имеет каждый род, а виды обозначаются путем добавления к ним специальных эпитетов. Так, К. Линней ввел для 10 тысяч видов

³ Joseph H. W. B. An introduction to logic. Ed. 2. Oxford, 1946, p. 112.

⁴ Stebbing L. S. A modern introduction to logic. London, 1930, p. 25.

растений, известных в его время, 1700 родовых имен с умеренным количеством видовых определений. Он первым применил в естественных науках биномиальный метод построения номенклатуры, переключившийся с древнейшим способом классификации (ср. *definitio per genus et differentiam*), дискредитированный метафизиками, настаивавшими на том, что у каждого вида имеется твердая сущность (*proprium*), на которой должна строиться его дефиниция. Но сущность (*proprium*) в аристотелевском понимании, независимо от ее характера, никогда не считалась основной для вида. Она производна от его *differentia*; *proprium* — это лишь то свойство, без которого вид не мог бы быть самим собой.⁵

Биномиальный метод в номенклатуре настолько удобен, что его приняли и в других науках (Хьюэлл, I, 507—508). Специальные кодексы создаются для обеспечения стабильности и упиверсальности научных названий растений и животных.

Как отмечает Дж. Ч. Бредли,⁶ естественные языки развиваются стихийно во всех направлениях. Но биологическая номенклатура должна быть точным инструментом, четко передающим определенные понятия всем исследователям во всех поколениях. Полностью система биологической номенклатуры и терминологии разработана лишь на латинском языке. Национальные терминологии и номенклатуры создаются во многих странах с использованием латинских заимствований и слов национальных языков, уже существующих в качестве национальных терминологических или номенклатурных обозначений, а также специально созданных для этой цели слов. Во времена Линнея никто не мог предвидеть тех миллионов существительных, которые биологическая номенклатура принесет в научную латынь в течение двух следующих столетий. Достаточно упомянуть, что К. Линней включил группу равнокрылых насекомых цикад в единственный род, содержащий в его дни 42 вида. К 1930 г. равнокрылые разрослись до 5000 родов и 30 000 видов, и представителю каждого вида было дано особое научное название.⁷ Немало новых слов было создано в номенклатурах других наук.

Возникают вопросы, насколько целесообразно выделение в лексическом составе языка терминов и номенов; имеет ли это значение лишь для биологов, химиков и т. д. или существенно и для лингвистов; представляет ли помимо теоретического еще и практический интерес; какое применение может найти в лингвистическом анализе, лексикографической работе, переводческой практике, и т. д.?

У терминов и номенов — разная судьба в языке. Они по-разному заимствуются, в различной мере переводимы, различным об-

⁵ Stebbing L. S. A modern elementary logic. London, 1957, p. 114.

⁶ Бредли Дж. Ч. Предисловие. — В кн.: Международный кодекс зоологической номенклатуры. М.—Л., 1966, с. XII.

⁷ Столл П. Введение. — В кн.: Международный кодекс зоологической номенклатуры, с. XIX.

разом подвержены изменениям, как естественно протекающим, так и специально проводимым нормализаторами. Поэтому вопрос о разграничении терминов и номенов представляется нам отнюдь не праздным. Верно, что между терминами и номенами нет перепредельной границы, что оба эти лексических пласта взаимодействуют, что номены могут в известных случаях переходить в термины, попадая при этом в иные лексические системы. И все же само по себе наличие этого различия чрезвычайно важно.

Как отмечал Г. Шпет,⁸ изолированное слово лишено смысла. Оно не есть слово сообщения, хотя и есть уже средство общения, представляя собой членораздельное звучание. Номинативное значение (то, что обозначается) сопоставляется не со смыслом, а с замыслом. Слово — это инструмент, которым передача смысла может воспользоваться в самых разнообразных направлениях. Как номинативная возможность слово помещается в лексикон — перечень имен языка, называющих вещи, свойства, действия, отношения. «Значение» проявляется в возможности ими пользоваться. Номинативная функция слова создает номинативную предметность, семасиологическая функция — смысловую предметность.

Слово сообщения называется *λογος*. У стопков это звук с осмысленным значением. Не все слова и предложения суть *λογος*, т. е. имеют значение, смысл. Изолированно они имеют лишь инструментальное значение, т. е. являются инструментами познания, указывающими на отношение к вещи *ges* (ср.: Шпет, 29—32). Это различие подводит нас к одному из важных разграничений в лексическом составе языка — к различению номенклатуры и терминологии.

Номен, по определению Шпета, есть эмпирическая, чувственно воспринимаемая вещь, а также знак, связанный с называемой вещью не в акте мысли, а в акте восприятия и представления (Шпет, 32). Следовательно, номен — это лексическая единица, с помощью которой мы именуем видимый и воспринимаемый предмет, без реализации его точного места в системе классификаций и без соотношения с другими предметами. Номены относятся к категории лексис; в силу этого у них ослабленная связь с понятиями, и они во многом оказываются лишь потенциальными *λογος*, т. е. они представляют собой лишь инструменты или средства, которые, попадая в понятийную систему, могут быть по-разному использованы при формировании настоящих *λογος* сообщения.

В связи с этим, очевидно, одни и те же лексические единицы в одном своем аспекте (как отражающие чувственное восприятие) оказываются принадлежащими к категории лексис, а в другом (как отражающие познавательный процесс и место в системе) — к категории логос.

⁸ Шпет Г. Эстетические фрагменты. Вып. 2. Пг., 1923, с. 28 (далее: Шпет, страница).

На основе этого строится различие терминологии и номенклатуры: слово в системе понятий, в понятийном поле — логос, термин — лексис, номен. В процессе развития многих отраслей науки отдельные номены превращаются в термины и из чисто лексических номинативных единиц превращаются в элементы логического сообщения, в термины науки. Ср. известное высказывание А. А. Реформатского: «Если данная машина имеет столько-то тысяч деталей и каждая из них имеет свое название, то это не значит, что есть столько же понятий». Номенклатура, хотя и сопряжена с понятиями, более предметно направлена. Она неисчислима. Терминология каждой науки исчислима, ибо словесно отражает систему ее понятий.

Для любого термина очень существенную роль играет терминологическое поле, в которое он входит и понятия которого обозначает. Для специалиста достаточно бывает упоминания этого поля, чтобы термин воспринимался им однозначно и ни в каких дефинициях не нуждался. Упоминание поля может заменяться включением термина в контекст, который помогает в данном случае судить, к какой, физике или ботанике относится тот или иной термин.

Понятность номенов может быть достаточно условной. Единицы, обозначаемые с помощью номенов, не обязательно определяются с помощью логических описаний. Они могут характеризоваться и с помощью *demonstratio ad oculos*. Безусловно, каждый предмет, обозначаемый с помощью номена, может претендовать на свою специальную исчерпывающую дефиницию. Но на практике нередко бывает удобнее нарисовать или показать отличие однотипных деталей (например, различного вида шайб) друг от друга, чем давать их исчерпывающее словесное описание.⁹

В противоположность терминам номены легко употребляются вне контекста. Действительно, если номен обозначает название химического вещества или деталь машины, практически безразлично, находят ли эти предметы применение в быту или в какой-либо научной лаборатории. Химические свойства вещества (серной кислоты, окиси магния) или физические свойства детали (гвоздя, винта, шайбы) от этого не изменятся. Тесная связь номенов

⁹ Несмотря на то что в биологии многие таксоны, т. е. типичные экземпляры растений и животных, принимаемые в качестве единственных представителей своего вида, выявляются на основе изучения внутренних связей в системе, видовые отличия их могут быть внешне столь же мало обособленными, как и различия каких-либо шайб или скоб, а их словесные обозначения — столь же слабо согласованными с их сущностью. Это роднит таксономические названия с названиями различных деталей машин. Иногда для последних даже используются сравнения с различными общеизвестными вещами: V-образные и S-образные трубки, U-образные скобы и т. д. Это возможно благодаря тому, что обозначения подобных деталей строятся не на их связи с понятиями, а на известной наглядности, выявляемой при чувственном восприятии в процессе эмпирического познания.

с именуемыми предметами выводит их из специального поля науки и делает возможным их включение в любой контекст (Пионеры и школьники вышли на борьбу с непарным шелкопрядом; для спортивного общества закупили магнезию и тальк).

Нередко предметы, создаваемые специалистами одной области, применяются в другой. Так, точная механика создает многочисленные измерительные приборы, находящие применение и в геодезии, и в медицине, и в космических исследованиях; химия органических соединений создает препараты, потребляемые в медицине, сельском хозяйстве, лакокрасочной промышленности и т. д., вследствие чего обозначающие их номены теснее соотносятся не со сферой производства, а со сферой потребления.

Интересно, что в словарях при терминах скорее ставятся пометы, соотносящие их с определенным полем (*мех.*, *техн.*, *хим.*), а при номенах трудно поставить подобную помету, потому что, созданный в одной области, номен, благодаря своей предметности, легко употребляется за ее пределами. Многие словари, издаваемые на Западе, при номенах дают рисунок, облегчающий подачу этих слов в словарях и заменяющий длинное словесное описание на *demonstratio ad oculos*.

Номены вне системы обозначаемых ими предметов легко переходят в бытовые слова, сохраняя свою предметность. Понятийность терминов вне системы своего поля значительно изменяется.

Понятийность — самая важная характеристика терминов. Понятийность номенов не столь очевидна и отчетлива. Основным для них является вещественность или предметность в зависимости от характера обозначаемых ими объектов.¹⁰

В качестве номенов могут употребляться длинные, многокоренные слова, не принятые в общей лексике и неудобные в повседнежном употреблении. Такие обозначения существуют главным образом в сфере науки, где длинные названия вытекают из требования системности описания. Особенно часты они в органической химии, в научных обозначениях лекарственных средств и ряде других областей. Проникая в сферу бытовой лексики, они неизбежно подвергаются сокращениям либо путем усечения конечных, начальных или срединных слогов, либо путем замены посредством буквенных аббревиатур, либо путем эллиптирования за счет отдельных компонентов. Такое пазвание выходит из сферы научных обозначений, превращаясь в элемент профессионального или бытового просторечия, ср. *зеленка* вместо *раствор бриллиантовой зелени*.

¹⁰ Предметность и вещественность — не всегда совпадающие свойства. Например, химические элементы или вещества, лекарственные средства, красители и прочие материалы вещественны, но не могут составлять целостного предмета. Наоборот, многие предметы (часы, термометры, электроприборы) сделаны не из одного, а из нескольких разных веществ. В зависимости от характера именуемого объекта человека интересует либо их вещественность, либо предметность.

От номенклатуры естественных наук, отражающей этапы познания человеком природы, следует отличать номенклатуру техническую, обозначающую предметы, создаваемые человеком (номенклатуру производства), а также коммерческую номенклатуру, специально создаваемую для того, чтобы обеспечить товарам хороший сбыт (номенклатуру потребителя). Хотя все три специально создаются заинтересованными лицами, но создаются они на разных основаниях, с разными целями, по разным принципам.

Параллельность номенов научного познания явлений природы и номенов технических, относящихся к вещам, создаваемым в лаборатории (синтезируемым химическим соединениям, проектируемым машинам), состоит в том, что обе категории стремятся как можно точнее обозначить именуемый предмет, дав ему такое название, которое не только называло бы его, но и указывало бы на его отношение к другим аналогичным предметам, т. е. на его место в системе.

Отличие номенов научного познания природы от номенов научно-технических предметов, создаваемых человеком, состоит в том, что первые ограничены вещами, существующими в природе, а вторых в природе не существует. Создаваться же они могут в практически неограниченных количествах. Для обозначения первых по возможности привлекаются слова, перекликающиеся с народной биологической номенклатурой, именами исследователей и средой обитания таксона. Лишь в исключительных случаях прибегают к буквенной и числовой индексации. Для обозначения вещей, создаваемых творчеством изобретателя, наоборот, обычно не бывает слов народного языка (лишь отдельные слова находятся в сказках как отражение мечты человека: *самолет, вездеход, самокат*). Следовательно, почти все слова, обозначающие эти категории, вводятся искусственно, составляя их из лексем своего или иностранных языков, при этом широко выделяется буквенная и числовая индексация: *Москвич-408, МАЗ-15, ТУ-144* и т. д. Иной раз видовые обозначения в этой области могут вообще отсутствовать как слова. Родовому обозначению *мотор* или *двигатель* может просто соответствовать индекс *М-20*, давая достаточную характеристику для специалиста.

Для торговой сети номены научного познания явлений природы, равно как и номены производства, не только излишни, но порой и вредны. Если в меню ресторана будет значиться *Лепус тигмидус*, а в прейскуранте хозяйственного магазина — стол *СПТП* и кастрюля *К-17-А*, это лишь отпугнет покупателей. Для успешного сбыта товара нужны свои особые номены, лишь отчасти опирающиеся на номены обоих предыдущих видов, и знать об их связанности должны лишь специалисты или особо заинтересованные лица. Основная задача, предъявляемая к этим словам, — обозначать товар со всеми его материальными свойствами. Благодаря этому, несмотря на самые разнообразные источники (*Луна, Гортензия, Машенька*) и казалось бы пышество и эмоциональ-

ную насыщенность, заложенные в них в момент их создания, названия эти быстро теряют всю свою эмоциональную окраску и связываются лишь с материальностью товара. Здесь, в зависимости от этих материальных свойств, происходит их переоценка, и нежный помет *Машенька* может обрести отрицательную характеристику, если названная им ткань окажется быстро линяющей или легко мнущейся, а грубый помет *Рогожка* может получить положительные коннотации благодаря хорошим товарным свойствам именуемой ткани.

Таким образом, один и тот же предмет, создаваемый человеком, имеет и производственный, и коммерческий пометы. Например, автомобиль *Волга* старого образца имеет производственный помет *ГАЗ-21*, а нового — *ГАЗ-24*. Выпускаемый в Москве *грузовик* (родовое название) имеет производственный помет *ЗИЛ-130*, а легковые машины, выпускавшиеся этим же заводом, обозначались *ЗИС-101*, *ЗИС-110*, *ЗИЛ-111*. Бывают и такие случаи, когда один и тот же товар, выпускающийся в разных странах, имеет разные обозначения. Так, легковая автомашинка *М-20* выпускалась в Советском Союзе под коммерческим пометом *Победа*, а в Польше — под коммерческим пометом *Варшава*.

На Западе в целях рекламы и наживы нередко один и те же товары поступают в торговую сеть под множеством названий, данных различными фирмами, при этом каждая фирма рекламирует именно свое. Чем менее наглядны свойства рекламируемого товара, тем шире возможности внедрения подобной практики. Особенно часто это практикуется в области торговли лекарственными средствами. Например, нейтролептическое средство, имеющее международное непатентованное название *флюфеназин* (Fluphenazine) и полное химическое обозначение 10-(3-[4-(2-Hydroxyäthyl)-piperazinyl-(1)] propyl)-3-fluormethylphenothiazin-dihydrochlorid, выпускается в ФРГ под фирменным названием *Lyogen*,^R во Франции — *Moditen*, в Англии — *Stelazine*, в США — *Anatensol*, в Венгрии — *Triphthazine*. Кроме того, то же самое лекарственное средство или его ближайшие аналоги поступают в торговую сеть под названиями *Clinazine*, *Eskarine*, *Modaline*, *Terfluzine*, *Trifluoperazin*, *Trifluoroperazine*, *Triflurin* и др. Естественно, что химическое название препарата не может употребляться в повседневной речи. Фирменные же его обозначения, далекие от отражения его истинных химических свойств, дают широкие возможности для подмены одного вещества другим и, наоборот, для продажи одного вещества под разными названиями.

Поскольку помпативная возможность у пометов выше, чем у терминов, очевидно, пометы должны легче входить в лексикон как собрание слов для потенциального использования. Даже в случае омонимии термина и помета помет имеет больше шансов на включение его в общий словарь. Термин скорее войдет в специальный словарь, отражающий систему определенной отрасли науки.

В словарях общего типа терминам науки и техники отводится весьма скромное место. Специальная помета (*хим.*, *физ.*, *техн.* и т. п.) должна при них ставиться сразу же после грамматических характеристик, поскольку свое значение такие слова обретают лишь внутри этих систем, помета же сразу даст соотношение с определенным терминологическим полем.

Как известно, термины легко выходят за пределы своего поля, переходя в общий язык и при этом теряя свою точность и однозначность, обретая эмоционально-экспрессивные обертоны, сохраняясь в специальных научных контекстах как эмоционально-нейтральные термины.

Представляется, что в словарях разных типов помены и термины должны отражаться по-разному.

Помимо общего деления словарей на энциклопедические и филологические, или словари языка, очевидно, следует указать и различные типы словарей языка. Одни из них показывают язык как структуру, другие — как отражение достижений культуры. К первому типу относятся наши толковые словари, ко второму — словари типа Вебстера и Ларуса. Они дают более широкий комплекс сведений, нежели наши словари языка, однако сведения эти значительно отличаются и от тех, что дают энциклопедии (ср. БСЭ, *Encyclopaedia Britannica*, *Svensk uppslagsbok* и т. п.).

Содержание пояснительных частей в словарях языка должно отличаться от содержания их и в энциклопедических, и в отраслевых словарях прежде всего по объему. В общефилологическом словаре все специальные пояснения должны быть сокращены до минимума и излагаться по возможности неспециальным языком с заменой специальных слов на общепонятные.

Общефилологические словари с энциклопедическими роднит то, что оба эти типа рассчитаны на массового читателя. Поэтому в них желательно обходиться без глубоких и сугубо специальных объяснений. Но у них есть и серьезное отличие: общефилологические словари характеризуют скорее слова, а не те предметы, которые ими обозначаются; энциклопедические же в своих объяснениях истолковывают в основном характер именуемых вещей. Поэтому в филологических словарях желательны справки по истории слов (заимствование, составление из специальных компонентов, изменение значения при заимствовании или в речевой практике), а в энциклопедических словарях желательны подробности об именуемых вещах (кем изобретено или усовершенствовано, из каких деталей состоит и т. п.).

Отраслевые словари отличаются от обоих указанных типов прежде всего тем, что они рассчитаны на специалистов данной области. Это позволяет не только использовать в объяснениях элементы профессиональной речи со специальными терминами, но и подразумевает иные требования. Например, в фармакологических словарях необходимы сведения о механизме действия лекарственных средств, об их способах применения и побочных реакциях.

что совершенно избыточно даже в энциклопедиях. Металлургические, машиноведческие, электротехнические и другие словари-справочники включают также значительное количество специальных сведений, совершенно не пущных в словарях общего типа.

Словари иностранных слов представляют собой некоторый промежуточный тип между энциклопедическими и общелингвистическими. Они, подобно первым, дают некоторые сведения об именуемых предметах и, подобно вторым, — историю слова, его именующего.

Р. Е. БЕРЕЗНИКОВА

ПОДАЧА НОМЕНОВ В СЛОВАРЯХ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ

При отборе, а также при определении в лингвистических словарях специальной лексики следует учитывать различия между терминологией и номенклатурой, изучение которой как особого слоя лексики начато в самое последнее время. Хотя границы номенклатуры пока очерчены недостаточно, в отдельных областях науки, таких как ботаника, зоология, геология, минералогия, медицина, о существовании номенов можно говорить более определенно.

Изучение соотношения терминов и номенов, специфики каждого типа наименований позволяет сделать некоторые выводы, которые могут иметь значение для лексикографии. Так, при отборе терминологической лексики в словари общелингвистического языка обычно учитывается, что для различных областей науки и техники характерна неодинаковая степень соприкосновения с жизнью широких слоев населения, в соответствии с чем различаются науки «узкого профиля» и «широкого профиля». Но, кроме того, обнаруживается, что отдельные группы слов внутри специальной лексики также характеризуются разной степенью «выхода» в общее употребление. Если «из производственно-профессиональных терминов в общенародный язык проникают прежде всего и легче всего слова, обозначающие наиболее общие понятия производства»,¹ то из ряда областей науки гораздо в большей степени попадают в общий язык не термины, а номены. В частности, в области, наименований лекарственных средств выход в практику имеют названия конкретных препаратов, так как именно с ними имеют дело широкие слои населения, в то время как многие термины, очень важные в системе науки фармакологии, остаются в ее рамках и в общем употреблении не становятся известными или входят в общий язык значительно позже, чем соответствующие им номены.

Например, в 4-й том МАС, изданный в 1961 г., вошли номены *сульфидин* и *сульфазол*, в то время как термин, обозначающий

¹ См.: Сороколетов Ф. П. О месте производственной терминологии в Толковом словаре русского языка. — В кн.: Лексикографический сборник. Вып. 1. М., 1957, с. 126.

фармакологическую группу, к которой относятся эти лекарственные средства, — *сульфаниламиды* в словарь включен не был.

Важно отметить также, что хотя слова *сульфидин* и *сульфазол* вошли в Словарь русского языка в 4-х томах, они не включались ни в учебники фармакологии, ни в справочники по лекарственным средствам, изданные примерно в эти же годы, так как препараты, обозначавшиеся этими номенами, к тому времени были уже сняты с производства. Так, сульфидин, синтезированный в 1938 г., в 40-е годы очень широко применялся в отечественной медицине и в 1952 г. еще входил в учебники фармакологии, однако вскоре после этого был заменен другими, менее токсичными препаратами. В 50-е годы был снят с производства и сульфазол. Этот пример иллюстрирует очень важное отличие толковых общезыковых словарей от специальных отраслевых: включение подобных номенов в нормативный специальный словарь после снятия соответствующих препаратов с производства должно было бы рассматриваться как грубая ошибка, результат некомпетентности его составителей, в то время как помещение их в толковый словарь русского языка вполне закономерно, так как отражает широкое вхождение этих слов в общее употребление в период, непосредственно предшествующий составлению словаря.

Необходимо подчеркнуть, что следствием принципиальных различий между терминологией и номенклатурой как отдельными слоями специальной лексики является и тот факт, что номены обычно не включаются в терминологические словари или включаются в них в очень ограниченном количестве, как это сделано, например, в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахматовой. Аналогичное явление отмечается и в области медицины: в словарь Георгия Д. Арнаудова² помещены такие термины, как *сульфаниламидные лекарства*, но ни одно название конкретного лекарственного средства не включено.

Номены — наиболее искусственная и потому наиболее подверженная изменениям часть специальной лексики. Так, многочисленные замены в номенклатуре сопровождают развитие анатомии, фармакологии. На непостоянство биологической номенклатуры обратил внимание исследователь английского научного языка Апдруз (E. Andrews).³ Поэтому при переиздании словарей — как отраслевых, так и общезыковых — необходимо особенно тщательно пересматривать как сам состав номенов, подлежащих включению в словарь, так и пометы, их сопровождающие, ибо в номенклатуре наиболее вероятны различного рода замены, изменения статуса названий или выход названий из употребления.

Жизнь номенов вследствие их особо тесной связи с объектами, особенно отчетливо зависит от существования этих объектов. Вы-

² Арнаулов Г. Д. Медицинская терминология на пяти языках. 3-е русск. изд. София, 1969.

³ Andrews E. A history of scientific English. New York, 1947, p. 70.

ход из употребления объекта в подавляющем большинстве случаев влечет за собой почти одновременное устранение из употребления номена, что подтверждается данными исследований забытых диалектов: при их восстановлении носители языка с наибольшим трудом вспоминают слова, относящиеся к специальной лексике, особенно к названиям номенклатурного характера. При этом восстановлению в памяти номенов, как правило, должно предшествовать подробное описание или демонстрация соответствующих им предметов,⁴ что хорошо согласуется с положением А. В. Суперанской об особой роли наглядных изображений для номенов (см. статью в данном сборнике).

При решении вопроса о необходимости включения в филологические словари номенов, обозначающих объекты, полностью вышедшие из употребления, следует руководствоваться степенью распространения каждого из этих номенов в художественной литературе, учитывая при этом, что номены в целом раньше утрачиваются языком, чем термины, вследствие чего они раньше должны делаться достоянием исторических словарей.

Иное отношение должно быть к устаревшим для науки номенам, когда называемые ими объекты не вышли из употребления, а приобрели в науке другие названия. В отраслевом словаре при наличии изменений в номенклатуре сразу производится замена устаревшего номена новым. В словарь литературного языка такое изменение механически внесено быть не может. Необходимо, чтобы прошел какой-то промежуток времени для того, чтобы новый номен вошел во всеобщее употребление. Возможны также случаи, когда новый научный номен не приживается в общепотребительном языке, что может объясняться слишком большой длиной его, неблагозвучностью и т. п.

Так, в настоящее время официальным научным номеном для лекарственного средства, широко известного в мире под названием *аспирин* является *ацетилсалициловая кислота*. Тем не менее в общем употреблении по-прежнему остается слово *аспирин*: его используют врачи в разговоре с больными, аптечные работники, особенно при выдаче лекарства покупателям, научно-популярные журналы, а в быту оно остается, пожалуй, единственным названием этого лекарственного средства. Вследствие этого в словарях русского языка как вокабула по-прежнему нужен *аспирин*, а соответствующее ему повое, хотя и более точное, название можно дать в тексте словарной статьи.⁵

Подобное явление наблюдается и в немецком языке: в одной из монографий, посвященных естественнонаучной и медицинской

⁴ См.: Бородинна М. Я. Психолингвистические проблемы полевого анкетирования. — В кн.: Материалы Третьего Всесоюзного симпозиума по психолингвистике. М., 1970, с. 153.

⁵ Ср.: Стенгровиц М. М. Место терминологической лексики в толковом словаре литературного языка. — В кн.: Вопросы разработки научно-технической терминологии. Рига, 1973, с. 210.

латыни,⁶ в качестве перевода к паучному номену одного из жаропонижающих лекарственных средств — *Aminorphenazonum* дан коммерческий номен, под которым это средство широко известно во многих странах, — *Pyramidon*.

Таким образом, в общем употреблении может закрепиться пазвание, отличное от номена, официально принятого в науке, примером чего могут служить также наименования из области анатомии. В частности, в русской анатомической номенклатуре принят помен *двуглавая мышца плеча*, в то время как в словари русского языка вошло слово *бицепс*, являющееся частью соответствующего латинского номена *musculus biceps brachii*. Специалистами — анатомами и врачами — слово *бицепс* рассматривается как чисто разговорное название, недопустимое в научном языке и, естественно, не подлежащее включению в специальные словари. Следовательно, подход к тому, следует ли то или иное слово включать в словари общелитературного языка, в корне отличен от принципов, которыми руководствуются при составлении специальных словарей.

На последнем примере, кроме того, отчетливо видно, что в общеупотребительный язык проникают необязательно те номены, которые наиболее важны с точки зрения науки, а те, которые обозначают объекты, используемые в повседневном обиходе либо доступные непосредственному наблюдению. Так, кроме двуглавой, в области плеча имеется и трехглавая мышца (*musculus triceps brachii*), не менее важная в системе двигательного аппарата, но, будучи расположенной на тыльной стороне плеча, она не обращает на себя внимания неспециалистов, и слово *triceps* не вошло в русский язык.

Особого рассмотрения требует и характер словарных статей для номенов. При определении номенклатурных слов в словарях необходимо учитывать неоднородность состава самой номенклатуры в ряде областей науки и производства. Так, номенклатура лекарственных средств подразделяется на научную и коммерческую. Научные номены лекарственных средств вещественны — они обозначают фармакологически активные вещества, т. е. действующие вещества лекарственных препаратов. Другая категория номенов — это названия готовых лекарственных средств, используемые в торговле, т. е. коммерческие номены. В отличие от научных коммерческие номены предметны, так как даются конкретным лекарственным препаратам, в состав которых лекарственные вещества входят нередко лишь как компоненты. Среди коммерческих номенов особую группу составляют товарные знаки, регистрируемые и пользующиеся правовой охраной в качестве знаков собственности отдельных фирм.

В настоящее время в процессе международной работы по систематизации номенклатуры лекарственных средств установ-

⁶ Ahrens G. Naturwissenschaftliche und medizinische Latein. Leipzig, 1960.

лено соотношение между научной и коммерческой номенклатурой, произведено распределение номенов между ними и осуществлена некоторая перестройка национальных номенклатур с учетом места каждого номена в системе. Разграничение статуса, сферы употребления и функций номенов привело к устранению из научной номенклатуры таких коммерческих названий, как *аспирин*, *пирамидон*, *люминал*, *мединал*, хотя многие из них входили в течение некоторого времени в Государственную фармакопею СССР. Однако устранение таких названий из языка науки не всегда приводит к их устранению из общелитературного языка. Широкое распространение отдельных лекарственных средств вызвало проникновение их названий в общенародные языки, иногда очень глубокое (как в случае с аспирином), причем стремление создателей коммерческих номенов уподобить их как в отношении длины, так и в отношении удобопроизносимости словам разговорного языка способствует легкости их вхождения в язык.

Статус номенов в системе номенклатуры, а также в языке в целом должен учитываться в определениях номенклатурных слов в словарных статьях толковых словарей.

На основе анализа словарных статей, посвященных вещественным номенам в различных словарях (энциклопедических, филологических, терминологических), мы составили список характеристик, даваемых для пояснения комментируемого слова и реалии (порядковый номер характеристик и их последовательность условны).

Характеристики реалии

- 1) Физические свойства.
- 2) Химическая формула.
- 3) Химические свойства.
- 4) Местонахождение.
- 5) Характер действия.
- 6) Способ применения.
- 7) Способ получения.
- 8) Год открытия, имя открывшего.

Характеристики слова

- 1) Грамматическая характеристика.
- 2) Латинское название.
- 3) Место в лексической системе (поле, термин, номен).
- 4) Стилистическая характеристика.
- 5) Изменение значений и формы слова.
- 6) Иллюстративные слова и речения.
- 7) Этимологическая справка.
- 8) Время введения и употребления, имя автора (для искусственных слов).
- 9) Библиографическая справка.
- 10) Связи между языковыми единицами в терминологическом поле.
- 11) Произношение, ударение.

По-видимому, полная характеристика реалии — достояние энциклопедии, большинство характеристик реалии (1, 3, 4, 5, 6) и отдельные характеристики слова (2, 7) должны отражаться в энциклопедических словарях.

Что касается специализированных терминологических словарей, то если терминам в комментирующей части их словарных статей соответствуют дефиниции, содержащие существенные признаки понятия, то поменам соответствует характеристика предмета, так как помены, вследствие их тесной связи с предметами, могут быть определены не через дефиниции, а через развернутые описания, содержащие индивидуальные признаки предмета (1, 2, 3, 4, 5, 6). Из характеристик слова в отраслевой терминологический словарь могут войти указания на произношение и ударение, а также указания на связи между языковыми единицами в терминологическом поле, такие как отношение к научной или коммерческой номенклатуре для лекарственных средств, связи с другими поменами, например с поменами, применяемыми в различных национальных номенклатурах. В нормативных отраслевых словарях должны содержаться указания на допустимые и недопустимые синонимы. В полные отраслевые словари должны включаться и дополнительные сведения исторического характера (время создания помена, его автор и т. п.).

Существуют и более специфические типы терминологических и номенклатурных словарей, например словари-справочники, цель которых — раскрытие морфологической или словообразовательной структуры слов, относящихся к специальной лексике. В частности, нами было составлено «Краткое справочное пособие по этимологии наименований лекарственных средств».⁷ Толкования терминов и поменов в подобных словарях, по нашему мнению, не могут претендовать не только на полноту, но и на однозначность. Их цель определяется общей задачей справочника, поэтому толкование включает лишь те сведения, которые помогают раскрыть структуру наименования и объяснить причину, по которой тот или иной термин- или номемозлемент включен в название. В связи с этим толкование в таком словаре не может быть стандартным — оно строится в зависимости от состава компонентов помена, от признаков, которые включены в само наименование. Поэтому, например, в толковании помена *Hydrocortizonum* нами был указан способ получения лекарственного средства, при *Vekasolum* — буквенное название витамина и растворимость препарата в воде, при *Dermatolum* — применение при заболеваниях кожи, при *Darminolum* — источник получения и т. д.

Иной характер должны иметь толкования номенов в филологических словарях. Общеязыковые понятия, соотносимые с предметами, являются более общими, поверхностными по сравнению с научными. Поэтому вполне естественно, что в БАС *ксероформ* характеризуется как «соединение висмута и брома», тогда как в справочнике «Лекарственные средства» М. Д. Машковского⁸

⁷ Березникова Р. Е. Краткое справочное пособие по этимологии наименований лекарственных средств. Курск, 1969.

⁸ Машковский М. Д. Лекарственные средства. Т. I. М., 1972.

дается его точное химическое название — трибромфенолят висмута основной с окисью висмута.

В толковый одноязычный словарь могут войти лишь наиболее общие характеристики предмета — физические свойства, местонахождение, применение, т. е. то, что имеет выход в практику. Основу словарной статьи в филологическом словаре должны составлять характеристики слова (1, 3, 4, 6, 7, 8, 9).

Хотя данные о реалии в языковых словарях должны даваться только через слово и его значение, толкование поменов и в словарях общелитературного языка отличается большей энциклопедичностью по сравнению с толкованиями других слов, что связано со спецификой обозначаемых ими объектов, их особой конкретностью. Поэтому и в словарях общелитературного языка словарные статьи для поменов должны иметь несколько особый характер, отличающий их от других слоев лексики.

В частности, специфической чертой поменов ряда областей знаний является их сопоставимость с международными латинскими поменами. По нашему мнению, в полных словарях русского языка в справочном разделе должны содержаться международные латинские названия. Это позволит легко идентифицировать названия, принятые в разных странах, ибо нельзя забывать о возможности обращения к такому словарю иностранных специалистов, для которых идентификация поменов без такого рода указаний крайне затруднительна. Приведение латинских названий хотя и вносит элемент энциклопедизма, тем не менее вполне оправдано спецификой номенклатуры как особого лексического слоя, а также необходимостью четкого критерия в отождествлении поменов различных национальных номенклатур. Следовательно, включение латинских названий в толковый словарь приобретает совершенно иной характер по сравнению с энциклопедическими словарями, получая другую цель — здесь это способ сопоставления не только реалий, но и слов разных языков, относящихся к одной реалии. В связи с этим, по-видимому, целесообразно обратиться к нашему собственному опыту лексикографии (в Словарь Академии Российской 1789 г. были введены латинские названия), к опыту ряда наших республик⁹ (см. также статью Л. С. Паламарчука в данном сборнике), а также других стран, где латинские названия являются обязательной принадлежностью словарных статей для отдельных видов номенклатурных слов в полных филологических словарях. В то же время справка о латинском международном названии, необходимая в полном словаре литературного языка, является излишней в таком словаре, как 4-томный Словарь русского языка, который предназначен для широких кругов читателей.

⁹ Коньт И., Пикамяэ А. Смысловая характеристика слов в макете Толкового словаря эстонского языка. — В кн.: Проблема толкования слов в филологических словарях. Рига, 1963, с. 139.

Касаясь практики толкования номенов в филологических словарях, следует отметить, что словарные статьи к номенклатурным словам в существующих толковых словарях русского языка имеют ряд недостатков. Это легко прослеживается на примерах толкования номенов лекарственных средств. Нередко толкования номенов разнородны: в одних статьях они начинаются с характеристики физических свойств вещества, в других — с указания на отношение к классу лекарственных средств (ср., например, толкования слов *йодоформ* и *ксероформ* в МАС и БАС). При толковании ряда номенов лекарственных средств не конкретизировано их применение в медицине (см. *камфора*, *гематоген* в БАС), хотя в целом указания на отношение к классу лекарственных средств или заболевания, при которых применяется тот или иной препарат, являются обычными для этого словаря.

Некоторые определения почти тавтологичны: «Пирамидон. Лекарство, употребляемое как болеутоляющее и жаропонижающее средство» (17-томный словарь).

В отдельных случаях указания носят временный характер: «Акрихин нов. медиц. Новый, приготовляемый в СССР противомаларийный препарат, заменяющий хинин».

Уже неоднократно отмечались значительный разноречивый и непоследовательность в пометах, сопровождающих в толковых словарях специальную лексику. Так, в БАС второе значение слова *бром* («бромистые соединения, употребляемые как успокоительное лекарственное средство») дано с пометой «фармак.», хотя в действительности возникло в профессиональной речи врачей и широко вошло в литературный язык. Оно не является терминологическим, о чем четко сказано в одном из учебников фармакологии: «Бромиды для краткости часто называют бромом; такое сокращение, строго говоря, неправильно».¹⁰ В современных учебниках фармакологии употребляются более точные наименования: «бромиды», «бромистые препараты», «соли брома».¹¹

В то же время аналогичное значение слова *йод* дано без всяких помет, что является более точным, а при слове *висмут* помета «мед».

Подобная непоследовательность отмечается в 4-томном словаре. При словах *фенацетин*, *диуретин*, *йодоформ* есть помета «фарм.», а при таких пометах, как *стрептомицин*, *стрептоцид*, всякие пометы отсутствуют.

Не фиксировано место помет: в БАС при слове *висмут* помета «мед.» стоит перед толкованием слова, а в словарной статье, посвященной слову *веронал*, — в конце и в скобках.

От терминологических и номенклатурных слов необходимо отличать категорию названий, не входящих в систему научной

¹⁰ Аничков С. В. и Беленький М. Л. Учебник фармакологии. М., 1954, с. 118.

¹¹ Закусов В. В. Фармакология. М., 1966, с. 109—111.

терминологии («тривиальных названий», как их называют химики), а также коммерческих названий, вошедших в общее употребление. Из словарных статей на такие названия следует устранить пометы типа «хим.» (бертолетова соль), «мед.» (веронал), которые связывают их с определенным терминологическим полем.

Необходимо также уточнить подачу разговорных слов. В БАС слово *валерианка* (*валерьянка*) дано с указанием на употребление в просторечии, хотя оно аналогично словам *зеленка* и *касторка*, данным с пометой «разг.».

Все вышеуказанное свидетельствует о необходимости особого подхода к отбору и толкованию номенов в словарях различных типов, а также о наличии ряда нерешенных вопросов в подаче номенов в существующих филологических словарях.

Н. Н. ЗАВИНКОВА

ТЕРМИНЫ И НОМЕНКЛАТУРНЫЕ СЛОВА В БОТАНИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ

Лексика естественных наук представляет собою в высшей степени интересный материал с лингвистической точки зрения, так как она является в некоторых отношениях уникальным феноменом.

Как номенклатура, так и терминология многих естественных наук построены на основе греко-латинских элементов и оформляются грамматическими категориями мертвого латинского языка. Поэтому при их рассмотрении можно абстрагироваться от живого общеязыкового контекста. Кроме того, ботаническая, зоологическая, анатомическая и некоторые другие номенклатуры носят международный характер и регулируются путем созыва специальных съездов, обсуждения спорных вопросов в литературе, создания особых комиссий и т. п. Ботаническая терминология на латинском языке хотя и не регламентируется международными правилами, но, поскольку нервоописания таксонов (т. е. описание новых растений) согласно Международному кодексу ботанической номенклатуры¹ должны быть выполнены на латинском языке, также имеет по существу интернациональное значение.

Основные лексические системы на латинском языке, применяемые в настоящее время в естественных науках, следующие:

- 1) ботаническая номенклатура и терминология;
- 2) зоологическая номенклатура и отчасти терминология;
- 3) терминология некоторых дисциплин, оформленная в виде «Nomina» (обычно Nomina считаются номенклатурой, по сравнению их с тщательно разработанными и вполне оформленными

¹ International Code of Botanical Nomenclature adopted by the Eleventh International Botanical Congress. Seattle, August 1969. Utrecht, 1972 (далее: ICBN).

ботанической и зоологической номенклатурами показывает, что между ними есть существенные отличия; некоторые Nomina имеют уже длительную историю и не раз подвергались пересмотру и уточнению — Nomina anatomica,² другие по существу находятся в стадии становления — Nomina histologica,³ Nomina embryologica⁴ и др.);

4) международная фармакопея,⁵ опирается на ботаническую, зоологическую и химическую номенклатуры и тесно с ними связана, но во многом от них независима;

5) с некоторой натяжкой сюда должна быть отнесена также химическая номенклатура, которая хотя и не оформлена законодательно на латинском языке (с нашей точки зрения, это исключительно вопрос времени), но целиком построена на греко-латинских (или условно греко-латинских) элементах и, как и упомянутые выше лексические системы, носит международный характер.

Между лексическими единицами в указанных системах существуют определенные связи, причем характер их в номенклатуре и терминологии отнюдь не однороден. Анализ этих связей и особенно методов их выражения может представлять теоретический интерес и иметь практическое значение в целом ряде аспектов, например для оформления естественнонаучных номенклатур на живых (в частности, русском) языках, для составления новых номенклатур и т. д.

Настоящее сообщение посвящено характеристике ботанической номенклатуры и терминологии описательной ботаники, тесно связанных между собой, функциональным особенностям лексики, которая фигурирует как в терминологии, так и в номенклатуре, и, наконец, отражению ее в современных русско-латинских словарях (Уткин,⁶ Давыдов⁷).

Характерные черты ботанической номенклатуры могут быть определены следующим образом.

1. Ботаническая номенклатура имеет дело с лексикой двух типов, а именно с терминами, которыми обозначается ранг таксономических групп или единиц (род, вид, семейство и т. п.), и с названиями, которые присваиваются отдельным таксономическим группам (голосемянные, лилейные, манжетка, лютик едкий). Каждое растение, как это указано в ст. 2 ICBN, рас-

² Nomina Anatomica. Международная анатомическая номенклатура. Изд. 3-е. М., 1970.

³ Nomina Histologica. Международная гистологическая номенклатура. М., 1973.

⁴ Nomina Embryologica. Bethesda, Maryland, 1970.

⁵ Международная фармакопея. Изд. 2-е. Всемирная Организация Здравоохранения. Женева, 1969.

⁶ Уткин Л. А. Краткий ботанический русско-латинский словарь. М., 1961.

⁷ Давыдов Н. Н. Ботанический словарь. Русско-английско-немецко-французско-латинский. М., 1960.

сма­три­ва­ет­ся на при­над­ле­жа­щее к ря­ду таксо­нов по­сле­до­ва­тель­но со­под­чи­нен­ных ран­гов, сре­ди ко­то­рых ос­нов­ным яв­ля­ет­ся вид. Та­ким об­разом, ка­ж­дое рас­те­ние при­над­ле­жит к оп­ре­де­лен­но­му ви­ду, ро­ду, се­мей­ству, по­ря­д­ку, клас­су, от­де­лу. Еже­год­но опи­сы­ва­ет­ся око­ло 1000 по­вых ви­дов (от­час­ти за счет вновь най­ден­ных рас­те­ний из ма­ло­до­ступ­ных об­ла­стей зем­но­го ша­ра, от­час­ти за счет вся­ко­го ро­да из­ме­не­ний таксо­номиче­ской при­над­ле­ж­но­сти уже из­вест­ных рас­те­ний: раз­де­ле­ния од­но­го ро­да на не­сколь­ко, вы­де­ле­ния по­вых таксо­нов — сек­ций, ря­дов и т. д.). И тем не ме­нее са­ма си­сте­ма но­менк­ла­ту­ры оста­ет­ся неиз­мен­ной, и по­вый об­ъект за­ни­ма­ет в ней свое ме­сто в за­ви­си­мо­сти от свой­ствен­ных ему при­зна­ков.

2. С грам­ма­ти­че­ской точ­ки зре­ния пол­но­прав­ны­ми чле­на­ми но­менк­ла­ту­ры мо­гут быть толь­ко су­ществи­тель­ные (па­з­ва­ния ро­дов, клас­сов, от­де­лов) или суб­стан­тивиро­ван­ные при­ла­га­тель­ные (в ла­тин­ском язы­ке ча­ще всего в жен­ском ро­де, мно­же­ствен­ном чис­ле, так как по­д­ра­зу­ме­ва­ет­ся, что они со­г­ла­со­ва­ны со сло­вом *planta* 'рас­те­ние'). Суб­стан­тивиро­ван­ные при­ла­га­тель­ные упо­тре­б­ля­ют­ся для об­оз­на­че­ния ка­те­го­рий се­мейств, под­се­мейств, по­ря­д­ков, сек­ций, а та­же в не­ко­то­рых слу­чаях по­д­раз­де­ле­ний ро­да, на­при­мер по­д­сек­ций. Как пра­ви­ло же, при­ла­га­тель­ные фи­гу­ри­руют в но­менк­ла­ту­ре в ка­че­стве э­пи­те­тов и са­мо­сто­ятель­ным об­оз­на­че­нием ка­те­го­рий не яв­ля­ют­ся.

3. На­иб­олее важ­ные эле­мен­ты но­менк­ла­ту­р­ной си­сте­мы (от ро­да до по­ря­д­ка вклю­чи­тель­но) офор­м­ля­ют­ся при по­мо­щи при­ба­в­ле­ния к ос­но­ве ро­до­во­го па­з­ва­ния стан­дарт­ных эле­мен­тов, ко­то­рым ис­кус­ствен­но при­да­ет­ся зна­че­ние «при­над­ле­ж­но­сти к оп­ре­де­лен­но­му ран­гу» (-*aseae* для на­з­ва­ний се­мейств, -*ales* для на­з­ва­ний по­ря­д­ков и т. д.). При этом от пер­во­на­чаль­но­го зна­че­ния этих эле­мен­тов, да­же если оно и вполне оп­ре­де­лен­но, аб­стра­ги­ру­ют­ся; на­при­мер эле­мен­ту -*oid*, ука­зы­ва­ю­ще­му на сход­ство (ср. ан­тро­понд, эллипсонд), при­да­ет­ся зна­че­ние ран­га под­се­мейства. Осталь­ные на­з­ва­ния ре­гу­ли­ру­ют­ся ста­ть­я­ми и со­ве­та­ми, ко­то­рые хо­тя и оста­в­ля­ют не­ко­то­рый про­стор для сло­во­твор­че­ства, од­на­ко до оп­ре­де­лен­ной сте­пени де­ла­ют на­з­ва­ния тех или иных ран­гов еди­но­об­раз­ны­ми с точ­ки зре­ния лек­сиче­ской фор­мы; па­з­ва­ния («э­пи­те­ты») по­д­ро­дов, сек­ций, ря­дов долж­ны пред­став­лять со­бою су­ществи­тель­ные в еди­н­ствен­ном чис­ле то­го же ро­да, что и ро­до­вое на­з­ва­ние, или при­ла­га­тель­ные во мно­же­ствен­ном чис­ле то­го же ро­да (ст. 21), на­з­ва­ния ран­гом выше по­ря­д­ка ре­ко­мен­ду­ет­ся со­став­лять при по­мо­щи при­ба­в­ле­ния стан­дарт­ных эле­мен­тов, при­чем ис­поль­зо­вать гре­че­ские ос­но­вы, в част­но­сти для на­з­ва­ний от­де­лов -*phyta*, по­дот­де­лов -*phytina* (кро­ме гри­бов) и т. п.

Имен­но не­об­хо­ди­мость най­ти це­лый ряд ней­траль­ных эле­мен­тов, при по­мо­щи ко­то­рых мож­но бы­ло бы со­став­ить бла­го­звуч­ные на­з­ва­ния таксо­нов ран­гом выше ро­да, де­ла­ют поч­ти не­раз­ре­ши­мой за­да­чу со­став­ле­ния но­менк­ла­ту­ры на живом язы­ке, ана­ло­гич­ной ла­тин­ской; про­бле­ма эта яв­ля­ет­ся в выс­шей сте­пени ак­туаль­ной,

в частности для русского языка, но чрезвычайно сложна, так как среди родовых названий растений встречаются как русские, так и заимствованные названия (Лютик, Пшеница, Рожь, Роза, Магнолия, Лилия); и подбор элементов (не менее шести), которые в равной степени могли бы быть присоединены к тем и другим, представляется весьма затруднительным.

4. Ботаническая номенклатура изобилует названиями, произведенными от собственных имен (например, около 20% эпитетов произведено от имен лиц и от географических названий). Допускается также использование слов любых языков и даже произвольный набор букв; регламентируется, как мы уже говорили, преимущественно грамматическая форма названий, которая должна быть латинизированной. Следует отметить, впрочем, что число названий без внутренней формы вообще невелико и связано обычно с именами лишь немногих авторов (например, М. Адансона). В частности, среди всех родовых наименований, оканчивающихся на *-is*, оказалось не более 2—3% слов с неясной этимологией.⁸

Ботаническими правилами ограничиваются лишь способы составления новых названий, но допускается (и предполагается) создание новых названий, а также в случае необходимости введение новых промежуточных категорий. Этим ботаническая и зоологическая номенклатуры отграничиваются от *Nomina*, которые являются не номенклатурой, а сводом терминов с попыткой, часто весьма несовершенной, их классификации.

Ботаническая терминология не регламентируется никакими международными правилами, но, поскольку и здесь за исходный язык принимается латинский и первоописания таксонов даются обязательно на латинском языке, мы вправе рассматривать ее также как явление международного порядка.

По сравнению с номенклатурой терминология обладает существенными отличиями.

1. Термины описательной ботаники в большей своей части могут быть сгруппированы и представлены в виде определенной системы, что с успехом осуществлялось многими авторами, начиная с Карла Линнея. Однако строгой соподчиненности между отдельными ее частями не наблюдается. В этом отношении морфологическая ботаническая терминология напоминает *Nomina anatomica*, где термины также располагаются по системам (органы пищеварения, мышцы, кости и т. п.).

2. Терминами описательной ботаники, как правило, являются существительные и прилагательные (реже — приравняемые к ним конструкции с предлогом или причастные обороты). При этом следует отметить, что качественные прилагательные являются здесь полноправными терминами и обычно объединяются

⁸ Z a b i n k o v a N. Generic names ending in *-is* and the determination of their stems. — In: *Taxon*. Vol. 17, № 2, 1968, p. 19—33.

в определенные системы (обозначения окраски, формы, консистенции и т. д.). В этом их существенное отличие от *Nomina anatomica*, где прилагательные играют роль, скорее приближающуюся к роли эпитета в номенклатурном названии. В самом деле, *желтый* в ботанике — абстрактное обозначение окраски, так как желтой может быть любая часть растения. В анатомии же — *желтые связи* не просто связи, имеющие желтую окраску, а связи, соединяющие позвонки; также *круглым* в ботанике может быть что угодно — это абстрактное выражение формы, в анатомии же *круглое отверстие* отнюдь не всякое круглое отверстие, а лишь находящееся на основной кости.

3. В описаниях растений характеризуются отдельные части изучаемого объекта с точки зрения их отсутствия/присутствия и различных качеств. Поэтому в терминологии находят широкое применение терминологические элементы, имеющие более или менее определенное значение (*-atus* — наличие, *-aceus* — структура), однако поскольку терминология значительно теснее связана с общим языком (даже мертвым, каким является латынь), значение их гораздо более расплывчато, нежели в номенклатуре (например, термины с элементами *-alis* и *-atus* часто бытуют в качестве синонимов, ср. *triangularis*—*triangulatus*, *unilocularis*—*uniloculatus*). Искусственное введение элемента в терминологию или закрепление за нейтральным элементом определенного значения проходит с большим трудом и часто оканчивается неудачей (термин «не прививается»), например попытка Бишофа закрепить за элементом *-aneus* значение «замещающий».⁹

4. В ботанической терминологии слова, образованные от собственных имен и географических названий, слова негреческого и нелатинского происхождения, искусственные наборы букв, аббревиатуры и т. п. встречаются крайне редко, хотя не исключены вовсе, ср. *мальпигиевы волоски*, *линия Каспары*, в палинологии термины Эрдтмана типа *lalongatus* и *lolongatus*.¹⁰

5. Нормализация и регуляция ботанической терминологии происходит не законодательным путем, а в процессе применения терминов различными авторами, путем издания справочников, словарей и т. д.

Как правило, лингвисты рассматривают вопрос о принадлежности лексической единицы к терминологии или номенклатуре альтернативно: помет или термин? В своей интересной статье «Терминология и номенклатура» А. Рейцак, правда, говорит о том, что «совокупность терминов, взятых в их денотативной функции, составляет номенклатуру», пытаясь представить терминологич-

⁹ Bischoff G. W. Wörterbuch der beschreibenden Botanik. Stuttgart, 1839.

¹⁰ Erdtman G. E. Pollen Morphology and Plant Taxonomy. Angiosperms. Stockholm, 1952. Русск. пер.: Морфология пыльцы и систематика растений. (Введение в палинологию). 1. Покрытосеменные. Перев. с англ. М., 1956.

ность и номенклатурность как функции, но исследованием этого вопроса она не занимается.¹¹

В ботанике номенклатурные наименования и термины представляют собою обособленные лексические группы, причем в ICBN специально оговорено, что в качестве названия не может употребляться термин (ст. 20). Названия таксонов рангом выше рода до порядка включительно основаны, как мы видели, на родовом названии и, следовательно, также терминами быть не могут. Наконец, названия рангов выше порядка образуются при помощи стандартных элементов, не фигурирующих в терминологии (-phytina, -mycota).

Следовательно, существует лишь один тип лексики, который занимает важное место в обеих системах (терминологической и номенклатурной), — качественные прилагательные. В терминологии они весьма широко распространены и играют роль самостоятельных терминов, в номенклатуре составляют значительную часть (более половины) всех видовых эпитетов.

Рассмотрим состав качественных прилагательных в терминологии и номенклатуре. Уже поверхностный анализ позволяет установить, что существует множество терминов-прилагательных, которые никогда не бывают эпитетами, и, напротив, эпитетов, непригодных в качестве термина. Эпитетов, образованных от собственных имен, представляющих собою аббревиатуры, варварские названия и т. п., мы здесь касаться не будем, так как их роль в терминологии крайне незначительна.

Так как функцией эпитета является лишь денотация, признак растения, который он отражает, совсем не всегда носит объективный характер, он может быть лишь впечатлением автора от описываемого им объекта; поэтому среди эпитетов мы находим большое число слов типа *красивый, печальный, ужасный* и т. п.

С другой стороны, среди эпитетов почти полностью отсутствуют заимствования, широко распространенные в русской ботанической терминологии: *макрофильный, кампилотропный, галофильный, стеногонный*, и т. п. В латинской номенклатуре эти слова встречаются, но, как мы увидим далее, значение их несколько иное по сравнению с русскими.

Объективные признаки растений отражаются в термине и эпитете также по-разному. Наиболее часто встречаются в качестве термина и эпитета простые прилагательные типа *острый, белый* или прилагательные, определяющие свойство по принципу 'снабженный чем-либо': *щетиновый, бугорчатый*. Значение их в обоих случаях одинаково, однако следует помнить о том, что эпитет обычно представляет собою метонимию, так как растение в целом редко обладает указанным признаком.

¹¹ Рейцак А. Терминология и номенклатура. — В кн.: Вопросы разработки научно-технической терминологии. Рига, 1973.

Очень обычным является определение качества по принципу сходства: *молочно-белый, яйцевидный, чесночный*. Но если для термина здесь необходима четкая ассоциация с предметом, обладающим данным свойством в ярко выраженной форме, то для эпитета это вовсе не обязательно. В качестве примера рассмотрим переводы на латинский язык слова *бобовидный* в словаре Давыдова, для которого приводятся три латинских эквивалента: *fabaceus, leguminiformis* и *fabiformis*. Путаница возникает из-за полисемии русского слова *бобовидный* — оно может означать 'похожий на боб (где боб — тип плодов *Fabaceae*)' и 'похожий (по форме) на плод растения «Бобы», т. е. почковидный'. Например, спора может быть *fabiformis*, но никак не *leguminiformis*, так как форма плода типа «боб» весьма разнообразна. В качестве эпитета же применимы (хотя могут и не отражать суть дела) все эти прилагательные.

Среди эпитетов «по сходству» встречается много таких, которые указывают на сходство вида с другими растениями: *acanthoides, eucalyptoides* и др. Такие эпитеты, вообще говоря, вполне приемлемы, так как дают общее представление о растении, однако иногда они представляют большие трудности как для понимания, так и, особенно, для перевода. Это относится к тем случаям, когда вид сравнивается с другим видом того же рода.

Примером может служить *Carex acutiformis*, где эпитет указывает на сходство с *Carex acuta* и означает буквально 'островидный'. При этом сходство иногда заключается отнюдь не только в признаке, выраженном в первом эпитете, но обычно в облике растения в целом; кроме того, в процессе перекомбинаций исходное название может оказаться давно отвергнутым, «уйти в синонимы», или вид может быть перенесен в другой род, и тогда понимание смысла эпитета оказывается сильно затрудненным.

Нам кажется, что такие названия вообще не следует считать удачными или, как изящно говорится в ICBN по другим поводам, «примером, достойным подражания».

В терминологии прилагательные, выражающие качество по сходству с другими растениями, встречаются в довольно большом количестве, однако обычно название растения выступает здесь в роли общеязыкового слова, а не названия определенного таксона; например, обозначения окраски: *розовый, фиолетовый, сиреневый*; запаха: *гвоздичный, перечный* и т. п.

В последнее время, однако, возник новый тип терминов, определяющих качество именно по сходству с определенным таксоном, причем на этом принципе построены целые терминологические системы, например устьица, которые характеризуются как *ранункулоидные, круцифероидные* и т. п., т. е. как у *Ranunculaceae, Cruciferae*, и т. п.

По такому же принципу была сделана попытка классификации плодов. В сущности говоря, это дальнейшее развитие от обычных терминов окраски, формы, запаха (*молочно-белый, почковидный,*

чесночный), но принципиальная разница заключается в том, что здесь использован не один признак, а целый комплекс признаков, характеризующих глубокое сходство в типе самой структуры.

Средства для выражения сложного качества в терминологии и номенклатуре различны. В терминологии качество может быть выражено при помощи: 1) более или менее пространного словосочетания; 2) сложного прилагательного; 3) заимствованного термина; например, наличие крупных листьев может быть выражено посредством словосочетания с *крупными листьями* и прилагательных *крупнолистный* и *макрофилльный*. На первый взгляд, эти выражения кажутся синонимами, однако употребляются в разном контексте, и степень их терминологичности, т. е. ограниченности терминологическим полем, различна. С *крупными листьями* — часть описания вида или разновидности типа: «Растение с прямым стеблем, в верхней части ветвящимся, крупными яйцевидными листьями, слегка суженными при основании...» и т. п.; прилагательное *крупнолистный* обычно употребляется при описании более крупных таксонов растений — секций, рядов и т. п.: «Крупнолистные кустарники или деревья». При этом если в первом случае *крупные листья* — свободное словосочетание, отражающее случайный признак, то *крупнолистный* уже несет в себе определенное обобщение — характеристику. Еще более терминологично и «несвободно» выражение *макрофилльный*. Оно вообще не может существовать вне системы: Растительность макрофилльная — растительность мезофилльная — растительность микрофилльная. На этом уровне мы и встречаемся в русском языке с почти стопроцентным употреблением заимствованных терминов.

В латинской терминологии не всегда обнаруживаются для всех трех степеней абстракции разные термины: как правило, выпадает среднее звено, для которого должно было бы служить прилагательное латинского происхождения; в частности, для данного случая употребительны словосочетание *foliis magnis* и греческий термин *macrophyllus*.

Вообще анализ показывает, что сложные прилагательные латинского происхождения в терминологии встречаются редко. По-видимому, это связано с тем, что они, как правило, «заняты» эпитетами.

Наиболее распространенные эпитеты, указывающие на наличие крупных листьев, следующие (не считая метафор): *grandifolius*, *magnifolius*, *magnifoliatus*, *magnifoliosus* (латинского происхождения), *megaphyllus* и *macrophyllus* (греческого). По своему значению это полные синонимы, являющиеся соответствием к *foliis magnis*.

Термины, сходные по своей внутренней форме, могут иметь различную сферу применения и употребляться для разных групп растений. В то же время в качестве эпитетов они являются полными синонимами. Связано это с тем, что названия частей и деталей растений часто основаны на метафоре: так, в словаре Да-

выдова для слова *бахромчатый* приведены два латинских эквивалента — *fimbriatus* и *cortinatus*. В качестве эпитетов, разумеется, могут быть употреблены оба слова, но как термины они резко различны. *Cortinatus* применяется только по отношению к грибам и значит 'с бахромой, оторочкой', где *cortina* — морфологическое образование, представляющее собою остатки общего покрывала (для его обозначения вполне уместным был бы употребительный в литературе заимствованный термин «кортина», отсутствующий в словаре); *fimbriatus* означает лишь наличие бахромчато-надорванного края, обычно лепестка, и т. п.

Таким образом, хотя для терминологии мы имеем большую свободу выражения, ей свойственно явное стремление к ликвидации синонимов и использование разных вариантов для разных уровней; в то же время при строгой синтаксической обусловленности (только сложное прилагательное!) для номенклатуры характерно обилие синонимов.

Посмотрим, как это отражено в словаре Давыдова: для слова *крупнолистный* даются два перевода — *grandifolius* и *macrophyllus*.

Вызывает удивление отсутствие широко распространенных, можно сказать, классических эпитетов *magnifolius*, *magnifolius*, *megaphyllus*, но, самое главное, остается неясным, в каких случаях можно и должно употреблять приведенные слова, какая между ними разница и годятся ли они для основной цели — использования в описании растения! Вдобавок следует отметить, что употребить словосочетание словарь не дает возможности, так как слова *большой* и *крупный* в нем отсутствуют вовсе, ибо, по мнению авторов, очевидно, не являются терминами.

Во втором из имеющихся русско-латинских ботанических словарей (Л. А. Уткин, 1962) для понятия *крупнолистный* приводится один латинский эквивалент — *macrophyllus*. При этом автор в предисловии указывает: «практическое назначение данного словаря — облегчить составление... описаний» (!).

Необходимость четкого разграничения сферы употребления прилагательных уже в начале прошлого века отчетливо осознавал автор классических для своего времени ботанических словарей И. Мартынов.¹² Так, к слову *magnifolius* он делает пометку: «Означает породы растений» и приводит пример: *Cinchona magnifolia*; относительно же слова *macilentus* после перевода 'сухопарый, сухой' указывает: «Означает породы и части растений: *Caulis macilentus*, *Astragalus macilentus*».

Следует отметить, что сфера употребления многих слов за истекшие со времени выхода в свет «Техно-ботанического словаря» полтора века изменилась; например, прилагательное кото-

¹² Мартынов И. 1) Техно-ботанический словарь на латинском и русском языках. СПб., 1820; 2) Словарь родовых имен растений. СПб., 1826.

рое И. Мартынов определяет как эпитет, в настоящее время широко распространено в качестве термина, а *macrocephalus* (длинноголовый), которое в «Техно-ботаническом словаре» характеризуется и как термин (в применении к зародышу), и как эпитет, свое терминологическое значение утратило.

Попытка ввести такого же рода разграничения сделана на очень широком материале в находящемся в печати «Русско-латинском словаре для ботаников» объемом более 80 печ. листов, одним из составителей которого является автор настоящего сообщения.

Изучение качественных прилагательных, употребляемых в естественных науках, особенно на латинском языке, представляет несомненный теоретический интерес в плане выявления на одном и том же материале специфически терминологических и номенклатурных черт и имеет важное практическое значение для составителей специальных словарей.

В заключение хочется сказать еще несколько слов об одной важной проблеме отражения ботанических названий в словарях общего типа. Речь идет о так называемых бытовых названиях растений, широко отображенных в общелитературном языке (мы говорим здесь не о местных «народных» названиях, для которых должны составляться и составляются специальные словари и справочники). Такие названия часто оказываются многозначными, т. е. под одним и тем же названием подразумеваются самые разные растения. Примером может служить слово «Подснежник».

В БАС этому слову посвящена следующая статья: *Подснежник*. Многолетнее луковичное растение с неярким цветком, распускающимся ранней весной, сразу после таяния снега. *С дерна могилы робко смотрели в небо бледно-лиловые подснежники*. М. Горький. Жизнь Матв. Кожемякина, 1. *Белые подснежники чуть-чуть качались, кивали заре, и каждый цветок позванивал*. Паустов. Стальн. колечко. *Пробиваясь сквозь ржавый настил мертвой прошлогодней листвы, зацвели подснежники*. Шолох.-Синяв. Волгины, VI, 12 (т. 10).

Здесь все неточно. Во-первых, совсем не все подснежники — луковичные, в частности то растение, которое называют подснежником на значительной части территории РСФСР, в том числе в Ленинграде, — *Анемоне nemorosa* — луковичы не имеет; во-вторых, понятие «неяркого цветка» весьма относительно — подснежником называют в сущности самые разнообразные растения с цветками белой, голубой (яркой), сиреневой и даже желтой (очень яркой) окраски. По-видимому, в этом случае лучше отказаться от всякой попытки идентифицировать название *подснежник* с определенным растением, и привести нейтральные в этом отношении цитаты (например, последнюю), либо, поскольку многие русские писатели были великими знатоками природы и точно представляли себе упоминаемые в их произведениях растения, попытаться выяснить, какие именно растения имелись в виду (например, у Паустовского несомненно в данном случае говорится

о *Galanthus*, обладающем белыми цветками, по форме напоминающими колокольчик).

Разумеется, решение этой задачи в ряде случаев потребует специальных исследований, но описания пейзажа иногда играют столь заметную роль, что точное понимание деталей представляется важным для понимания образной системы всего произведения в целом.

А. С. ГЕРД

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ И ТИПЫ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ

Своеобразие термина в том, что термин — это слово, которому искусственно, сознательно приписывается то или иное определение, связанное с тем или иным научным понятием. Однако такое определение отражает лишь основные существенные признаки научного понятия, которое в конечном счете всегда шире этого определения и потому никогда с ним не совпадает. Научное терминологическое значение — значение прямое, номинативное, конструктивно не обусловленное. В пределах данной терминологии терминологические значения лишены образности, модальности. В силу требований, предъявляемых к термину, не может быть терминологических употреблений или оттенков того или иного основного терминологического значения. Терминологические значения устанавливаются в процессе сознательной преднамеренной договоренности. Такие особенности научного термина, как однозначность, точность, представляют собой естественное следствие именно того, насколько точно определено значение данного термина путем договоренности. Значение термина может быть выражено либо в словесной форме, либо в том или ином формализованном виде. В различных терминологических системах разные типы значений выражаются по-разному (ср. метаязык семантики в химии, математике, медицине).

Так, например, в ихтиологической терминологии наименования каждого вида рыб получают определенное истолкование через строгую систему латинизированных (латинских) названий. Например, лещ — *Abramis brama*; лещ аральский — *Abramis brama aralensis*; пелядь — *Coregonus peled*; нельма — *Stenodus leucichthys nelma*.

Система латинизированных (латинских) обозначений тех или иных терминов данного конкретного языка и есть своеобразный искусственный язык — язык общения и полного взаимопонимания ихтиологов различных стран.

Специфика ихтиологической терминологии, в частности, такова, что латинские обозначения, принятые для определения вида, представляют собой своеобразную семантическую характеристику соответствующего русского слова или словосочетания. Ср. общепародные, обиходно-разговорные определения и терминологиче-

ские определения слова *плотва* — 'небольшая пресноводная рыба сем. карповых' (ССРЛЯ в 17 томах); в терминологии — *Rutilus rutilus*.

Анализ латинизированных обозначений семейств, родов, видов, подвидов, принятых в современной ихтиологической литературе, показывает, что они представляют собой точные и строгие семантические характеристики тех или иных слов каждого конкретного языка.

Ср., например, систему общего анализа понятия *стерлядь* в книге Л. С. Берга «Рыбы пресных вод СССР и сопредельных стран»: Вид *стерлядь* (*Acipenser ruthenus*) относится к роду *Acipenser*, к семейству *Acipenseridae*, к отряду *Acipenseriformes*, к подклассу *Actynopterygii*, к классу *Teleostomi*.

Исходя из этого, все отмеченные индексы можно рассматривать как своеобразные компоненты общей семантической характеристики слова, как семантические определения, четко и точно очерчивающие термин *стерлядь* в современной русской ихтиологической терминологии.

Естественно, что подобная семантическая характеристика представляет собой то же самое, лишь несколько уточненное, определение значения, которое мы находим и в современных толковых словарях; здесь это определение выражено более единообразно, точно и в иной внешней форме.

Характерно, что подобная система общепринятых в определенной среде специалистов семантических характеристик слов, обозначающих рыб, успешно функционирует в ихтиологии уже более 200 лет.

В то же время следует учитывать, что каждый вид, род по своему выделению и описанию в литературе неизбежно вызывает формирование соответствующего латинского определения. Однако далеко не каждый вид и род, а соответственно, и созданное уже латинское определение обязательно сразу же вызывает образование соответствующего русского названия вида. Специфика семантических определений в ихтиологической терминологии, в частности, такова, что какой-то период они могут существовать без оформления в виде слова того или иного национального языка. Поскольку система латинских определений устанавливается и задается по отношению к будущим названиям на том или ином языке предварительно, постольку мы имеем по существу уже заранее заданную достаточно строгую систему семантических определений для тех слов, которые призваны служить наименованиями тех или иных видов в данном языке.

Так, например, система латинских обозначений видов была установлена К. Линнеем в 1756 г., а русские научные названия тех же видов оформляются только с конца XVIII—середины XIX в.

С 20—30-х годов XX г. описано большое количество видов, сразу же получивших свои латинские определения, однако даже

многие из этих видов, не говоря уже о видах, описанных позднее, до сих пор не имеют еще соответствующих русских названий, а один из вопросов общей проблемы упорядочения и унификации русской ихтиологической терминологии и состоит как раз в определении русских названий для видов, их не имеющих.

Не надо думать, что сама система латинизированных определений неизменна. Многие обозначения уже вышли из употребления, другие уточнены и изменены, однако в самом процессе изменения этих обозначений еще раз отражается их типично семантический характер. Эти изменения отражают углубление наших знаний о том или ином виде, уточнение понятий, а отсюда и определений значений самих слов.

Как правило, семантическая характеристика строится на основе формализации и латинизирования тех или иных общепринятых по происхождению слов (итальянских, испанских, французских, русских). Постепенно наступает разрыв между формализованным определением значения и его внутренней мотивировкой. Говорящий *Rutilus rutilus* (плотва) обычно уже не осознает признак, положенный в основу этого формализованного семантического комплекса, а иногда может его и не знать вообще.

Отметим следующие типы (модели) семантических характеристик в ихтиологической терминологии по характеру их построения и внутренней формы.

1. Первый и второй, а иногда и третий — при трехчленной форме определения — компоненты значения — наименования рыбы или ее характерных признаков. Например, *плотва* — *Rutilus rutilus*, *серушка* — *Rutilus rutilus fluviatilis*.

2. Первый, а иногда и второй компоненты значения — название рыбы или каких-либо характерных ее признаков, третий, а иногда и второй компоненты — при трехчленной форме определения отмечают место обитания вида. Например, *сибирская плотва* — *Rutilus rutilus lacustris*, *черноморская сельдь* — *Alosa alosa pontica*, *днепровский усач* — *Barbus borysthenticus*, *аральская плотва* — *Rutilus rutilus aralensis*, *хибинский сиг* — *Coregonus lavaretus chibinae*.

3. Первый компонент значения — название рыбы, второй и третий указывают на ареал вида — *Alosa caspia caspia*.

4. Первый и второй компоненты значения совпадают и представляют собой либо наименование рыб, либо отмечают характерные признаки вида, третий — указывает на фамилию исследователя, впервые открывшего или описавшего этот вид: *гарань* — *Rutilus rutilus heckeli*, *северокавказская уклейка* — *Alburnus alburnus charusini*, *Coregonus lavaretus palloni*, *Alosa caspia knipowitschi*, *Alosa caspia nordmanni*.

5. Первый компонент значения — название рыбы, второй и третий указывают на фамилии исследователей, впервые описавших вид: *гольян Черского* — *Phoxinus czekanowski czerski*;

гольян Игнатова — *Phoxinus czekanowski ignatowi*, *Acipenser güldenstädti güldenstädti*.

6. Первый компонент — название рыбы, второй указывает на фамилию исследователя, впервые описавшего вид, третий — на какие-либо характерные признаки рыбы: *Acipenser baeri stenorhynchus*.

7. Первый компонент — название рыбы, второй указывает на фамилию исследователя, впервые описавшего этот вид, третий — на место обитания вида: *суйфуйский гольян* — *Phoxinus czekanowski suifunensis*, *Acipenser güldenstädti colchicus*, *Alosa kesleri volgensis*.

8. Первый и второй компоненты значения представляют собой либо название рыбы, либо определение ее характерных признаков, третий указывает на фамилию исследователя, впервые описавшего этот вид, четвертый — на место обитания вида: *северокавказская укля* — *Alburnus charusini tanaicus*.

9. Первый компонент — название рыбы, второй указывает на фамилию исследователя, впервые описавшего вид, третий — на название рыбы: *Acipenser baeri chatys*.

Определение подвида строится путем замены одного, обычно последнего, компонента латинского наименования вида новым уточняющим определением — *Alosa caspia caspia*, *Alosa caspia knipowitschi*, *Alosa caspia palaeostimi*, иногда путем добавления к определению вида или одного из подвидов таких уточняющих определений — *Alburnus alburnus charusini tanaicus* (*укля северокавказская*).

Определение нации и морфы образуется путем присоединения или замены одного обычно последнего компонента латинского определения подвида, реже вида, теми или иными уточняющими определениями, указывающими на характерные признаки морфы, на ее ареал, на фамилию исследователя, впервые описавшего эту морфу. Например: *Salmo salar m. lacustris*, *Coregonus peled m. elongata*, *Acipenser güldenstädti n. kurensis*, *Huso buso caspicus n. curensis*, *Coregonus lavaretus ludoga n. onegi*, *Coregonus lavaretus lavaretoides n. derjugini*, *Clupea harengus pallasii natio maris alba*, *Coregonus albula isp. kiletz*, *Coregonus albula isp. vimba*, *Salmo ischchan isp. gegarkuni m. alabalach*, *Coregonus lavaretus imandrae isubsp. knipowitschi*.

Таким образом, латинские определения могут быть как бинарными (двучленными), так и многочленными. Во всех случаях первая часть латинского определения указывает на род и представляет собою, как правило, либо народное по происхождению название рыбы, либо в латинизированной, но уже субстантивированной форме указывает на какие-либо характерные признаки во внешнем виде, поведении, образе жизни данной рыбы.

В тех случаях, когда второй или третий компонент в латинизированной форме представляет собой народное по происхождению наименование рыбы, данное название может быть почерп-

нито из любого языка (диалекта). Например: *Barbus bulatmai* (ср. *булат-мая*), *Acipenser schupa* (ср. *тип*) *Rutilus frisi kutum* (ср. *кутум*), *Coregonus muksun* (ср. *муксун*), *Coregonus peled* (ср. *пелядь*), *Coregonus tugun* (ср. *тугун*).

Число таких семантических типов не безгранично, оно более или менее определено для каждой развитой науки и ее терминологии, их пополнение прямо зависит от успехов этой науки.

В свою очередь данные частные семантические характеристики соотносимы со значениями более общего типа. Обозначим: Р — название какой-нибудь рыбы или наименование каких-нибудь ее признаков, М — место обитания, F — фамилия исследователя, впервые открывшего или описавшего данный вид.

Следующая таблица представляет соотношение частных и общих типов семантических характеристик в ихтиологической терминологии.

Общий тип значения	Частный тип значения
PP (PPP)	<i>Rutilus rutilus</i> . <i>Rutilus rutilus fluviatilis</i> <i>Anguilla anguilla</i> . <i>Barbus bulatmai</i>
PPM	<i>Clupea alosa</i> . <i>Anguilla anguilla</i> <i>Alburnus tauricus</i> — <i>Alosa curensis</i> <i>Alosa alosa pontica</i> <i>Barbus armenicus</i> <i>Rutilus rutilus lacustris</i> <i>Rutilus rutilus caspius</i> <i>Coregonus lavaretus baunti</i>
PPF	<i>Rutilus rutilus heckeli</i> <i>Alburnus alburnus charusini</i> <i>Alosa caspia knipowitschi</i>
PMM	<i>Alosa caspia caspia</i>
PFF	<i>Phoxinus czekanowski czerski</i> <i>Phoxinus czekanowski ignatowi</i>
PFP	<i>Acipenser baeri stenorhynchus</i> <i>Acipenser baeri chatys</i>
PFM	<i>Phoxinus czekanowski suifunensis</i> <i>Acipenser güldenstädti colchius</i> <i>Alosa kessleri volgensis</i>
PPFM	<i>Alburnus alburnus charusini tanaicus</i>
PPmM	<i>Salmo salar morpha lacustris</i>
PPmP	<i>Coregonus peled morpha elongata</i>
PFnM	<i>Coregonus güldenstädti natio kurensis</i>
PPMnM	<i>Huso huso caspius natio curensis</i> <i>Coregonus lavaretus ludoga natio onegi</i>
PPFn. F	<i>Coregonus lavaretus lavaretoides natio derjugini</i>
PPFn. M	<i>Clupea harengus pallasi natio maris albi</i>
PPisp. P	<i>Coregonus albula isp. kiletz</i> <i>Coregonus albula isp. vimba</i>
PP isp. P m. P	<i>Salmo ischchan isp. gegarkuni morpha alabalach</i>
PPM isubsp. F	<i>Coregonus lavaretus imandrae isubsp. knipowitschi</i>

По отношению к общим семантическим характеристикам конкретные значения выступают как варианты.

Четкая и единообразная система семантических характеристик, подобная той, которую мы имеем в ихтиологической терминологии, представляет собой по существу своеобразную заранее заданную программу с набором максимального числа дифференциальных признаков, которая может быть спроецирована на любой язык (диалект).

Следующая таблица показывает, как, в какой форме реализуются некоторые из таких семантических единиц в системе русской, польской и болгарской ихтиологической терминологии.

Значение	Русск.	Польск.	Болг.
<i>Acerina cernua</i>	<i>Ерш</i>	<i>Jazgarz</i>	<i>Бибан, ропец</i>
<i>Alburnus alburnus</i>	<i>Уклея</i> <i>Уклейка</i>	<i>Ukleja</i>	<i>Уклейка,</i> <i>блескач, тер-</i> <i>зийка</i>
<i>Barbus barbus</i>	<i>Усач</i>	<i>Brzana</i>	<i>Мряна</i>
<i>Cottus gobio</i>	<i>Подкаменщик,</i> <i>бычок</i>	<i>Glowacz</i>	<i>Главоц</i>
<i>Gasterosteus aculeatus</i>	<i>Колюшка</i>	<i>Ciernik kat,</i> <i>kolka</i>	<i>Къдринка,</i> <i>бодливка</i>
<i>Gobio gobio</i>	<i>Пескарь</i>	<i>Kielb</i>	<i>Воденичарка</i>
<i>Lucioperca lucioperca</i>	<i>Судак</i>	<i>Sandacz</i>	<i>Бела рыба</i>
<i>Lota lota</i>	<i>Налим</i>	<i>Młętus</i>	<i>Смадок, налим</i>
<i>Morone labrax</i>	<i>Лавраки</i>		<i>Лавраки</i>
<i>Pelamys sarda</i>	<i>Пелагида</i>		<i>Паламуда</i>
<i>Raja clavata</i>	<i>Скат</i>		<i>Ватос, морска</i> <i>лисица</i>
<i>Rutilus rutilus</i>	<i>Плотва</i>	<i>Płoc, płotka</i>	<i>Плотва, ба-</i> <i>бушка</i>
<i>Tinca tinca</i>	<i>Линь</i>	<i>Lin</i>	<i>Лин, каленик</i>
<i>Thymallus thymallus</i>	<i>Хариус</i>	<i>Lipien</i>	

Отсутствие признака здесь не менее важно, чем его присутствие. Анализ таблиц дает возможность построить не только четкие карты распространения как слова, так и понятия, но и установить впоследствии причины такого ареала (связь с ареалом вида, историей народа, внутренние потребности национальной терминологии, специфика ее эволюции).

Подобная заранее заданная программа семантических признаков, определителей имеет и большое прикладное значение как в аспекте стандартизации национальной терминологии и составления терминологических словарей, с одной стороны, так и в плане устранения синонимии в целях создания информационно-поисковых систем — с другой. Так, например, в современной ихтиологии известно много экзотических видов рыб, для которых пока нет еще стандартных наименований на русском языке, однако известны (записаны) их народные названия из языков Африки, Индии. Отметим попутно, что в аспекте терминологической работы, в плане создания ИПС глубоко ошибочным пред-

ставляется высказываемое иногда мнение о том, что вряд ли имеет смысл иметь свои национальные обозначения для максимального числа видов рыб, зверей, птиц, растений, иногда даже и неизвестных в данной стране. Научный обмен не знает границ, в мировой научной литературе встречаются самые разные описания из различных ареалов.

Напротив, для отдельных видов, отдельным семантическим характеристикам соответствуют нередко целые ряды синонимов даже в пределах одного и того же языка, и здесь при создании тезаурусов ИПЯ перед нами проблема выбора дескриптора, устранения синонимии.

Различные виды достаточно четких и точных семантических типов, моделей характерны и для других научно-терминологических систем. Семантические модели аналогичного характера мы находим прежде всего в ситологической, териологической, ботанической и других видах биологической терминологии, а также в терминологии медицинской, химической.

Примером семантических типов (моделей), отличающихся от семантических моделей биологической и медицинской терминологии, может служить терминология пластических масс и мягких искусственных кож. Семантика технических терминов категории процессов хорошо рассмотрена Т. Л. Канделаки.¹ Каковы эти признаки для каждой из наук, для отдельных отраслей знания и каковы практические вопросы построения тех или иных семантических типов, моделей — это относится уже к проблемам упорядочения и унификаций отдельных терминосистем.

Несмотря на все возможное многообразие отдельных семантических моделей в терминологии, существенно одно, а именно то, что все они строятся на основе выделения определенных дифференциальных семантических признаков, характерных для каждого термина.

Я. А. КЛИМОВИЦКИЙ

ТЕРМИН И ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ В СИСТЕМЕ

Нам, занимающимся вот уже более 40 лет терминами и терминологическими системами в Комитете научно-технической терминологии АН СССР (КНТТ), занимающимся этим делом ежедневно и в широком масштабе, совершенно ясно, что ходячее выражение «определение термина» — это по существу есть определение понятия, представленного термином.

Если мы говорим здесь об определениях терминов (в данном случае — применительно к запросам словарной работы), возьмем, так сказать, под микроскоп определение фундаментального поня-

¹ Канделаки Т. Л. Семантика терминов категории процессов. (Термины — имена действия, включающие именные основы). М., 1970.

тия науки о терминах (терминоведения) — определение самого понятия «термин».

Отвлечемся при этом от ситуации в современной логике, где, кажется, термин «понятие» не пользуется полным признанием, по крайней мере среди некоторых специалистов логики.

Мы иногда слышим из уст отдельных философов-логиков, что отличить «термин» от «определения» и от «петермина», пожалуй, невозможно. Это значит, что представителям такой точки зрения разглядеть существенные признаки «термина» по сравнению со словом или словосочетанием общеупотребительной лексики, весьма затруднительно, почти невозможно.

Отвлечемся все же от этих версий и затруднений, наблюдающихся в первую очередь в логической сфере.

Заметим лишь, что Маркс, Энгельс, Ленин в своих трудах, посвященных проблемам философии, политэкономии, политики, многократно и плодотворно оперировали терминами «понятие», «термин», «терминология», «определение» (применительно к «понятию») и т. п. Этими терминми и соответствующими понятиями успешно оперирует мировая паука.

Вспомним о том, с какой тщательностью рассмотрены в «Капитале» Маркса термины и понятия, относящиеся к различным формам стоимости, какое внимание уделил Энгельс вопросу о дефинициях, с каким проникновением Ленин в своем произведении «Материализм и эмпириокритицизм» проанализировал идеалистическое и материалистическое толкования таких понятий и терминов, как «опыт», «материя» и т. п.

Итак, обратимся к вопросу об определении понятия «термин». В литературе встречается немало определений (и толкований) «термина» как понятия. Чтобы далеко не ходить, процитируем и прокомментируем в связи с этим некоторые издания. В статье Т. Л. Капделаки отмечается определение понятия «термин», выдвинутое Р. Коцоуреком в трактате-обзоре «Термин и его дефиниция».¹ «Для отличения термина от петермина, — говорится в статье, — Коцоурек считает достаточным указать на то, что под термином понимается слово или лексикализованное словосочетание, требующее для установления своего значения (добавим — в соответствующей системе понятий) построения дефиниции».²

Правильно поступила Т. Л. Капделаки, сделав это совершенно необходимое добавление к формуле определения Коцоурека (о соответствующей системе понятий, в которой рассматривается слово или словосочетание, понимаемое под термином). Соотнесение термина с конкретной системой понятий является существенным признаком понятия «термин», без наличия которого

¹ Československý terminologický časopis, 1965, IV, № 1.

² Капделаки Т. Л. Значение термина и системы значений научно-технической терминологии. — В кн.: Проблемы языка науки и техники. Логические, лингвистические и историко-научные аспекты терминологии. М., 1970, с. 4.

(этого признака) термин невозможен, невозможно выполнение термином своих функций.

Другой пример определения понятия «термин» стоит привести из монографии В. Ф. Асмуса: «Словесное обозначение понятия, точно определенного и пригодного к применению в науке, называется термином».³ Здесь тоже, к сожалению, отсутствует указание на необходимость соотносесения термина и выражаемого им понятия с конкретной системой понятий, а самый термин выступает только как словесное обозначение понятия, что обедняет содержание понятия «термин», лишает его должной ориентированности.

От специалистов логики приходилось слышать по этому поводу возражение, что-де напрасно предъявляется к ним такая претензия о необходимости установления связи того или иного рассматриваемого понятия с конкретной системой понятий. Дескать, философам нет нужды ссылаться на ту или иную конкретную систему понятий. В широком философском понимании наука в целом мыслится как некий универзум, как всеобщая система понятий, и этого якобы вполне достаточно, чтобы иметь дело с данным термином и выражаемым им понятием.

Однако соотносесение термина и представляемого им понятия с конкретной терминологической системой обязательно, так как мы помним (следуя известному марксистско-ленинскому философскому положению) о том, что истина конкретна.

Наполненное конкретным содержанием, охарактеризованное как член терминологической системы своими соотношениями и связями с другими терминами, членами данной системы, — так выступает понятие о термине в известных трудах Д. С. Лотте в области терминологии.⁴ Лотте различал в структуре термина его звуковой состав, соотносесенный с понятием при обязательном установлении места понятия в рассматриваемой *системе понятий*.

Точно ориентированное в данной области науки и техники, в пределах своего «терминологического поля», так характеризуется понятие «термин» в блестящем исследовании-очерке А. А. Реформатского о термине и терминологии: «Терминология прежде всего связана с системой понятий данной науки...»; «Термины связаны понятиями науки, они для каждой науки (в каком-то ее едином направлении) исчислимы и принудительно связаны с понятиями данной науки, так как словесно отражают систему понятий данной науки»; «В науке соотносесенность термина и понятия выступает на первый план».⁵

Эти высказывания А. А. Реформатского в названном труде выражают его взгляды на понятие о термине. Понимание тер-

³ Асмус В. Ф. Логика. М., 1947, с. 52.

⁴ Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии. М., 1961, и мн. др.

⁵ Реформатский А. А. Что такое термин и терминология. — В кн.: Вопросы терминологии. М., 1961, с. 46—54.

мина в свете предложенной Реформатским концепции «терминологического поля», как видим, вполне согласуется с развитым в исследованиях Лотте пониманием терминологии как системы терминов. Кстати, следует подчеркнуть, что в этом труде Реформатского терминология четко отграничивается от номенклатуры.

Очень интересно иллюстрированы в цитированной работе А. А. Реформатского сопоставление терминологического поля с петерминологическим полем и возможности этих полей. Как помните, это эффектно продемонстрировано с помощью... Антона Павловича Чехова, точнее говоря, с привлечением материала рассказа Чехова «Свадьба с генералом». Герой этого рассказа флотский офицер Ревунов-Караулов произносит речь (торжественно-свадебного назначения), насыщенную корабельно-морскими терминами без всякой связи с каким-либо контекстом флотского характера. Вдруг «взрывается» терминологическая бомба, пишет А. А. Реформатский, в контексте обычной мещанской речи: «Нешто нам жалко», «... из интересу женится», «Они хотят свою образцованность показать» и т. д.

Слова команды флотского происхождения («сделать поворот через фордевинд», «кливер-шкот раздернуть», «грот-марса булель отдай» и т. п.), вырванные из соответствующего терминологического поля, вдруг оказываются в петерминологическом поле. Термины вне терминологии. Получается яркий художественный эффект.

Этот терминологический фейерверк из рассказа Чехова, включенный в исследование Реформатского, — хороший пример того, какую роль может играть включение в петерминологическое поле тех или иных бывших терминов.

Именно — бывших терминов. Потерявшие связь со своим закоренным терминологическим полем, сохранившие только внешнее обличье, бывшие флотские термины становятся петерминами.

Вот почему необходимо обеспечить наличие конкретного терминологического поля (с его внутренними связями и соотношениями), чтобы термины могли исполнять коммуникативные функции, предназначенные условиями своей науки, своей области знания. Только в этих условиях могут быть раскрыты понятия, представляемые терминами, могут быть сформированы (сформулированы) и определения этих понятий.

Любопытно, что Чехов художественными средствами — устами свадебного генерала обратил специальное внимание на термины как элементы, введенные для характеристики петерминологической ситуации.

Выше уже подчеркивалась руководящая идея о системности терминологии как научно сформированной совокупности (системы) терминов — понятий той или иной области знаний.

Язык науки, представленный системами терминов, служит для обеспечения взаимопонимания между специалистами отдельных

или находящихся на стыке, близлежащих друг к другу областей знаний, и этим характеризуется главная, коммуникативная функция терминологических систем.

В свете этого отправного положения было сформулировано (и опубликовано в трудах КНТТ в свое время) определение фундаментального понятия науки о терминах (терминологии — в этом смысле): «термин» — это слово (или словосочетание), языковой знак которого соотносён (связан) с соответствующим понятием в системе понятий данной области знаний.⁶

Этим определением утверждается, что термин является собой единство знака (комплекса знаков) и связанного с ним понятия в рассматриваемой системе понятий. Вместе с тем фиксируется существенный признак термина — его однозначность, что имеет решающее значение для упорядочения терминологии как научно сформированной совокупности терминов той или иной области знаний.

В содержание понятия «термин» органически включается, таким образом, вместе с понятием, взятым из конкретной системы понятий той или иной области знаний, языковой знак (или комплекс знаков), связанный (соотносимый) с данным понятием. Это понятие как бы приписывается к рассматриваемой системе понятий.

Понятие вмонтировано, так сказать, в состав термина, органически слито с языковым комплексом термина при сохранении в этом единстве различия каждой из этих составляющих термина.

Сформулированное определение «термина», являясь прямым продолжением и развитием воззрений советской терминологической школы на термин, выводом из трудов Чаплыгина—Лотте и КНТТ, было доложено в 1967 г. на широком совещании, созванном Академией наук СССР в Ленинграде и посвящённом лингвистическим проблемам научно-технической терминологии.

С тех пор это определение «термина» как понятия получило некоторое распространение в советской научной литературе.⁷ Оно опубликовано и за рубежом.⁸

⁶ Климовицкий Я. А. 1) Некоторые вопросы развития и методологии терминологических работ в СССР. М., 1967, с. 34; 2) Некоторые методологические вопросы работы над терминологией науки и техники. — В кн.: Современные проблемы терминологии в науке и технике. М., 1969, с. 35; Кулебаки В. С., Климовицкий Я. А. Работы по построению научно-технической терминологии в СССР и советская терминологическая школа. — В кн.: Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М., 1970, с. 19—20.

⁷ Например: Нерознак В. П., Суперапская А. В. Лингвистические проблемы терминологии. — Изв. АН СССР, Сер. лит. и яз. Т. XXXI. Вып. 3. М., 1972, с. 273—274; Макова М. И. О структурных особенностях словосочетаний в английском языке. — В кн.: Вопросы терминологии и лингвистической статистики. Воронеж, 1972, с. 32.

⁸ Deutsche Literaturzeitung. Jahrgang 92, Heft 7, Juli 1971, Akademie-Verlag, Berlin. S. 546.

Изложенные выше принципиальные соображения о термине и определении выражаемого им понятия можно проиллюстрировать и подтвердить широким общеязыковым и терминологическим материалом.

Здесь ограничимся лишь немногими примерами.

В исследовании, посвященном системе понятий и построению терминологии теории надежности в технике, приходится оперировать терминами, образованными из слов общеупотребительной лексики: *работоспособность*, *исправность*, *отказ*, *безотказность*, *долговечность*, *надежность* и т. п.

Эти слова имеют в словарном составе языка свои общепринятые толкования, но они становятся терминами с научными определениями лишь в применении к теории надежности и к специально построенной для этого терминологической системе.

Так, слово *работоспособность* в общем языке разъясняется следующим толкованием: *Отвлеч. к работоспособный. Р. ученого. Большая р.*⁹

Определение же понятия, выражаемого термином *работоспособность* в рамках терминологии, которую приходится строить применительно к надежности в технике, необходимо точно формулировать с учетом существенных признаков, характеризующих состояние технической системы (изделия). Определение понятия *работоспособность* формулируется поэтому так: «Состояние системы (изделия), при котором она (оно) в данный момент времени соответствует всем требованиям, установленным в отношении основных параметров, характеризующих нормальное выполнение заданных функций системы (изделия)».¹⁰

В определение понятия *работоспособность* введено таким образом понятие о состоянии «системы» (ранее определенной в качестве основополагающего понятия) при нормальном выполнении ею заданных функций.

В дальнейшем развитии терминологической системы даны, с использованием понятия о работоспособности, определения таких понятий, как *отказ*, *безотказность*, *долговечность*, *ремонтоспособность*.

Слово *надежность* трактуется в общем языке без привлечения этих необходимых понятий для выявления фундаментального научно-технического понятия, выражаемого термином *надежность*.

Слово *надежность* имеет такое толкование: «*Отвлеч. суш. к надежный. Н. предприятия. Н. средства*». При этом слово на-

⁹ Толковый словарь русского языка. Т. III. Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1939.

¹⁰ Надежность технических систем и изделий. Основные понятия. Терминология. Сборник рекомендуемых терминов. Вып. 67а. М., 1965, с. 7.

дежный толкуется так: «Возбуждающий, внушающий доверие; такой, на которого можно понадеяться, положиться. *Н. товарищ. Н. работник.* || Достигающий цели, верный. *Надежное убежище. Вполне надежное средство*». ¹¹

Сопоставим это толкование с построенным определением понятия *надежность* в специальной терминологической системе: «Свойство системы (изделия), обусловленное ее (его) безотказностью, долговечностью и ремонтпригодностью и обеспечивающее нормальное выполнение заданных функций системы (изделия); количественно оценивается, например, произведением вероятности безотказной работы на коэффициент технического использования (или коэффициент готовности)». ¹²

Представит интерес и такой пример.

В КНТТ нередко обращаются с запросами о словах, не являющихся терминами, т. е. не связанных с определенной системой понятий. Например, спрашивают об определениях понятий *приспособление, инструмент, операция, переход* и т. п.

На подобные запросы приходится давать разъяснения о том, что в выпущенных терминологических рекомендациях не встречаются упомянутые термины «в чистом виде», и, стало быть, не даются и просимые определения.

Однако была выпущена в свое время конкретная терминологическая система в области обработки металлов давлением; там термин *операция* имеет определение: «Часть технологического процессаковки или штамповки, осуществляемая одним или несколькими рабочими (бригадой) на одной машине и охватывающая собой все последовательные действия над данной заготовкой (группой заготовок) до начала обработки следующей заготовки (группы заготовок)». ¹³

В этом же выпуске дана позиция по термину *переход* с определением: «Часть операции, ограничиваемая неизменностью: а) заготовки; б) инструмента (одного или нескольких, одновременно работающих); в) обрабатываемого участка заготовки». ¹⁴

Таким образом, термины *операция, переход* и т. п. и определения представляемых ими понятий обусловлены системой понятий конкретной технологии (ковки и штамповки), и даны не «вообще», не как отвлеченные понятия. Все терминологические рекомендации КНТТ строятся только применительно к системам понятий конкретных областей науки и техники.

¹¹ Толковый словарь русского языка. Т. II. Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1938.

¹² Надежность технических систем и изделий, с. 12.

¹³ Обработка металлов давлением. Операции и переходыковки и штамповки. Терминология. Сборник рекомендуемых терминов. Вып. 55. М., 1955, с. 5.

¹⁴ Там же.

Сопоставление приведенных толкований слов и определений соответствующих терминов обосновывает необходимость обязательного различения обычного, общеупотребительного слова общего языка от научно определяемого термина. Этим подчеркивается необходимость принципиального различия толкования слова от определения термина (понятия), обусловленного терминологической системой строго логическими требованиями ее построения с учетом уровня и перспектив развития той области знаний, которую представляет данная терминология.

Толкования слов, предназначенные для словарей общего назначения, выполняют свою большую и полезную роль. Они характеризуют богатство возможностей языка и, вполне естественно, допускают многозначность слов. Однако особую и важную роль выполняют определения понятий, представляемых терминами, т. е. определения понятий науки и техники.

Эта роль соответствует, как отмечалось выше, обеспечению коммуникативной функции языка науки — взаимопонимания между специалистами отдельных или близлежащих друг к другу разделов науки и техники.

Поэтому первостепенной задачей терминологической деятельности является обеспечение однозначности терминов в рамках соответствующих областей знаний.

В. Ф. ЖУРАВЛЕВ

**ПО ПОВОДУ ОПРЕДЕЛЕНИЙ В ФОРМАЛЬНОЙ ЛОГИКЕ,
В СБОРНИКАХ РЕКОМЕНДУЕМЫХ ТЕРМИНОВ,
ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ СТАНДАРТАХ,
ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ И ЭНЦИКЛОПЕДИЯХ**

1. Понятие определения в современной формальной логике

1. В языках науки, техники, искусства и других специальных языках, так же как и в повседневном, обыденном языке, часто приходится сталкиваться с предложениями, которые выражают определения.

Последним оборотом мы хотим подчеркнуть, что определение относится к суждениям. В отличие от других форм мышления, например, понятия и умозаключения, суждение есть мысль, представляющая собой утверждение или отрицание наличия свойств у объектов, отношений между объектами. Очевидно, что определение скорее является утверждающим, чем отрицающим суждением. Далее, в определении утверждается не наличие свойств у объектов, а отношение между объектами. Наконец, в определении утверждается отношение тождества между объектами.

Прежде чем перейти к дальнейшей спецификации определения, отметим, что квалификация определения как суждения рас-

ходится с пониманием определения как предложения. Такое понимание определения можно было встретить еще в наших тезисах к докладу на конференции. Д. П. Горский также склонен относить определение к предложениям: «...определение есть предложение (или совокупность, конъюнкция предложений), отвечающее определенным логическим требованиям».¹ Подтверждение такого понимания, казалось бы, дает употребление термина «определение» в некоторых синтаксических системах. Например, в неинтерпретированном пропозициональном исчислении P_1 «определение вводит новый символ или выражение (которое не встречается в самой логистической системе и не было ранее введено другими определениями) и объявляет его сокращением, которое будет употребляться вместо некоторой определенной ппф (правильно построенной формулы, — В. Ж.)», при этом подразумевается, «что для этой пи-формулы используется одно и то же сокращение независимо от того, стоит ли она отдельно или же является частью более длинной пп-формулы».² Для удобства записи такого рода определений в исчислении используется стрелка \rightarrow , которая читается как «является сокращением для» или «используется вместо». Слева от стрелки стоит «определяемое — новый символ или выражение, которое вводится данным определением», справа от нее «пишем определяющее — ту ппф, вместо которой должно употребляться определяемое».³

Так, определение

$$[A \vee B] \rightarrow [[A \supset B] \supset B]$$

(где A и B — произвольные пп-формулы, \vee — вводимый символ, \supset — исходный символ исчисления P_1), позволяет везде, где встречается определяющее — ппф $[[A \supset B] \supset B]$ — заменять его определяемым — ппф $[A \vee B]$.

Далее А. Чёрч пишет: «Определения в этом смысле мы будем называть определениями сокращения, чтобы отличить их от различных других вещей, которые также называются или могут называться определениями (в связи с некоторым формализованным языком)».⁴

Так как определение сокращения представляет собой в исчислении P_1 определенный набор символов, то оно ничем не отличается от других сокращений, принимаемых для более удобного изложения этой системы. Лишенная интерпретации ппф $[A \vee B]$ отличается от ппф $[[A \supset B] \supset B]$. Неясно, на каком основании первая может замещать вторую. Этот факт проявляется

¹ Горский Д. П. Определение. — В кн.: Философская энциклопедия. Т. 4. М., 1967.

² Чёрч А. Введение в математическую логику. М., 1960, с. 71.

³ Там же.

⁴ Там же, с. 388.

только в главной интерпретации исчисления P_1 . В соответствии с ней $[[A \supset B] \supset B]$ ложно тогда и только тогда, когда $[A \supset B]$ истинно и в тоже время B ложно; но при ложности B выражение $[A \supset B]$ истинно тогда и только тогда, когда A ложно; таким образом, $[[A \supset B] \supset B]$ ложно в том и только в том случае, если как A , так и B ложны (и, конечно, истинно в остальных случаях); но это в точности совпадает с тем, что мы имели бы для дизъюнкции $A \vee B$.⁵ Таким образом, только при интерпретации появляются те объекты, тождество которых утверждается в определении. Такими объектами являются истинностные значения формул $[A \vee B]$ и $[[A \supset B] \supset B]$. Отсюда следует, что определение сокращения не является определением в том смысле, о котором говорилось выше.

2. Перейдем к дальнейшему выделению определений из класса суждений. Не каждое суждение, в котором утверждается тождество объектов, является определением. Так, суждение « $2=2$ » нельзя отнести к определению числа 2, несмотря на то что в нем утверждается тождество числа 2 самому себе. Суждение же « $2=1+1$ » можно признать определением числа 2. Следовательно, для того чтобы суждение стало определением, недостаточно одного факта тождества утверждаемых в нем объектов, хотя это и является необходимым моментом определения. Необходимо, чтобы определяемое и определяющее различались по способу выражения. Однако здесь под различием следует понимать не простую разницу в написании. Например, число 2 можно выразить словами «два», «two» и др. Говоря об определяемом и определяющем, мы фактически переходим от рассмотрения суждения и выражающего его повествовательного предложения к понятиям как элементам суждений и терминам — элементам предложений.

В формализованных языках, имеющих строгие правила построения выражений, в отличие от обычного языка удастся различать простые термины и термины сложные, состоящие из простых. Последние явным образом выражают понятие. Так в предложении «квадрат есть равносторонний прямоугольный четырехугольник» словосочетание «равносторонний прямоугольный четырехугольник» является таким сложным термином. Определения как раз и выражаются такими предложениями, в которых простому термину ставится в соответствие сложный. Часто отмечается,⁶ что простые исходные термины не необходимы с логической точки зрения. В некотором языке можно было бы обойтись только исходными простыми терминами. Однако пользование таким языком оказалось бы практически невозможным. Это равносильно тому, что для обозначения всех натуральных чисел, например, ограничиться числом 1 и операцией сложения.

⁵ Там же, с. 74—75.

⁶ См., например: Войшвилло Е. К. Понятие. М., 1967, с. 126.

3. Обобщая практику употребления определений, формальная логика формулирует общие требования к определениям. Наиболее отчетливо эти требования вырабатываются на базе теорий, язык которых подвергся логической переработке. Однако это удастся сделать только в очень абстрактных теориях. Для остальных областей эти требования являются лишь приблизительными нормативами.

К числу наиболее общих относится требование, чтобы определяющее не содержало ни определяемого, ни терминов, которые определяются через последнее. Принято говорить, что определение, удовлетворяющее этому требованию, свободно от «порочного» круга. Условием для соблюдения этого требования является логически строгое построение теории. Еще со времен Аристотеля известно, что не все объекты теории определимы. Каждая теория имеет наиболее абстрактные в ней объекты. Как остроумно заметил Б. Рассел,⁷ в таком случае мы знакомы с объектом, но не знаем о нем. Строго говоря, термины, представляющие исходные объекты теории, не выражают понятий. Исходные термины приобретают значение путем непосредственного соотнесения их с определенными предметами или свойствами и отношениями. Подобное соотнесение устанавливается в процессе общественной практической деятельности людей. В абстрактных теориях большую помощь в этом оказывает интуиция. В эмпирических областях пользуются приемом наглядного (остепсивного) определения, которое не является определением в строгом смысле слова. Пользуются также разъяснением значений исходных терминов с помощью примеров. Для любой системы величин исходные величины, через которые определяются все другие величины этой системы, могут быть определены с помощью так называемых операциональных определений. Исходные термины должны быть независимыми. При построении формальных систем обычно не говорят о полноте исходных терминов. Однако это не лишено смысла.

Другим требованием, о котором вскользь упоминалось выше, является то, чтобы определение обеспечивало взаимозаменяемость определяемого и определяющего терминов в любых контекстах. С тех пор, как в логике стали различать экстенциональные и интенциональные контексты, появилась необходимость оговаривать, что выполнение этого требования обеспечивается для первых, если определяемый или определяющий термины равнообъемны, а для вторых, если определяемый и определяющий термины выражают одно и то же понятие.

Накопец, требование однопзначности, в соответствии с которым определяемый и определяющий термины должны представлять один объект (класс объектов). Если определять термин как

⁷ Russell B. On denoting. — «Mind». Vol. 14, № 56, 1905.

слово или словосочетание, выражающее определенное понятие, то следует признать, что требование однозначности уже содержится в этом определении, поскольку понятие, выражаемое термином, однозначно определяет объем последнего. Отсюда можно заключить, что точное определение способствует устранению многозначности.

В то же время определение устанавливает синонимичности определяемого и определяющего терминов.

В зависимости от специфики области к определениям предъявляются и другие, более частные требования, без которых не выполняются эти три общих требования. Так, в математике к определениям часто предъявляется требование конструктивности и много «формальных» требований, обусловленных спецификой языка. В эмпирических же науках возникает потребность определения объектов с учетом их существенных для данной теории признаков.

4. В заключение остановимся на тех многочисленных видах определений, которые изучает современная формальная логика. Однако их перечисление занимает слишком много места, чтобы в этой краткой статье вообще можно было уделять некоторым из них (менее важным) внимание. Наиболее распространенным является определение «через род и видовое отличие», например «квадрат есть равносторонний прямоугольный четырехугольник». Этот вид определения связан с определенной структурой понятия, выражаемого явным образом определяющим термином. В общем виде эта структура имеет вид $x \in A(x)$, где x представляет род, в котором с помощью видового отличия $A(x)$ выделяются обобщаемые в понятии объекты. В данном примере родом является класс прямоугольных четырехугольников. Из этого рода класс квадратов выделяется посредством указания видового отличия последних — «равносторонний». В соответствии с существующей классификацией определений класс определений через род и видовое отличие пересекается с другими классами определений. Так, определение может быть названо «явным» определением, потому что ему соответствует понятие, имеющее указанную выше структуру. Поскольку, как отмечалось ранее, исходные термины не выражают понятий данной области в строгом смысле слова, постольку они не могут быть определены через род и видовое отличие. Они определяются неявным образом через соотношение с другими исходными терминами. В аксиоматических системах это определение осуществляется с помощью аксиом.

Определения через род и видовое отличие являются также вербальными определениями в отличие от остенсивных, о которых упоминалось в свое время.

Они также являются полными определениями, так как объемы определяемого и определяющего терминов совпадают. В противном случае, например при определении целого через его

части, которые не исчерпывают этого целого, определение будет неполным.

Данные определения являются также реальными. В соответствии с принципом предметности теории отношения именования, распространенным на общие имена (термины), каждое предложение говорит об объектах, представляемых терминами, входящими в данное предложение.⁸ Так как определение выражается предложением, то этот принцип распространяется и на него. Реальным определениям противопоставляются номинальные, в которых определяется знаковое выражение, а не сам объект. Д. П. Горский считает, что «деление определений на номинальные и реальные не связано, вообще говоря, с характеристикой их формальной структуры; обычно определение можно представить и как реальное, и как номинальное».⁹ Действительно, каждое реальное определение может быть перестроено так, что в нем речь будет идти о знаковом выражении. Однако в этом случае нужно применять уже имя общего имени. С этой целью часто используют кавычки, что позволяет отличать номинальное определение от реального. Например, определение «термин „квадрат“ представляет те же самые объекты, что и термин „равносторонний прямоугольный четырехугольник“», конечно же, отличается от реального определения квадрата.

II. О практике использования определений в сборниках рекомендуемых терминов, терминологических стандартах, толковых словарях и энциклопедиях

1. Первым соображением относительно специфики каждого из трех первых изданий, перечисленных в заголовке этого раздела, будет следующее. Желательно, чтобы определения, употребляемые в сборниках рекомендуемых терминов, терминологических стандартах и толковых словарях относились к разным областям человеческого знания. Идеальным было бы такое «разделение труда», при котором сборники рекомендуемых терминов являлись бы нормативными терминологическими изданиями для научных дисциплин; терминологические стандарты — для техники и промышленности; толковые словари — для сферы бытового знания. В настоящее время подобное разграничение не всегда четко прослеживается. Так, некоторое время назад сборники рекомендуемых терминов составлялись в технических областях. Терминологические стандарты, наоборот, иногда рискуют применять в науке. Толковые словари часто дублируют сборники и стандарты. Однако в толковые словари желательно не помещать «специальные слова, которые являются узкопрофессиональными, частными терминами отдельной отрасли науки и техники

⁸ Войшвилло Е. К. Понятие, с. 53.

⁹ Горский Д. П. Определение.

и которые необходимы только для ограниченного круга работников».¹⁰ В силу того что работа по упорядочению терминологии научных дисциплин еще не развернута в нашей стране в должной мере, по некоторым дисциплинам составляются толковые словари, обычно без помощи со стороны специалистов по логике и лингвистике. Отсюда их довольно низкое качество, бессистемность.

2. В методическом пособии по составлению сборников рекомендуемых терминов¹¹ под определением понимается правая часть принимаемого здесь определения. Эта традиция поддерживается и в терминологических стандартах. Спор о словах, конечно же, бесплоден. Каждый вправе называть так, как ему хочется. Но при этом следует оговаривать, в каком смысле будет использоваться это название. Однако было бы желательным, чтобы то, что специально разрабатывается в формальной логике, служило в какой-то мере нормативом. На методическое же вооружение при составлении сборников рекомендуемых терминов и терминологических стандартов берется следующее определение: «Определение... есть раскрытие содержания понятия, т. е. указание существенных признаков предметов, явлений, отражаемых понятием».¹² Такого рода определение не даст никакого представления о структуре определения и потому молчаливо оправдывает отнесение определений к другой семантической категории, т. е. вместо предложений к терминам. Однако даже если согласиться, что определение не отличается от определяющего, то нельзя сказать, что оно только раскрывает содержание, указывает существенные признаки предметов, явлений. Определяющий термин выражает понятие, которое, как форма мышления, отлично от суждения и умозаключения. Последние также отражают существенные признаки предметов. Совокупность существенных признаков является скорее содержанием понятия, а не самим понятием.¹³ Здесь не учитывается предметный, субстанциональный характер понятия.

3. Энциклопедии не отличаются от трех перечисленных видов изданий областями применения. Они в принципе отличаются лишь тем, что вместо определений там употребляют статьи. Энциклопедии отдельных областей могут успешно сосуществовать, например, со сборниками рекомендуемых терминов. Дело в том, что в последних используются в основном определения через род и видовое отличие, которые представляют знание как бы в свернутом виде. Далее, общеизвестен факт, что совокупностью определений не исчерпывается знание. То знание, которое отражается

¹⁰ Ожегов С. И. Словарь русского языка. Изд. 9-е. М., 1972, с. 10.

¹¹ Как работать над терминологией. Основы и методы. М., 1968, с. 21.

¹² Строгович М. С. Логика. М., 1949, с. 110.

¹³ См. также определение понятия: «Понятием называется форма мышления, отражающая и фиксирующая существенные признаки вещей и явлений объективной действительности» (Строгович М. С. Логика, с. 75).

в определениях сборников рекомендуемых терминов, лишь позволяет отличать определяемый объект от всех других объектов данной области. Так, имея приводимое выше определение квадрата, мы в состоянии отличить его от других геометрических объектов, скажем от треугольников. Однако трудно сказать о человеке, который ничего более о квадрате не знает, что он имеет полное знание об этой фигуре. Подобное различие восходит к различению понятий, в которых объекты обобщаются по существенным признакам, от понятий в широком смысле, представляющих собой системы знаний. Первые представляют собой как бы узловые точки вторых. Таким образом, статья в энциклопедии содержит в себе определения в узком смысле слова. Желательно, например, начинать статью с определения объекта, которому она посвящена, если это возможно и имеет смысл. К такого рода определениям в узком смысле слова могут быть предъявлены требования, о которых упоминалось в первом разделе.

Н. П. МОСТОВЕНКО

ДЕФИНИЦИЯ В СОВЕТСКИХ УНИВЕРСАЛЬНЫХ ЭНЦИКЛОПЕДИЯХ

В самом понятии «Большая Советская Энциклопедия» уже заключены авторитетность, ответственность, государственность. Выстроившиеся на полках темно-красные тома 3-го издания вызывают заслуженное уважение и доверие. В ближайшее 10-летие именно 3-е издание БСЭ будет для всех нас самым концентрированным универсальным хранилищем знаний. В 30 томов и 100 тысяч понятий будет уложена вся вселенная — такая, какой она представляется нам сегодня.

Но уважение к нашему 30-этажному сооружению порождает и такие надежды, которые сегодня еще не сбылись.

Энциклопедию создают тысячи специалистов — авторы, консультанты и мы, редакторы энциклопедии. Но химией занимаются у нас только химики, биологией — только биологи, историей — только историки. Всех нас можно сравнить с материаловедом и строителями. Как «материаловед» каждый из нас отвечает за содержание своей научной темы. Как «строитель» — за общую иерархию, пропорциональность, связь этих тем. Иными словами — за то, чтобы энциклопедия была не перечнем понятий, а системой знаний. Но, вероятно, единственный (или главный) пункт нашей деятельности, который выходит за пределы компетенции только химиков, биологов или историков, — это дефиниция.

Со «специалистами по дефиниции», т. е. с современными логиками, лингвистами и «служителями» АСУ, мы не встречаемся в нашей каждодневной энциклопедической практике. Мы «творим свои дефиниции» лишь исходя из содержания каждой кон-

кретной научной темы. Что же касается второй составляющей — логики, то здесь мы, к сожалению, все еще опираемся главным образом на интуицию и так называемый здравый смысл.

Чтобы как-то ориентироваться в потоке научной литературы последних 20 лет, посвященной логике научного исследования, понятиям и их определениям, нужна опять-таки особая специализация. А кроме того, конкретных энциклопедических тем в потоке современной литературы о понятиях и их определениях мы не находим. К сожалению, от энциклопедических дефиниций ушел даже зам. гл. редактора Белорусской Энциклопедии д-р философских наук П. Д. Пузиков, выпустивший в 1970 г. в Минске книгу об определениях. Книга эта, излагающая материал сравнительно просто и компактно, оказалась чрезвычайно полезной для наших белорусских коллег. Но, повторяю, чисто энциклопедических проблем она практически не затрагивает.

Нам, редакторам-энциклопедистам, конечно, необходимо усовершенствоваться в области логики. Но если даже мы выйдем здесь на самый высокий профессиональный уровень, то и тогда наши дефиниции для универсальных энциклопедий должны будут строиться совсем иначе, чем те, которые удовлетворяют, например, машину. Составление программ для машин, как известно, требует математической точности в определении понятий, в использовании терминологии, в построении формулировок с точки зрения синтаксиса. И если дефиниция не будет удовлетворять этим требованиям, машина попросту не сработает.

Совершенно иной подход к дефиниции должен быть в Универсальной Энциклопедии, обращенной к читателю неспециалисту. В этом подходе помог нам разобраться не кто иной, как Фридрих Энгельс, написавший, кстати напомним, вместе с Карлом Марксом около 80 статей, заметок и справок для «Новой Американской Энциклопедии».

Начнем со статьи «Дефиниция» в 3-м издании Большой Советской Энциклопедии (БСЭ-3). В статье всего полторы строчки, но в них содержится очень важная для нас информация: «Дефиниция (от лат. definitio), краткое *определение* какого-либо понятия».

Итак, названы три слова: «понятие», «определение», «дефиниция».

Понятия — это мысленные слепки, снимки предметов или явлений, существующих независимо от нас в окружающем мире. Давая определение, мы раскрываем содержание понятия, т. е. указываем существенные признаки предмета мысли. Такова связь между окружающим нас материальным миром, понятиями и определениями.

Согласно БСЭ-3, «дефиниция» и «определение» — не синонимы. Определение может быть не кратким (как дефиниция), а подробным, т. е. широким, всесторонним, полным. Иными словами определение может быть сравнительно точным. А если

формулируется научное понятие, определение должно быть либо абсолютно точным (в точных науках), либо максимально точным. Но такое определение — назовем его полным — может быть выражено пространно, длинно и далеко не обязательно одной фразой.

А дефиниция? Если следовать за БСЭ-3 и считать, что дефиниция это не определение вообще, а определение краткое, то за эту краткость надо расплачиваться. К сожалению, иногда — потерей точности. К сожалению, отказом от тех признаков, которые для данной конкретной ситуации, в данной системе оказываются второстепенными. А в таком жертвенном отказе мы не всегда гарантированы от элемента случайности, субъективности отбора.

На эту тему есть поразительное высказывание у Энгельса, для меня прозвучавшее как долго ожидаемое открытие. Дав в «Анти-Дюринге» определение *жизни*, Энгельс сопровождает его такими словами: «Наша дефиниция жизни, разумеется, весьма недостаточна, поскольку она далека от того, чтобы охватить *все* явления жизни, а, напротив, ограничивается самыми общими и самыми простыми среди них». И далее: «Все дефиниции имеют в научном отношении незначительную ценность. Чтобы получить действительно исчерпывающее представление о жизни, нам пришлось бы проследить все формы ее проявления, от самой низшей до наивысшей. Однако для обыденного употребления, — подчеркивает он, — такие дефиниции очень удобны, а подчас без них трудно обойтись; повредить же они не могут, пока мы не забываем их неизбежных недостатков».¹ А в подготовительных работах к «Анти-Дюрингу» читаем: «...для *обыденного употребления* краткое указание, наиболее общих и в то же время наиболее характерных отличительных признаков в так называемой дефиниции часто бывает полезно и даже необходимо, да оно и не может вредить, если только от дефиниции не требуют, чтобы она давала больше того, что она в состоянии выразить».²

К такому «обыденному употреблению» можно отнести и научно-популярную литературу, в том числе — энциклопедическую. И пусть слова «обыденное употребление» не смущают читателей универсальной энциклопедии. В этих словах и заключено для нас, пожалуй, основное различие между всесторонним, развернутым, диалектическим определением как инструментом развития науки и дефиницией как наиболее общим, характерным и простым ответом на вопрос «что это такое», предназначенным для широкого читателя.

Впрочем, различие между терминами «определение» и «дефиниция»

¹ Маркс К., Энгельс Ф., Соч., изд. 2-е, т. 20, с. 84 (разрядка наша).

² Там же, с. 635 (разрядка наша).

ниция» мы сейчас нарочито утрировали. Утрировали потому, что энциклопедия — как раз та область, в которой акцентирование этих различий полезно. (В научной литературе термины «определение» и «дефиниция» чаще понимают как синонимы. Как синонимы даны они в энциклопедиях — БСЭ-2 и Философской). «Словарь иностранных слов» (М., 1964) поясняет, что латинское *definitio* переводится как «определение».

БСЭ-3, как мы видели, делает различие между определением и дефиницией. И это чрезвычайно важно для конкретной повседневной работы редакторов энциклопедии. Решив однажды, что энциклопедическая дефиниция носит приблизительный характер, автор или редактор не пытаются нагрузить ее слишком многими частными признаками определяемого понятия. И в этом отношении, по сравнению, например, с БСЭ-2 мы сделали шаг вперед.

Перегруженные дефиниции в БСЭ-2 встречаются гораздо чаще, чем в БСЭ-3. Вот, например, дефиниция понятия «голова» в БСЭ-2: «Голова — передний (или верхний) несколько обособленный от туловища отдел тела подвижных двусторонне-симметричных животных организмов, в котором сосредоточены передний высший отдел центральной нервной системы, некоторые органы чувств, а также передние отделы пищеварительной и дыхательной систем». Эта дефиниция как будто дана инопланетным ученым, который, впервые попав на Землю, крайне изумлен необычным феноменом — голова! — и, еще не умея выявить главное, описывает его со всей скрупулезностью.

Дефиниция в статье «Голова» БСЭ-3 короче.

Различие между научным определением и энциклопедической «рабочей» дефиницией, рассчитанной на широкий круг читателей, можно хорошо проследить по статьям редакции математики в БСЭ-3. Математика — та наука, где определения понятий абсолютно строгие и единственны. Здесь не нужно заботиться об отборе существенных признаков, которые следует включить в определение, здесь нет анализа на эмпирическом уровне; определения безоговорочно формализованы.

Член Главной редакции БСЭ академик А. Н. Колмогоров считает целесообразным составлять дефиниции сложных понятий не математически, а описательно, выделяя только «потребительский» смысл понятия. И лишь введя читателя в смысл теории, методов, языка и обозначений, касающихся данной проблемы, дать научное определение. Вот два примера из БСЭ-3.

«**Векторное пространство**, математическое понятие, обобщающее понятие совокупности всех (свободных) *векторов* обычного трехмерного пространства». Здесь дано не математическое определение, а именно «рабочая» дефиниция, лишь очерчивающая круг явления. А далее в статье после развернутого пояснения помещено уже полное математическое определение: «Векторным (или линейным) пространством наз. множество R , состоящее из элементов любой природы (называемых векторами), в котором

определены операции сложения элементов и умножения элементов на действительные числа, удовлетворяющие условиям...» — эти условия перечисляются. А разумно ли было бы в универсальной энциклопедии начинать статью «Векторное пространство» с этого исчерпывающего определения, занимающего (вместе с условиями) 35 строк? Т. е. считать его дефиницией? Разумеется, неразумно и невозможно.

«Гиперкомплексные числа, обобщение понятия о числе, более широкое, чем обычные комплексные числа». И в этом случае точное научное определение дается лишь после пояснительного текста.

Из того обстоятельства, что дефиниции носят общий, рабочий характер, отнюдь не следует, что их можно составлять без определенных требований. Совсем наоборот. Дефиниция — отправная точка статьи, и часто именно от дефиниции зависит дальнейшее изложение. И именно потому, что дефиниция не есть раз и навсегда данная истина, над ней надо всякий раз работать. И — думать, как же в возможно более краткой и доступной форме отразить наиболее существенные стороны определяемого объекта, а не случайно схваченные признаки.

Особенно большую направляющую смысловую нагрузку несет дефиниция в тех случаях, когда определяются понятия особо сложные, многоплановые или переживающие переходный период. Примером служит дефиниция статьи «Жизнь» в БСЭ-3.

Очевидно, стоит процитировать определение жизни, данное Энгельсом: *«Жизнь есть способ существования белковых тел, и этот способ существования состоит по своему существу в постоянном самообновлении химических составных частей этих тел»*.³ А сейчас в кибернетике жизнь часто определяется как закономерно совершающийся процесс энергетических и вещественных превращений, организованный на основе информации.

Очевидно, что от того, как мы поступим, — дадим ли одну из дефиниций, или обе (в биологии и в кибернетике), или единую — обобщенную, зависит содержание (и современное звучание) всей статьи, темы в целом.

В БСЭ-3 дефиниция в статье «Жизнь» дана по-новому, обобщенно: «Жизнь, высшая по сравнению с физической и химической форма существования материи, закономерно возникающая при определенных условиях в процессе ее развития». (Заметьте, что биологические термины здесь вообще отсутствуют). Дефиниция позволяет развивать тему статьи в двух направлениях — в биологическом и кибернетическом. Тема углубляется, вводятся и объясняются необходимые понятия, и, наконец, рассуждение завершается определением жизни, в котором сочетаются и биологический, и кибернетический подход:

«Именно в способности живого создавать порядок из хаотич-

³ Там же, с. 82.

ческого теплового движения молекул состоит наиболее глубокое, коренное отличие живого от неживого. Тенденция к упорядочению, к созданию порядка из хаоса есть не что иное, как противодействие возрастанию энтропии».

А можно ли было начинать статью с этого определения, данного академиком В. А. Энгельгардтом, т. е. сделать его дефиницией в универсальной энциклопедии? Конечно, нет.

Задачи, подобные поискам дефиниции «Жизни» возникают в коллективе БСЭ передко. Но это скорее вопросы самой науки. В нашей же каждодневной практике мы, редакторы БСЭ, сталкиваемся с двумя основными вопросами: анализом конкретных дефиниций, взятых по отдельности, с точки зрения их содержания и формы, и сопоставлением, сравнением дефиниций в единой энциклопедической системе.

Анализ отдельной дефиниции по содержанию показывает, включает ли она наиболее существенные признаки определяемого понятия, анализ по форме — ясно ли она составлена и удовлетворяет ли требованиям логики.

Формальные требования к составлению дефиниций существуют уже более 2000 лет, т. е. с тех пор, как появилась сама наука о познании. Они описаны в учебниках формальной логики и сформулированы в статье «Определение» в БСЭ-2. В этой статье говорится следующее: определение не должно быть ни слишком узким, ни слишком широким (правило соразмерности); оно не должно содержать ни явного, ни скрытого круга; недопустимо определять неизвестное через неизвестное; определение не должно быть отрицательным, за исключением тех случаев, когда раскрывается содержание отрицательного понятия; словесное выражение понятий должно быть однозначным и ясным.

Приходится признаться, что и эти «обычные» правила логики мы нарушаем довольно часто. Приведу один пример.

Статьи в БСЭ о народах мира, их истории и обычаях содержательны и интересны. Но, к сожалению, дефиниция в статье «Брачные классы» (БСЭ-3) как бы нарочно собрала в себе некоторые из названных запретов: «**Брачные классы**, форма социальной регламентации выбора жены (мужа), существовавшая у большинства племен аборигенов Австралии, где каждая из двух экзогамных (см. *Экзогамия*) фратрий («половин») племени подразделялась на два Б. к. («секции») — четырехклассная система, либо, реже, на четыре Б. к. («подсекции») — восьмиклассная система». Эта дефиниция явно перегружена и плохо воспринимается. Сделана попытка заключить в нее не только «общий потребительский смысл» (в этом случае ее следовало оборвать на слове «Австралия»), но и возможно больше частных подробностей. В дефиниции нарушены и приведенные выше правила логики. Здесь налицо круг: понятие «Брачные классы» определяется через Брачные классы. Неизвестное определяется через неизвестное (о чем свидетельствует отсылка — см. *Экзогамия*).

Но зато, быть может, авторам удалось дать полное содержательное определение? И этого не получилось — среди подробностей не хватает одной, очень существенной. В конце статьи сказано, что система австралийских брачных классов — одно из подтверждений гипотезы о первобытном групповом браке. Но из дефиниции отнюдь не следует, что мужчины и женщины этих племен состояли именно в групповом браке.

Перечисленные выше правила формальной логики кажутся на первый взгляд столь же очевидными, как правила уличного движения. Однако и те, и другие мы нарушаем очень часто. В каждом интеллектуальном человеке, а тем более в энциклопедисте-профессионале, существует логическая интуиция, интуитивное понимание логического следования. Но ведь и в каждом москвиче или ленинградце заложено интуитивное понимание правил уличного движения. Казалось бы, ни то, ни другое не надо изучать специально. Опыт показывает, однако, что время от времени интуицию надо проверять теорией и практикой.

В энциклопедии важно не только грамотно составить отдельные дефиниции, но и типизировать (унифицировать) их, т. е. добиться того, чтобы дефиниции сходных понятий были даны в одной системе.

Рассмотрим рядовой типичный пример. Дефиниции в статьях об отдельных музыкальных инструментах в БСЭ-2 («Альт», «Виолончель», «Контрабас», «Скрипка») попытались дать как родо-видовые. Однако анализ их по отдельности, а главное — сопоставление в единой энциклопедической системе выявляют явную перяшливость. Ключ к правильному решению вопроса дает основная («головная») статья «Музыкальные инструменты». Там сказано, что музыкальные инструменты по источнику звука можно разбить на следующие основные группы: струнные, духовые, язычковые... и т. д. По способу извлечения звука группа струнных М. и. делится в свою очередь на подгруппы — смычковые, щипковые, ударные... К струнным смычковым М. и. относятся виолы, скрипки, альты, виолончели, контрабасы и т. п.

Итак, альт, виолончель, контрабас, скрипка — это смычковые струнные музыкальные инструменты («смычковые» — ближний род, «струнные» — дальний, «музыкальные» — еще более дальний); их называют также инструментами скрипичного семейства. «По содержанию» они отличаются друг от друга регистром, диапазоном звучания и, начиная с самого высокого — скрипки, располагаются в такой ряд: скрипка, альт, виолончель, контрабас. А между тем этот признак — регистр — попадает только в дефиницию статьи «Альт». Да и то не как единственный или главный, а в сочетании с другими, случайными. «Альт (лат. *altus*, итал. *alto* — высокий) — смычковый инструмент скрипичного семейства (наиболее ранний его представитель), несколько большего размера, чем скрипка, со строем на квинту ниже».

Дефиниции же в трех других статьях даны не как родо-видовые, а просто как родовые (без указания отличительного признака). И тоже неодинаково: на первом месте то ближайший, то более далекий род, этимология и ссылка иногда даны, иногда — нет:

«**Виолончель** — смычковый музыкальный инструмент скрипичного семейства (см. *Скрипка*)»;

«**Контрабас** (от итал. *contrabasso*) — струнный смычковый музыкальный инструмент»;

«**Скрипка** (от старославянск. *скрыпати* — скрипеть) — струнный смычковый музыкальный инструмент».

Последовательнее составлены дефиниции в статьях о музыкальных инструментах в уже вышедших томах БСЭ-3, хотя полной унификации нет и в них.

Итак, в нашей каждодневной практике мы чаще всего сталкиваемся с двумя вопросами: анализ каждой отдельной дефиниции и их унификация, т. е. сопоставление в единой энциклопедической системе.

Но кроме этих двух наиболее очевидных вопросов возникают и другие. Их нельзя назвать каждодневными, коллективными. Скорее — редкими и индивидуальными. Так, вопрос о том, а всегда ли нужна дефиниция, у большей части коллектива не возникает вообще. Как правило, считается само собой разумеющимся, что дефиниция — необходимая отправная точка, отправной пункт статьи.

Впрочем, я говорю прежде всего о тех последовательно воспитанных редакторах, которые работали над БСЭ-2, где дефиниции старались дать во что бы то ни стало. Так, воспитанную во мне веру в дефиниции не смог поколебать даже академик Л. Д. Ландау. Лет 15 назад он написал (а вернее, продиктовал мне) короткую статью «Античастицы» для Краткой Химической Энциклопедии. Дефиниции не было, определение этого очень сложного понятия давалось как завершение статьи, ее вывод. На мою просьбу дать дефиницию Ландау ответил категорически «Нет!» — и добавил: «Мы, физики, вообще не любим дефиниций, а строим понятие на основе рассуждения». Лишь благодаря имени автора эта статья — в порядке единственного исключения — пошла у нас в КХЭ без дефиниции.

Но в последнее время сомнение в нужности тех или иных дефиниций возникает у нас все чаще, хотя говорим мы об этом камерно и вполголоса. А хорошо бы обсудить эту важную проблему с общих принципиальных позиций.

Наиболее интересна в этом отношении история с дефиницией в статье «Книга». Проследим дефиниции этого и родственных ему понятий по нескольким энциклопедиям.

Обратимся к БСЭ-2.

«**Книга** (старославянск. *кънигы* — буквы, грамоты, письмо) — определенное число соединенных в одно целое рукописных или

печатных листов». Эта дефиниция — формальная, содержит лишь материальные признаки (признаки конструкции), да и то находящиеся в противоречии с последующим текстом, где к книге относятся и свитки (а не только «соединенные в одно целое листы»). Функциональное же значение книги в дефиницию не входит. Почему? Быть может, в БСЭ-2 по этому принципу (конструкции, а не общественной функции) строились и все подобные статьи? Оказывается, нет. Прямо противоположным образом построена дефиниция в статье «Газета».

«Газета — печатное периодическое издание, преимущественно ежедневное, с материалами о текущих, гл. обр. общественно-политических событиях».

Так, может быть, и «книгу» надо было представить в первую очередь через ее общественную функцию, а не как «соединенные листы?»

Обратимся за помощью к другим энциклопедиям.

Литературная Энциклопедия (1-е изд.): «Книга с точки зрения технически-производственной — совокупность рукописных или печатных листов, объединенных одной обложкой или переплетом». А если обложку оторвали?

Наиболее содержательной и культурной кажется дефиниция «Книги» в Краткой Литературной Энциклопедии. «Книга — произв. печати (в старину — рукописное) лит.-худож., общественно-политич., научного или практич. содержания; средство распространения и сохранения идей, образов и знаний, орудие идеол. и политич. борьбы, науч. исследования и развития культуры; один из важных факторов человеч. прогресса».

Здесь есть и материальный, и функциональный аспекты. Но не слишком ли обща эта дефиниция? Ведь под нее можно подвести и «Газету».

Статья «Газета» в КЛЭ дана как ссылочная на «Литературные газеты», что абсолютно оправдано типом издания. Но вот — статья «Газета» в ЛЭ. Дефиниции здесь нет, и подход опять-таки совершенно иной по сравнению со статьей «Книга» в том же издании: «Газета — Происхождение этого слова некоторые исследователи связывают с названием мелкой серебряной монеты (Gazetta), к-рую платили в средние века венецианцы за первые рукописные листки с иностранной информацией».

Приводя эти разнородные дефиниции в статьях «Книга» и «Газета», я хочу показать, что во многих таких случаях мы занимаемся плохим «сочинительством». А как определяет подобные понятия Советская Историческая Энциклопедия?

«Книги» здесь нет, а «Газета» дана как ссылка на статью «Пресса» (возражать против этого нет оснований). Читаем статью «Пресса»: «Пресса (франц. la presse, от лат. presso — жму, давлению) — периодич. печать, т. е. газеты и журналы, издаваемые ежедневно или с правильной периодичностью».

Все четко, разве что кроме этимологии, которая может быть понята двусмысленно.

Интересно, что в Организации Объединенных Наций (точнее, в ЮНЕСКО), вероятно, для чисто статистических или юридических надобностей принята такая дефиниция: «**Книга** — произведение печати в форме кодекса с определенным минимальным количеством страниц (в соотношении с рекомендациями ЮНЕСКО — свыше 3 печ. листов)».

Не идти же нам по этому пути.

Но вернемся к статье «Книга» в БСЭ-3. Какую же дефиницию выбрать, какие признаки (материальные или функциональные) предпочесть? И как при этом соблюсти необходимый минимум точности, в то же время не перегружая дефиницию?

Несколько лет назад, когда статья «Книга» была еще в чернильнице, редакция после долгих размышлений и колебаний нашла, мне кажется, верное решение: начать статью не с дефиниции, а с общей концепции — рассказа. И лишь познакомив читателя с этим сложным и всесторонним понятием, уже в тексте статьи, подальше от ее начала, дать развернутое современное определение. Такое решение было принято, оно казалось «революционным», им гордились. Но, по-видимому, не долго. В вышедшем томе БСЭ это научное определение все-таки стало на место рабочей дефиниции, т. е. с него и начали статью:

«**Книга**, важнейшая исторически сложившаяся и продолжающаяся развиваться форма закрепления семантической информации (гл. обр. связного и достаточно пространного текста), предназначенная для ее повторяющихся воспроизведения и передачи во времени и пространстве».

Таким образом, вопросу о том, с чего должна начинаться статья — с «рабочей дефиниции для обыденного употребления» или с «всестороннего полного определения, понятного главным образом специалисту», — единого мнения у наших энциклопедистов пока нет. Мне кажется, бывают случаи, когда из-за невозможности дать приемлемую дефиницию мы теряем саму статью, сам термин. Быть может, именно из-за невозможности дать точную дефиницию мы в свое время в БСЭ-2 «похоронили» статью «Любовь», хотя она была запланирована, представлена и многократно обсуждалась. Не по той же ли причине (невозможность дать точную дефиницию) не поместили в БСЭ-2 статью «Средние века»? Там такого термина нет вообще, и даже нет никакого разъяснения по этому поводу. И очень уж сиротливо выглядят из-за этого статьи «Средневековое искусство» и «Средневековые лады». Статья же «Возрождение» в БСЭ-2 есть, причем сразу после самой общей «подсобной дефиниции» дана подробная аргументация: «Термин „В.“ условен и петочен; он не дает правильной характеристики эпохи, потому что...».

Впереди у энциклопедистов еще много таких трудностей. Какие признаки выдвинем мы на первый план в дефиниции статьи

«Человек», если решим дать такую дефиницию? Биологические и антропологические — что человек — животное такого-то класса, подкласса, вида и т. д., т. е. «венец биологического развития?» Или мы прежде всего определим человека в системе общественных, социальных отношений? Или дадим ему чисто юридическую дефиницию? Простора для выбора дефиниции здесь очень много. Вспомните хотя бы книгу Веркора «Человек или животное».

А может быть, заранее отказаться от «сочинительства» этой дефиниции и сначала дать развернутую, на 1—2 машинописных страницы, концепцию? А потом — и развернутое определение.

А есть ли хороший подобный прецедент в БСЭ-2, когда мы не давали дефиницию и статья от этого только выиграла? Есть. Прекрасным прецедентом можно считать начало статьи «Энциклопедия». Дефиниции здесь нет. Определение появляется позже, после разъяснительной концепции:

«Энциклопедия [греч. *ἐγκυκλοπαιδεία* — круг (общеобразовательных) знаний]. Значение термина „Э.“ исторически изменялось. В античном обществе он применялся для обозначения т. н. семи свободных искусств (...). В 16 в. его стали применять в Зап. Европе в новом смысле, близком к понятию „сборник разнородного содержания“. Приблизительно одновременно под Э. начали понимать классификацию знаний; в этом значении термин употреблялся и в 18 в.

Постепенно, однако, термин приобрел значение, распространенное в настоящее время: им обозначают научное издание, сообщаемое наиболее существенные сведения по всем отраслям знания и практической деятельности (универсальные Э.) или по одной какой-либо отрасли (отраслевые Э.)».

Уже упоминалось о том, что Марксом и Энгельсом было написано около 80 статей для энциклопедии. Энциклопедистом был и Ленин. Ленину принадлежат две большие статьи, предназначенные для Энциклопедического словаря бр. Гранат. Одна из них посвящена тактике классовой борьбы пролетариата, другая — аграрному вопросу в России. Как это ни странно, но ценнейшее наследие основоположников марксизма — энциклопедические работы Маркса, Энгельса и Ленина, их высказывания и переписка по поводу энциклопедической литературы — с нашей профессиональной редакторской точки зрения почти не изучено. На эту тему в издательстве БСЭ вышла в 1958 г. очень интересная, но небольшая и мало кому сейчас известная книга А. И. Дробинского.⁴

Для нашей темы очень важно вот что: в ряде случаев Маркс, Энгельс, Ленин для разъяснения тех или иных понятий прибегают не к определениям или дефинициям, а к более общим формули-

⁴ Дробинский А. И. К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин и энциклопедическая наука. М., 1958.

ровкам, из которых эти определения сами собой явствуют или вытекают. Нередко они пользуются такими формулировками в целях большей общедоступности и наглядности.

Ленин в статье «Великий почин» пользуется этим приемом разъяснительных формулировок для истолкования понятия «диктатура пролетариата»:

«Диктатура пролетариата, если перевести это латинское, научное, историко-философское выражение на более простой язык, означает вот что:

только определенный класс, именно городские и вообще фабрично-заводские, промышленные рабочие, в состоянии руководить всей массой трудящихся и эксплуатируемых в борьбе за свержение ига капитала, в ходе самого свержения, в борьбе за удержание и укрепление победы, в деле созидания нового, социалистического, общественного строя, во всей борьбе за полное уничтожение классов».⁵ Прием «разъяснительных формулировок», заменяющих дефиниции, основоположники марксизма пользовались и в своих энциклопедических статьях. Интересно, что статьи в энциклопедиях о Марксе, принадлежащие перу Энгельса и Ленина, дефиниций не имеют. Авторы полагали, что специальное пояснение, кто такой Маркс, не нужно.

Есть и еще одна тема, очень актуальная для энциклопедии, — следует ли в разных энциклопедических изданиях для одного и того же понятия сохранять одну и ту же дефиницию? Или, напротив, скажем, понятие «Золото» в Большой Советской, в Краткой Химической и в Политэкономической Энциклопедиях должно всякий раз иметь свою дефиницию? Отвечая на этот вопрос — «да, дефиниция должна меняться, отражая всякий раз специфику последующего изложения», — мы откладываем его детальное обсуждение до следующего раза. Но сам по себе положительный ответ работает в защиту основного положения статьи. Дефиниция в универсальной энциклопедии — это не строго аргументированное, единственным образом сформулированное всестороннее научное определение, а с одной стороны, первый и самый общий ответ на вопрос «что это такое» или «кто это такой», адресованный широкому читателю, а с другой — отправная точка статьи, существенно направляющая дальнейшее изложение.

И если эту «отправную точку» трудно уложить в одну фразу, называемую у нас в энциклопедии дефиницией, можно и следует начать изложение с разъясняющей концепции. Настоящее же научное определение может быть дано в любом другом месте статьи.

Позволю себе закончить словами знаменитого ботапика Карла Линнея, предложившего первую в истории науки систематику растений: «Чтобы приобрести знания..., необходимо соединить между собой точное и определенное понятие с определенным

⁵ Ленин В. И., ПСС, т. 39, с. 14.

названием. Пренебрежение этим приведет к тому, что все множество вещей нас подавит и всякий обмен сведениями прекратится из-за отсутствия общего языка».⁶

М. Г. БЕРГЕР, Н. Б. ВАССОЕВИЧ

ОБ ОПРЕДЕЛЕНИЯХ ТЕРМИНОВ В ГЕОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ

I

Вопросам терминологии, как известно, далеко не всегда придавалось достаточное значение. Видный историк науки Л. Ольшки несколько десятилетий назад, характеризуя положение в этой области, писал: «В то время как филология не интересуется образованием научного языка..., история философии, математики и естественных наук рассматривает язык как уже данное, всегда готовое к услугам... В частности, естественные науки... не интересуются постоянными связями, существующими между понятием и его выражением. Эта точка зрения является такой же крайностью и так же противоречит опыту, как и точка зрения средневековых мыслителей, которые... пытались определить родство понятий по звуковому сходству слов».¹

В последние десятилетия положение в области изучения научной, в том числе геологической, терминологии (терминклатуры) существенно изменилось.

Термин *терминология* в последнее время нередко употребляется в значении 'наука о терминах'.² Это находится в соответствии со значениями семантических множителей (терминообразующих элементов) данного термина и существующими обозначениями других наук (*филология, лексикология, биология, археология, геология, минералогия* и т. д.). С целью преодоления возникшей, таким образом, многозначности термина *терминология* для обозначения той или иной совокупности терминов может быть использован термин *терминклатура*, образованный по аналогии с родственным ему по значению термином *номенклатура*.

На необходимость глубокого внимания к терминологическим вопросам в геологии неоднократно указывали Д. С. Белянкип, О. А. Воробьева, Д. П. Григорьев, А. М. Даминова, Дж. Деппис, А. И. Жамойда, А. Н. Заварицкий, Ф. Б. Кинг, В. С. Коптев-Дворников, Ю. А. Косыгин, Л. И. Красный, А. Н. Криштофович, Ю. А. Кузнецов, М. Кэй, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, Е. К. Лазаренко, Н. В. Логвинепко, В. В. Меннер, М. В. Муратов, В. Д. Наливкин, В. П. Нехорошев, Н. И. Николаев, А. С. Поваренных, А. В. Сидоренко, Н. М. Страхов, Е. К. Устиев, А. Е. Ферсман, М. Флейшер,

⁶ Цит. по: Жизнь науки. М., 1873, с. 274.

¹ Ольшки Л. История научной литературы на новых языках. Т. I. М.—Л., 1933, с. 4.

² См., например: Место терминологии в системе современных наук. Материалы научного симпозиума. М., 1970.

Д. Франк, Х. Хедберг, Н. С. Шатский, М. С. Швецов, П. Ф. Швецов, Г. Штилле и многие другие виднейшие геологи.

Однако и сейчас еще нередко — в том числе в геологии — случаи недооценки значения терминологических исследований. Необходимо отметить также, что при всех достижениях в области теории и практики терминологии внимание термиологов и языковедов к терминклатуре современного естествознания, и в частности геологии, является совершенно недостаточным. Не будет большим преувеличением сказать, что геологическая терминклатура остается пока в сущности вне поля зрения термиологов и языковедов.

В течение последних десятилетий в геологии, как в нашей стране, так и за рубежом, во все возрастающем масштабе проводится работа по составлению словарей различного типа — общих и отраслевых (тектонических, гидрогеологических, металлогенических, стратиграфических, петрографических, минералогических и др.), одно- и двуязычных, словарей рекомендуемых терминов (и их определений) и сводных словарей-справочников и т. д. Вместе с тем проводимая в геологии терминографическая работа испытывает целый ряд затруднений, а изданные геологические словари в большинстве своем во многом несовершенны.

Основными элементами любого словаря, как известно, являются 1) словник (т. е. набор зафиксированных лексических единиц, значение которых раскрывается в словаре) и 2) приведенные в словаре определения значений этих единиц. Ниже мы кратко остановимся на характеристике обеих отмеченных сторон геологических словарей.

II

Для геологических словарей характерны как избыточность, так и недостаточность словника, что находится в прямой связи с недостаточной определенностью объема понятий «термин» и «геологический термин».

При определении понятия «термин» необходимо прежде всего отграничить термины от свободных словосочетаний и от единичных номенклатур (номенклатурных наименований или номенов).

Основным при разграничении терминов и свободных терминологических сочетаний (типа геологических сочетаний *докембрийское складчатое сооружение, металлогения древних платформ, ориентировка обломочных компонентов* и т. п.) является критерий устойчивости, понимаемый в математико-статистическом смысле. При этом в словарь должны включаться, естественно, только устойчивые терминологические сочетания, «образования постоянного характера».³

С учетом сказанного, вышедший недавно двухтомный «Геологический словарь» (М., 1973) является фактически краткой геоло-

³ Касарес Х. Введение в современную лексикологию. М., 1958, с. 109.

гической энциклопедией, а не собственно словарем или, точнее, чем-то промежуточным между терминологическим словарем и энциклопедией, поскольку его содержание далеко выходит за рамки словаря,⁴ но все же недостаточно полно для того, чтобы данное издание могло быть признано геологической энциклопедией.

Более сложной задачей является выработка четких и постоянно выдерживающихся структурно-морфологических либо семасиологических критериев разграничения терминов и номенклатурных наименований. В области геологии таким критерием во многих случаях может быть присутствие в структуре номенов собственного имени, например *Талассо-Ферганский глубинный разлом*, *линия В. А. Николаева*, *слой Гутенберга*, *Донецкий авлакоген* и т. п.

Существенным является и отграничение геологических терминов от единиц других терминологических (терминклатурных) полей (а также от единиц общеупотребительной лексики). Основным критерием здесь должно быть то, что геологический термин — это обозначение некоторого геологического объекта (вещественного объекта — например, минерала, процесса и пр.) и соответственно геологического понятия. В связи с этим не является вполне правомерным включение в словники геологических словарей таких терминов, как *дислокация*, *деформация*, *миграция*, *аккумуляция*, *ассимиляция* и др., не являющихся собственно геологическими. Более правильным следует считать включение в геологические словари таких собственно геологических терминологических сочетаний, как *миграция углеводородов*, *миграция фауны*, *аккумуляция углеводородов*, *аккумуляция осадков* и т. п.⁵

Далеко не полностью выявлены и систематизированы различные морфоварианты геологических терминов типа *катагенный* и *катагенетический*, *кластический* и *кластогенный*, *аллотигенный* и *аллогенный*, *детритовый* и *детритусовый*, *парагенез* и *парагенезис*. Необходим анализ различных морфовариантов и выработка наиболее рациональных моделей построения терминов и образования производных от них, в частности с тем, чтобы избежать

⁴ В «Геологическом словаре» содержится около 21 тыс. статей. Именно статей, а не терминов (как отмечается во введении к словарю), ибо такие раскрываемые в статьях «Геологического словаря» выражения, как *Изучение геологии Земли из космоса*, *Группы эндогенных месторождений*, *выделяемые по степени достоверности их связи с магматическими породами*, *Рациональный комплекс геологоразведочных работ на нефть и газ* и многие другие, безусловно, никак не могут рассматриваться в качестве терминов. Энциклопедический (или близкий к таковому) характер носят и многие статьи «Геологического словаря».

⁵ Элиминация этих терминов и употребление вместо них усеченных терминов *миграция*, *аккумуляция* и т. п. возможны лишь в рамках определенного геологического контекста, из которого ясно, о какой именно аккумуляции (миграции и т. п.) идет речь.

таких распространенных в геологической терминологии случаев, когда при образовании одноклассовых производных от одних и тех же или совершенно одноклассовых терминов (типа *диагенез*, *катагенез*, *эпигенез*, *метагенез*, *гипергенез*, *митогенез* и т. д.) используются различные форманты (-генный, -генетический, -генический).

III

Говоря о раскрытии значения слова в словарях, пользуются различными терминами, причем нередко считается, что наиболее удачным, наиболее правильным из них является «толкование», а не «определение».⁶ В этой связи необходимо заметить, однако, что в научных терминологических словарях (терминологических словарях той или иной науки) основной и обязательной формой раскрытия значения лексических единиц (терминов) может быть только определение, которое, таким образом, должно удовлетворять всем соответствующим требованиям логики к определениям (дефинициям) научных понятий. И лишь в качестве дополнения к такому определению (или ряду определений — в случае многозначности термина) словарная статья, раскрывающая значение того или иного термина, может включать различного рода «толкования», «разъяснения», «описания» и т. п.

К сожалению, дефиниции многих геологических понятий несовершенны. Это, естественно, находит отражение и в геологических словарях. Во многих определениях значений геологических терминов, т. е. в дефинициях многих геологических понятий, даже таких наиболее фундаментальных из них, как «минерал», «горная порода», «платформа», «геосинклиналь», «фация» и др., оказываются нарушенными такие важнейшие логические требования (принципы) определения понятий, как соразмерность, недопустимость тавтологии и круга, определенность определяющих понятий.⁷

Неудовлетворительность определений терминов в геологических словарях обусловлена прежде всего общим недостаточно совершенным состоянием геологического понятийного аппарата. Во многом, однако, она усугубляется логическими ошибками, допускаемыми отдельными авторами при разработке понятий и формулировке их определений в словарях.

Многие недостатки определений геологических терминов непосредственно связаны с несовершенством геологических классификаций (в которых особенно часто нарушается требование взаимного исключения и непересекаемости выделяемых классов).

Неудовлетворительность современного состояния геологиче-

⁶ См., например: Евгеньева А. П. Определения в толковых словарях. — В кн.: Проблема толкования слов в филологических словарях. Рига, 1963, с. 8.

⁷ Соответствующие принципы сформулированы, в частности, в работе: Зиновьев А. А. Логика науки. М., 1971.

ских понятий и существующие разногласия в определении их объема и содержания являются основной причиной многозначности геологических терминов и заставляют во многих случаях приводить в словарях не одно, а целый ряд определений одного и того же по форме термина. Оперирование подобными терминами таит в себе, естественно, много опасностей и неудобств. Как отметила недавно группа крупных советских геологов-тектонистов (А. А. Богданов, Л. П. Зоненшайн, М. В. Муратов, В. Д. Наливкин и др.), «геологи перестают понимать друг друга».⁸

Существенным недостатком некоторых определений, содержащихся в геологических словарях, является недостаточная согласованность между ними. Необходимо отметить также нередкое более или менее значительное несоответствие между приводимыми определениями некоторых терминов и значениями, в которых эти термины употребляются в других словарных статьях того же словаря.

В качестве примера, иллюстрирующего высказанное замечание, можно указать, в частности, на определение и употребление в уже упоминавшемся «Геологическом словаре» (1973) терминов *аллотигенный* (*аллогенный*), *обломочный* (*кластогенный*, *кластический*), *терригенный*. Согласно приведенным в словаре определениям этих терминов, они неравнозначны и должны быть расположены следующим образом в порядке убывания степени общности их значения: *аллотигенный* > *обломочный* > *терригенный*. Тем не менее во многих статьях словаря (т. I, с. 171, 173 и др., т. 2, с. 205 и др.) эти термины употребляются как абсолютные синонимы (дублиеты).

С целью выявления и устранения некоторых из отмеченных выше недостатков геологических словарей представляется весьма желательным приведение непосредственно в словарях классификационных схем, которые наглядно фиксировали бы соотношения между определяемыми в словаре научными понятиями (и соответственно терминами). Это содействовало бы и совершенствованию терминклатуры в направлении повышения ее системности (системной мотивированности, алгоритмичности).

Ряд определений геологических терминов (*земная кора*, *ленточные глины*, *выветривание*, *месторождение нефти и газа*, *россыпное месторождение* и др.) позволяет вскрыть существование противоречия между актуальным значением термина и его «внутренней формой», значением терминообразующих элементов (семантических мпожителей). Подобные противоречия в каждом из случаев их существования должны особо фиксироваться в словарной статье.

В двуязычных геологических словарях особо следует обращать внимание (и отражать соответствующими указаниями

⁸ Богданов А. А. и др. Тектоническая номенклатура и классификация основных структурных элементов земной коры материков. — Геотектоника, 1972, № 5, с. 3.

в словарных статьях) на существование так называемых «ложных друзей переводчика», к числу которых принадлежит, к сожалению, довольно значительное количество геологических терминов (*структура горной породы, текстура горной породы, петрохимия, диагенез, метаморфизм, геосинклиналь, кероген* и др.).

Идеальной структурной формой словарной статьи в научных (в частности, геологических) терминологических словарях энциклопедического типа представляется форма, включающая следующие основные моменты: 1) термины, 2) научный раздел (литология, минералогия и т. д.), 3) этимология, значения семантических множителей и оценка термина со стороны его мотивированности («ориентированности»), 4) первое определение (обязательно с приведением соответствующей цитаты на языке оригинала первоисточника), 5) современное определение (или ряд определений при многозначности термина), 6) дополнительные разъяснения и замечания относительно различных определений или трактовок значения термина, 7) синонимы (в том числе частичные или относительные), 8) аббревиатура, 9) литература, 10) автор словарной статьи и год ее написания.

Близкую структуру имеют, например, словарные статьи в «*Deutsches Handwörterbuch der Tektonik*» (Unter Leitung von H. Murawski. Hannover, 1968—1971).

Терминологическая работа в геологии должна проводиться на современной научной основе, с учетом требований и достижений геологии, лингвистики и логики, с использованием результатов, полученных в области теории и практики терминологии. Только в таком случае эта работа может быть достаточно эффективной. Только в таком случае она может не просто выполнять справочно-информационную роль, констатируя положение, сложившееся в науке на том или ином этапе ее развития, но и в большей мере непосредственно содействовать совершенствованию научных терминов и понятий, содействовать прогрессу науки.

IV

Изложенные выше материалы необходимо, естественно, учитывать при определении геологических терминов в различных словарях, не являющихся собственно геологическими. В таких лексикографических изданиях представляются, разумеется, несколько иные требования к определениям терминов. Здесь определения должны быть как можно более доступными, понятными широкому кругу людей, не являющихся специалистами в области геологии. Основой таких определений должны быть, естественно, существующие научные определения. При этом последние могут быть подвергнуты некоторому упрощению или даже заменены пояснениями описательного характера. Однако точность определений, их соответствие обозначаемым терминам и геологическим объектам при этом, безусловно, не должны быть принесены

в жертву. Таким образом, качественными определениями терминов в подобных изданиях могут быть признаны только такие, которые удовлетворяют двум основным требованиям: 1) соответствие современному уровню науки и 2) доступность (понятность) широкому кругу неспециалистов.

Общепотребительное, не специально-научное определение термина не должно находиться в каком-либо противоречии со специальным, строго научным определением. Различия между ними могут состоять лишь в форме и степени детальности отражения отдельных сторон объекта, обозначаемого термином. При этом в общепотребительном определении или разъяснении (толковании) должны найтись отражение те признаки обозначаемого термином объекта, благодаря которым данный термин стал общепотребительным, вошел в общелитературный пласт языка. В связи с этим общепотребительное определение термина во многих случаях должно состоять из двух последовательных частей: 1) собственно определения (по возможности, максимально приближающегося к научному) и 2) разъяснения, отражающего те признаки обозначаемого термином объекта, благодаря которым данный термин вошел в широкое употребление. Например, может быть предложено следующее определение геологического термина *шельф*: шельф — прилегающая к суше мелководная зона морей и океанов; в пределах этой зоны ведутся поиски и добыча многих полезных ископаемых, особенно нефти и газа. В структуре этого определения четко видна разбивка на две отмеченные выше части. В некоторых случаях, однако, обе эти части оказываются возможным совместить воедино в рамках одной формулировки.

В последнее время геологические, как и другие научные термины, все шире и глубже проникают в общелитературный пласт языка. К числу таких терминов относятся прежде всего *земная кора, верхняя мантия (Земли), шельф, месторождение, нефть, руда, рудный пояс, нефтегазоносный бассейн, россыпь, разведка месторождения, самородок, самоцвет, планктон, сталактит, янтарь, карстовая пещера, сель, селевый поток, лава, лавовый поток, эпицентр землетрясения, дрейф континентов* и мн. др. Широко распространены также многие названия минералов и их разновидностей — *алмаз, графит, гранат, топаз, сердолик, морион, агат, аметист, тальк, малахит, изумруд, рубин, сапфир* и др., горных пород — *гранит, мрамор, кимберлит, яшма* и др., организмов — *динозавр* и др. и некоторые другие элементы геологической терминологии и номенклатуры. Это вызывает необходимость включения таких терминов (и поменов) в соответствующие филологические лексикографические издания, призванные отражать современное состояние общелитературного языка. Качественное определение таких терминов является сложной задачей, успешное решение которой возможно лишь при совместных усилиях лингвистов и геологов.

ЗАМЕТКИ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИЯХ ТЕРМИНОВ В ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ И ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ

В лингвистической литературе широко представлена точка зрения, согласно которой в филологических словарях определяется слово, тогда как в энциклопедических словарях объектом определения является предмет (реалия).¹ Представляется, что противопоставление определений терминов в словарях указанных типов именно на этом основании едва ли оправдано.

Для доказательства этого тезиса возьмем наиболее простой случай — существительные, обозначающие конкретные предметы (типа *кинескоп, земноводные, картер, фотоаппарат*). Дать определение слову такого типа в толковом словаре, очевидно, значит указать основные признаки понятия, которое обозначается этим звукокомплексом и которое в свою очередь отражает признаки некоего класса предметов (объем класса в принципе несуществен, класс может охватывать и один-единственный предмет). Например, определить в филологическом словаре значение слова *кинескоп* означает указать характерные признаки того понятия, которое ассоциируется у говорящих на русском языке со звукокомплексом [кинескоп]; тем самым мы определяем характеристики того класса предметов, которые отражаются в нашем сознании понятием 'кинескоп'. Иными словами, мы определяем в этом случае в конечном результате некие явления действительности, определенным образом отраженные нашим сознанием и закрепленные языком.

Относительно того, что является объектом определения в энциклопедических словарях, среди лингвистов нет расхождений: единодушно признается, что в них определяются особенности вещей (реалий, предметов); правда, точнее было бы, видимо, говорить об особенностях классов предметов. Но если это так, то, что касается терминов, и в филологическом, и в энциклопедическом словарях объект определения в конечном счете один и тот же — та объективная действительность, которая тем или иным образом отражена в сознании человека. Не случайно в филологи-

¹ Ср., например: Sommerfelt A. Sémantique et lexicographie. Remarques sur la tâche du lexicographe. — In: Norsk tidsskrift for sprogvidenskap, 1954, p. 486; Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957, с. 91; Møller K. Leksikologi og leksikografi. København, 1958, в. 52; Евгеньева А. П. Определения в толковых словарях. — В кн.: Проблема толкования слов в филологических словарях. Рига, 1963, с. 15; Стенгревиц М. М. Принципы толкования значений слов в словаре латышского литературного языка. — Там же, с. 49; Терещенко П. М. Вопросы лексики ненецкого языка и принципы построения двуязычных словарей языков разных систем с различной письменной традицией. Автореф. докт. дисс. Л., 1967, с. 17; Rey-Debove J. Le domaine du dictionnaire. — In: Langages, 19. La lexicographie. Paris, 1970, p. 16.

ческих словарях многих стран нередко используются рисунки, которыми, естественно, изображаются не понятия, не значения слов, а типичные представители класса предметов.

Сравнение определений многих терминов в филологических и энциклопедических словарях показывает, что в большом числе случаев различия между ними незначительны и не носят принципиального характера (имеются в виду именно определения, а не материал всей словарной статьи энциклопедии).² Конечно, такое положение дел характерно для терминов, широко распространенных. В отношении других терминов положение может быть иным.

Различия между определениями терминов в филологических и энциклопедических словарях, таким образом, обусловлены не тем, что является объектом определения. Они обусловлены разными уровнями знаний, которые призваны отражать эти различные типы словарей. Энциклопедический словарь призван фиксировать современный научный уровень знаний. Филологический словарь в указанном отношении противоречив по своей природе, потому что перед ним стоят две задачи: с одной стороны, он должен служить справочным пособием, и отсюда естественное стремление его составителей сообщить читателю наиболее точные, «паучные» сведения (сообразуясь, конечно, с его предполагаемой подготовкой); с другой — словарь описывает средние, «типичные» знания языкового коллектива в охватываемый им период.³ В одних случаях расхождение между научным и «бытовым» знанием может быть незначительным (например, в отношении ряда исторических терминов), в других — весьма существенным. Так, видимо, лишь небольшая часть из десятков миллионов людей, смотрящих телевизор и знакомых со словом *кинескоп* (это же относится к его эквивалентам в других языках), знает, в чем состоит принцип действия кинескопа: для них это лишь «та часть телевизора, на которой появляется изображение и которая имеет такую-то форму».

Сложность, с которой сталкивается составитель толкового словаря, желающий отразить этот средний уровень знаний, характерный для языкового коллектива в определенный момент его истории, состоит в том, что уровень этот, в общем, составителю неизвестен. Составитель может фактически описывать лишь свои знания или знания коллег, родственников и т. п. Так, в отношении вышеприведенного примера со словом *кинескоп* мы не можем быть уверены в том, что данное определение действительно адекватно.

² К аналогичному выводу приходит К. Мёллер: Møller K. Leksikologi og leksikografi, s. 53—55.

³ Об этой двоякой функции толкового словаря см.: Берков В. П. Словарь норвежского риксмала и некоторые вопросы одноязычной лексикографии. — В кн.: Scandinavica. II. Л., 1963, с. 83—87.

ватно отражает средний уровень знаний нашего языкового коллектива (может быть, оно слишком примитивно).⁴

Но даже и в случаях, когда средний уровень знаний языкового коллектива, ассоциируемый со словом, более или менее известен лексикографу, последний сталкивается с серьезными трудностями при их описании. Дело в том, что предмет может обладать множеством признаков, и вопрос о том, какие из них существенны и потому должны быть учтены в определении, а какие второстепенны и потому не подлежат лексикографированию, ясен, в общем, только теоретически. С. Д. Кацнельсон считает, что концептуальное ядро лексического значения слова соответствует лишь формальному понятию, т. е. «в значение слова как единицы языковой системы входят лишь основные признаки предмета, необходимые для его опознания и для правильного употребления его имени».⁵ Формальное понятие противопоставляется С. Д. Кацнельсоном содержательному понятию как охватывающему все новые стороны предмета, его свойства и связи с другими предметами.⁶ В уме человека «понятия хранятся в двояком виде: как содержательные понятия, охватывающие всю сумму знаний человека о данном предмете, и как их формальные дубликаты, тесно связанные с значениями слов. Содержательные понятия хранятся в „свернутом“ виде, и без пужды мы не обращаемся к ним».⁷ Формальные понятия, по С. Д. Кацнельсону, в принципе одинаковы у всех членов данного языкового коллектива, а содержательные понятия могут в результате действия разных причин быть у них различными. Проводимое многими разделение определений значений слов на словарные и энциклопедические⁸ по существу означает выделение именно этих «формальных понятий», выделение существенных черт предмета, являющихся в сознании говорящего его основными признаками. Иными словами, ряд исследователей сходится на том, что из множества признаков предмета, известных членам данного языкового коллектива, некоторые являются более существенными, а другие — менее существенными; отражение в сознании этих существенных признаков предмета составляет его значение.

Признание в принципе того факта, что в лексическое значение слова входят лишь основные признаки предмета, еще отнюдь

⁴ Ср. определение: «Спец. Приемная электронно-лучевая трубка, применяемая в телевидении» (Словарь современного русского литературного языка в 17 томах. Т. 5, с. 946).

⁵ Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.—Л., 1965, с. 19.

⁶ Там же, с. 18.

⁷ Там же, с. 23.

⁸ Например: Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1940, № 3, с. 100; Weinreich U. Lexicographic definition in descriptive semantics. — In: International Journal of American Linguistics, 1962, № 2, part IV, p. 32.

не означает, как сказано выше, что существует общепринятая методика установления того, какие признаки предметов следует признавать основными, составляющими значение слова, а какие следует относить к лежащим за пределами значения слова. Иллюстрацией тому могут служить отличия в определениях значения одного и того же слова в разных толковых словарях одного и того же языка. С другой стороны, и в тех случаях, когда такие различные словари дают сходное определение одному слову, это еще не может быть бесспорным доказательством того, что в определении учтены все основные признаки предмета и только эти признаки (лексикографы могут испытывать влияние своих коллег или предшественников).

В другой работе нами был с этой точки зрения подробно рассмотрен один умышленно простой пример (определения в «Словаре современного русского литературного языка» значений слов *стул, кресло, табурет*). Даже при анализе этих простых слов выявились очень большие трудности выделения существенных и несущественных признаков и, что также весьма важно, установления их иерархии, или «силы».⁹ В этой связи следует отметить и еще одно важное отличие филологических словарей от энциклопедических: филологический словарь в принципе должен учитывать культурные коннотации (созначения), тогда как эти знания, видимо, менее существенны для энциклопедического словаря. Если мы хотим, чтобы филологический словарь мог бы также служить полноценным пособием для интерпретации текстов, то мы должны включать в него элементы описания культуры (в широком смысле), элементы страноведческих знаний.¹⁰ Например, в Большом академическом словаре не указаны весьма важные коннотации слова *гимназия* и словосочетания *реальное училище*: гимназия (особенно частная) была в общем более привилегированным учебным заведением, нежели реальное училище, вследствие чего в ней был несколько иной классовый состав учащихся, без знания чего будет неясным смысл ставшей крылатой цитаты «Мы в гимназиях не обучались» из «Золотого теленка» И. Ильфа и Е. Петрова. Также различие между баяном и аккордеоном не сводится только к различиям между их устройством, но состоит еще и в том, что они используются разными группами населения. Ср. еще один пример: русское слово *омела* — это растение *Viscum* и не более, а для исландца *mistilteinn* (омела) — это прежде всего то, чем Локи убил Бальдра (ср. «Младшую Эдду»).

Особенно отчетливо проявляются коннотации у собственных

⁹ Берков В. П. Словарь и культура народа. — В кн.: Мастерство перевода. Сб. 10. М., 1975, с. 407—410.

¹⁰ Ср., например, высказывание: «Слова не могут быть поняты правильно отдельно от локализованных культурных феноменов, символами которых они являются» (Nida E. A. Linguistics and ethnology. — In: Word. 1945, № 2, p. 207).

имен, па что в свое время обратил внимание Л. В. Щерба.¹¹ Впрочем, даже бесспорно в значительной степени коннотированные собственные имена обычно не являются объектом толковых словарей, и вся эта информация о коннотациях в общем пидге не фиксируется.¹²

Л. Н. КОМАРОВА

О ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ В «СЛОВАРЕ ИНОСТРАННЫХ СЛОВ»¹

Как известно, лексика наиболее наглядно и непосредственно отражает изменения, происходящие в общественной жизни. Лексические единицы, являясь обозначением предметов и явлений действительности, реагируют сразу на все изменения, которые происходят в социальной, общественной, научно-технической сферах жизни.

Развитие науки и техники в 50—70-е годы XX в. вызвало к жизни огромное количество новых терминов, среди которых заимствования составляют значительную часть.

В связи с бурным ростом науки и техники возрастает роль науки и техники в жизни общества в настоящее время, что влечет за собой «терминологизацию» общелитературного языка, повышает удельный вес терминологической лексики в различных словарях русского языка.

Это и делает проблему определения значений терминологической лексики в словарях разного типа особенно актуальной.

Прежде чем говорить о принципах, которые лежат в основе определения специальной лексики в Словаре иностранных слов, необходимо разграничить понятия: термин и терминологическая лексика. «Термин — это такая единица наименования в данной области науки и техники, которой приписывается определенное понятие и которая соотнесена с другими наименованиями в этой области и образует вместе с ними терминологическую систему».² Сфера распространения терминов ограничена определенной терминологической системой, термины функционируют в подязыке, связанном с определенной сферой деятельности человека.

Терминологическая лексика включает в себя слова и словосочетания, которые из сферы узкоспециальной получили выход в язык массовой коммуникации, стали широко распространены в непрофессиональном речевом контексте.

¹¹ Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии, с. 98—100.

¹² Первой попыткой учета подобных знаний у имен собственных является «Лингвострановедческий словарь русского языка», подготовляемый Институтом русского языка им. А. С. Пушкина.

¹ Словарь иностранных слов. М., 1964.

² Лексика современного русского литературного языка. М., 1968, с. 152.

У термина, который попадает в сферу общелитературного языка, ослабевает связь со своей терминологией, терминосистемой, которая для него является полем, «вне которого слово теряет свою характеристику термина».³

Не все члены терминологического поля попадают в число терминологической лексики, поэтому и определение, которое должен иметь термин, будучи членом терминологического поля, должно быть иным, чем определение члена терминологической лексики, который утратил связь со своей терминологической системой. «Термины являются тем орудием, при помощи которых мы оперируем научно-техническими понятиями. Как всякое орудие термин должен быть наиболее совершенным».⁴

В терминологии определенной области науки и техники за термином закреплено точное логическое определение — дефиниция. «... слово исполняет номинативную или дефинитивную функцию, т. е. или является средством четкого обозначения, и тогда оно — простой знак, или средством логического определения, тогда оно — научный термин».⁵

При выработке дефиниции термина в работах по терминологии исходят из того, что дефиниция должна содержать признаки, каждый из которых необходим, а все вместе достаточны, чтобы подчеркнуть родство одного понятия с другими, с одной стороны, и выявить специфику — с другой. В научных теориях определения (дефиниции) является средством различения и отождествления изучаемых явлений. «В научных теориях определения составляют их существенную часть. Они неразрывно связаны с содержанием научной теории в целом. От того, как мы определим понятие, какие свойства мы включим в его содержание, как вследствие этого будет очерчен его объем, зависят дальнейшие классификации теории, отнесение индивидуумов к тем или иным классам предметов, область применения формулируемых при этом законов, а иногда и их содержание».⁶

В чем же отличие определения термина, вошедшего в литературный язык, от его научной дефиниции? Здесь необходимо вспомнить высказывания Л. В. Щербы о том, что определения, которые мы даем в словарях, не должны быть «дефинициями».⁷ Ведь дефиниции включают не все существенные признаки предметов, а лишь те из них, которые необходимы для того, чтобы отличить определяемый предмет от других, подобных ему предметов. В толковом словаре терминологическое слово объясняется

³ Реформатский А. А. Что такое термин и терминология. В кн.: Вопросы терминологии. М., 1961, с. 51.

⁴ Как работать над терминологией. Основы и методы. М., 1968, с. 14.

⁵ Виноградов В. В. Русский язык. М.—Л., 1947, с. 12—13.

⁶ Горский Д. П. О видах определений и их значений в науке. — В кн.: Проблемы логики научного познания. М., 1964, с. 350.

⁷ Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1940, № 3.

неспециалисту, а для этого одной дефиниции недостаточно, логическая форма определений не всегда дает те сведения о предмете, которые нам необходимы.

Считая определение, которое содержит «указание на ближайшее родовое понятие и существенный отличительный признак», «единственным подлинно научным определением», Х. Касарес утверждает далее, что «... с точки зрения лексикографии их менее всего следует рекомендовать...», так как «...они обычно не могут рассеять сомнений читателя».⁸

И поэтому абстрактным дефинициям составители словарей предпочитают такие определения, в которых вместо указания на род и видовое отличие или наряду с ними даются описания каких-либо свойств предмета с указанием на цель, которой он служит, на использование этого предмета, на сферу его распространения и т. п.

Так, словарное определение слова *металлы* содержит всю совокупность свойств этого класса веществ: специфический блеск, ковкость, тягучесть, теплопроводность, электропроводность. Здесь нет только одного — дефиниции: «Металлы — это вещества, основной отличительной особенностью которых в конденсированном состоянии является наличие свободных электронов, не связанных с определенными атомами, электронов, способных перемещаться по всему объему тела».⁹ Словари не дают указание на существенный признак, который и определяет всю совокупность свойств металла.

В определении, которое дается в Словаре иностранных слов при слове *аммиак* (соединение азота с водородом NH_3), указаны признаки, необходимые и достаточные для выделения этого газа из группы других веществ. Но такие «наиболее научные» определения меньше всего удовлетворяют читателей любого словаря, ибо не только отнесение к определенному классу необходимо ему. Поэтому толкование слова *аммиак* кроме определения содержит ряд дополнительных сведений: бесцветный газ с резким запахом и т. д.

Таким образом, дефиниция может быть частью словарного определения, может лечь в основу словарного определения, но всегда в толковании терминологической лексики будет дополнительная информация, характер которой определяется как самой реальностью, так и типом словаря.

В словарях филологического типа дается значение слова, но не описываются предметы, явления, обозначаемые данными словами. В словарях энциклопедического типа, к которым и относится Словарь иностранных слов, предмет не только определяется, но и описывается, в нем содержатся более

⁸ Касарес Х. Введение в современную лексикографию. М., 1958, с. 174—175.

⁹ Краткая химическая энциклопедия. Т. III. М., 1964, с. 157.

или менее полные сведения о предмете. Так, в четырехтомном Словаре русского языка слово *термос* определяется как сосуд особого устройства, предохраняющий помещаемый в него продукт от остывания или пагревания. В Словаре иностранных слов *термос* — сосуд, предохраняющий содержимое от пагревания или остывания; имеет двойные стенки из толстого стекла, покрытые изнутри амальгамой, с безвоздушным пространством между стенками.

Если в Словаре русского языка *протуберанец* — светящееся образование из раскаленных газов, наблюдаемое в виде выступа на краю Солнца, то Словарь иностранных слов, кроме этого определения, указывает еще и другие признаки: протуберанцы представляют собой громадные массы раскаленных газообразных веществ, главным образом водорода, гелия и кальция; достигают высоты в 500 тыс. км и более.

Из словарных статей читатель Словаря иностранных слов кроме определений того или иного предмета получает о нем сведения исторического и технического плана и некоторую другую информацию, количество информации определяется характером словаря, который является «общедоступным пособием для самого широкого круга советских читателей». ¹⁰ Словарь иностранных слов — это маленькая энциклопедия, в ней собраны слова, которые могут встретиться массовому читателю в периодической печати, в популярной литературе. И сведений о тех или иных предметах, явлениях из Словаря иностранных слов читатель получает больше, чем из словарей филологического типа.

Для Словаря иностранных слов характерны такие, например, толкования: «*Анероид*... — один из видов барометра, его главной частью является круглая металлическая коробка с гофрированным основанием, в которой создано сильное разрежение и по деформации которой определяется изменение атмосферного давления» (ср. в Словаре русского языка: *анероид* — один из видов барометра); «*Дизель*... — двигатель с самовоспламенением — двигатель внутреннего сгорания, работающий на жидком топливе; топливо впрыскивается в цилиндр двигателя в конце хода сжатия и воспламеняется от высокой температуры, получающейся при сжатии воздуха» (ср. в Словаре русского языка: *дизель* — двигатель внутреннего сгорания, работающий на жидком топливе); «*Крекинг*... — процесс получения легких моторных топлив из тяжелых нефтепродуктов, основанный на разложении (расщеплении) молекул тяжелых углеводородов под действием высоких температур и давлений; процесс ведут гл. образом при 470—540° и при давлении в 50—60 атмосфер. Крекинг был впервые осуществлен в России В. Г. Шуховым в конце 19 в.» (ср. в Словаре русского языка: *крекинг* — переработка нефти и тяжелых нефтепродуктов (мазута и др.) в специальных установках для получения более ценных продуктов (гл. обр. бензина)).

¹⁰ Словарь иностранных слов. Изд. 6-е. М., 1964, с. 3.

Иногда кроме определения предмета, некоторых данных о его строении даются разновидности реалии, так как они связаны с различиями в их устройстве, с особенностями их использования. Так, из статьи *калорифер* мы узнаем, какие типы калориферов существуют: «*Калорифер*... — устройство для нагревания воздуха в системах отопления, вентиляции и в сушилках; представляет собой систему труб, внутри которых движется горячая вода (водяной к.), водяной пар (паровой к.) или горячие продукты сгорания — дымовые газы (огневой к.)». Из статьи *математика* мы узнаем не только то, что это наука о количественных отношениях и пространственных формах действительного мира, но и о том, что условно различают элементарную, высшую, прикладную математику, а также о делении элементарной математики на арифметику, алгебру, геометрию и тригонометрию.

Ориентация на реалии, а не на значение слова приводит к тому, что значения в Словаре иностранных слов выделяются иногда иначе, чем в толковом словаре. Так, в слове *аккумуляция* Словарь русского языка выделяет одно специальное значение — собирание, накопление, сосредоточивание. С лингвистической точки зрения неважно, что собирается, накапливается. В Словаре иностранных слов слово *аккумуляция* выступает как термин геологии — процессы накопления на поверхности Земли и на дне водных бассейнов минеральных веществ и органических остатков; и, как термин экономики, *аккумуляция капитала* — накопление капитала путем присоединения к нему части вновь создаваемой прибавочной стоимости.

Таким образом, толковый словарь идет по пути обобщения ряда терминологических значений в одном, а Словарь иностранных слов разграничивает значения очень строго.

Сопоставление толкований терминологической лексики в двух словарях: в Словаре иностранных слов и в Словаре русского языка — позволило сделать следующие выводы. Толкование в Словаре русского языка — это определение значения слова, а толкование в Словаре иностранных слов, помимо определения реалии, содержит описание ее. Эти дополнительные сведения о предмете и создают энциклопедический тип толкования. Но энциклопедизм не только в дополнительных сведениях о предмете, но и в самом определении предмета, причём в определении как филологического, так и нефилологического типа. Нельзя обойтись без энциклопедизма при определении специальной лексики. Поэтому на VII координационном совещании по лексикографии, которое состоялось в 1961 г. в Риге, рассматривался не только вопрос об отличии энциклопедического объяснения слов от их «филологического» толкования, но и «... о допустимости энциклопедического подхода к раскрытию значения термина в толковом словаре»,¹¹ говорилось

¹¹ Проблема толкования слов в филологических словарях. Рига, 1963, с. 5.

о том, что в большинстве толковых словарей для определения терминологии широко применяются материалы энциклопедического характера.

Действительно, ведь указание на применение и использование предмета, сферу распространения какого-либо явления, место, где растет то или иное растение или где живут определенные животные и т. п., указания, которые входят в определение значений слов в Словаре русского языка, есть не что иное, как энциклопедизм, но энциклопедизм необходимый, без него иногда толкование теряет всякий смысл, и читатель не получает представления о предмете или явлении. Поэтому не всегда возможно провести резкую грань между определениями одних и тех же специальных слов в Словаре русского языка и в Словаре иностранных слов.

При составлении и редактировании словарей необходимо бороться не с энциклопедизмом вообще, а с «излишним» энциклопедизмом, с тем, чтобы толкование терминологической лексики не содержало плеонастических признаков, а включало бы лишь те элементы, которые указывают на основные признаки понятий. Этим объясняется, например, то, что в слове *операция* в 6-м издании Словаря иностранных слов снято указание на то, что это хирургическое вмешательство производится при посредстве режущих (скальпеля, ножниц) и других соответствующих инструментов. Именно отбор лишь существенной информации привел к тому, что вместо такого определения слова *машина* (Словарь иностранных слов, 4-е изд.) — название всякого механизма, предназначенного для преобразования энергии в полезную работу; основные части машины: а) двигательный механизм или приемник энергии, получающий ее извне (напр., водяное колесо) или внутри (напр., цилиндр паровой машины); б) передаточный механизм, состоящий из рычагов, валов, шкивов, ремней, зубчатых колес и т. п.; в) исполнительный механизм, непосредственно воздействующий на предмет труда и целесообразно обрабатывающий его; каждая из этих основных частей может быть самостоятельным законченным механизмом и в этом случае также называется машиной — вместо этого определения в издании 1964 г. *машина* — механизм или сочетание механизмов, осуществляющие определенные целесообразные движения для преобразования энергии или производства работы.

Объем и характер энциклопедических сведений определяются многими обстоятельствами.

Общественной значимостью и актуальностью, а также расширением наших знаний о предмете можно объяснить увеличение объема толкований некоторых слов. В 3-м издании Словаря иностранных слов (1949) *космонавтика* — наука о полетах в межпланетные пространства. В 6-м издании Словаря (1964) *космонавтика* — теория и практика полетов человека в космос, а также посылки в космос автоматических исследовательских устройств.

Иногда объем толкования зависит от того, насколько значимо и важно понятие в данный момент, что интересует общество, что выделяет оно в понятие. Рассматривая от издания к изданию толкование слова *Арктика*, мы можем проследить историю изучения и освоения, путь исследования и использование этой области земного шара (Советского сектора). В 3-м издании Словаря иностранных слов (1949) *Арктика* — северная полярная область земного шара со средней температурой самого теплого месяца, не превышающей $+10^{\circ}$. В Советском секторе Арктики, имеющем крупное экономическое значение для СССР, проводится усиленная работа по ее изучению и освоению. Ценнейшим достижением в освоении Арктики является Северный морской путь, завоевание и изучение Северного полюса и полеты советских летчиков через полюс в Америку. В 4-м издании Словаря (1954) при толковании этого слова к ценнейшим достижениям в работе по изучению и освоению Арктики отнесут освоение Северного морского пути, завоевание и изучение Северного полюса. В Советской Арктике создана широкая сеть полярных станций, построены порты и ведется планомерное использование естественных ресурсов Арктики (морские промыслы, разработка полезных ископаемых и т. д.).

В 6-м издании Словаря (1964) *Арктика* — северная полярная область земного шара, включающая окраины материков Евразии и Сев. Америки и почти весь Сев. Ледовитый океан (кроме востока и юга Норвежского моря) со всеми его островами (кроме норвежских), а также прилегающие части Атлантического и Тихого океанов.

Всякое изменение в реальных вещах и явлениях, изменение нашего отношения к вещам и явлениям находит место в энциклопедических толкованиях, словарь-толковый отражает лишь изменения в значении слова, дает лишь значение слова, поэтому *Арктика* в Словаре русского языка — северная полярная область земного шара.

Объем толкования терминологической лексики зависит и от того, насколько вошло слово в язык, а предмет — в жизнь, насколько общество в данный момент владеет тем или иным понятием, от уровня знаний общества.

Так, в 4-м издании Словаря иностранных слов появилось слово *магнитофон* — улучшенный тип микрофона, звукоприемник, в котором звук превращается в электрические колебания электромагнитным путем (без применения угольных зерен), а также устройство для записи звуков электромагнитным путем и его воспроизведения. В издании 1964 г. уже не было необходимости так подробно говорить об устройстве прибора, который получил широкое распространение, и *магнитофон* определяется так: электрический аппарат для магнитной звукозаписи и воспроизведения звуков.

Таким образом, определения терминологической лексики в Словаре иностранных слов носят ярко выраженный энциклопедический

дический характер, помимо определения понятия они содержат описание понятия, дополнительную информацию, характер которой определяется различными причинами.

Несколько слов об общественно-политической лексике. Здесь, больше чем в научно-технической лексике, недостаточно лишь отличить то или иное общественное явление от других явлений, но необходимо выявить наиболее существенные отличительные свойства, дающие полную и глубокую характеристику определяемого явления. Этим объясняется тот факт, что даже в толковых словарях определения общественно-политической лексики энциклопедичны. Особенно сильный энциклопедический уклон имеет место при объяснении философских, исторических и политических слов. Такой подход к этой группе лексики получил отражение в «Инструкции для составления Словаря современного русского литературного языка», где в качестве одного из типов определения выделяются «краткие определения энциклопедического характера, которые применяются лишь по отношению к словам, обозначающим особо важные политические и философские понятия».¹²

Что касается Словаря иностранных слов, то энциклопедизм особенно велик в толковании общественно-политической лексики.

Насколько полнее и подробнее определяются и описываются общественно-политические понятия в Словаре иностранных слов, чем в Словаре русского языка, свидетельствует сопоставление толкования слова *идеализм* в толковом словаре, где толкование имеет тоже энциклопедический характер, с толкованием этого же слова в Словаре иностранных слов. *Идеализм*, по толковому словарю, — реакционное, антинаучное направление в философии, враждебное материализму, ложно считающее основой всего существующего дух, сознание, материю. Из статьи *идеализм* в Словаре иностранных слов мы, кроме этого, узнаем еще о сущности субъективного и объективного идеализма, о разновидностях субъективного идеализма (берклианстве, махизме и т. п.) и объективного идеализма (платонизме, гегельянстве), а также о современных формах идеализма — прагматизме, неопозитивизме, экзистенциализме. Кроме того, здесь указывается на связь идеализма с религией. Дополнительные сведения исторического характера находим мы, например, в статье *Интернационал*, где помимо определения — международное объединение — помещаются данные о Первом, Втором и Третьем Интернационале. В статье *хартия* — важный, особенно в историческом отношении, документ — даются определения исторических понятий: Великая хартия вольностей. Народная хартия.

Рассмотренный материал еще раз подтверждает, что формулирование значений — самое трудное, самое важное и ответствен-

¹² Инструкция для составления «Словаря современного русского литературного языка». Л., 1953, с. 33.

ное дело при составлении словарей, филологических и нефилологических, и одновременно, как замечает Л. В. Щерба, — «самое слабое их место».¹³

Н. В. ПОДОЛЬСКАЯ

МОДЕЛИ ДЕФИНИЦИЙ В СЛОВАРЕ ОНОМАСТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Чтобы сразу ввести читателя в круг проблем, встающих перед терминологом в ономастике, начнем с термина *ономастика*. «Ономастика, или ономастическая лексика, — это ... часть лексического состава любого языка, включающая собственные имена различных типов. Ономастикой называется также раздел лексикологии, изучающий происхождение, становление и деривационные возможности собственных имен, их типологию, стратиграфию, системную организованность и историческую преемственность. Наконец, об ономастике можно говорить как о комплексной научной дисциплине, изучающей собственные имена всех типов, развившейся на основе лингвистики с использованием данных логики, психологии, этнографии, геологии, литературоведения и ряда других наук. Лингвистика служит организующим и цементирующим основанием для исследования имен различных языков и эпох».¹ Такое развернутое определение громоздко для словаря ономастических терминов, зато оно раскрывает всю сложную и пеструю картину особой лексики, ставшей в последнее время предметом тщательного и всестороннего исследования. Нежелательна здесь, как для любого термина, двусмысленность «ономастики», но, к сожалению, этот термин именно так употребляется постоянно в научной литературе. Хотя для первого значения — «ономастическая лексика», т. е. сам исследуемый материал, имеется и употребляется, хоть и редко, более системный термин — *онимия*, т. е. совокупность собственных имен, так же как *топонимия*, *антропонимия*, *зоонимия*.

Мы разделяем мнение Дж. Милла о том, что дефиниции науки временные, так как они постоянно варьируют по мере нашего познания объекта, и, говоря о составляемом словаре ономастических терминов, ясно представляем, что время, возможно, изменит и уточнит многие из его дефиниций.

Для дефиниций важно, что это лингвистический словарь специальный, отраслевой, т. е. включающий терминологию только одной из отраслей лингвистики — ономастики. Иногда приходится слышать вопрос — неужели ономастика так выросла, что уже

¹³ Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии, с. 101.

¹ Суперанская А. В. Теоретические проблемы ономастики. Л. 1974, с. 3.

потребовался словарь ее терминов? Ответим на это некоторыми данными и цифрами.

Количество работ по ономастике растет у нас в геометрической прогрессии. Отдел языкознания ИНИБОНа из-за объема литературы пришел к выводу о необходимости создания новой серии указателей литературы «Ономастика», первый выпуск которой включил в себя все работы по ономастике, вышедшие в Советском Союзе с 1963 по 1970 г. включительно, что составило более 2500 номеров. 10 лет назад в Берлине вышел словарь ономастической терминологии Т. Витковского «Grundbegriffe der Namenkunde», содержащий примерно 450 терминов. Русский словарь ономастической терминологии будет включать уже более 1000 терминов.

Становление терминологии в ономастике — процесс еще далеко не заверченный. Но на данном этапе обилие терминологии и путаница в ней заставили опомастов взяться за создание словаря. Как всегда, вопрос словника словаря — сложный вопрос, особенно если учесть большую степень интердисциплинарности ономастики, включение в сферу ее понятий массы экстралингвистического. Труден вопрос и о термине и нетермине. Мы даже склонны считать, что в таком первом отраслевом и отчасти опытно-м словаре должны найти себе место и некоторые нетермины.

Кроме того, словарь, естественно, отражая взгляды автора и то направление в ономастике, к которому он принадлежит, разграничивает термины, находящиеся в научном обороте, на рекомендуемые и не рекомендуемые. Нерекомендуемые термины (или формы) будут даны в виде отсылочных слов к рекомендуемым, например *топономастика* см. *ономастика*, *онома* см. *о́ним*.

Ряд терминов в ономастической литературе употребляется лишь одним автором (другие предпочитают обходиться описательными словосочетаниями). Такие термины будут иметь помету «инд.» и фамилию автора (обычно их создателя); их дефиниции будут соответствовать пониманию данного термина использующим его автором.

Нормой в употреблении ономастической терминологии отдельными авторами является использование с некоторыми ограничениями или добавлениями общепринятой в советской ономастике терминологии. Однако имеет место предложение иной терминологии. Так, А. А. Белецкий в своей книге «Лексикология и теория языкознания (ономастика)» предложил свою особую систему терминов для ономастики и сопредельных отраслей. Эта система терминов отнюдь не может быть квалифицирована как общепринятая и могла бы составить предмет индивидуального словаря ономастической терминологии. Это дает нам основание не включать совсем терминологию А. А. Белецкого в словарь, иначе бы каждый (или почти каждый) из его терминов пришлось бы переводить на язык общепринятой терминологии. Мы разделяем стремление терминологов избежать синонимии терминов, однако

допускаем паличие синонимии при подходе к одному и тому же объекту в разных ономастических полях. Например, собственные имена любых географических объектов объединяются термином *топонимы*, но если речь идет в сопоставительном плане об объектах ландшафта иных планет, то собственные имена земных объектов вполне допустимо и целесообразно именовать *геонимами* (ср. *селенимы*, *венусимы*, *марсонимы*).

Научная ономастическая терминология по понятным причинам в основе своей лингвистична, но каждый общелингвистический термин, включаемый в словарь, должен иметь ономастический аспект. Термин может относиться только к ономастическому терминологическому полю, например *астроним*, *ойконим*, *криптоним* или, если термин общелингвистический, он имеет в ономастике соответствующий определитель: *топонимическая этимология*, *топонимический эллипсис*, *антропонимическая калька* и т. п. То же и для любых терминов смежных дисциплин (географии, истории, этнографии и др.), например *топонимическая стратиграфия*, *гидронимический атлас*, *табуистическое имя*, если они употребляются в ономастике. Тем самым они вводятся в ономастическое терминологическое поле. Объем общих понятий, лежащих в их основе, сужается. Принадлежность терминов к одному терминологическому полю позволяет рассматривать большинство терминов в словаре в системе, т. е. давать им системные определения. Современная ономастика уже безусловно располагает системой своих понятий, что находит отражение в системе терминов. Эта системность в терминологии подтверждается и поддерживается, в том числе языковой структурой самих терминов; в частности, это выражается в четком использовании типовых морфем:

-Ø (одно имя)	<i>гидроним</i> , <i>антропоним</i> и т. д.
-ия (совокупность имен)	<i>гидронимия</i> , <i>антропонимия</i>
-ика (раздел науки)	<i>гидронимика</i> , <i>антропонимика</i>
-ист (исследователь)	<i>гидронимист</i> , <i>антропонимист</i>
-икон (список или словарь)	<i>гидронимикон</i> , <i>антропонимикон</i>
-изация (процесс)	<i>гидронимизация</i> , <i>антропонимизация</i>
-ический (производное прилагательное)	<i>гидронимический</i> , <i>антропонимический</i>

Попытаемся на примере показать, как структурная системность терминов позволяет дать однотипные системные дефиниции. Так, в гнезде терминов ключевым служит термин для одного онима: *топоним* — название любого географического объекта. Через него определяются другие термины: *топонимический* — относящийся а) к топониму (-ам), б) к топонимике; *топонимика* — отрасль ономастики, изучающая топонимы; имеет следующие разделы: *гидронимика*, *гойдонимика*, *дримонимика*, *дромонимика*, *ойконимика*, *оронимика*, *урбапонимика*, *хоронимика*; *топонимия* — совокупность топонимов; *топонимист* — специалист по топонимике; *топонимизация* — 1) переход любого аппеллятива или онима

другой категории в топоним, 2) переход апеллятивного форманта в топоформант; *топонимикон* — список или словарь топонимов.

Эти дефиниции лаконичны, просты и пригодны для любой категории опим.

Системность в терминологии выражается и в определенном соположении двусословных терминов. Термины — *composita* для одного имени строятся таким образом, что их вторая основа определяет место термина в системе, а первая свидетельствует их происхождение из другой категории опим: *антропотопоним* — топоним, образованный от антропонима, например Владимир, Ярославль, Петербург; *топоантропоним* — антропоним, образованный от топонима, например фамилии Московский, Рязанцев, псевдоним Мамин-Сибиряк; *антропоселеноним* — селеноним (название объекта на Луне), образованный от антропонима, например кратеры Менделеев, Циолковский, Курчатов; *геоселеноним* — селеноним, образованный от геонима (земного названия), например горные цепи на Луне: Карпаты, Альпы, Балкапы. Такова терминологическая модель, дающая возможность необходимых комбинаций для образования новых терминов.

Значительное количество двусословных терминов образовано в зоне терминологических переходов, ср. такие термины, как *топоформант*, *антропоформант*, *антрополексема*, *антропооснова*, *топоизоглосса*, *гидросемена* и т. п. Еще большее число терминов в этой зоне перехода падает на двусоставные термины-словосочетания: *топонимический диалект*, *ономастические универсалии*, *топонимическая система*, *антропонимическая анкета*. Во всех этих терминах первая основа или слово вводят термин в ономастическое терминологическое поле, вторая — представляет собой адаптированный ономастикой термин. Но эти системные по своей структуре и наполнению термины требуют более сложных дефиниций. Например: *топоформант* — «словообразующий элемент топонима: топонимический префикс, инфикс, суффикс»; *топонимический диалект* — «некоторая совокупность топонимических элементов определенного языка или диалекта, прослеживающаяся на разных территориях»; *топонимическая система* — «совокупность топонимов, организованных в единое целое для наиболее оптимального выполнения ими дифференцирующей и идентифицирующей функций. Топонимическая система отличается от других блоков лексической системы языка не только тем, что выделяется на основе функционального подхода, а не семантического, но и тем, что она является прежде всего территориальной системой».²

Ономастическая терминология в разных странах создается на наших глазах, и ее системность во многом достигнута в результате большой специальной работы ономастов-термиологов. Так, например, для славянских стран известный порядок в оно-

² Воробьева И. А. Топонимическая система средней части бассейна Оби. Новосибирск, 1973, с. 3.

мастической терминологии и ее дефинициях наведен благодаря совместной и плодотворной работе в общеславянской ономастической терминологической комиссии. Плодом ее работы явился краткий словарь ономастических терминов всех славянских стран и Германии, изданный в Праге в 1973 г.,³ который еще будет усовершенствоваться и расширяться. С другой стороны, были предложены многие термины и дефиниции для уже существующих понятий, терминованных (и нетерминованных) в других славянских странах. Многие дефиниции уточнены. Однако национальная специфика языковой материи термина, использование многих отсутствующих в других языках терминов, несовпадение некоторых дефиниций и, главное, отсутствие какого-либо словаря терминов, употребляемых в русской ономастической литературе, привело к созданию своего национального словаря. Словарь общелингвистический терминологический, такой как словарь О. С. Ахмановой, включает в свой словник некоторые, очень немногие, термины ономастики, например *ономастика*, *топонимика*, *антропонимика*, *этнонимика*, *имя личное*. Но эти термины имеют иной характер определений, чем в специальном ономастическом словаре, что обусловлено наличием в общем лингвистическом словаре многих терминологических полей. То же самое и в энциклопедических словарях, но в еще большей степени. Образцы дефиниций одного и того же термина в различных словарях хорошо это иллюстрируют.

Антропонимика в БСЭ (1970, т. 2): «Антропонимика (от *антропо...* и греч. *бпуша* — имя), раздел ономастики, изучающий собственные имена людей, происхождение, изменение этих имен, географическое распространение и социальное функционирование, структуру и развитие антропонимических систем. В совр. рус. антропонимич. системе каждый человек имеет личное имя (выбираемое из огранич. списка), отчество и фамилию (возможное число последних практически неограничено). Существовали и существуют иные антропонимич. системы» (далее следует раскрытие принципов некоторых из них). «Особое место в антропонимич. системах занимают гипокористики (ласкательные и уменьшительные имена — рус. *Машенька*, *Петя*, англ. *Bill* и *Davy*), а также псевдонимы и прозвища. Данные а. существенны и для др. разделов языкознания, социологии, истории народов» (далее следует краткий список литературы).

В «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой: «Антропонимика англ. *study of personal names*, фр. *anthroponymic*, нем. *Anthroponymic*, исп. *antroponimia*. Раздел лексикологии, изучающий собственные имена людей». В Кратком словаре славянской ономастической терминологии (1973): *Антропонимика* (чешская дефиниция): «наука об антропонимах», (немецкая): «наука,

³ Základní soustava a terminologie slovanské onomastiky. Zpravodaj Místopisné komise CSAV. Č. I, Roč. XIV.

учение об антропонимах и их исследовании» («Wissenschaft, Lehre von den Anthronymen und ihre Erforschung»). В нашем будущем словаре: **антропонимика** — отрасль ономастики, изучающая антропонимы (см.)».

Это случай типичный, но наиболее простой, так как здесь сопоставлены дефиниции специального ономастического термина. Но ономастика в результате своих органических контактов с другими отраслями наук вбирает в себя множество их терминов, а порой и не терминов, а общеупотребительных слов, которые становятся ее терминами. Вы не найдете в готовящемся «Общем лингвистическом терминологическом словаре» таких терминов, как *прозвище, фамилия, семейное имя*, а для ономастики эти слова и словосочетания терминологичны, она не может без них обойтись. Но какими же должны быть их дефиниции? Возьмем для примера словосочетание *монашеское имя*. Оно попадает в многочисленную группу «имя личное», среди которой будут такие, как *геральдическое имя, деминутивное имя, дохристианское имя и христианское, женское имя, мужское имя, календарное имя, конфирмационное имя, крестное имя, мирское имя* и противопоставленное ему *монашеское имя*. Как его определить? «Новое смененное имя, которое получает человек при постриге в монахи вместо своего прежнего мирского имени (см.). В православных монастырях это могло быть любое мужское или женское имя православного календаря (см.), напр. в миру Дмитрий — м. и. Игнатий (Брянчанинов), в миру Алексей — м. и. Сергей. Часто монахам и особенно схимникам давались имена малоизвестные в миру, редкостные (см.). Смена имени изменяла формулу имени (см.) человека и служила одним из выражений отказа от „мира“, перехода в новую жизнь». Таким образом в словарь невольно проникают определения и энциклопедического характера. Нарушит ли это строй словаря и систему его определений? Можно ли без этого обойтись?

В подлинной науке понятие — интернационально, термин — часто национален, во всяком случае по оформлению своему, но желательно, чтобы и он был интернационален, хотя бы по своей основе. Для этого в ономастике, например, многие термины созданы на основе грецизмов и латинизмов. Интернациональность достигается и терминологическими параллелями с теми же основами широко известных наименований различных отраслей знаний, ср., например, *топография* — *топонимика*; *геология*, *география* — *геонимика*; *астрономия*, *астрология* — *астронимика*; *зоология* — *зоонимика*; *гидрография*, *гидрология* — *гидронимика*; *лимнология* — *лимнонимика*; *океанология* или *океанография* — *океанонимика*; *спелеология* — *спелеонимика*; *урбанизм* — *урбанонимика*; *антропология* — *антропонимика*; *теология* — *теонимика* и многие другие.

Дефиниции по своему содержанию, так же как и понятия, должны быть интернациональны. Краткий общеславянский сло-

варь ономастических терминов, уже упомянутый нами выше, доказал, что дефиниция может быть единой в терминологии ученых различных стран.

С. Е. НИКИТИНА

**ИНФОРМАЦИОННЫЙ ТЕЗАУРУС
КАК СРЕДСТВО СИСТЕМАТИЗАЦИИ ТЕРМИНОЛОГИИ
(схема словарной статьи на материале лингвистики)**

Известно, что возникновение новых направлений в науке служит мощным стимулом для развития уже сложившихся разделов, поскольку требует более строгого решения традиционных вопросов, ставит новые проблемы и иногда дает новые методы их разрешения. Так, развитие АП дало толчок новому направлению в лингвистике — так называемой «динамической лингвистике», занимающейся созданием функциональных моделей языка. Важнейшие области молодой науки информатики — информационный поиск и автоматическое реферирование — также поставили перед лингвистикой ряд новых проблем: создание искусственных языков, по семантической силе приближающихся к естественному; разработку специального семантического анализа, приводящего к сжатию текста без потери информации; понятийную систематизацию и языковую стандартизацию терминологии, используемой в качестве лексического материала для различных видов информационного поиска — документального и фактографического (в том числе для информационно-логических систем «запрос-ответ»).

Составители информационных тезаурусов ставят перед терминологами ряд вопросов как общего порядка (например, критерии отличия термина от нетермина, синтаксические типы терминологических словосочетаний, критерии идиоматичности термина, принципы точного определения и выделения омонимов), так и частного — составление списка синонимов для каждой конкретной терминологии, выбор рекомендуемого термина.

Таким образом, даже самые простейшие информационные языки дескрипторного типа без иерархических отношений требуют работы по понятийной упорядоченности и языковой стандартизации терминов. Для составления стандартных тезаурусов для разных научно-технических областей нужна дальнейшая работа по систематизации терминологии, поскольку в таких тезаурусах присутствуют иерархические отношения типа «выше — ниже» или родо-видовые.

Нужную информацию для установления таких отношений должны давать терминологические словари — толковые и энциклопедические. Имеются попытки при создании ИПЯ использовать словарные определения (= дефиниции) в качестве материала для автоматического выделения терминов разных иерархических ран-

гов,¹ также для автоматического обнаружения и представления семантических компонентов значения термина путем семантического анализа дефиниций.² Однако весьма часто и состав словаря, и характер словарных определений не дают возможности извлечь чуждую для составителя тезауруса информацию. Так, например, понятия одного и того же типа определяются разными способами; в словарных определениях через род и видовое отличие нередко нарушается требование указывать ближайшее родовое понятие, а между тем строгая фиксация родо-видовой иерархии — необходимое условие составления словарной статьи в информационном тезаурусе (о типичных недостатках в словарных определениях см. в статье Э. Ф. Скороходько).³

Составитель тезауруса совершает работу, близкую к работе лексикографа, но сведения о значении термина фиксируются в словарной статье не в виде толкования, а путем эксплицитного представления совокупности логико-семантических связей с другими понятиями, указанными в той же словарной статье. И так же, как это часто бывает у лексикографов, он совмещает две достаточно самостоятельные, а иногда плохо совместимые задачи: фиксацию терминопотребления и понятийных связей, что рождает очень большие трудности, особенно при составлении тезаурусов для гуманитарных наук. С одной стороны, тезаурус является описательным словарем: как инструмент поиска, он должен отождествить все эквивалентные с точки зрения поиска единицы текста, а для этого в нем нужно зафиксировать все словоупотребления данного термина, а также все его синонимы. С другой стороны, тезаурус является нормативным словарем: в качестве названия класса эквивалентных единиц (дескриптора) берется рекомендуемый термин; между терминами устанавливаются жестко фиксируемые иерархические отношения (ср. противопоставление словаря-справочника и нормативного словаря у Л. В. Щербы).⁴

Выше мы рассказали о некоторых задачах, за решением которых специалисты-информатики обращаются к специалистам-терминологам.

Ниже мы попытаемся обрисовать те перспективы, которые, как нам кажется, составление тезаурусов может открыть в исследовании метаязыков науки, прежде всего терминологии, на при-

¹ Москович В. А., Моталыго В. Г. Опыт построения информационного языка на основе анализа словарных дефиниций терминов. — В кн.: Вопросы лингвостатистики и автоматизации лингвистических работ. Вып. 5. Тр. ЦНИИПИ, Сер. 3, 1971, с. 78—84.

² Пшеничная Л. Е. Об одном методе выявления и представления структуры значений термина. Канд. дисс. Киев, 1968.

³ Скороходько Э. Ф. Форма и содержание определений в толковых словарях. — Филологические науки, 1965, № 1.

⁴ Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии. — В кн.: Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. I. Л., 1958.

мере работы над тезаурусом по одной из лингвистических дисциплин — автоматическому переводу (АП).

Тезаурус по АП, разрабатываемый в Институте языкознания АН СССР, мыслится как инструмент более сложного и тонкого поиска, чем простой документальный: предполагается, что сведения, содержащиеся в этом тезаурусе, могут служить ответом на некоторые типы запросов; кроме того, он строится с таким расчетом, чтобы при индексировании, пользуясь им, можно было бы установить, какие понятия являются существенными для данного текста, а какие — случайными, т. е. производить автоматическое сжатие текста. Словарные статьи такого тезауруса носят энциклопедический характер: в них отражены все существенные для данного термина связи с другими понятиями той же области. Такого типа словарь-тезаурус был построен для области приборостроения, и были даны обоснования целесообразности его применения для автоматического индексирования.⁵

Заметим в этой связи, что к настоящему времени имеются тезаурусы, которые являются аналогами обычных словарей разных типов: простой дескрипторный словарь без иерархических связей соответствует переводному словарю, только перевод осуществляется не с одного естественного языка на другой, а с естественного на информационный; стандартный тезаурус в некотором смысле аналогичен толковому словарю: в словарной статье такого тезауруса нет определения как связного текста, но вся совокупность приведенных в статье родовых, видовых и ассоциативных терминов служит таким определением; словарь для целей, о которых мы говорили выше, подобен энциклопедическому: он указывает все существенные для данного понятия связи, а не только необходимые и достаточные для определения.

Единый тезаурус подобного типа для лингвистики в целом едва ли возможен. Общеизвестно, что в лингвистике имеется несколько метаязыков. Они плохо переводимы друг в друга не только из-за различия в объеме и содержании понятий, но и из-за разницы в той сети регулярных отношений, которая эти понятия связывает и противопоставляет друг другу (например, ср. язык глоссематики и американской дескриптивной школы).⁶

Тезаурус может создаваться: 1) для определенного раздела лингвистики, 2) для определенного направления (школы) — неслучайно лингвистические словари обычно являются словарями определенной школы, а общий словарь эклектичен, к тому же он неизбежно национален: так, русская лингвистика (не только русистика!) имеет свои существенные признаки. Возможно даже, что имеет смысл разрабатывать тезаурусы отдельно для

⁵ Леонтьева Н. Н. Автоматическое индексирование с помощью словаря энциклопедических функций (в печати).

⁶ Хауген Эйнар. Направления в современном языкознании. — В кн.: Новое в лингвистике. М., 1960.

каждого уровня языка (морфология, синтаксис, лексика, фонология), а затем пытаться сводить их вместе.

Возникает еще один очень существенный вопрос: а возможно ли вообще выделение таких логико-семантических связей для данной области знаний, которые были бы регулярны, стандартны, число которых было бы конечным и не очень большим? Не будет ли для каждого понятия набор таких связей, кроме синонимичных и родо-видовых, индивидуальным, и не только для каждого термина, но и для каждого лингвиста, а само отношение трудно определимо словами? (См., например, соображения о полиморфизме терминов в работе В. В. Налимова).⁷

В основе предпринятой работы лежит гипотеза, что это возможно.

Известны попытки анализировать структуру человеческих знаний от Аристотеля до наших дней — в плане философском и информационном.⁸ Известны опыты психологических экспериментов по выяснению типичных ассоциаций между понятиями, а также конкретные разработки списка таких связей для информационных языков, главным образом для химии, где они используются в качестве указателей роли. Есть попытка установить типичные связи между терминами философии,⁹ а также попытка выделить регулярные предикаты для описания смысла лингвистических терминов определенного поля.¹⁰

Кроме универсальных связей между понятиями, существующих в человеческом знании, есть специфические для данной науки связи, зависящие как от структуры изучаемого объекта, так и от структуры описывающей его науки, причем науки на данном этапе ее развития. Именно поэтому для каждого мета-языка выделение этих связей происходит заново, а список универсальных отношений может служить лишь контролем.

Каким образом представление о структуре языка как объекте лингвистики позволяет наметить какие-то определенные типы связей? То обстоятельство, что в языке нет симметрии между планом выражения и планом содержания, делает очень сложными отношения, существующие между понятиями, описывающими план выражения, и понятиями, описывающими план содержания. С этим же, по-видимому, связано большое количество пересекающихся синонимов в лингвистике. Например, толкование тер-

⁷ Налимов В. В. Вероятностная модель языка. М., 1974, с. 129—148.

⁸ См.: Варга Д. Методика подготовки информационных тезаурусов. — В кн.: Сборник переводов по вопросам информационной теории и практики, № 17, М., 1970.

⁹ Гринина Р. Ф., Чуваева А. А. Аппарат парадигматики в ИПЯ по философии. — В кн.: Тезисы докладов конференции «Предметный каталог и дескрипторные информационно-поисковые системы по общественным наукам». М., 1973.

¹⁰ Шелов С. Д. О семантическом описании при создании информационного языка. (На материале лингвистики). — НТИ. Сер. 2, 1974, № 6.

минов, называющих единицы морфологии, — *монема*, *морфема*, *плерема*, по-видимому, должно различаться местом смыслового акцепта на семе «плап выражения» или «плап содержания». С этим же свойством языка-объекта связана и большая полисемия в метаязыке (ср. понятия *фонема*, *морфема* в разных школах), связано и то, что в лингвистике почти невозможны замкнутые микрословари, отражающие разделение объекта на части: не случайно, например, что границы синтаксиса и морфологии размыты или совсем отрицаются. Очень трудно в лингвистике провести первоначальное членение терминов по тому, что они называют: предметы, процессы, свойства, отношения (*супплетивизм* — отношение, процесс; *словообразование* — процесс, результат), а это затрудняет установление связей с другими терминами.

С другой стороны, то, что язык является системой знаков, имеющих определенные функции, позволяет предполагать, что для метаязыка существенна связь: функция — способ выражения.

Что касается структуры самой пауки, то важно отметить, что современная лингвистика выработала языки для представления текста на разных уровнях, и, таким образом, для терминологии направления, создающего описание функциональных языковых моделей, существенна связь: объект — способ его представления.

В идеале все сведения о связях в системе терминов, необходимые для информационного тезауруса, должны были бы черпаться из определений в нормативных словарях и содержательных описаний в энциклопедических словарях. В настоящее время информация в существующих словарях лингвистических терминов не является достаточной для поставленной нами задачи, поэтому источником сведений, кроме лингвистических словарей, служили многочисленные лингвистические статьи и собственные знания составителя тезауруса.

Итак, мы пытались создать перечень отношений, регулярных для языка лингвистики в рамках функциональных моделей. Регулярна та связь, которая повторяется между многими парами терминов независимо от их содержания, т. е. такая, которая может быть представлена в виде пропорции; например:

$$\frac{\text{фона}}{\text{фонема}} = \frac{\text{морфа}}{\text{морфема}} = \frac{\text{лекса}}{\text{лексема}} = \frac{\text{синтагма}}{\text{синтагмема}}$$

Словарная статья тезауруса представляет собою как бы анкету, предъявляемую термину, где роль вопросов выполняет перечень связей, при которых могут быть записаны сведения-ответы, тоже преимущественно в виде терминов. Название связи представляет собою двухместный предикат, места которого заполнены заглавным словом словарной статьи и термином в соответствующую-

щем пункте. Ясно, что различные группы терминов будут различаться по типам существенных для них связей. Здесь мы не будем останавливаться на вопросе, как можно классифицировать лингвистические термины. Очевидно, что этот самый сложный вопрос о структуре науки требует глубокого исследования.¹¹ Однако мы надеемся, что одним из возможных выходов предполагаемого описания и явится полученное формальным путем разбиение терминов на группы в зависимости от того, какие пункты анкеты для них заполняются, т. е. классификация по пучкам существенных связей.

Мы не касаемся здесь и сложного вопроса об отношениях между самими связями и природе вводимых на их основе сведений; ясно, что некоторые из них являются сведениями о мета-языке (например, то, что родовым понятием для морфы является понятие языкового знака), а некоторые — сведениями о языке-объекте (например, то, что признаками существительного являются род, число, падеж). Разграничение таких сведений есть предмет отдельной работы.

Список связей (схема словарной статьи)

Заглавное слово. Если заглавное слово — дескриптор, то дальше следует словарная статья со всеми пунктами. При выборе названия дескриптора по возможности ориентируются на краткость термина и его однозначность (отсутствие омонимов).

1. Синонимы. Как уже говорилось, для лингвистики характерны пересекающиеся квазисинонимы, часто разноаспектные; существуют дублиеты, особенно с разноязычными корнями. Для дублиетов в их словарной статье сразу дается отсылка к основному слову — дескриптору, для квазисинонимов словарная статья может быть достаточно самостоятельна. Интересным представляется тип синонимов, находящихся в дополнительной дистрибуции. Контекстом здесь служит описываемый языковой материал. Например, *кнаклаут* — для немецкого языка, *хамза* — для арабского, *тасер* — для самодийских — термины, называющие одно и то же фонетическое явление (не фонологическое), но не воспринимающиеся как дублиеты в силу жесткой привязанности к разному языковому материалу. В связи с этим хочется отметить, что такие термины, как *словосложение* и *инкорпорация*, кажутся далекими из-за употребления в разных контекстах, хотя оба описывают во многом сходные процессы корне- и основосложения.

2. Корреляты. Противоположные или взаимоисключающие понятия. Могут выделяться по разным основаниям: *глубинный падеж* — *поверхностный падеж* (противопоставление по уровням),

¹¹ Рождественский Ю. В. О современном состоянии языкознания. — ВЯ, 1965, № 3.

префикс — суффикс (противопоставление по локализации по отношению к корню). Нет специального пункта для фиксации соподчиненных понятий — к ним всегда можно перейти через родовое, но если родовое понятие содержит всего два вида или целое состоит из двух частей, то вторая половина тоже указывается как коррелят; например, для термина *словообразование* коррелятом будет *словоизменение*.

3. Родовое понятие. Указание ближайшего рода для лингвистических терминов иногда очень затруднительно. По-видимому, для прилагательных, описываемых через ситуацию, это сделать вообще невозможно. Выбор ближайшего родового понятия может служить сигналом принадлежности к определенной лингвистической школе или направлению (например, выбор родового понятия для термина *предложение* зависит от той или иной концепции языка). В нашей словарной статье может указываться два или больше родовых понятий, совместимых друг с другом, их пересечение и определяет данный термин. Например, для термина *машинный перевод* родовыми понятиями будут *перевод* и *автоматическая обработка текста*. Несовместимые родовые понятия в соединении с исключаяющими дизъюнкциями в других пунктах словарной статьи могут служить указанием на то, что перед нами омонимы. Таким образом, предъявляемая термину анкета является средством обнаружения омонимии.

4. Видовые понятия. По возможности фиксируются основания, по которым идет деление. Для лингвистических терминов этот пункт очень объемён, ср., например, виды глаголов и типы предложений.

5. Целое. Целым называется то, в составе чего функционирует сущность, названная данным термином — заглавным словом: для терминального словаря это *формальная грамматика*, для слова — *предложение*, для основы — *словоформа*. Для некоторых видов понятий будет несколько целых — в зависимости от типа функции, которая в них проявляется. Так, для *анафорических местоимений* целым будет *предложение* с точки зрения синтаксической функции и *связный текст* — с точки зрения семантической функции (анафорической).

6. Компонент. Связь, обратная предыдущей. Мы специально выбрали это название, заменив более обычное «часть», ассоциирующееся с механическим делением целого на части. Ясно, что один и тот же элемент может быть компонентом для одного и целым для другого (ср. *слово* по отношению к *предложению* и *морфам*).

7—8. Репрезентирующее — репрезентируемое. Заполняется для небольшого числа терминов, обозначающих единицы языковых уровней: *фона* — *фонема*, *морфа* — *морфема*, *лекса* — *лексема*.

9. Параметр (свойство, признак). Заполняется терминами, указывающими на то, что существенным образом характеризует

понятие, выраженное заглавным словом. Например, для термина *правильная синтаксическая структура* в пункте № 9 запишется *проективность*, для термина *местоимение* — *переменный денотат*.

10. Носитель параметра. Связь, обратная предыдущей. Для термина *проективность*, например, указывается термин *правильная синтаксическая структура*, для термина *надеж* — *существительное*.

11. Основная функция — что выражает, чем может являться сущность, названная заглавным словом. *Предлог*, например, выражает *синтаксическую связь*, местоимение — *дейксис*, *глубинный надеж* — *семантическую связь*. Функций может быть несколько — в зависимости от аспекта (ср. с пунктом «Целое»).

12. Способ выражения (инструмент) — связь, обратная предыдущей. Например, для термина *синтаксическая связь* пункт № 12 заполняется терминами *предлог, надеж, порядок слов*.

13. Типичные процессы, в которые включен объект, выраженный заглавным словом. Для *основы*, например, — *переразложение, опрощение*.

14—15. Объект — способ представления. Как уже указывалось выше, введение этой связи отражает специфику современной лингвистики, разработавшей языки для представления текста на разных уровнях. Для термина *дерево зависимостей* пункт № 14 заполнится термином *синтаксическая структура*, а для термина *правильная синтаксическая структура* пункт № 15 заполнится терминами *дерево зависимостей* и *дерево непосредственно составляющих*.

16. Единицы анализа, уровня, описания. Для термина *морфологический анализ* в этом пункте будут стоять термины *морфема* и *слово*.

17. Уровень, главная операция. Связь, обратная предыдущей. Для заглавного термина *морфема* в этом пункте будут стоять термины *морфология, морфологический анализ*. Для объектов, определяемых операциональным путем, ставится название операции, их открывающей: так, для термина *основа* — *сегментация*.

18. Импликация. Под этим словом понимается ряд связей типа причина — следствие, условие — обусловленное, высокая степень корреляции. Например, для термина *конверсия* это место заполнится термином *омонимия*.

19. Сфера применения (контекст). Об этом говорилось выше, когда рассматривались дистрибутивные синонимы. Для термина *инкорпорация* этот пункт будет заполнен термином *палеоазиатские языки*.

20. Аспект. Здесь для заглавного термина указывается, для описания какого аспекта языка — коммуникативного или номинативного он употребляется, а также с точки зрения какой научной дисциплины (если это не лингвистика) явление рассматривается. Так, для термина *пропозиция* этот пункт заполнится терминами *номинативный аспект, логика*.

21. Лексическая функция $A_0(S)$. Для *аффикса* — *аффиксальный*, для *существительного* — *субстантивный* и т. д.

22. Ассоциации. Этот пункт является местом сбора всего того, что не вошло в остальные пункты, но экспертам представляется связанным с данным понятием и потому подлежащим включению в словарь, т. е. это индивидуальные связи данного термина, нестандартные и нерегулярные. Кроме того, этот пункт служит «кладовой» для выработки новых регулярных связей при накоплении словарных статей.

23. Английский эквивалент.

24. Рубрика. Этот пункт вводится для ориентации в тезаурусе. Вообще говоря, название рубрики есть самое широкое родовое понятие для данного класса терминов. До него можно идти, двигаясь вверх по иерархическому дереву.

Очевидно, что для каждого термина заполняются не все пункты описанной выше анкеты. Незаполненные места могут быть трех типов:

1. Место не заполнено, потому что оно заполняется точно так же, как и для родового понятия. Например, пункт «Аспект» заполняется для самых широких понятий.

2. Место не заполнено, потому что нет соответствующего термина или терминологического выражения, но нельзя утверждать, что его не может быть. Это, так сказать, пустые места в таблице лингвистических терминов. В таком случае в соответствующем пункте ставится прочерк.

3. Место не заполнено, потому что для данного заглавного слова такой связи вообще не может существовать. Например, пункты 7—8 заполняются только для названий единиц разных языковых уровней. Для всех остальных терминов в этих пунктах ставится два прочерка.

Таким образом, пустые места в таблице значимы. Они-то и позволяют произвести нетривиальную классификацию терминов по типам заполняемых связей. Это же дает возможность классифицировать то, что в определениях называется видовым отличием: для одних понятий существенно указание на признак, у других — на функцию и т. д. После того как такая анкета заполнена, можно формальным путем построить энциклопедическое описание данного термина, соединяя содержание пунктов анкеты по несложному алгоритму. Думается, что сведения, собираемые о термине по стандартной схеме, учитывающей все существенные связи между элементами метаязыка, могут быть достаточно надежным материалом для построения определений терминов в толковых и энциклопедических словарях.¹²

¹² За время, прошедшее со дня подачи статьи в печать до ее выхода в свет, во-первых, появилось несколько статей, имеющих отношение к настоящей работе, во-вторых, структура предлагаемой словарной статьи в процессе работы над тезаурусом несколько изменилась и насчитывает теперь 29 пунктов.

ОСНОВА.

1. Синонимы: база, тема.
2. Корреляты: окончание.
3. Род: см. Целое.
4. Вид: а) непроизводная о., производная о., производящая о.;
б) первичная о., вторичная о., третичная о.;
в) продуктивная о., непродуктивная о.;
г) гласная о., согласная о., твердая о., смягченная о.;
д) связанная о., корневая о.
5. Целое: словоформа (в синтагматическом плане), парадигма слова (в парадигматическом плане), словарь основ.
6. Компоненты: корень, аффикс.
7. Репрезентирующее: =
8. Репрезентируемое: =
9. Параметр: производность/непроизводность, членимость/нечленимость, неизменяемость в парадигме.
10. Носитель параметра: =
11. Основная функция: лексическое значение.
12. Способ выражения: .
13. Типичные процессы: опрощение, переразложение, основослоложение, удвоение.
14. Объект: =
15. Способ представления:
16. Единицы анализа, уровня: =
17. Уровень, главная операция: сегментация, морфология.
18. Импликация: =
19. Сфера применения: =
20. Аспект:
21. Лексическая функция A_0 : основной.
22. Ассоциации: исход основы, наращение основы, осложнение основы, оформитель основы.
23. Английский эквивалент: stem.
24. Рубрика: морфология.

В. Ф. ПЕРШИКОВ, Э. В. СТАНИСЛАВСКАЯ

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДЕФИНИЦИЙ
ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ
ПАРАДИГМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В ДЕСКРИПТОРНЫХ ИПЯ**

В теории создания информационно-поисковых языков (ИПЯ) дескрипторного типа одной из наиболее трудных является проблема установления парадигматических отношений, под которыми

в информатике обычно понимают семантические отношения, существующие между дескрипторами, независимо от контекста.

Ныне существующие методы установления парадигматических отношений, к которым относятся логико-интуитивный, дистрибутивно-статистический, психологический, направлены главным образом на выявление связей, существующих между понятиями.¹ Правила же построения словарной статьи дескриптора и законы, сопровождающие этот процесс, при этом не вскрываются. А именно отбор из множества отношений тех, которые целесообразно фиксировать в информационно-поисковом тезаурусе (ИПТ), вызывает существенные затруднения при создании ИПЯ, имеющего высокие поисковые качества. Таким образом, между выявлением парадигматических отношений и их установлением существует определенное различие. Под выявлением отношений нами понимается процесс формирования семантического поля, на основе которого будут созданы словарные статьи дескрипторов. Установление же отношений, во-первых, предполагает определение видов отношений, необходимых и достаточных для ИПЯ той или иной отрасли, и, во-вторых, принятие решений о том, какие виды парадигматических отношений, кроме родо-видовых, могут быть причислены к иерархии (по этому вопросу ведется особенно много споров).

Одной из широко распространенных ошибок при установлении парадигматических отношений является скачок в делении, при котором в единый иерархический ранг попадают подчиненные друг другу понятия. Избежать этого помогают развитые определения терминов, набираемые из энциклопедий, терминологических и толковых словарей, терминологических ГОСТов и других справочников. В основе определения значения термина в терминологическом справочнике лежит, как правило, родо-видовой принцип, согласно которому определение термина содержит указание на род и видовые отличия.² Поскольку в информационно-поисковом языке родо-видовые отношения являются ведущими, нельзя согласиться с мнением тех исследователей, которые выступают с критикой традиционного родо-видового принципа построения определений. Он удобен, привычен и оказывает существенную помощь при установлении парадигматических отношений. Ошибки же могут и должны быть устранены, так как они не присущи самому принципу родо-видового определения.

В ЛГИК им. Н. К. Крупской проведен эксперимент по использованию словарных определений для выявления парадигматических отношений различного вида. Экспериментальной базой являлась терминология по строительству и архитектуре. Эксперимент показал, что в словарных статьях отражаются парадигматические

¹ Москвич В. А. Информационные языки. М., 1971.

² Морковкин В. В. Идеографические словари. М., 1970.

отношения типа: род-вид, целое-часть и некоторые другие. При этом используются средства материального выражения, которые можно условно подразделить на:

- а) лексические (глаголы, причастия, вводные слова, предлоги и т. д.);
- б) пунктуационные (двоеточие, тире, скобки);
- в) схемы, чертежи;
- г) шрифты (курсив, разрядка и т. д.);
- д) ссылки.

Наиболее разнообразен арсенал выражения родо-видовых отношений, в который входят все перечисленные типы средств. Среди лексических наиболее важными являются:

— «разновидность», «подразделяются на», «различают», «делятся на», «весьма разнообразны от... до», «в виде», «относится к классу» и некоторые другие, например: Металлические балки делятся на прокатные, сварные и клепаные;

— причастия, например: Приспособление, смягчающее толчки, называется амортизатором;

— вводные слова («в частности», «как правило», «в первую очередь» и т. п.), например: Полы в жилых домах, как правило, деревянные;

— предлоги («из», «среди», «с» и др.), например: Среди строительных материалов наиболее распространенным является кирпич.

К пунктуационным средствам отражения родо-видовых отношений относятся:

— двоеточие, например: Основные лесоматериалы: бревна, доски, фанера и т. д.;

— тире, например: Автоклав — замкнутый сосуд;

— скобки, например: Некоторые горные породы (гравий, туф, известняк) с успехом используются в строительстве.

Одним из самых наглядных средств представления связей являются схемы и чертежи, которые помогают классифицировать некоторые виды предметов по различным основаниям деления, например, виды арок по их конфигурации. Многообразие видов отношений часто выделяется полиграфическими средствами: разрядкой, курсивом и т. п. Изучив особенности конкретного терминологического источника (энциклопедии, словаря), можно с успехом использовать этот аппарат.

Не менее разнообразны средства выражения парадигматических отношений «целое — часть», где в первую очередь следует отметить схемы и чертежи, которые эксплицитно указывают на составные части предмета. Такие же слова, как «содержащий», «состоит из», «является частью», «изготавливается из», «в состав... входят» и др. дают возможность устанавливать отношение «це-

лое — часть» одновременно с чтением текста. Аналогичные функции выполняют знаки препинания и шрифты.

Отношение «предмет (процесс) — назначение» передается с помощью таких лексических средств, как: «используется для», «применяется при», «служит для», «в целях» и т. д.

Ссылки дополняют систему материальных средств отражения парадигматических отношений в словарных статьях терминов.

Выделенные материальные средства являются действенным аппаратом выявления и определения видов парадигматических отношений. Существенным представляется то обстоятельство, что с их помощью оказывается возможным формализовать процесс выявления отношений как при анализе словарных статей терминов в терминологических справочниках, так и при анализе текстов документов. Использование материальных средств выражения отношений при анализе документов позволяет ориентироваться в новой терминологии, еще не нашедшей отражения в толковых словарях, облегчает формирование дефиниций.

Исследование качества и полноты определений одних и тех же терминов, представленных в различных терминологических справочниках, проводилось на материале по архитектуре и строительству. Из одиннадцати различных источников, определяющих, в частности, термин *адсорбция*, лучшие результаты получены при анализе Большой и Малой Советских Энциклопедий, Краткого политехнического словаря и Энциклопедического словаря в 3-х томах. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что среди лучших не отмечены специализированные словари и справочники. Этот факт наводит на мысль о том, что требованиям разработчиков ИПЯ наиболее полно отвечают определения универсальных изданий.

При создании ИПЯ и особенно при работе с ним в условиях реальной эксплуатации информационно-поисковой системы существенные затруднения вызывает ввод номенклатур.³ Они обладают эвристическими функциями и активно используются при поиске. Количество номенклатур в специальных научных областях весьма значительно. Не составляет в этом смысле исключения терминология целлюлозно-бумажной промышленности, для которой разработан ИПЯ. Целлюлозно-бумажная промышленность представляет собой «комплексную» технологическую область, которая активно использует помимо собственной терминологии лексику и, следовательно, номенклатуры других областей знаний. Здесь широко представлены термины: биологии, ботаники, химии (аналити-

³ Под номенклатурой понимаются: «...абстрактные и условные символы, назначение которых состоит в том, чтобы дать максимально удобные с практической точки зрения средства для обозначения предметов» (Жданова Т. С., Колобродова Е. С., Полужкин В. А., Черный А. И. Словарь терминов по информатике на русском и английском языках. М., 1971, с. 118).

ческой, органической и неорганической), автоматике и механике металлообработки, географии, экономики, кибернетики, математики и др. Общее число номенклатур, употребляемых в отрасли, исчисляется десятками тысяч; ежегодно образуется и публикуется в различных документальных источниках значительное количество новых номенклатур. Фиксирование в тезаурусе всех номенклатур, требуемых для описания смыслового содержания документов и запросов отрасли, оказывается невозможным. В противном случае объем ИПТ был бы недопустимо велик, что само по себе является препятствием к его использованию, а необходимость ежегодного ввода десятков тысяч новых терминов, в том числе номенклатур, поставила бы перед службой ведения тезауруса неразрешимые задачи. Единственно приемлемым способом решения количественной проблемы является включение в состав средств ИПЯ аппарата неконтролируемого ввода терминов, который бы позволял ограниченными лексическими средствами тезауруса описывать терминологические образования любого вида. Для ввода, в частности, номенклатур в ИПЯ для целлюлозно-бумажной промышленности используется разновидность метода компонентного анализа — метод семантического развертывания. Компонентный анализ является, таким образом, не только эффективным средством установления парадигматических отношений в контролируемых ИПЯ, но и благодаря возможности представлять в явном виде внутреннюю структуру термина — существенным элементом аппарата неконтролируемого ввода. В общем виде под семантическим развертыванием понимается представление ключевого слова (единичного слова или словосочетания) в виде логического произведения дескрипторов (элементарных терминов, семантических множителей), набираемых из соответствующих терминологических блоков тезауруса. Результатом развертывания являются семантические развертки.

Семантическое развертывание номенклатур осуществляется по следующим правилам:

1. Заимствовать из терминологического справочника (энциклопедии, терминологического словаря, терминологического ГОСТа и др.) рабочее определение для развертываемой номенклатуры; если определение в справочнике отсутствует, сформулировать его.

2. Выявить в определении (учитывая материальные средства выражения парадигматических отношений) ключевые слова, требующиеся для описания содержания развертываемой номенклатуры.

3. Найти для ключевых слов в тезаурусе дескрипторные эквиваленты.

4. Заполнить формат семантической развертки.

5. Ввести в состав семантической развертки наименование (имя) номенклатуры в знаках того алфавита, в которых оно представлено в естественном языке.

Примеры записи семантических разверток.

«Гарднера прибор — устройство для определения лоска бумаги»: ⁴

ВОО	Устройства	В35 ⁵
А90	Измерение	В35
П81	Лоск	В35
Б54	Бумага	В35
И20	Гарднер	В35

«Бумагоделательная машина верти-форма (англ. Verti-forma) — машина, конструкция которой основана на новом принципе формирования бумаги — обезвоживания бумажного полотна между двумя вертикально расположенными сетками при движении поступающей массы, а затем и бумаги сверху вниз»: ⁶

ВОО	Устройства	В72
А56	Формирование	В72
Б54	Бумага	В72
В72	Сетки	В72
В72	Вертикальные	В72
И20	Верти-форма	В72

Ввод в семантическую развертку наименования номенклатуры дает возможность осуществлять поиск по самому наименованию.

При отборе из определений ключевых слов в семантическую развертку используются фасетные формулы. Фасетные формулы представляют собой своеобразные анкеты, места которых соответствуют признакам, которые должны быть отражены в семантических развертках терминов соответствующих категорий. Термины различных категорий имеют свои фасетные формулы.

Семантические развертки отображают в большинстве случаев систему парадигматических отношений развертываемого термина. В них содержится указание на родовое понятие, а также видовые отличия.

Затруднения вызывает ввод нестандартизованных номенклатур, т. е. номенклатур, не зафиксированных в терминологических справочниках и особенно вновь появляющихся. В ряде случаев оказывается затруднительным дать рабочее определение поменклатуре, вскрыть ее семантику, выявить всю гамму видовых признаков. Ввод подобных номенклатур осуществляется путем логического произведения родового термина, заимствуемого из тезау-

⁴ Словарь целлюлозно-бумажного производства. М., 1969, с. 79.

⁵ Буквенно-цифровые индексы-коды, указывающие на принадлежность дескрипторов развертки к тому или иному терминологическому блоку ИПЯ; код «В35» выполняет функции указателя связи, объединяющего дескрипторы развертки в единое смысловое целое.

⁶ Словарь целлюлозно-бумажного производства, с. 54.

руса и наименования номенклатуры. Например, номенклатура «Пресс Вента-Нип» будет иметь выражение:

ВОО	Устройства	В73
А58	Прессование	В73
И20	Вента-Нип	В73

Рассмотренный метод позволяет обеспечить неконтролируемый ввод номенклатур ограниченными лексическими средствами тезауруса.

Значение для разработчиков ИПТ определений, в которых были бы отражены наиболее важные для специалистов данной отрасли связи между понятиями, трудно переоценить. Однако в настоящее время определения не всегда удовлетворяют требованиям разработчиков дескрипторных ИПЯ, использующих при их построении метод компонентного анализа (семантического развертывания). Сформулируем некоторые из них.

Определения должны в первую очередь давать возможность выявить ту информацию, которая из-за ее тривиальности для специалистов отсутствует в тексте документа, что приводит к потерям при поиске. Определения должны содержать такое количество информации, чтобы связи тезауруса не были недостаточными, ибо при этом снижается полнота выдачи, а также избыточными, т. к. ИПЯ перегружается отношениями, снижающими точность поиска. Кроме того, в определениях должны содержаться указания на отношение определяемого понятия к родовому или на отношение части к целому, указания на другие связи определяемого понятия, а также семантические признаки, отличающие определяемое понятие от связанных с ним по значению.

Создание толковых словарей и энциклопедий, лишенных логических ошибок и недостатков, связанных с проблемой определения терминов, будет способствовать успешному решению задачи разработки информационно-поисковых языков. Многочисленные исследования,⁷ направленные на устранение недостатков, связанных с проблемой создания определений, дают основания надеяться, что разработчики дескрипторных языков смогут пользоваться определениями терминов, удовлетворяющими указанным требованиям.

⁷ Канделаки Т. Л. 1) Значение термина и системы значений научно-технической терминологии. — В кн.: Проблемы языка науки и техники. Логические, лингвистические и историко-научные аспекты терминологии. М., 1970; 2) Работа по упорядочению научно-технической терминологии и некоторые лингвистические проблемы, возникающие при этом. — В кн.: Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М., 1970; Кулебакин В. С., Климовицкий Я. А. Работы по построению научно-технической терминологии в СССР и советская терминологическая школа. — Там же.

О ФОРМАЛЬНЫХ КРИТЕРИЯХ ТЕРМИНОЛОГИЧНОСТИ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКОМ ОБОСНОВАНИИ РАБОТ ПО УНИФИКАЦИИ И СТАНДАРТИЗАЦИИ ТЕРМИНОЛОГИИ

Совещание, посвященное проблеме определений терминов в словарях, еще раз обратило внимание на неблагополучность с терминологией прежде всего в науках, которые и призваны заниматься терминами, — в языкознании и терминоведении.

Достаточно сказать, что ясной дефиниции не имеет даже основополагающее понятие терминоведения — понятие «термин», отсутствуют четкие критерии выделения термина из текста, большинство терминоведческих исследований ориентированы на сферу фиксации терминологии, а не на сферу ее функционирования. Сложным и неясным остается вопрос о границах и способах государственного влияния на терминологию — создаваемые ГОСТы и рекомендуемые словари терминов недостаточно используются в работе инженеров и специалистов.

При рассмотрении понятия «термин» и критериев выделения терминов из текста полезно уделить внимание двум вопросам:

1. Понятийная природа терминологий и интерпретация связи термина и понятия.

2. Мера терминологичности.

На совещании большое внимание уделялось проблемам выделения терминов и толкования их значений в так называемых филологических и энциклопедических словарях.

Задача, стоящая перед лексикографом, ясна — из множества слов и словосочетаний, описывающих некоторую предметную область, отобрать элементы, которые могут быть включены в первый или второй тип словарей.

Можно сказать, что работа лексикографов с терминами основывается на сфере функционирования терминологии с целью создания сферы ее фиксации.

К сожалению, по-иному дело обстоит в терминоведении. Как неоднократно отмечала В. П. Даниленко, терминоведы часто работают со сферой фиксации терминологии, исследуют то, что специалистами-предметниками уже включено в словарь. Важна и интересна и такая работа, но совершенно ясно, что она недостаточна, во всяком случае, работы по унификации и стандартизации терминологии, имеющие государственное значение, должны основываться на реальных научно-технических текстах, а не на имеющихся словарях.

Многие из существующих определений термина признают терминами лишь языковые единицы, имеющие дефиницию. Утверждая, что термин — это то, что имеет дефиницию, т. е. содержится в соответствующих словарях и справочниках, мы ограничиваем круг терминологии без достаточных на то оснований единицами

соответствующего метаязыка, субъективно выделенными авторами толковых и иных терминологических словарей, отнюдь не представляющими метаречь достаточно адекватно.

Подобный подход по сути дела представляет собой — *circulus vitiosus* — термин, то, что имеет дефиницию, дефиницию имеют элементы толковых словарей, элементы толковых словарей — термины. Но четкие критерии отбора терминов в словари отсутствуют, как отсутствует в терминоведении ясное представление о терминологичности элементов текста.

Исследуя критерии выделения терминов из текста, терминовед осуществляет поиск признаков, необходимых и достаточных, позволяющих считать тот или иной языковой элемент термином.

Существует большое количество определений термина. Практически во всех определениях термин характеризуется как слово или словосочетание, выражающее (обозначающее, называющее) специальное научно-техническое понятие.

Анализ определений позволяет сделать следующие замечания.

Для того чтобы знать, что такое термин, необходимо по крайней мере знать:

- 1) что такое понятие;
- 2) чем отличаются понятия специальные, научно-технические от бытовых понятий;
- 3) может ли понятие выражаться словосочетаниями.

Ответ на первый вопрос о сущности понятия в значительной степени предопределяет и ответы на следующие вопросы.

Не обсуждая крайне сложный вопрос о сущности понятий научных, технических и бытовых, следует заметить, что в фундаментальной работе проф. Е. К. Войшвилло «Понятие» (М., 1969) подчеркивается неопределенность и многозначность самого термина «понятие».

По-видимому, приемлемым для целей терминоведческих исследований является определение «понятия», содержащееся в Философском словаре: «Понятие — одна из форм отражения мира в мышлении, с помощью которой познается сущность явлений, процессов, обобщаются их существенные стороны и признаки... Осн. логическая функция П. состоит в мысленном выделении по определенным признакам интересующих нас в практике и в познании предметов. Благодаря этой функции П. связывают слова с определенными предметами, что делает возможным установление точного значения слов и оперирование ими в процессе мышления. Выделение классов предметов и обобщение этих предметов в П. является необходимым условием познания законов природы».¹

Вопрос о возможности существования так называемых многословных терминов типа «экспериментальная проверка алгоритма

¹ Философский словарь. Под ред. М. М. Розенталя, П. Ф. Юдина. Изд. 2-е. М., 1968.

выявления ранжированных групп терминов» непосредственно связан с возможностью для различных видов понятий выражаться описательно, при помощи сочетаний нескольких слов. Известно, что в логике признанным является факт существования «составных понятий», т. е. понятий, каждое из которых в свою очередь состоит из нескольких понятий.²

Так, составное понятие «*дефиниция терминов в словарях*» состоит из понятий *дефиниция*, *термин*, *словарь*, находящихся в определенных отношениях друг к другу. На уровне языка это составное понятие реализовано путем введения соответствующих составных терминов, в которых термины *дефиниция*, *термин*, *словарь* — синтагматически связаны.

Специальные научно-технические понятия могут выражаться (обозначаться, называться) в языке посредством сочетания нескольких слов. Но коль скоро это так, то общепринятое определение термина «работает» на любом фрагменте текста, выражающем научно-техническое понятие. И мы получаем основания (исходя из определения понятия «термин» и факта существования составных понятий) утверждать, что термин — это любой фрагмент текста (или сегмент речи), выражающий (обозначающий, называющий) специальное научно-техническое понятие и не содержащий одновременно субъекта и предиката высказывания.

В соответствии с этим подходом — а если быть последовательным, то этот подход необходимо вытекает из общепринятого представления о термине и понятии, — мы должны были бы считать терминами, например, такие фрагменты текста, как «изменение характеристик моделируемого объекта посредством умножения параметров на значения величин преобразования сходственных параметров», «корневая морфема глагола первого лица прошедшего времени совершенного вида» и т. д.

В этих и других примерах безусловен факт выражения специального составного понятия и отсутствие субъекта и предиката высказывания. В соответствии с определением термина, казалось бы, необходимо признать эти фрагменты текста терминами.

Целесообразно ввести в определение термина указание на специфические языковые признаки термина. Если мы признаем терминологию системой, то представляется очевидным, что элементы, образующие систему, могут быть только языковыми элементами. В соответствии с дихотомией язык-речь языковыми элементами предлагается считать элементы, воспроизводящиеся в тексте, т. е. повторяющиеся в неизменном окружении или в неизменной форме; речевыми элементами — то, что производится в речи из языковых элементов.

² Годер Н. М. О логической структуре понятия, выраженного словосочетанием. — В кн.: Логико-грамматические очерки. М., 1961.

Оценить воспроизводимость элементов текста можно лишь проведя статистическое исследование текстов. Поэтому предлагается, используя семантический критерий, выделять из текстов фрагменты, выражающие специальные понятия и не содержащие одновременно субъекта и предиката высказывания. Эти фрагменты текстов целесообразно называть «терминологическими сегментами речи». Главной задачей на данном этапе исследования является получение структурно-статистических данных (с использованием методов лингвистической статистики, метода связанных графов, компонентного анализа) о поведении терминологических сегментов речи в текстах. В результате должны эксплицироваться закономерности, отличающие термин как единицу языка от сочетания терминов как единицу речи, производящуюся в ней, но не воспроизводящуюся.³

Такой подход важен еще и потому, что в автоматизированных информационно-поисковых системах (ИПС) подобные терминологические сегменты представляют содержание документов (являются поисковыми образами документов) и хранятся в памяти ЭВМ.

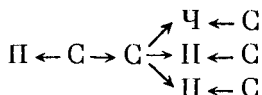
В лаборатории семиотики Горьковского НИИ прикладной математики и кибернетики было проведено лингвостатистическое исследование специальных терминологий (языкознание, информатика, технология машиностроения, ядерная физика, биология) с использованием ЭВМ БЭСМ-3М. Исследование проводилось группой сотрудников в составе: Р. Ю. Кобрин — руководитель, Л. Д. Дрешкина, Л. А. Пекарская, Т. В. Батюк, Т. А. Глухова. Математическое обеспечение системы лингвостатистического анализа осуществлялось ст. инженером Б. А. Авдеевым.

Лингвостатистическое исследование текстов проводилось выборочно. Из текстов по каждой области знания было проведено по 20 выборок. Объем каждой выборки — 500 употреблений терминологических сегментов. Таким образом, объем исследованных текстов по каждой из подвергнутых анализу областей знания — 10 000 употреблений терминологических сегментов. Общий объем — 50 000 употреблений терминологических сегментов.

Каждому из выделенных вручную терминологических сегментов ставилась в соответствие структурная модель, в которой части речи обозначались соответственно: существительное — С, прилагательное — П, числительное — Ч, местоимение — М, наречие — Н. Синтаксическая связь обозначалась стрелками, направленными к зависимому слову, имеющийся предлог фиксировался над стрелкой.

³ Предлагаемая методика подробно описана в работах: Кобрин Р. Ю. 1) К вопросу о термине. — В кн.: Прикладная математика и кибернетика. М., 1973; 2) Лингвостатистический анализ терминологии. — В кн.: Языки науки и техники. Вып. 1. М., 1974 (в печати); Пекарская Л. А. Опыт лингвостатистического анализа терминологии современного машиностроения. — В кн.: Лексика, терминология, стили. Вып. 2. Горький, 1973.

Например, терминологический сегмент «корневая морфема глагола первого лица прошедшего времени совершенного вида» представлен моделью

Для получения лингвостатистических характеристик применялась автоматизированная синтаксически ориентированная система избирательного распределения информации (АССИРИ), предназначенная для поиска информации в массиве документов, записанных на магнитную ленту по постоянным запросам, хранящимся в памяти ЭВМ.⁴

На ЭВМ получены словари для каждой области знаний со следующими частотными характеристиками:

1. Частотные словари терминологических сегментов со следующими параметрами: терминологический сегмент, модель сегмента, N массива, N выборки, x (частота в выборке), \bar{x} (средняя частота в массиве), Σx (сумма частот в массиве), ОВ (относительное вхождение), КВ (критерий воспроизводимости).⁵

2. Частотные словари моделей терминологических сегментов со следующими параметрами: модель, N массива, N выборки, x , \bar{x} , Σx , ОВ, КВ.

3. Частотные словари словоформ со следующими параметрами: словоформа, N массива, N выборки, x , \bar{x} , Σx , ОВ, КВ.

4. Частотные словари фрагментов терминологических сегментов (термин в термине или термин в терминологическом сегменте) (например: «информационно-поисковая система с позиционным кодированием» ЭВМ выделит фрагменты: «информационно-поисковая система», «позиционное кодирование»). Фрагменты имеют следующие характеристики — фрагмент, N массива, N выборки, x , \bar{x} , Σx , ОВ, КВ.

Получив подобные инвентари для различных областей знания, окажется, как представляется, возможным получить ответ на следующие кардинальные для терминоведения вопросы.

1. Получение объективных фактических оснований для дихотомии «термин — сочетание терминов».

2. Выявление структурной организации (моделей) терминов различных областей знаний. Если модели, по которым организуются термины различных областей знаний, одинаковы, то окажется возможным построить единый информационный язык.

⁴ Авдеев В. А., Бородин В. В. Синтаксическая система ИРИ. — В кн.: Информационные материалы межотраслевого научно-технического семинара ИПЯ-73. Горький, сентябрь 1973 г. М. (в печати).

⁵ $ОВ = m/n$, где m — число выборок, в которых встретилась анализируемая единица, n — общее число проведенных выборок. $КВ = \Sigma x \cdot ОВ$. Подробнее о величине КВ см.: Кобри и Р. Ю. К вопросу о термине. — В кн.: Прикладная математика и кибернетика. М., 1973.

3. Эكспликация принципов отбора терминов в словари. Очевидно, что в энциклопедические словари должны включаться термины, но не терминологические сегменты, в филологические словари должны включаться лишь наиболее воспроизводимые термины.

4. Определение наиболее продуктивных (воспроизводимых) моделей терминов позволит конкретизировать работы по унификации и нормализации терминологии.

В заключение несколько слов об унификации, нормализации и стандартизации терминологии. В последнее десятилетие большую работу в этих областях провели Комитет научно-технической терминологии АН СССР, Всесоюзный научно-исследовательский институт классификации и кодирования Госкомитета стандартов, отраслевые информационные институты. Выпускаются сборники рекомендуемых терминов, разрабатываются ГОСТы на терминологическую лексику, подготавливаются словари нормализованных терминов, разработана и применяется методика государственной стандартизации терминов (см.: Стандартизация научно-технической терминологии. М., 1970).

Однако широко ведущиеся работы, на наш взгляд, страдают двумя существенными недостатками:

- 1) отсутствие методологических обоснований для стандартизации терминов,
- 2) отсутствие «обратной связи» между специалистами-предметниками, для которых разрабатываются ГОСТы и сборники рекомендуемых терминов, и организациями-разработчиками (КНТТ, ВНИИКИ и т. д.).

Попытки «законодательного» решения языковедческих проблем осуществлялись и ранее. Известна судьба ОСТа 8483, стандартизовавшего в общегосударственном плане транслитерацию латинскими буквами русских текстов. Этот ОСТ был разработан в 30-е годы и практически не применялся. В 1969 г. ВНИИКИ предложил новый проект стандарта. Однако через несколько лет ИЯ АН СССР, Главное управление геодезии и картографии и другие организации опротестовали утверждение предложенного проекта.⁶

Таким образом, попытка «законодательного» решения даже такой достаточно простой языковедческой проблемы оказалась безуспешной.

Совершенно очевидно, что значительно сложнее «администрировать» употребление тех или иных терминов в качестве обязательных, хотя бы потому, что транслитерируются т. н. «попенклатурные знаки» (прежде всего, географические наименования), употребление которых всегда строго определяется экстралингвистической ситуацией.

⁶ Реформатский А. А. О стандартизации транслитерации латинскими буквами русских текстов. — НТИ, Сер. 2, 1972, № 10.

Субъективизм в оценке стандартизуемых терминов и чрезмерная торопливость в подходе к стандартизации отмечались и в других работах.⁷

Совершенно справедливо указывал А. А. Реформатский: «Следует различать технические стандарты, где рекомендации должны быть императивными и обязательными для любых ситуаций пользования данной стандартизацией (хотя и здесь, как правило, предусматриваются те или иные допуски), и „культурные стандарты“, где необходим учет того или иного назначения предлагаемой системы, жанры того или иного вида практики, культурные традиции и т. п. Такие стандарты не могут иметь категорической юридической законности... Это социально-семиотические, а не материально-технические системы».⁸

По-видимому, целесообразно некоторое переосмысление стоящих перед терминологами задач и разработка лингвистически аргументированных методологических обоснований унификации, нормализации и стандартизации терминологии.

Это тем более важно, что, как показывают лингвостатистические эксперименты, крайне незначительная часть рекомендуемой терминологии употребляется в реальных научно-технических текстах.⁹ Необходимо повышать лингвистическую и терминологическую грамотность инженеров, конструкторов, научных работников, усилить контроль за «терминологической чистотой» предлагаемых для издания работ со стороны редакций журналов, сборников и издательств.

Парадоксальность ситуации, сложившейся с разработками ГОСТов на термины, проявляется особенно ярко в предлагаемых методиках оценки эффективности стандартизации терминологии. Хорошо известно, что существуют разнообразные и с успехом применяемые методики оценки эффективности стандартизации

⁷ Лейчик В. М. Некоторые теоретические вопросы стандартизации терминов и номенклатурных единиц. — В кн.: Всесоюзный научно-технический семинар. Внедрение прогрессивных форм каталогов деталей и товаровоспроводительных документов предприятий на изделия, поставляемые для экспорта. Тезисы докладов и сообщений. 26—28 марта 1973 г. Челябинск, 1973; Бакулов А. Д. О применении методов прикладной лингвистики при построении терминологической системы. — Тр. ЦНИИИИ. Вопросы патентной терминологии, Сер. 4, М., 1973; Алексеева Т. А., Разгон И. Л. Некоторые принципы составления толкового терминологического словаря. — Там же; Кобрин Р. Ю., Пекарская Л. А. Стандартизация терминов: надежды и действительность. — В кн.: Языки науки и техники (в печати).

⁸ Реформатский А. А. О стандартизации транслитерации...

⁹ Кобрин Р. Ю., Пекарская Л. А. 1) Лингвостатистический анализ нормативных словарей и государственных стандартов. — В кн.: Научно-техническая терминология. М., 1972, № 9—10; 2) Лингвостатистический анализ употребления терминов нормативных словарей и ГОСТов в реальных научно-технических текстах. — В кн.: Норма и статистика, ИРЯ АН СССР (в печати).

«материально-технических систем». Эти методики широко используются в практике отечественной техники и промышленности, позволяют оценивать и материально поощрять разработчиков ГОСТов.

В «Методике определения экономической эффективности стандартизации» (М., Изд-во ГК стандартов СМ СССР, 1971, с. 37, формула 52) предлагается формула расчета эффекта от стандартизации термина:

$$\mathcal{E} = B_{\tau}(C_{и_1} - C_{и_2}) + B_p[C_p(t_{p_1} - t_{p_2}) + E_n Y_p(T_{p_1} - T_{p_2})] + B_o C_{\gamma},$$

где B_{τ} — число раз употребления термина за год,

$C_{и}$ — стоимость изображения термина,

B_p — число переговоров в год с употреблением данного термина,

C_p — стоимость одного часа переговоров,

t_p — время, затрачиваемое на переговоры,

E_n — коэффициент эффективности,

Y_p — убыток от затянувшихся переговоров, отнесенный к единице времени,

T_p — период переговоров,

B_o — число ошибок за год из-за терминологии,

C_{γ} — стоимость (ущерб) одной ошибки.

На с. 58 «Методики» приводится пример 41 «Эффективность стандартизации терминологии». В соответствии с этим примером годовой экономический эффект от введения четкого термина, подсчитанный в соответствии с вышеприведенной формулой, равен 273 400 руб. (?!).

Подобные методы подсчета эффективности лишь дискредитируют идею нормализации и стандартизации терминологии и еще раз свидетельствуют о необходимости дифференцированного подхода к стандартизации социально-семиотических и материально-технических систем.

В. В. МОРКОВКИН

СМЫСЛОВОЕ ЧЛЕНЕНИЕ УНИВЕРСУМА И КЛАССИФИКАЦИЯ ЛЕКСИКИ

Вопрос о системности лексики языка, столь оживленно дискутируемый в лингвистической литературе, является, собственно говоря, вопросом не о системности как таковой, а скорее о том, можно ли, и если да, то каким образом, представить лексику как некую систему. Собственно системность лексического состава, т. е. взаимная обусловленность лексических единиц, наличие многообразных и регулярных связей между ними, реальное существование различных лексикологических категорий (полисемия, омоимия, синонимия, антонимия и др.), сомнений, как правило, пе-

вызывает.¹ Косвенным, но весьма сильным аргументом в пользу системности лексики является системный характер знания, одной из форм фиксации и передачи которого является язык и, в частности, его словарный состав.

Но если лексика системна, лексикография может и должна сопоставить ей такой способ презентации, который позволил бы определенным образом эксплицировать эту систему.

Поскольку слово рассматривается как двусторонняя единица, состоящая из материальной оболочки и значения, правомерно говорить о возможности систематизировать словарный состав, либо опираясь на внешнюю сторону, либо исходя из его внутренней стороны. Внешняя систематизация выполняется вполне строго и основывается на алфавите, который в определенном смысле может рассматриваться как «минимальный словарь» (термин Б. Рассела) звуковой системы языка (ср. алфавитные словари). Гораздо сложнее обстоит дело с систематизацией, основывающейся на внутренней, содержательной стороне лексики. Это объясняется, во-первых, трудностью выделения минимального словаря смыслов и, во-вторых, гетерогенным характером значения, которое нами моделируется как единая сущность, состоящая из абсолютной ценности (сигнификата), относительной ценности (значимости) и сочетательной ценности (валентности) слова.

Однако принятая модель значения слова подводит к одному из возможных способов системной презентации лексики, исходя из ее внутренней стороны. Этот способ, получивший у нас название синтетического (комплексного) описания лексики, состоит в идентификации с системным представлении лексических парадигм и в описании по определенным правилам сочетательных свойств слова. Словарь, полученный в результате реализации указанных операций, мы называем синтетическим словарем, поскольку он, с одной стороны, как бы синтезирует лексическую систему, устанавливая между словами парадигматические и синтагматические отношения, а с другой — обеспечивает комплексное (синтетическое) описание содержательной стороны слова.

В настоящей статье из всей совокупности вопросов, связанных с созданием идеографического словаря русского языка, мы выбрали для рассмотрения только один вопрос: смысловое членение универсума и классификация лексики. Его решение может быть достигнуто согласным применением а) дедуктивного разбиения понятийного континуума, покрываемого лексикой языка, и моделирования таким образом понятийной картины мира, и б) индуктивного «восхождения» от отдельных слов к выделенным дедуктивным методом понятийным рубрикам, т. е. группировкой слов, содержательная сторона которых допускает объединение их с другими словами на основании некоторого семантического признака.

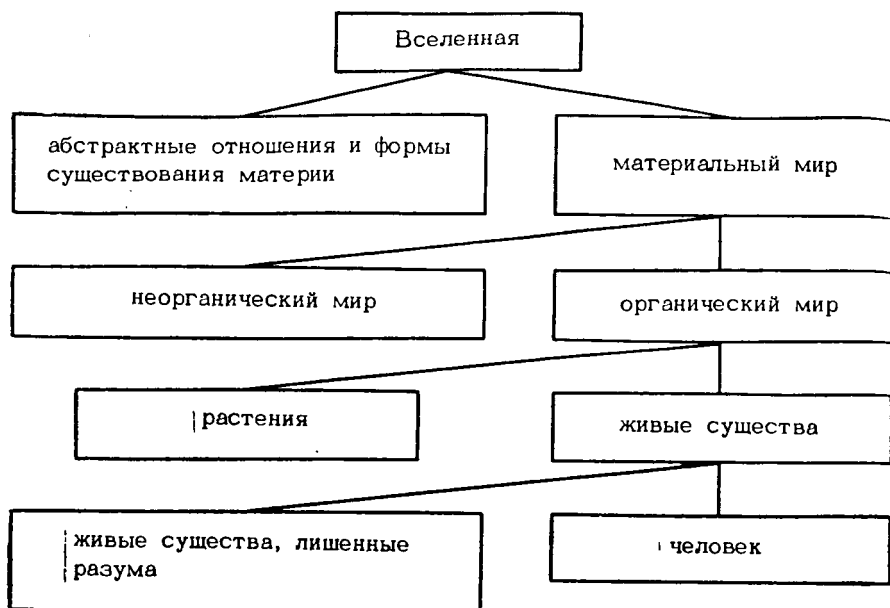
¹ Ср.: Новиков Л. А. Лексикология русского языка, ее основные понятия и категории. — РЯНШ, 1972, № 5, с. 5—16; № 6, с. 11—13.

Основанием при моделировании понятийной картины мира служат: а) мировоззренческие установки составителя словаря, его «видение» мира, б) понятийные классификации существующих идеографических словарей общего типа и научно-технических тезаурусов, в) наиболее значительные классификации знания (наук), г) библиотечные классификации.

Необходимо отметить, что для понятийной картины мира характерны отнюдь не только иерархические отношения. Понятийная картина является иерархической в том смысле, что основные понятийные области действительно соотносятся друг с другом как ниже- и вышестоящие элементы. Кроме того, внутри этих областей встречаются группы понятий, образующие частные иерархические системы. Однако вся содержательная сторона лексики не может быть представлена в виде жесткой всеобъемлющей иерархической классификации, и в этом смысле понятийная картина мира иерархической не является. Поэтому там, где невозможно установить иерархию, следует использовать другие виды группировки, например задавать некоторую понятийную область списком. Во всяком случае, любая насильственная иерархизация ничего, кроме вреда, словарю не принесет.

Цель дедуктивного разбиения состоит в том, чтобы при помощи некоторой простой логической операции выделить наиболее очевидные целокупные понятийные области. Если при этом выделяются области, являющиеся предметом исследования отдельных наук, то дальнейшее их разбиение производится с учетом опыта классификаций, принятых в соответствующих науках на данном этапе их развития. Последнее положение следует особо подчеркнуть, поскольку идеографический словарь по своей сущности является не только справочной книгой, но и (что крайне важно) книгой, знакомящей читателя с точкой зрения современной науки на структуру той или иной понятийной области.

Ниже (см. схему, с. 184) приводится эскиз понятийной картины мира, разработанный с учетом высказанных выше положений. Она образуется последовательным вычленением из совокупного целого пяти обширных понятийных областей или классов, каковы: 1) абстрактные отношения и формы существования материи, 2) неорганический мир, 3) растения, 4) живые существа, лишённые разума, 5) человек. Эти классы, конечно, далеко не равноценны ни по своему объёму, ни по месту, занимаемому в картине мира. Но для нас важно то, что, во-первых, вместе они охватывают без остатка смысловой континуум, покрываемый лексикой языка, во-вторых, все они осознаются действительно как отдельные целокупные понятийные области, в-третьих, вычленение их производится вполне единообразно на основе дихотомического принципа деления объёма понятия.

В качестве примера дальнейшего обсуждения каждой из выделенных понятийных областей обратимся к первой, названной нами «абстрактные отношения и формы существования материи». Она включает в себя наиболее общие понятийные категории, отражающие отношения, наблюдаемые между объектами материального мира, а также самые общие понятия, благодаря которым вселенная предстает перед нами упорядоченной и умопостигаемой. Выделением и рассмотрением этого круга понятий традиционно занимаются философия и логика.

Наиболее общим (хотя по необходимости и наиболее бедным содержанием) понятием является понятие бытия, из которого выводятся все остальные категории и без которого ни о чем ином говорить нельзя.

Второй категорией, которую мы выделяем, является категория пространства, протяженности, включающая производные понятия формы и положения. Вне зависимости от агрегатного состояния любой объект материального мира неизменно обладает свойством протяженности, что, как известно, позволило Спинозе определить субстанцию как *res extensa*. С точки зрения диалектического материализма пространство является одной из двух форм существования материи.

Другой всеобщей формой существования материи диалектический материализм считает время, которое, таким образом, является третьей выделяемой нами категорией.

Четвертой понятийной категорией, включенной в анализируемый класс, является категория изменения, в рамках которой рассматривается и движение. Каждый объект материального мира непрерывно подвергается разного рода воздействиям, что служит причиной его постоянного изменения. Другими словами, то, что существует, подвержено изменениям и вне этих изменений существовать не может.

Пятой выделяемой нами категорией является количество как совокупность свойств, которые свидетельствуют о величине вещи, ее размере. Именно факт присущности объектам материального мира количества делает возможным разделение их на однородные части. Главное специфическое свойство количества — измерение. Поэтому в пределах категории количества рассматриваются понятия числа и меры. Количество вещи неразрывно связано с ее качественной определенностью.

Поэтому шестой понятийной категорией в нашем списке помещена категория качества, или совокупность свойств, свидетельствующих о том, что собой представляет вещь и чем она отличается от всех других.

Отношение — седьмая категория. Значение и самостоятельность этой категории самоочевидны, ибо посредством ее вскрывается и подчеркивается вселенская связь явлений и глобальная взаимозависимость всех видов бытия. В рамках категории отношения рассматриваются и зависимые от нее понятия порядка и причинности.

Разумеется, главным аргументом в пользу выделения приведенных понятийных категорий является не то, что их выделяют логика и философия, а то, что сам характер этих категорий позволяет отвлекать, абстрагировать их от понятий, составляющих конкретные области, и воссоздать таким образом своеобразный метапонятийный уровень, представленный в языке обширными областями высокоупотребительной лексики.²

Приведенные рассуждения могут служить примером дискурсии, характерной для дедуктивного разбиения универсума с целью моделирования на логико-философской основе понятийной картины мира. Аналогичным образом обсуждается и разбиение остальных четырех классов.

² Кстати, в самой философии понятийные категории были выявлены и сформулированы в результате анализа языка. На это эксплицидно указывал Аристотель, в учении которого, по словам В. И. Ленина, «задело все, все категории» (Ленин В. И., ПСС, т. 29, с. 325). Аристотель, в частности, пишет: «Из слов, не связанных синтаксисом (то есть отдельных слов), каждое означает либо качество, либо количество, либо отношение, либо место, либо время, либо расположение (то есть место во внутреннем устройстве), либо принадлежность, либо действие (делание), либо страдание (причиненное кем-то)» (Аристотель. Категории, II, 6. М., 1939).

Целью идеографического описания, как было отмечено, является ориентированная на содержательную сторону систематизации слов. Понятийная классификация, приведенная выше, есть средство достижения этой цели. Потребность в понятийной классификации объясняется тем, что, во-первых, она в значительной мере облегчает создание классификации слов, а во-вторых, она позволяет использовать частные таксономии, разработанные (на уровне понятий!) в различных науках.

Отметив таким образом важное значение дедуктивного подхода, следует сразу же подчеркнуть его ограниченность в том смысле, что он только намечает понятийные ориентиры конкретной классификации слов и определяет цельность классификационного построения. Главной же операцией следует признать индуктивное восхождение от отдельных слов к выделенным дедуктивным методом понятийным ориентирам. Эта операция есть не что иное, как парадигматическая классификация лексики, при выполнении которой определяющее значение приобретают языковой опыт, лингвистическая компетенция и здравый смысл составителя. Классификация слов производится методом фронтального анализа избранного для этой цели лексического массива на основе логико-интуитивного метода.³ Непосредственным объектом классификации при создании идеографического словаря является однозначное слово или лексико-семантический вариант многозначного слова. Однозначные слова группируются на основе определенного семантического признака, образуя так называемые лексико-семантические классы условной эквивалентности, соотносимые с определенными рубриками понятийной классификации. Лексико-семантические классы разных порядков отличаются один от другого числом общих семантических элементов. Чем больше это число, тем ближе друг другу понятия, репрезентуемые лексико-семантическими классами, тем теснее семантическая связь между словами, входящими в классы. Семантический признак, на основе которого организуется лексико-семантический класс, является конституирующим признаком класса. Целью парадигматической группировки является получение возможно более однородных относительно сигнификативного значения лексических групп.

В качестве примера рассмотрим лексико-семантический класс условной эквивалентности, соотносимый с выделенным дедуктивным методом понятием *время*. Категория времени занимает выдающееся место в концептуальной картине мира. Для того, чтобы служить орудием мышления и средством общения, язык должен был выработать достаточно широкий набор средств и способов для обозначения временных свойств мира. Языковые средства отражения идеи времени разделяются на грамматические и лексические.

³ Москвич В. А. Информационные языки. М., 1971, с. 108 и след.

Непосредственным объектом нашего дальнейшего рассмотрения являются лексические средства, т. е. слова и несвободные словосочетания, функционирующие как слова. Критерием для включения лексической единицы в анализируемый лексический список считается употребление слова «время» или его идеографических синонимов в толковании этой единицы. Исключение составляют лексические единицы, которые хотя и определяются через понятие времени, однако последнее не является главным в их семантике.

Источниками, из которых извлекались слова, были Большой (в 17-ти томах) и Малый (в 4-х томах) академические толковые словари. В результате был получен некоторый список слов, квалифицируемый как лексико-семантический класс обозначений времени в русском языке.

В качестве логического аппарата использовался несколько модифицированный вариант дихотомического деления объема понятия, которое, как известно, устраняет возможность ошибки несоизмерного деления.

В итоге исходный список был разбит на определенное число семантически однородных групп. Разбиение производилось в следующей последовательности.

Весь лексико-семантический класс обозначений времени достаточно четко может быть разделен на два массива имен, один из которых включает в себя обозначения безотносительного времени, а другой — относительного времени. Термины «безотносительное время» и «относительное время» условны и используются *ad hoc*. При этом первый объединяет группу понятий, указывающих на время или повторяемость во времени непосредственно, безотносительно, тогда как понятия, представляемые вторым, всегда подразумевают некоторое противопоставление, некую точку или временной отрезок, относительно которых они только и имеют смысл.

Имена, покрывающие первую группу понятий, допускают разбиение на обозначающие повторяемость во времени и обозначающие длительность. Обозначения повторяемости разделяются на такие, которые указывают на повторяемость безотносительно к регулярности (*редкий, частый, снова, опять* и т. п.), и такие, в которых выражен признак регулярности/нерегулярности. Последние разбиваются на обозначения регулярной повторяемости (*периодичность, периодичный, ежедневный* и т. п.) и нерегулярной повторяемости (*иногда, временами, порой, подчас* и т. п.).

Имена, обозначающие длительность, могут содержать указание на ограничение или не содержать его. В соответствии с этим расчленением их, выделив обозначение неограниченной длительности (*постоянный, непрерывный* и т. п.).

Пределом ограниченной длительности является временная точка (*момент, мгновение, миг* и т. п.), которой противопостав-

ляется временной отрезок. Временной отрезок может быть неопределенной длительности (*промежуток, период, одно время* и т. п.) и определенной длительности. Из имен отрезков определенной длительности четко вычленяется замкнутая группа таких, которые служат названиями единиц счета времени (*секунда, минута* и т. п.), а из дихотомично противопоставленной ей группы — обозначения временных отрезков, измеренных в единицах счета (*полчаса, полугодие, трехминутный, тысячелетний* и т. п.).

Из числа оставшихся имен выделяются такие, которые обозначают временные отрезки, имеющие циклический характер (*весна, утро, весенний, утренний, весной, утром* и т. п.). Противопоставленная им группа имен допускает вычленение названий праздников (*праздник, годовщина, юбилей* и т. п.).

Накопец, конечными группами этой ветви будем считать обозначения временных отрезков определенной длительности, имеющих обиходно-прикладной характер (*урок, четверть, отпуск, каникулы* и т. п.), и обозначения временных отрезков определенной длительности, участвующие в научных таксономиях (*Возрождение, палеозой* и т. п.).

Большой интерес представляет вторая ветвь разбиения, которую мы условились называть «относительное время». Из совокупности имен, соотносящихся с областью относительного времени, вычленим группу общих обозначений временного порядка (*начало, середина, конец* и т. п.). Остальные имена могут быть без остатка разделены на такие, которые указывают на время относительно некоторого момента, и такие, которые указывают на время одного действия относительно времени другого действия.

Обозначения времени относительно некоторого момента разбиваются на обозначения времени относительно установленного момента и обозначения времени относительно настоящего момента. Первые в свою очередь распадаются на имена, обозначающие совпадение с установленным моментом (*своевременность, вовремя, минута в минуту* и т. п.) и несовпадение с установленным моментом, а эти последние разделяются на обозначения положительного несовпадения (*заблаговременный, заранее* и т. п.) и отрицательного несовпадения (*опоздание, несвоевременный, преждевременный, рано, поздно* и т. п.).

Из числа вторых вычленим имена со значением неопределенного времени относительно настоящего момента (*когда-нибудь, когда-либо* и т. п.). Им противостоящая группа допускает выделение обозначений прошлого времени (*прошрое, бывое, прошлый, бывой, минувший, давно, прежде, раньше* и т. п.), а оставшиеся имена четко разбиваются на обозначения настоящего (*настоящее, настоящий, сегодняшний, нынешний, сегодня,*

теперь, сейчас и т. п.) и будущего (*будущее, предстоящее, будущность, будущий, завтра, скоро, предстоять* и т. п.).

Обозначения времени одного действия относительно времени другого действия включают в себя обозначения совпадения по времени двух действий (*одновременность, синхронность, одновременный, синхронный, одновременно, синхронно* и т. п.) и обозначения несовпадения по времени двух действий. Последние состоят из указаний на предшествование одного действия (события) относительно другого (*предшествование, канун, прошлый, предрассветный, раньше, ранее, прежде, предварять, предваряться* и т. п.) и указаний на следование по времени одного действия (события) по отношению к другому. И наконец, последние расщепляются на такие, которые служат для обозначения нейтрального следования (*следование, послеобеденный, вскоре, потом, затем, после, позже, позднее* и т. п.) и безотлагательного следования (*безотлагательность, неотложность, срочность, немедленный, незамедлительный, срочный, немедленно, немедля, незамедлительно* и т. п.).

Оценивая в общих чертах характер разбиения обозначений «относительного времени», следует отметить, что в некоторых своих частях оно весьма напоминает систему временных отношений, как она описывается в грамматиках. Это позволяет нам говорить о своего рода изоморфизме лексики и грамматики при отражении временных свойств мира.

Представим описанную процедуру списком.

0.1	время
1.0	безотносительное время
1.1	повторяемость во времени
1.1.1	повторяемость во времени безотносительно к регулярности
1.1.2	повторяемость во времени относительно регулярности
1.1.2.1	регулярная повторяемость
1.1.2.2	нерегулярная повторяемость
1.2	неповторяемость во времени (длительность)
1.2.1	неограниченная длительность
1.2.2	ограниченная длительность
1.2.2.1	временная точка
1.2.2.2	временной отрезок
1.2.2.2.1	временной отрезок неопределенной длительности
1.2.2.2.2	временной отрезок определенной длительности
1.2.2.2.2.1	временной отрезок определенной длительности, служащий единицей счета времени
1.2.2.2.2.2	временной отрезок определенной длительности, не служащий единицей счета времени
1.2.2.2.2.2.1	временной отрезок определенной длительности, выраженный в единицах счета
1.2.2.2.2.2.2	временной отрезок определенной длительности, не выраженный в единицах счета
1.2.2.2.2.2.2.1	временной отрезок определенной длительности, имеющий циклический характер
1.2.2.2.2.2.2.2	временной отрезок определенной длительности, не имеющий циклического характера

1.2.2.2.2.2.2.1	временной отрезок определенной длительности относительно праздников и будней
1.2.2.2.2.2.2.2	временной отрезок определенной длительности безотносительно к праздникам и будням
1.2.2.2.2.2.2.2.1	временной отрезок определенной длительности, имеющий обиходно-прикладной характер
1.2.2.2.2.2.2.2.2	временной отрезок определенной длительности, участвующий в научных таксономиях
2.0	относительное время
2.1	общие обозначения временного порядка
2.2	время относительно чего-либо
2.2.1	время относительно момента
2.2.1.1	время относительно установленного момента
2.2.1.1.1	совпадение с установленным моментом
2.2.1.1.2	несовпадение с установленным моментом
2.2.1.1.2.1	положительное несовпадение (заблаговременность)
2.2.1.1.2.2	отрицательное несовпадение (несвоевременность)
2.2.1.2	время относительно настоящего момента
2.2.1.2.1	время неопределенное относительно настоящего момента
2.2.1.2.2	время определенное относительно настоящего момента
2.2.1.2.2.1	прошлое
2.2.1.2.2.2.	непрошлое
2.2.1.2.2.2.1	настоящее
2.2.1.2.2.2.2	будущее
2.2.2	время действия относительно времени другого действия
2.2.2.1	совпадение с временем другого действия
2.2.2.2	несовпадение с временем другого действия
2.2.2.2.1	предшествование
2.2.2.2.2	следование
2.2.2.2.2.1	нейтральное следование
2.2.2.2.2.2	безотлагательное следование

Таков в самых общих чертах один из возможных подходов к идеографической классификации лексики.⁴

В. М. ПЕРЕРВА

О ПРИНЦИПАХ И ПРОБЛЕМАХ ОТБОРА ТЕРМИНОВ И СОСТАВЛЕНИЯ СЛОВНИКА ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ

Одной из наиболее важных и сложных проблем, которая встает перед составителями терминологических словарей и которую они должны так или иначе решать в первую очередь, является проблема отбора терминов для словника этих словарей. Хотя в лексикографической литературе время от времени и поднимался вопрос о важности проблемы словника, проблема это до сих пор не получила сколько-нибудь четких решений ни в прак-

⁴ Более подробную характеристику основных проблем идеографики читатель найдет в кн.: Морковкин В. В. Опыт идеографического описания лексики. (Анализ слов со значением времени в русском языке). Изд-во МГУ (в печати).

тическом, ни в теоретическом плане. Вопросы отбора терминов в каждом конкретном случае решались и решаются эмпирически и весьма субъективно, а зачастую словник составляется произвольно и стихийно. Вследствие этого выходящие в свет терминологические словари — как одноязычные, так и двуязычные — нередко страдают серьезными недостатками в отношении состава словника. К основным из них относятся, во-первых, заполнение значительной части объема словаря материалом, который нельзя отнести к терминам и который является по существу балластным, не имеющим практической ценности, и, во-вторых, неполный охват терминологии либо неправильный подбор терминов данной области знания (последнее касается отраслевых словарей «неполного» типа, например средних или кратких, и разделов многоотраслевых словарей), когда в словарь не попадают нужные и важные термины.

Не требуется доказывать большую практическую важность решения вопросов составления словника терминологических словарей. Указанные недостатки, присущие многим словарям, в большой мере обесценивают их научное и прикладное значение.

Очевидно, что основной причиной такого положения дел в терминологической лексикографии является неразработанность принципов и критериев отбора, нерешенность многих вопросов отбора терминов, подлежащих включению в терминологические словари. Проблемы составления словника этих словарей не только не решены, но и не обсуждаются в литературе достаточно широко.

Принципы отбора терминов для словника терминологических словарей должны основываться на определении понятий «термин» и «терминологическая система» и на месте последних в лексическом составе языка, а также на классификации и назначении этих словарей.¹ Поэтому решение проблемы составления словника терминологического словаря в целом зависит, с одной стороны, от принятого составителями определения понятия «термин», чем будут обуславливаться границы терминологической лексики, и, с другой — от типа составляемого терминологического словаря.

Посмотрим, каким образом решение проблемы отбора терминов для словника может зависеть от определения самого понятия «термин».

В лингвистической литературе и в работах, посвященных исследованию терминологии, понятие «термин» определяется по-разному, до сих пор не выработано единое и общепринятое его определение. Одни исследователи относят к терминам только слова,² другие — и слова и словосочетания, обозначающие спе-

¹ Последнее в равной мере относится ко всем словарям. Ср., например: «Принципы подбора слов зависят от общих установок словаря, от того, для каких целей он составляется и на кого рассчитан» (Филин Ф. П. Заметки по лексикологии и лексикографии. — В кн.: Лексикографический сборник. Вып. 1. М., 1957, с. 36).

² См., например: Будагов Р. А. Введение в науку о языке. М., 1958, с. 23, 29.

циальные понятия.³ Некоторые авторы исключают из числа терминов те общие слова языка, которые используются и для обозначения специальных понятий. Нет единства мнений и о том, относятся ли к терминам номенклатура, терминологические сокращения, буквенные условные обозначения, символы.

Ясно, что в зависимости от того, из какого определения понятия «термин» лексикограф будет исходить, по-разному пройдут границы терминологической лексики.

В настоящее время большинство советских лингвистов и терминоведов придерживаются мнения, что терминами могут быть и слова, и словосочетания.⁴ Мы также разделяем это мнение, полагая, что термин следует считать языковым знаком, который может быть и отдельным словом — корневым, производным или сложным, и словосочетанием. Термин как языковой знак является носителем элементарной научной, технической, производственной и тому подобной информации в виде отдельного научного и тому подобного понятия, входящего в систему понятий данной области знания или деятельности.⁵

Что касается терминологической системы, являющейся отображением системы понятий области знания, то, рассматривая ее с точки зрения знаковой теории языка, ее можно считать частной семиотической системой⁶ и составляющие ее знаки подразделить на несколько разновидностей, или типов (частично пересекающихся по отдельным признакам):

- 1) термины-слова;
- 2) термины-словосочетания;
- 3) термины-аббревиатуры;
- 4) буквенные условные обозначения;
- 5) символы (знаки) — например, математические, химические, астрономические;
- 6) номенклатура.

³ См., например: Бурдин С. М. О терминологической лексике. — В кн.: Научные доклады высшей школы. Филологические науки, 1958, № 4, с. 58; Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969, с. 474, и др.

⁴ «Между советскими лексикологами в настоящее время как будто нет разногласий в понимании термина как слова или словосочетания, связанного с понятием, принадлежащим какой-либо области знаний или деятельности» (Бархударов С. Г. О значении и задачах научных исследований в области терминологии. — В кн.: Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М., 1970, с. 9).

⁵ Ср.: «Все свои результаты наука фиксирует в понятиях и в системах понятий, закрепляемых и хранимых в языке» (Денисов П. И. Еще о некоторых аспектах изучения языков науки. — В кн.: Проблемы языка науки и техники. М., 1970, с. 58).

⁶ Ср., например: «Терминология данной научной области — это не просто список терминов, а семиологическое выражение определенной системы понятий» (Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов, с. 9, Предисловие).

Последняя разновидность — номенклатура — стоит несколько особняком от остальных, и правомерность ее включения в терминологическую систему многими оспаривается.

Все перечисленные типы знаков должны включаться в состав терминологического словаря.⁷

Вся широкая и сложная проблема отбора терминов для словника терминологических словарей требует решения ряда отдельных проблем, в частности таких, как:

- 1) проблема границы термина и нетермина;
- 2) проблема отражения полисемии, омонимии и синонимии терминов;
- 3) проблема отражения терминологической фразеологии;
- 4) проблема границы между терминами данной отрасли знания и терминами смежных отраслей, а также общепаучными и общетехническими терминами;
- 5) проблема включения в словарь кроме собственно терминов также специфических языковых средств подъязыка данной отрасли знания.

Помимо перечисленных — наиболее общих — проблем отбора, имеется еще целый ряд более частных проблем, а также специфические вопросы отбора, обусловленные особенностями конкретных терминологических систем или отдельных языков.

Постановка проблемы границы термина и нетермина имеет целью установление пределов лексики, подлежащей включению в терминологические словари. Исходя из принятого нами определения термина, мы вводим понятия «нижнего предела» и «верхнего предела» термина (выражения эти, разумеется, условны), которые позволяют практически решать некоторые вопросы отбора. Дело в том, что наиболее серьезные недостатки состава словника двуязычных терминологических словарей, не связанные с полнотой охвата собственно терминологии, обусловлены именно неограниченным выходом за эти пределы, приводящим к засорению словаря бесполезным материалом.

«Нижний предел» термина представляет собой границу между словом-термином и словом-нетермином. В соответствии с определением термина в словник терминологического словаря отбираются лишь слова, обозначающие то или иное научное понятие, т. е. слова-термины. Обычные слова языка в терминологический словарь не вносятся, остаются за указанной границей. Здесь следует рассмотреть интересный случай, когда обычное слово языка приобретает терминологическое значение (одно или несколько), т. е. когда оно в одном или нескольких своих значениях становится термином. В одной материальной оболочке, таким образом, уживается термин с нетермином, граница между ними проходит

⁷ Например, в «Немецко-русский политехнический словарь» (М., 1963) не включены терминологические сокращения, что является одним из серьезных недостатков этого словаря.

внутри одного и того же слова. Такая ситуация возникает в результате того, что одним из распространенных путей образования терминов является заимствование (обычно посредством переосмысления) общенародных слов языка,⁸ т. е. происходит как бы «похищение» слова из общего лексического состава в терминологическую лексику или, вернее, — поскольку слово при этом не исчезает из общего лексического состава, — так сказать, «раздвоение личности» этого слова, оно живет отныне и в общем лексическом составе, и в терминологии. Приведем пример. Общее слово немецкого языка Flügel 'крыло (птицы)' стало употребляться в качестве термина в нескольких терминологических системах: в авиации — 'несущая плоскость, крыло (самолета)'; 'лопасть (пропеллера)'; в астрофизике — 'крыло (спектральной линии)'; 'крылышко (теплого радиометра)'; в военном деле — 'фланг' и т. д.

При отборе терминов в словник отраслевого терминологического словаря следует включать лишь те значения такого слова, которые выражают понятия данной отрасли знания. Остальные терминологические значения, а также и основное общелитературное значение этого слова не указываются.

Этот, казалось бы самоочевидный, принцип отбора нередко не соблюдается, в словник двуязычных терминологических словарей порой включают большое число слов общего лексического состава языка,ряду с терминологическими значениями слов указывают и их общелитературные значения.

«Верхний предел» термина мы определяем как границу между термином-словосочетанием и свободным сочетанием терминов, точнее — между сложным или составным термином как явлением лексики, подлежащим включению в словарь, и синтаксическим объединением отдельных терминов как явлением речи, оставаемым за пределами словаря. Учитывая, что очень многие термины, — по-видимому, значительное большинство их⁹ — представляют собой словосочетания разных типов, а число свободных сочетаний терминов бесконечно, нетрудно понять, что установление «верхнего предела» термина сопряжено с немалыми трудностями. И действительно, многие из существующих терминологических словарей (двуязычных и многоязычных) содержат большое количество лексического материала, представляющего собой свободные сочетания терминов; это говорит о том, что вопрос «верхнего предела» термина практически в них не решался.

⁸ См. об этом, например: Будагов Р. А. Введение в науку о языке, с. 25—26.

⁹ Ср., например: «Термины-словосочетания занимают значительное место в системе терминологии. Они составляют подавляющее количество терминов в обследованных нами технических дисциплинах (73%)» (Соловьев В. П. Терминологические словосочетания как составная часть системы терминологии. — В кн.: Вопросы разработки научно-технической терминологии. Рига, 1973, с. 167).

Значение решения этой проблемы для лексикографического описания терминологической системы и для отбора терминов, включаемых в терминологические словари, очевидно. Она не может быть решена формально — скажем, по предельно допустимому числу компонентов составного термина, и трудность ее решения связана с тем, что не всегда бывает просто провести различие между словосочетанием-термином и словосочетанием-нетермином.

В решении этой проблемы нужно опять же исходить из определения термина — лишь то словосочетание является термином, которое обозначает отдельное, единое научное понятие. Практически установление такого факта во многих конкретных случаях возможно только на основе знания и анализа системы понятий данной области науки, техники и т. д. Возьмем, например, такой ряд словосочетаний: *масса звезды*, *масса Солнца*, *масса планеты*, *масса Земли*, *масса Луны*, *масса Венеры* и т. д. Очевидно, на первый взгляд покажется, что все это свободные сочетания термина *масса* с названием того или иного небесного объекта или класса объектов и что включать их в словник терминологического словаря не следует. Но если внимательно проанализировать эти словосочетания и их значения и сопоставить их с системой понятий астрономической науки, то выяснится, что словосочетание *масса Солнца* кроме своего обычного значения 'масса звезды,носящей название Солнце', обозначает еще единицу измерения масс небесных объектов (звезд, галактик и др.) и в этом своем значении имеет синоним *солнечная масса*. В аналогичном значении — для сравнения масс тел солнечной системы — иногда употребляется и словосочетание *масса Земли*. Таким образом, из приведенного ряда словосочетаний в словник следует включить в качестве словосочетаний-терминов по меньшей мере два: *масса Солнца* и *масса Земли*;¹⁰ могут быть включены еще и словосочетания *масса звезды*, *масса планеты* как относящиеся не к отдельным объектам, а к классам объектов, одной из существенных характеристик которых является их масса, по эти словосочетания стоят уже «на грани» допустимости их в словарь. Мы привели пример из русской терминологии. Так же решается этот вопрос и в терминологиях других языков. Так, в английском находим *sun's mass* (*solar mass*), в немецком — *Masse der Sonne* (*Sonnenmasse*).

В связи с проблемой «верхнего предела» термина необходимо рассмотреть и особый случай этой проблемы, когда по одну сторону границы между термином и нетермином оказываются сложные слова-термины, а по другую — сложные слова-нетермины, иногда же граница эта может проходить внутри одного и того же сложного слова (композиата).

Случай этот характерен, в частности и в первую очередь, для немецкого языка. Многие немецкие сложные слова, широко упо-

¹⁰ Отметим кстати, что в случае этих двух словосочетаний граница между термином и нетермином проходит внутри одного и того же словосочетания, ибо в одном из своих значений они не являются терминами.

требляемые в специальных текстах и всегда с первого взгляда кажущиеся терминами (одно, цельнооформленное слово!), в действительности функционально и семантически эквивалентны свободным сочетаниям терминов. Это связано со спецификой немецкого композита — с его «промежуточным» положением между лексической единицей и синтаксическим образованием.¹¹ Возьмем тот же приведенный выше ряд словосочетаний и сопоставим с ним эквиваленты на немецком языке:

<i>масса звезды</i>	— Masse eines Sternes, Sternmasse
<i>масса Солнца</i>	— Masse der Sonne, Sonnenmasse
<i>масса планеты</i>	— Masse eines Planeten, Planetenmasse
<i>масса Земли</i>	— Masse der Erde, Erdmasse
<i>масса Луны</i>	— Masse des Mondes, Mondmasse

и т. д. Мы видим, что в одних и тех же значениях и на равных правах употребляются и словосочетания, и композиты; последние «дублируют» словосочетания и свободно конвертируются в них.

Очевидно, что к таким терминологическим композитам должен применяться тот же принцип отбора, что и к словосочетаниям: как и свободные сочетания терминов, эквивалентные им свободные терминологические композиты включению в словарь на правах отдельных терминов не подлежат. И тот же критерий отбора — наличие единого научного понятия, обозначаемого данным композитом.

Таких «несловарных» композитов, претендующих на звание термина, бесчисленное множество. Вот лишь несколько примеров: *Messgenauigkeit* *точность измерения* (и остальные со вторым членом ... *genauigkeit*), *Biegungsuntersuchung* *исследование гнутя*, *Erdatmosphäre* *атмосфера Земли* и т. д., и т. п.

Некоторые из терминологических композитов стоят на грани термина и петермина.¹² Внутри других проходит сама граница между термином и нетермином (например, в композите *Sonnenmasse*, имеющем два значения, как и словосочетание *Masse der Sonne* *масса Солнца* — см. выше).

Несоблюдение принципа отбора, состоящего в недопущении выхода за «верхний предел» термина, приводит к неограниченному росту объема словаря и засорению его также и композитным материалом, не несущим новой научной информации.

С вопросами отбора терминов тесно связаны и оказывают существенное влияние на их решение также проблемы упорядо-

¹¹ См. об этом: Павлов В. М. Субстантивное словосложение в немецком языке. Автореф. докт. дисс. Л., 1973, с. 4.

¹² См. о роли такого рода композитов: «Учет периферического положения этих образований относительно корпуса лексики должен способствовать четкому определению качественных и количественных границ материала композитов, подлежащих включению в словари различных типов» (Павлов В. М. Субстантивное словосложение. . ., с. 45).

чения терминологии. С математической точки зрения система понятий (той или иной области знания) и отображающая ее система терминов представляют собой два множества, все элементы которых в идеале должны находиться во взаимно однозначном соответствии. Последнее исключает как дублетность (синонимию), так и многозначность и омонимию терминов. Эти явления препятствуют успешному выполнению терминологической системой и терминами их главной функции хранения и передачи закреплённой в них основной информации данной области знания (заключенной в понятиях).

Принцип взаимно однозначного соответствия между терминами и обозначаемыми ими понятиями далеко не всегда выдерживается, и в этом суть основных недостатков, присущих терминологическим системам: полисемии, омонимии и синонимии терминов. Причина этого — известная стихийность становления и развития как отдельных терминов, так и, следовательно, терминологических систем.

По мере того как общество все больше будет брать под свой контроль эти процессы возникновения, становления и эволюции терминов, сознательно регулируя их путем упорядочения терминологий, последние будут приближаться к «идеальному» состоянию взаимно однозначного соответствия между терминами и понятиями.

Так будет. Но что делать с этими недостатками сейчас, на современном этапе терминологической работы, при нынешнем состоянии реальных терминологий, которые существуют как исторически и стихийно сложившиеся системы терминов, лишь частично затропуемые процессом нормализации и стандартизации, когда практически нет ни одной полностью, во всем ее объеме, упорядоченной терминологической системы?

Терминологическая лексикография, занимающаяся вопросами составления терминологических словарей, представляет собой один из важных видов работы в области терминологии, и она должна, по нашему мнению, вносить существенный вклад в решение вопросов упорядочения терминологий.

Прежде чем проводить упорядочение терминологии в масштабах всей терминологической системы и для того чтобы эта сложная задача могла быть выполнена, нужно осуществить большую работу по тщательному и подробному лексикографическому описанию этой терминологической системы в том виде и в том состоянии, как она исторически сложилась к настоящему времени. Т. е. первой и реальной задачей следует считать лексикографическое описание той или иной конкретной терминологии,¹³ кото-

¹³ В отношении терминологии метаязыка об этом говорит О. С. Ахманова: «...следует со всей решительностью подчеркнуть, что первоочередной и реально выполнимой задачей сейчас является лексикографическое описание того (пусть несовершенного, непоследовательного и разнокалиберного) языка, посредством которого языковеды общаются

рое должно вылиться в создание некоего комплекса достаточно полных словарей терминов по этой области знания — одноязычных (толкового и энциклопедического) и двуязычных.

Представляется необходимым, чтобы терминологические словари отражали терминологию области с максимально возможной полнотой и со всеми присущими ей недостатками, несовершенствами и непоследовательностью. Должны быть полностью отражены полисемия, омонимия и синонимия терминов с их стилистическими, частотными и другими характеристиками и все прочие недостатки терминологии, причем все их следует четко выделить и отметить в словаре посредством помет, пояснений, внутренних ссылок и иными способами.¹⁴

Таким образом, уже в процессе лексикографического описания терминологической системы следует проводить некоторое «предварительное», пусть элементарное, упорядочение в пределах существующей терминологии, которое должно заключаться в отборе и выделении прежде всего наиболее устойчивых и употребительных форм терминов и группировании вокруг них остальных синонимичных и прочих форм с соответствующими пометами, указаниями и пояснениями. Тем самым терминологический материал будет подготовлен для последующего упорядочения его терминологиями. Мы уже не говорим о том, что в таком виде материал словаря представляет наибольшие удобства и для пользования им как терминологическим справочником.

Отсюда и принцип отбора терминов: в терминологических словарях — на современном этапе — следует помещать не только устоявшиеся (научно обоснованные, нормализованные) термины, но и все их варианты, дублиеты и синонимы (включая неправильно или редко употребляемые, устаревшие, заимствованные и прочие), а также все значения многозначных терминов и термины-омонимы.

Мы не имеем, к сожалению, возможности осветить здесь проблемы полисемии и омонимии терминов и остановиться на интересном и сложном вопросе терминологической синонимии. Отметим лишь, что вопреки мнению некоторых исследователей, отрицающих наличие синонимии терминов,¹⁵ это явление в терминологии тем не менее существует. Многие понятия — во всех областях знания — обозначаются не одним, а двумя и более

между собой и который они применяют в преподавании» (Словарь лингвистических терминов, с. 9).

¹⁴ Подчеркнем здесь, что требование отражать реально существующую терминологию области в ее современном виде и со всеми присущими ей недостатками является во всяком случае обязательным для двуязычных терминологических словарей, чтобы они могли выполнять свою основную задачу — быть практическим пособием для понимания и перевода иностранных специальных текстов.

¹⁵ См., например: Толикина Е. Н. Синонимы или дублиеты? В кн.: Исследования по русской терминологии. М., 1971, с. 78—89, и др.

терминами, которые одни авторы называют вариантами, другие — дублетами, третьи — синонимами. В действительности среди таких терминов встречаются и варианты, и дубликаты, и синонимы. О том, что помимо терминов-вариантов и терминов-дублетов существуют и термины-синонимы, свидетельствует тот факт, что в ряду терминов, соотнесенных с одним понятием, могут оказаться термины, неравноценные по устойчивости, по частотности, по сфере употребления (в разных стилях специальной речи) и другим характеристикам: научно обоснованные, неправильно употребляемые, редко употребляемые, разговорные, устарелые и т. д. Другими словами, в терминологии есть стилистические синонимы. Укажем вскользь, что образование терминов-синонимов связано со стадией возникновения и становления новых понятий и обозначающих их лексических средств как явление закономерное на этой стадии.

Как указывалось в начале этой работы, решение проблемы составления словника терминологических словарей зависит также от типа словаря.

Покажем, как влияет на решение вопросов отбора терминов тип составляемого словаря. Но прежде — несколько соображений о классификации терминологических словарей (мы не занимаемся здесь специально разработкой такой классификации, набрасываем лишь более или менее наглядную схему возможной классификации, как она представляется нам удобной для решения некоторых вопросов отбора терминов, связанных с типами словарей).¹⁶

Все многообразие терминологических словарей можно классифицировать по различным признакам, например:

- а) по числу представленных языков — однопользычные, двупользычные, многоязычные;
- б) по наличию и принципу толкования терминов — энциклопедические, толковые, не содержащие толкований;
- в) по представленной отрасли или отраслям знания — отраслевые, узкоотраслевые, многоотраслевые (в том числе политехнические¹⁷);
- г) по полноте представленной терминологии — полные, средние, краткие;
- д) по специальному назначению — понятийные, частотные, обратные.

¹⁶ О некоторых основных типах терминологических словарей, известных в современной отечественной лексикографии, их особенностях и отличиях друг от друга, с наметкой классификации их по разным признакам, а также в наиболее общей форме о критерии отбора терминов в эти словари говорится в работе: Сергеев В. Н. О типах современных терминологических словарей. — В кн.: Вопросы разработки научно-технической терминологии. Рига, 1973, с. 190—200.

¹⁷ Словари, получившие не совсем точное название политехнических, охватывают терминологию многих областей науки, техники, производства, сельского хозяйства и т. д.

Терминологические словари могут характеризоваться сразу по нескольким признакам. Так, одноязычные терминологические словари могут быть энциклопедическими или толковыми, понятийными, частотными или обратными и при этом отраслевыми, узкоотраслевыми или многоотраслевыми, полными, средними или краткими. Двухязычные и многоязычные терминологические словари могут быть отраслевыми, узкоотраслевыми или многоотраслевыми и при этом полными, средними или краткими (кроме узкоотраслевых, которые, как правило, бывают полными).

Можно было бы выделить еще две разновидности одноязычного толкового отраслевого терминологического словаря: 1) дескриптивный толковый словарь (т. е. словарь, содержащий описание реально существующей терминологической системы в том виде и состоянии, как она исторически и стихийно сложилась к данному времени) и 2) нормативный толковый словарь (т. е. словарь, в котором представлена упорядоченная — нормализованная и в той или иной степени стандартизованная терминология).

Кроме упомянутых типов и разновидностей терминологических словарей, возможны еще и некоторые другие подразделения их, в зависимости от назначения, от охвата лексического материала (например, «чисто» терминологические или же включающие помимо отраслевой терминологии также иные лексические средства подязыка данной отрасли знания) и т. д.

Из всех этих классификационных делений терминологических словарей на решение проблемы составления словника влияют главным образом деления по отраслевому признаку и по признаку полноты словаря (и, разумеется, по нормативности и охвату лексики подязыка). Так, в случае полных отраслевых и узкоотраслевых словарей (всех типов — и одноязычных, и двухязычных) проблема отбора решается наиболее просто, поскольку в эти словари должны включаться все термины данной отрасли или узкой отрасли знания. В случае же «неполных» (средних и кратких) отраслевых и всех типов многоотраслевых словарей проблема эта чрезвычайно усложняется и требует выработки объективных критериев отбора терминов.

Принимая во внимание, что в большинстве случаев издаются не полные словари по отдельным отраслям знания, а той или иной степени полноты, становится ясным, какое значение приобретает решение проблемы критериев отбора терминов для этих словарей. При этом чем более кратким должен быть составляемый терминологический словарь, тем большие ограничения налагаются на отбор терминов для него, и наибольшие ограничения налагаются на подбор терминов для отраслевых разделов, входящих в состав многоотраслевых словарей.

Можно предложить более или менее объективный критерий отбора терминов для словника терминологического словаря, основанный на научной классификации понятий конкретной отрасли знания и разделении всех терминов терминологической системы

на термины первого, второго, третьего и т. д. порядка с учетом их иерархической важности.

Научная классификация понятий отражает объективно существующую структуру системы понятий отрасли знания. Тщательный анализ системы понятий позволяет выявить ее структуру, взаимосвязи и иерархическое соподчинение отдельных понятий, их микросистем, групп и подсистем.¹⁸ Без учета этой структуры невозможно осуществить достаточно объективный и научно обоснованный отбор терминов для терминологического словаря в зависимости от его типа.

При отсутствии научной классификации понятий лексикографу приходится самостоятельно разрабатывать хотя бы вспомогательную классификационную схему системы терминов-понятий отрасли.

Приведем — для иллюстрации предлагаемого критерия — небольшой фрагмент составленной нами вспомогательной схемы классификации системы терминов-понятий астрономической науки (см. схему на с. 202).

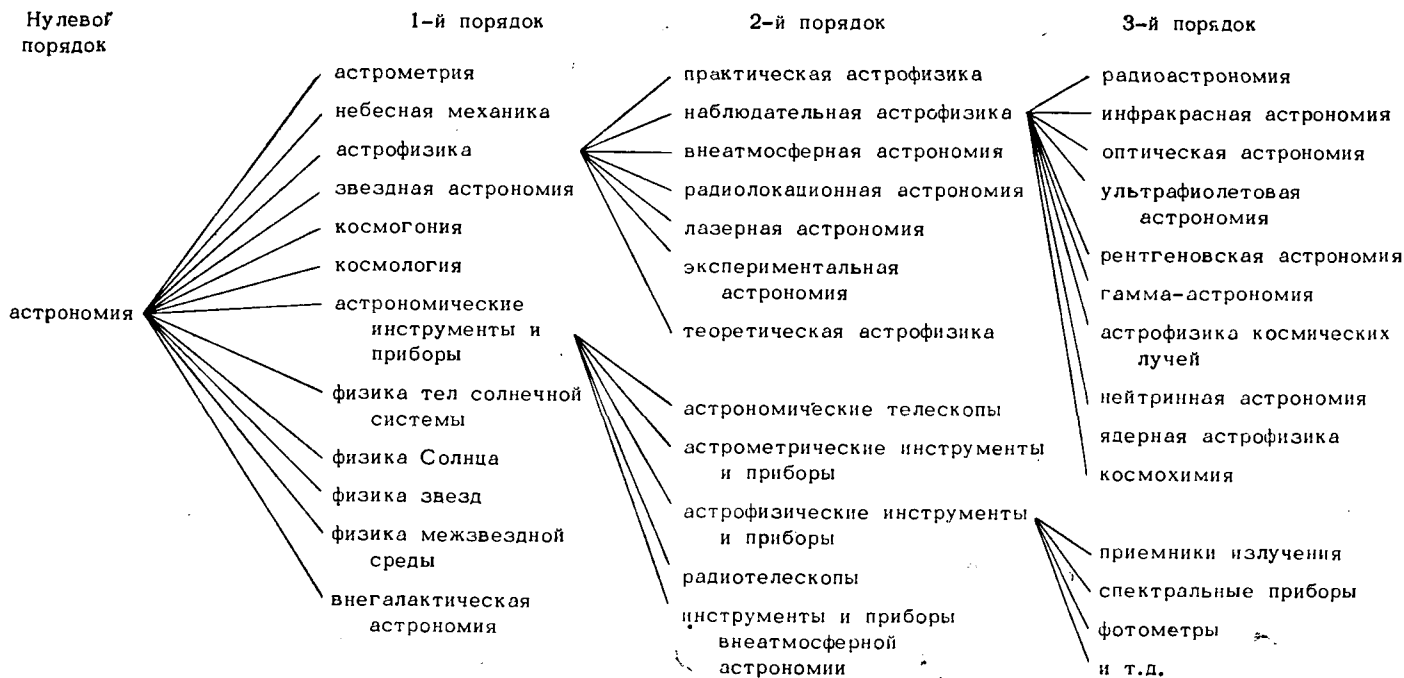
Как можно видеть из приведенного фрагмента схемы, термин нулевого порядка представляет собой название области науки, термины 1-го порядка являются основными разделами данной науки, термины 2-го порядка — подразделами разделов и т. д.

Очевидно, что устанавливаемый классификационной схемой порядок терминов отражает степень их важности в данной терминологической системе. Отсюда естественный вывод, что термины первых порядков должны присутствовать в любом словаре (или разделе) по данной отрасли, к какому бы типу (по полноте) он ни принадлежал.

Руководствуясь предлагаемым критерием, например, в отраслевой раздел политехнического словаря следует отбирать только термины (данной отрасли) от нулевого до примерно 3-го или 4-го порядка (при этом еще учитывается степень важности данной отрасли в системе всех отраслей знания, терминологию которых помещают в политехнический словарь, и тип этого словаря по полноте); в краткий отраслевой словарь — от нулевого примерно до 5-го, в средний — до 6-го или 7-го порядка.

Однако предельный порядок, до которого должны включаться термины в словарь того или иного типа, не может быть установлен априори и одинаково для всех отраслей знания. Предлагаемый критерий позволяет производить первичный отбор терминов для словника словаря и обеспечивает охват всей формально наиболее важной терминологии области. Окончательный отбор терминов, заключающийся во внесении необходимых дополнений и поправок, осуществляется — также в соответствии с классифика-

¹⁸ Отметим, что именно эта иерархическая соподчиненность понятий, их родо-видовые и иные отношения и взаимосвязи и обуславливают системность обозначающих их терминов.

ционной схемой системы терминов-понятий — на основе анализа важности и роли каждого отдельного раздела или научного направления внутри данной области в данную эпоху, с учетом общего количества терминов в терминологической системе и других особенностей конкретной области знания. В некоторых случаях может возникнуть необходимость учитывать и имеющиеся данные о частотности употребления отдельных терминов.

Разумеется, составление словника для каждого типа словаря имеет еще и свои специфические особенности и проблемы, на которых мы не можем здесь останавливаться.

Отметим еще одно обстоятельство, а именно то, что при отборе терминов в «неполные» (средние, краткие) словари должно ограничиваться число включаемых в словник терминов-дублетов и терминов-синонимов с теми или иными стилистическими, частотными и другими характеристиками. Внесение терминов-дублетов, -вариантов и -синонимов в словники отраслевых разделов многоотраслевых словарей почти полностью исключается.

Примеров неудачного решения вопросов отбора терминов для словника словарей разных типов можно привести очень много. Ограничимся лишь одним.

В 1961 г. в Праге был издан 6-язычный *Астрономический словарь*, составленный И. Клецек.¹⁹ В словник каждого из языков словаря включено около 6 тыс. словарных единиц. Таким образом, этот словарь по степени полноты относится даже не к средним, а скорее к кратким отраслевым словарям, отбор терминов для которых должен производиться особенно тщательно и строго. В краткий словарь безусловно должны быть включены все те термины, которые вносятся в многоотраслевые словари, плюс более широкий круг строго отобранной астрономической терминологии, при весьма ограниченном содержании смежноотраслевых терминов. Между тем анализ словника этого словаря показал следующее. В словаре отсутствует более 700 (т. е. более 10% от объема словаря) астрономических терминов первых порядков, обязательных для включения даже в отраслевой раздел многоотраслевого словаря, таких как: *апоцентр, астроспектроскопия, блинк-микроскоп, ведение телескопа, звезда Вольфа-Райе, магнитосфера, новоподобная звезда, пекулярная галактика, радиобсерватория, световой год, фотогид* и мн. др. В словаре огромное число терминов смежных областей (около 45%!), недопустимое и в полном отраслевом словаре, таких как: *гальванометр, грамм-молекула, кинопроектор, котангенс, осциллограф, психрометр, трансформатор, электричество, электромотор* и мн. др. Много пестерминов, вроде: *буква, дым, желтый, исчезать, осколки, сторона, точно* и др. Словник засорен большим количеством свободных сочетаний терминов и «несловарных» композитов (около 7% от остальной части словаря), таких как: *азимут горизонтальной оси*

¹⁹ K l e c z e k J. *Astronomical Dictionary in six Languages*. Praha, 1961.

инструмента, возраст Земли (Луны, звезд и т. д.), зеркало коллиматора (Kollimatorspiegel), масса метеорного тела, оптическая ось трубы, рисунок планеты, точность отсчета (Ablesegenauigkeit) и др. Около 10% астрономических терминов, внесенных в словарь, можно было бы поместить лишь в полный отраслевой словарь (это термины более высоких порядков: *зеркальный металл, дневная дуга, ночная дуга, армиллярная сфера, стеной квадрант, деферент, эпицикл, быстрая новая, медленная новая* и др.).

В заключение отметим, что в настоящей работе кратко рассмотрены лишь некоторые из наиболее важных вопросов отбора терминов, не обсуждены такие, как проблема границы между отраслевыми и смежноотраслевыми терминами, вопрос о включении в словарь и отборе лексических средств подъязыка отрасли и ряд других, которые существенно влияют на решение вопросов составления словника терминологического словаря.

Т. С. КОГОТКОВА

ТЕРМИНОЛОГИЯ II МЕЖФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛЕВАЯ «ОМОНИМИЯ»

Семантические отношения, которые мы условно называем «межфункционально-стилевая омонимия», вытекают из полифункционально-стилевой структуры русского национального языка в целом. Эти самостоятельные функционально-стилевые сферы, получившие в последнее время названия то «языков», то «подъязыков», то «подсистем», то «систем», тем не менее не изолированы друг от друга непроеходимой стеной. Такие функционально-стилевые сферы русского языка, или подъязыки, как общенародный (литературный), терминологический и диалектный, всегда взаимодействуют между собой и не только в плане диахронном, т. е. в момент происхождения и стабилизации своих значащих элементов, но и в синхронном, коммуникативном.

Между тем нередко бывает так, что одно и то же слово существует в каждом из них. И в этом случае важно знать, в каком понимании — диалектном, литературно-общенародном или терминологическом, о нем говорится, ибо эти три осмысления не идентичны. Как правило, эти термины своего происхождения. В коммуникативном отношении сложность составляют не те термины-метафоры и их аналоги-пентермины, которые достаточно разошлись в своем содержательном наполнении (ср. примеры, которые приводит А. А. Реформатский: *мушка, сапожок, шапка, подошва, звук, слово*),¹ а те из них, семантическое содержание которых не просто близко, а совпадает в основном своем смысловом признаке (ср. *дорога* — слово общего языка и инженерно-дорож-

¹ Реформатский А. А. Введение в языкознание. М., 1955, с. 109.

пого, *земля* — общее слово и как термин геологии). А. А. Реформатский писал о коммуникативной ущербности подобных слов, выступающих одновременно и в качестве термина, и просто как слова общего языка. «Возможность достаточного контекста, — отмечал он, — спасает эти термины от неправильного понимания, но приводит к правильному пониманию не всегда».² Итак, здесь речь идет о случаях неполного совпадения смыслов у слов, распределяющихся по разным функционально-стилевым сферам русского языка: *поезд*, *состав* — в общем языке, они же в железнодорожной терминосфере. Теоретическая сложность в квалификации этого семантического явления состоит в том, что оно стоит на грани между омонимией слова и его же полисемией. Мы склонны определять эти отношения как межфункционально-стилевую «омонимию», исходя из разных оснований: это может быть и неодидаковая внеязыковая соотнесенность слов-омонимов в разных функционально-стилевых сферах их бытования (ср. *баз*, *нётель* в сельскохозяйственном языке и по разным говорам), и строгая связь с предметом (понятием) научно-специализированной сферы, если это слово-термин, и, наоборот, отсутствие таковой для петерминологических подсистем русского языка (см. ниже о словах *поезд* и *состав*).³ Понимая всю необычность использования термина «омонимия» для характеристики смысловых отношений среди однозвучающих слов, распределяющихся по разным функционально-стилевым сферам русского языка, мы пользуемся им как рабочим термином для удобства описания материала (по этой причине он и берется в кавычки).⁴

Межфункционально-стилевая «омонимия» возникает между словами, когда они синхронно существуют в ряде ведущих коммуникативно-стилевых сфер русского национального языка. Можно говорить об «омонимии» общелитературно-диалектной, литературно-терминологической, диалектно-терминологической и литературно-диалектно-терминологической. Смысловые различия слов-«омонимов» в значительной мере зависят от тех функций, которые определяют данный подязык. Термин, как известно, всегда точен. Язык терминосистем формируется всегда сознательно, ибо термины не появляются стихийно, сами собой, а творятся по мере осознания их необходимости (Г. О. Випокур). К термину предъявляются определенные требования, и это его

² Там же, с. 83.

³ «Омонимический разрыв» в случаях этого рода видит и О. С. Ахманова: Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957, с. 114.

⁴ Поддержка идеи «межфункционально-стилевой омонимии» по существу содержится у Ю. Д. Апресяна: «В случае, если одно и то же слово имеет и строго терминологическое, и петерминологическое употребление (ср., например, существительное *агрессия*), целесообразно выделять у него два разных значения» (Апресян Ю. Д. Термины и петермины с семиотической точки зрения. — В кн.: Тезисы докладов на совещании, посвященном проблеме определения терминов в словарях. 26—29 марта 1974 г. Л., 1974, с. 27).

отличает от обычных слов общего языка или говоров. В общелитературном языке или диалектном слова появляются подчас стихийно и живут естественной жизнью, подчиняясь лишь внутренним (имманентным) языковым закономерностям. Если слово «омоним» в терминосфере жестко определено необходимым и в то же время достаточным количеством смысловых признаков и здесь невозможно отступление от дефиниции, то его «омоним» в общелитературном языке всегда менее конкретен, эти определяющие признаки в нем нередко бывают как бы стертыми. Здесь не всегда обязательна денотативная точность. Здесь релевантны не те языковые функции, что в языке терминологическом или даже диалектном. (Ср., к примеру, обязательную и хорошо развитую эстетическую функцию в общелитературном языке; она-то и накладывает свой отпечаток на поведение слова в конкретной речевой деятельности.)

Диалектно-литературная и диалектно-терминологическая «омонимия» понимается нами как соотношение слов литературного и терминологического языка со своими «омонимами» из любой отдельно взятой диалектной системы. Этот вид «омонимии» очень распространен, ибо одно и то же слово диалекта (звуковой комплекс) неадекватно в своем содержании не только своим литературному и терминологическому «омонимам», но и самому себе в зависимости от территории своего распространения. Известно ведь, что в литературном языке неадекватность смыслового объема слова определяется прежде всего фактором времени. Ср. значение современных общественно-политических терминов *стачка* и *забастовка* и в XIX в., когда их употребление было еще очень далеко от нашего осмысления. (Ср. у Пушкина: «От карт и костей отстал я более двух лет; на беду мою я забастовал, будучи в проигрыше» — письмо к Судженку, 15 I 1833), или непосредственную смысловую зависимость *стачки* от *стакнуться*, т. е. 'прийти к определенному соглашению' (даже у Чехова можно еще встретить: «Уважаемый товарищ Курицын женат на племяннице аптекаря Груммер и находится с ним в стачке» — «Интриги»). В диалектном же языке развитие слова определяется двумя координатами — не только временной, но и пространственной, хотя, как показывают исследования современных лексико-семантических систем, при синхронно-изолированном изучении говоров провести эту грань трудно.

Вернемся, однако, к изучаемому явлению в конкретных примерах. Для начала возьмем слово *поезд* в его железнодорожном значении. Слово это бытует в двух подязыках — литературном и железнодорожном, терминологическом. Как бы ни расходилось понимание этого слова в терминологическом языке и общелитературном, ясно всем, что в основе и того и другого лежит общий денотат — совокупность железнодорожных вагонов, передвигающихся или предназначенных для передвижения по железнодорожным путям. В семантической структуре слова *поезд* железнодо-

рожное значение фиксируется в словарях литературного языка начиная со словаря 1847 г. Имея самое широкое бытовое употребление и понятное посетителям языка с детских лет, это слово, естественно, не получает каких-либо специализированных помет. Железнодорожное содержание его выражается в определении, которое во всех четырех современных толковых словарях русского языка примерно одно и то же: «Состав из сцепленных между собой железнодорожных вагонов, приводимый в движение паровой, тепловой или электрической тягой» (17-томный словарь, Словарь Ушакова). В 4-томном и Словаре Ожегова в том же определении заменены «тепловая и пр. тяга» словом «локомотив». Как реальная — поезд — это предмет самого широкого, даже бытового назначения. Условия эксплуатации его выделяют ряд ведущих признаков, на основе которых в языке группируется лексическая сочетаемость разной степени идиоматичности. Вот эти признаки: 1) поезда по назначению: товарный, пассажирский, служебный, почтовый, продовольственный, санитарный, специально оборудованный, курьерский, особый и даже царский (весь лексический материал взят из картотеки Словарного сектора Института русского языка АН СССР); 2) по скорости движения: скорый, пассажирский; 3) по направлению движения, к чему — от чего: московский, ленинградский, дальневосточный и т. п.; сюда же примыкают: пригородный, дачный — лексический ряд без ограничения; 4) по времени прибытия или отбытия (в соотношении с сутками): первый, последний, утренний, дневной, вечерний, ночной, 9 (и т. п.)-часовой.

Эта атрибутивная сочетаемость идиоматична, ибо неотъемлема от слова *поезд*, в отличие от пидиоматичной: длинный, зеленый, веселый, шумный, ползущий, пустой и т. п. Многие из этих атрибутивных идиоматических сочетаний в железнодорожной терминоносфере существуют как терминологические (см. об этом ниже).

Склонность лексической системы литературного языка к вариативности средств языкового выражения формирует у слова *поезд* его синоним — *состав*. Начало этой синонимизации возникает в условиях одного контекста: *Поезда* здесь редки... когда-то один раз в месяц палетит *состав* (Иванов, Хлопок). Словарь Даля не отмечает такого употребления у слова *состав*. Синонимическая пара *поезд—состав* фиксируется современными синонимическими словарями. У З. Е. Александровой она расширена еще на один компонент: *машина*. Синонимичность слов *поезд—состав* в литературном языке основана на частичном совпадении их содержательного наполнения — и в том и в другом случае присутствуют сцепленные между собой железнодорожные вагоны. Отсюда в языке и тождественное лексическое окружение. Ср. атрибутивные словосочетания: *железнодорожный поезд — состав; пассажирский, товарный поезд — состав; длинный, недлинный поезд — состав*; глагольные. При именительном падеже существительного со всеми глаголами движения: *поезд — состав вышел, шел, дви-*

гался, бежал, маневрировал, полз, мчался и мн. др.; при винительном падеже существительного: *подать поезд — состав; прицепить, сцепить, расцепить поезд — состав; осмотреть поезд — состав; разгрузить поезд — состав* и т. п. Однако *поезд — состав* — не абсолютные синонимы, что разъясняется в синонимическом двухтомнике. Этот справочник, выясняя различия в словах *поезд — состав*, подчеркивает два момента: 1) обязательность локомотива (или какой-либо другой тяги) для *поезда* и факультативность его для *состава* (ср. такое подтверждение: Слабосильные устаревшие паровозы медленно, с трудом, передвигали составы, по двадцать вагонов в каждом — А. Степанов, Порт-Артур) или невозможность такого выражения: *состав разводил пары* (в картотеке Словарного сектора нет ни одного примера с таким словосочетанием); 2) то, что *поезд* — это средство передвижения. Благодаря этой части содержания слова *поезд*, части, в широком смысле обращенной к человеку и человеческому обществу, и возможны такие словосочетания, каких не может быть у слова *состав*: ср. *билет на поезд, расписание поездов, попасть к поезду, спешить, опоздать на поезд, ехать в поезде — поездом, уезжать с поездом, встречать поезд, ошибаться поездом, попасть на поезд, поезда ходили (регулярно), от поезда до поезда, поезд-молния, поезд-летучка, поезд-баня*, и т. п. В то же время в лексической системе современного литературного языка слова *поезд — состав* выступают не только как члены одной парадигмы, но и имеют синтагматическую связь (ср.: *Через день поезд, вышедший со станции Чертково, пер состав красных вагонов, груженных казаками, лошадыми и фуражом — М. Шолохов, Тихий Дон*).

Этимологическая прозрачность слова *состав* (внутренняя близость к глаголу *составить — составлять*, в словаре Даля отмечен словообразовательный вариант — *составка*), определяет серию именных словосочетаний с родительным падежом: *состав поезда, состав вагонеток, состав четырехосных вагонов, состав открытых платформ, состав темных теплушек* и т. п. Конструкция, невозможная со словом *поезд*.

Толкование современных словарей литературного языка слова *состав* распределяется между двумя видами определений. Словари Ушакова и Ожегова (включая последнее, 9-е издание), определяя железнодорожное значение слова *состав* через 'поезд', тем не менее отмечают отнесенность к специализированной, железнодорожной термипосфере. И хотя неудобство определения слова *состав* через 'поезд' очевидно для всех, наличие пометы *спец. и ж. д.* отсылает читателя к специализированным справочникам. Кстати, эти же пометы, по-видимому, свидетельствуют о начале вхождения железнодорожного значения слова *состав* в общелитературное употребление. Словаря 17-томный и 4-томный устраняют алогичность толкования *состав* через 'поезд'. Вот их определение, оно одно и то же: «Ряд сцепленных вместе железнодорожных вагонов, приготовленных для отправки или находящихся в рейсе».

Согласно этому определению, составы могут находиться в рейсе. Продумывая эту часть определения, составитель словарной статьи и его редактор опирались на картотеку. А в ней десятки словоупотреблений, извлеченных из языка художественной литературы, поэзии, прессы, не только тина *состав бежит*, или *состав лязгал колесами*, но и: Состав застрял в пути; К Кинелю то и дело мчались и ползли составы со всех сторон: от Уфы и Оренбурга ближние и дальние (Д. Фурманов, Чапаев); Во тьме оттуда и туда Составы без огней бежали (А. Твардовский, За далью даль). Полный контекст выдержек показывает, что речь в них действительно идет о рейсе, а не о том специфическом профессионально-железнодорожном движении-маневрировании, при котором состав только и возможно сформировать (ср. железнодорожный термин *составитель поездов*). Контекстов, подобных только что приведенным, в речевой практике газет, радио, телевидения, языка массовой коммуникации становится все больше и больше. И естественно, они доходят не только до уха, но и, что более существенно, до сердца специалистов-железнодорожников. Три года тому назад в Сектор культуры речи пришло письмо от К. С. Сереброва, железнодорожника по профессии. К. С. Серебров просил буквально заступничества авторитетного учреждения — Института русского языка. По его мнению, злоупотребление газет словосочетаниями типа «составы бегут за составами», «составы в пути» уже переходит всякие границы, так как с профессиональной точки зрения просто безграмотны. Свой ответ к нему я построила на раскрытии той синонимичности, которая сложилась у слов *поезд* и *состав* в рамках литературного языка, при этом, ссылаясь на толковые словари, в самом общем виде обратила его внимание на необходимость различать «язык общеупотребительный» и «язык специализированный», в данном случае железнодорожный. Мой оппонент прекрасно меня понял, но остался непреклонен, особенно после внимательного чтения словарной статьи в 17-томном словаре на слово *состав*. Вот его реакция.

Уважаемая товарищ Коготкова!

Ваше письмо от 5 марта убедило меня в том, что в путанице понятий «поезд» и «состав» повинны не столько журналисты, сколько словарь современного русского языка.

4-е «железнодорожное» значение слова «состав» словарь объясняет так: «Ряд сцепленных ж.-д. вагонов, подготовленных для отправки или находящихся в рейсе».

С точки зрения уважающего себя железнодорожника подчеркнутые мною слова — грубая ошибка. Наши железные дороги существуют более ста лет, и за это время ни один «состав» не выходил в рейс, имея назначением другую станцию (хотя бы соседнюю).

От станции до станции «ходят» только поезда — курьерские, скорые, почтовые, пригородные, пассажирские, фирменные, товарные, маршрутные, санитарные, рабочие, воинские, служебные, экстренные и вспомогательные. Не может быть на перегоне между станциями поезда без соответствующего

его категории номера. Даже отдельный локомотив (без вагонов) получает поездной номер, т. е. оформляется как поезд.

«Состав» может оказаться на перегоне между двумя станциями только в двух исключительных случаях: 1) когда часть вагонов поезда отрывается (авария!) и остается на перегоне; 2) когда по крайней технической необходимости маневровый локомотив выводит не уместающийся на путях станции формируемый состав за пределы входного или выходного светофора (семафора).

Поезд перестает быть поездом на конечной станции, когда отцеплен поездный локомотив, и маневровый локомотив уводит на запасные пути уже не поезд, а состав.

Вы пишете: «Не все конкретные словосочетания, организуемые словом *поезд* и словом *состав*, поддаются взаимной замене». Итак (в соответствии со словарем), допускается, что в ряде случаев взаимная замена этих слов допустима. Так же рассуждают и журналисты. В прилагаемой газетной вырезке читаем: «Впереди составов шли снегоочистители», «Машинисты провели на участке угольные составы с значительным превышением технической скорости». По словарю — грамотно, и Ваше мнение: «смыслового ущерба не будет». Но газеты читает среди прочих читателей и миллионная армия железнодорожников.

Конечно, даже железнодорожники, умудренные газетными формулировками, в конце концов привыкнут читать, что машинисты водят на участках не поезда, а составы, и не станут выражаться при этом нецензурно по адресу авторов. Но... есть и такие, что не привыкают и болезненно переживают такие бессмысленные выкрутасы.

Из них же первый «аз есмь».

С глубоким уважением

К. С. Серебров

11.3.71

Через несколько дней я получаю еще одно письмо, где мой корреспондент дает специально-железнодорожное определение словам *поезд* и *состав* (см. письмо).

Уважаемая товарищ Коготкова!

Я попытался сформулировать значение (железнодорожное) слов «поезд» и «состав». Вот что у меня получилось:

Поезд: сцепленные с поездным локомотивом (локомотивами) или самоходные вагоны, составленные в определенной последовательности, принятые главным кондуктором (начальником поезда), отправляемые (отправленные) со станции по графику движения поездов под установленным графиком поездным номером.

Состав: сцепленные в определенной для формирования поездов последовательности вагоны: а) стоящие на запасных, сортировочных или депо-вских путях станции; б) передвигаемые по станционным путям в процессе маневров; в) поданные под погрузку (посадку), под выгрузку (высадку).

С глубоким уважением

К. С. Серебров

Сравнение определений терминов *поезд* — *состав* тов. К. С. Сереброва с теми, что даются в специализированных справочниках и энциклопедиях, мне удалось сделать лишь для слова *поезд*, так как *состав* в качестве отдельного термина в железнодорожной терминосфере не существует, ибо это слово является частью сос-

тавного термина «железнодорожный подвижной состав», что значит совокупность локомотивов всех видов и вагонов всех видов. (Обычно любая страна, имеющая железные дороги, располагает целым хозяйством — «железнодорожным подвижным составом», определяемым не только техническими параметрами, но и социально-экономическими.) (Частично значение термина *состав* отражено в термине *составитель поездов*).

Определение термина *поезд*, сделанное в БСЭ и в железнодорожных справочных пособиях, хотя словесно и не похоже на то, что сделал тов. Серебров, совпадает в главном для термина — основных дифференциальных признаках. «Поезд (железнодорожный) — сформированный и сцепленный состав вагонов с действующим локомотивом, снабженный соответствующими сигналами и обслуживаемый поездной бригадой» (БСЭ, т. 33, с. 458). И в том, и в другом определении есть: локомотив, сцепленные вагоны, поездной помер, обслуживающая бригада. Расхождение — наличие соответствующего сигнала — в БСЭ и порядок сцепления вагонов и связь с графиком движения — у К. С. Сереброва.

Из этой широкой демонстрации материала следует, что в рамках литературного языка слова *поезд—состав* выстраиваются в горизонтальный ряд, ибо синонимичны, в железнодорожной терминосфере — в вертикальный. Само же соприкосновение разных функционально-стилевых сфер общения создает особый тип семантических отношений, которые трудно назвать полисемией. Как бы ни были сложны эти отношения и какое бы они ни получили терминологическое обозначение, лексикографическая практика специалиста по культуре речи заставляет принимать решение подчас безотлагательно и с максимальной адекватностью вещному миру. Ведь встает со всей очевидностью такой вопрос, в какой мере определения слов, имеющих свой «омоним» в терминологической сфере, могут расходиться в словарях литературного языка с узусом профессионального словоупотребления? Какой тип определения должен быть выбран в словарях общелитературного языка для случаев этого рода? Ответ на эти нелегкие вопросы, над которыми в практике словарного дела много думали и продолжают думать лексикографы, вряд ли может быть однозначным, ибо не однотипны и сами отношения, названные нами как межфункционально-стилевая «омоимия».

Предложим вашему вниманию еще один случай. На сей раз речь пойдет об отношениях, распределяющихся между диалектной, терминологической и литературной подсистемами русского языка. Покажем это на примере слова *нетель*. Слово это относится к группе коров. Существенное значение коровы в жизни человека как домашнего животного, ее хозяйственно-экономическая важность и «обжитость» на протяжении многих веков дали почти во всех языках мира многочисленные и многообразные наименования. Неслучайно пласт лексики, связанный с домашними животными, привлекал и продолжает привлекать внимание язы-

коведов разных специализаций.⁵ Как бы ни была многообразна в разных языках релевантность признаков, послужившая основой обильных номинаций в группе коров,⁶ отчетливо проявляется семантическая типология, послужившая, по-видимому, впоследствии основой для собственно терминологических обособлений многих из этих названий.

Из всей этой группы признаков сейчас нас интересует признак стельность/нестельность,⁷ и в частности такой ряд, как *корова—телка—нетель*. В русском языке слово *нетель* давнее. В карто-теке ДРС оно фиксируется начиная с середины XVI в., хотя точность его денотативного содержания вывести из этих контекстов непросто (имеется в виду в первую очередь возраст животного, или его стельность, или его вес и габариты, когда употребляется слово *нетель*). Оно выстроено в ряд *теленки—нетель—корова*: У Кирила Ванюкова восемь коров, две нетели, три теленка, седьмные две лошади, да кобыла меленка (Якутские акты, 1641). Очень широко бытует это слово и в русских народных говорах, так как именно в говорах значительно шире, чем в литературном языке, представлено лексическое наполнение данной словообразовательной модели, ср. *нетель, неловь, непашь, некость, негарь, нежар, непаль*, так же как *немочь, нелюдь, немир, немут, нежить, нечиств, неручь* и под. Слово это привлекало уже внимание исследователей в связи с ареалом его распространения; мы же займемся его содержанием и трансформацией этого содержания при выходе слова *нетель* в другие функционально-стилевые системы

⁵ Трубачев О. Н. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. (Этимологические исследования). М., 1960; Щербак А. М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках. — В кн.: Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961; Максимов В. И. Некоторые особенности суффиксального образования названий животных в диалектах. (На материале лексики псковских говоров). — В кн.: Лексика русских народных говоров. М.—Л., 1966.

⁶ Ср. такие признаки, как возраст (*корова по первой траве* — колым., Богор., *третьячиха* — пск., *телка по третьему году*, Макс., *телка от одного до двух лет* — тат., Щерб., *телка с теленком по третьему году* — рум., молд., Труб. и др.); стельность (*яловка* — русск.: *корова яловая в течение ряда лет*, ног., Щерб., *корова, не телившаяся до 4 лет*, ног., Щерб., *бесплодная коро́ва*, серб.-хорв., Труб.); первый отел (*первоотелок* — пск., Макс., то же хакас., Щерб.); дойность (*передойка* — пск., Макс., *дойница* — Срезн., *стародойка* 'корова, которая доится второй год, не будучи стельной', колым., Богор., *трока* 'доющая только из двух сосков', Труб.); масть (*белянка* — пск., Макс., *краснеха* — там же, *корова с белыми пятнами на ногах* — гаг., Щерб.); признаки, связанные с рогами (*комолая* 'безроговая', русск., *бобалка* — пск., Макс., 'корова с рогами, расходящимися в сторону', 'с загнутыми внутрь рогами' — гаг., Щерб.); по виду скормливаемой пшцы (*поенец, молокопоенец* — пск., Макс.); времени рождения (*полднеха, вечереха, понеделка, жуколь* 'рожденная в феврале' — Труб.); прочие признаки (*другоня* 'вторая коро́ва' — пск., Макс., *ломиха* — Труб.).

⁷ Ср. термины, образованные по этому признаку, в русском, болгарском, чешском, польском, венгерском, румынском, немецком, английском языках: Восьмизычный сельскохозяйственный словарь. Т. I. М., 1970, с. 344—345.

русского языка. Диалектные словари, многочисленные материалы картотеки СРНГ, данные исследователей определяют слово *нетель* или по возрастному признаку — 'двухгодовалая корова или телка', пск., арх., вост.-казахст., смол. казанск. деул., 'трехгодовалая самка', вост.-спб., 'корова от двух до трех лет', прк., или по признаку отела — 'ни разу не телившаяся молодая корова' (большинство показаний СРНГ) или 'корова, не отелившаяся в этом году' (Даль, тр. МДК — Кадн., свидетельства моего устного опроса), или по единичным данным — 'корова, уже переставшая телиться' (Ставр., Панова). Если сопоставить ареал распространения *нетели*, определенный в приведенных выше материалах по признаку возраста и по признаку «отела», то он очень часто накладывается друг на друга, совпадает (к примеру, северовеллкорусские говоры). А это значит, что наблюдатели за этим словом не дали исчерпывающе точное определение. Такое положение вещей бывает нередко, если иметь в виду, что само слово в говоре менее расчленено в своих смыслах, его семантика диффузна. Ср. аналогичное: *некошь* 1) 'место с нескошенной травой', 2) 'прошлогодня некошенная трава' (Обск. словарь) или *непашь* 'непропаханное место' или 'земля, не пригодная для пашни' (пенз. — СРНГ). По-видимому, в обоих этих случаях речь идет об одной и той же категории коровы, хотя определение дано в одном случае по признаку возраста, в другом — по признаку отела. Материалы КСРНГ в качестве абсолютного синонима слова *нетель* отмечают единично слово *подтелок* и массово — *нетелка*. На наш взгляд, это последнее слово достойно пристального внимания, особенно, если учесть дальнейшее перемещение *нетели* в терминосферу животноводства. Подобная словообразовательная параллель есть и у слова *непашь* — *непашка* (свердл. Сахарный).

Когда слово *нетель* стало элементом терминологического языка, сказать без специального исследования трудно. Словарь Бурнашова, один из первых терминологических словарей русского языка (СПб., 1843), фиксирует его со значением 'молодая корова, еще не телившаяся'. С этим же значением оно отмечается и в конце XIX в. в «Иллюстрированном сельскохозяйственном словаре» С. М. Богданова (Киев, 1891), в «Энциклопедическом словаре» Ф. Павленкова (изд. 5-е. СПб., 1912). По существу, такое же содержание термина *нетель* и в 1-м издании БЭС — 'птелившаяся телка в возрасте 8—18 месяцев'. С какого-то момента, в моих материалах — это конец 30-х годов — в терминологическом определении *нетели* появляются новые детали. В определении термина вводится указание на такой существенный признак, как обязательное наличие стельности. Этот определяющий компонент дефиниции термина *нетель* нам известен начиная со «Словаря-справочника по животноводству» (М., 1939). Присутствует он как обязательный и в «Энциклопедическом сельскохозяйственном словаре-справочнике» (М., 1959) и в БСЭ (изд. 2-е, т. 29, с. 499). — «Нетель — телка от момента оплодотворения до отела».

Становится понятным, почему в отдельных ГОСТах, связанных с животноводством, например «Скот для убоя», где действительно этот момент очень важен, дифференциальный признак стельности становится единственным терминологическим определителем: **Нетель**. «Телка, у которой при визуальном осмотре или ректальном исследовании обнаружены признаки стельности».

Соответственно такому пониманию употребляется оно и на страницах газет, журналов, обсуждающих животноводческие вопросы: «Наблюдательность, творческое отношение к делу заставили молодую доярку задуматься над подготовкой нетелей и отелу и раздою» (Чурочкин, Высокие надои от первотелек. — Сельское хоз-во, 13 II 1954).

С лингвистической точки зрения термин *нетель* представляет интерес своей словообразовательной структурой, а именно прозрачной внутренней формой. Прозрачная внутренняя форма словосочетания термина обычно считается моментом положительным. Ср. в железнодорожной терминосфере такие составные термины, как *пошерстная* и *противошерстная стрелка*, где само внутреннее строение слова отражает содержательное назначение предмета: *ж.-д. стрелка по ходу и против хода поезда*. В термине же *нетель* внутренний мотивировочный признак слова (*не* — отрицание того, что содержит корневая морфема — *тель*) вступает в логическое противоречие с основным дифференциальным признаком, выраженным по форме положительно — *стельность*. Определение это, таким образом, демонстрирует полный разрыв между внутренней негативной формой слова и позитивной структурой терминологической дефиниции. Ясная словообразовательная структура слова *нетель* есть в то же время основа его образности. Известно, что слова подобного строения живут не только в говорах, они очень широко используются в художественной литературе. И неслучайно 17-томный словарь, квалифицируя их функционально-стилистическую принадлежность, относит их к разным стилевым пластам русского языка: *неко́сь* — обл., *нежи́ль* — разг., *нежить* — обл., *нелюди* — простореч., а *нетель* и вовсе безо всяких помет. Первую фиксацию *нетели* дает Словарь Академии Российской 1794 г., а затем оно уже отмечается всеми словарями русского литературного языка.

Проблема слов-терминов и нетерминов, ведущих свой гегезис из разных функционально-стилевых подсистем русского языка, содержит, таким образом, две стороны — теоретическую и практическую, с выходом последней в лексикографию и культуру речи. Теоретический аспект заставляет исследователя определить и сам характер семантических отношений, возникающих в словах, одинаково звучащих, при распределении их по разным функционально-стилевым сферам русского языка. Мы называем эти отношения межфункционально-стилевой «омонимией» (по аналогии с термином А. А. Реформатского «межнаучная терминология»). При использовании термина «омонимия» имелось в виду

прежде всего смысловое расхождение в словах-омонимах и как следствие этого — коммуникативная недостаточность, что важно в нормативно кодифицированном словоупотреблении. Предлагая такой термин, мы понимаем всю условность его и дискуссионность такой квалификации. Может быть, эти отношения рациональнее было бы определить по-иному, ну, например, «межфункционально-стилевые соответствия». Но само слово «соответствие» не имеет в виду лексемы, одинаково звучащие, связанные с одним и тем же внеязыковым денотатом. Межфункционально-стилевая «омонимия» обнаруживается с особой явностью при встрече однозвучащих слов-«омонимов» из сферы общенародного языка или говоров с такой подсистемой русского языка, как терминологическая, ибо значащие единицы этой сферы — термины точны и определены в своем содержании.

Определение межфункционально-стилевых «омонимов» осуществляется в словарях разного типа, с разными принципами лексикографического описания слова. Так как каждое слово-«омоним» входит в свою функционально-стилевую систему, то и при толковании их релевантны неодинаковые признаки смыслового определения. Это бесспорно. Однако, являясь подсистемами одного и того же национального языка, эти функционально-стилевые сферы тесно взаимодействуют друг с другом, создавая иногда очень существенные затруднения. В этих случаях роль и ответственность лексикографической работы повышается. Нам кажется, что задача словарей общелитературного языка и терминологических при встрече со словами-«омонимами» должна быть направлена на устранение явных несоответствий, алогизмов при сопоставлении одного определения с другим.

Л. А. ШКАТОВА

ТОЛКОВАНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ НАЗВАНИЙ РАЗНЫХ ЛИЦ ПО ПРОФЕССИИ

Названия лиц по профессии составляют довольно значительную часть словарного фонда современного русского литературного языка. По нашим подсчетам, 17-томный Словарь современного русского литературного языка (1948—1965 гг.) включает около тысячи таких наименований. В специальном общении количество слов, обозначающих лиц по профессии, исчисляется десятками тысяч.

Перед составителями словарей стоят две основные задачи применительно к данной группе слов: 1) отбор общелитературных названий из десятков тысяч специальных обозначений профессий; 2) толкование лексических значений названий лиц по профессии. Мы остановимся на второй проблеме.

Терминами мы считаем те из названий лиц по профессии, которые представляют собой результат специального отбора, имеют установленную форму и строго определенный набор семантических дифференциальных признаков. Внутри терминологического поля им приписывается понятие, включающее совокупность «приобретенных школьной и внешкольной выучкой специальных трудовых навыков, совмещаемых обычно в одном лице».¹ В пределах общелитературного языка замкнутую систему, подобную терминологической, образуют обобщенные названия лиц, характеризующие отраслевое разделение труда: *пищевики* — работники пищевой промышленности, *транспортники* — работники транспорта, *обувщики* — работники обувной промышленности, и т. п.

Как правило, в общелитературный язык входят наименования так называемых сквозных профессий, свойственных целому ряду производств: *токарь, аппаратчик, укладчик, наладчик, браковщик, приемщик* и т. п. В общенародный словарь вводятся и такие термины, которые представляются актуальными по обозначаемым ими понятиям: *космонавт, расчетчик, вычислитель, бионик, генетик, автоматчик, наладчик, атомник* и т. п.

В чем отличие толкований лексических значений названий лиц по профессии и их определений в энциклопедических и специальных словарях?

Сравним толкование слова *шлифовщик* в 17-томном словаре и его определение в БСЭ-2:

Словарь

Шлифовщик — то же, что шлифовальщик.

Шлифовальщик — рабочий, занимающийся шлифованием.

Энциклопедия

Шлифовщик — квалифицированный рабочий, обрабатывающий металлы и другие материалы на шлифовальных станках.

Толкование лексического значения не включает, как видим, указания на материал обработки (ср.: «... обрабатывающий металлы и другие материалы» — в БСЭ) и орудие труда («... на шлифовальных станках»), в словарной статье нет указания на степень квалификации («квалифицированный рабочий» — в БСЭ). Толковый словарь приводит два примера употребления слова шлифовщик, отмечает, что оно встретилось в словаре В. И. Даля. В энциклопедии же подробно разъясняется, что должен знать и уметь рабочий, чтобы называться шлифовщиком: «Ш. должен знать устройство, типы и конструкцию шлифовальных станков; правила управления и эксплуатации этих станков; номенклатуру, конструкцию и условия применения универсальных и специальных приспособлений и влияние их на качество обработки; способы установления и укрепления деталей; назначение шлифовальных кругов различных марок; основные сведения о взаимозаменяемости, допусках, посадках и классах точности; технологич. и ме-

¹ Струмилин С. Г. Проблемы экономики труда. М., 1957, с. 12.

ханич. свойства черных и цветных металлов и их сплавов и неметаллич. материалов, обрабатываемых на шлифовальных станках. III. должен уметь технологически последовательно выполнять операции; производить подбор шлифовальных кругов определенной формы, твердости и вязкости в зависимости от обрабатываемого материала; читать чертежи и пользоваться таблицами допусков и посадок, контрольно-измерительным инструментом и приборами».²

Все перечисленные в статье энциклопедии знания и умения составляют ту совокупность «приобретенных школьной и внешкольной выучкой специальных трудовых навыков», которая в терминологии определяется термином *шлифовщик*. Едва ли неспециалист способен перечислить хотя бы основные из этих трудовых навыков, которыми должен обладать человек, называемый шлифовщиком. Для обиходного употребления существенно лишь то, что в русском языке есть два слова — *шлифовщик* и *шлифовальщик*, которые обозначают рабочего, занимающегося шлифованием. Таким образом, лексическое значение слова не включает весь набор семантических дифференциальных признаков, характеризующих термин, и в этом отношении объем определения энциклопедии шире, чем толкование слова в филологическом словаре.

Однако есть такие семантические признаки, которые существенны только с лингвистической точки зрения. Так, в толковании слов *сапожник*, *маляр*, *волыжник*, *балясник* должны быть указаны признаки реалии и эмоционально-оценочные элементы.

Сапожник употребляется в обиходе не только для обозначения мастера по шитью и починке обуви, но и неумелого, неискusstvenного в каком-либо деле человека; делать что-то как сапожник — неумело, неискusstvenно;

Маляр — не только рабочий, занимающийся окраской зданий, помещений, но и плохой живописец, художник;

Волыжник — играющий на волыпке и человек, вносящий замедление, проволочку в делах;

Балясник — токарь, изготавливающий балясины, и шутник, веселый рассказчик, забавник.

Отрицательную оценку, сопровождающую ряд названий профессий, остро ощущают носители языка: — Договоримся о терминах, — говорит профессор. — Что вы понимаете под словом «сапожник»? Человека, который недобросовестно выполняет свою работу? Если же иметь в виду профессию, то давно прошло время, когда в обувные мастерские приходили неграмотные люди, которые только и умели, что держать в руках молоток. Теперь, чтобы работать в обувном производстве, надо освоить математику, уметь применить теорию линейного программирования для раскроя кожи, использовать электронно-вычислительные машины для конструирования. Надо также знать основы антропологии,

² Большая Советская Энциклопедия. Изд. 2-е. Т. 48, с. 110.

биологии и анатомии... Вот что такое современный сапожник (А. Юсин, Сапожных дел профессор — Правда, 28 I 1974); — Ведь и вы, как вок назад (прямо скажем, невпопад) нас — по профилю в работе — «свинопасами» зовете. Разве я пасу свиней по примеру давних дней — за селом на травке жалкой, с хворостинкой или палкой? Нет! Однако, как и встарь, «свинопас» я да «свинарь». И слова бытуют эти — что в эфире, что в газете (жалуется работник фермы в фельетоне Степана Олейника «Дайте слово!» — Правда, 15 XII 1971).

Названия профессий *искатель, строитель, кузнец, старатель* получили в советской литературе эмоционально-образное осмысление: Мы — кузнецы, и дух наш молод, Куем мы счастья ключи. (Ф. Шкулев, Мы — кузнецы...); Моя радость и гордость — новый русский человек, строитель нового государства (М. Горький, Десять лет); Но, век стараясь для Руси, Старатели не любят золото. Не веришь — у других спроси (Ник. Малышев, В совок крупинки сыплю желтые...).

Отмеченные эмоционально-экспрессивные элементы должны быть включены в толкование лексических значений названий лиц по профессии. Это подтверждает семантика слова *балясник*. Первоначальное, специальное значение этого слова («токарь, изготовляющий балясины») нуждается в пояснении (*балясина* — точеный столбик перил), а вторичное, переносное значение («шутник, забавник, веселый рассказчик») не требует дополнительных разъяснений: Надо полагать, что этот дедушка Петр старик веселый, говорун и балясник, и человек, видно, бывалый (Потехин, Река Керженец — 17-томный словарь, т. 1, 1948); Писатель мог быть художником или мудрецом, но в глазах деловых людей он всегда оставался балясником, кривляющимся для собственного удовольствия и потехи публики (Писарев, Популяризаторы отрицательных доктрин — Словарь русского языка в 4-х томах, т. 1, 1957).

Такое явление, когда для носителей языка доминирующим становится вторичное, переносное значение, отмечено Д. Н. Шмелевым.³ Этот семантический сдвиг в слове *балясник* подтверждает производный от него глагол *балясничать*, имеющий только одно значение: 'шутить, пустословить, рассказывать что-л. забавное'.

Таким образом, общелитературный словарь отличается от энциклопедического тем, что, во-первых, дает толкование названий лиц по профессии более узкое, чем энциклопедия, так как не указывает всех существенных признаков описываемой реалии; весь набор семантических дифференциальных признаков, присущих термину, перелевает для неспециального общения; во-вторых, тем, что дает толкование названий лиц по профессии более широкое, чем энциклопедия, так как включает не только научное, но и наивное, обиходное представление о профессии с элементами

³ Ш м е л е в Д. Н. О семантических изменениях в современном русском языке. — В кн.: Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964, с. 6.

эмоционально-экспрессивными, нерелевантными для специального общения.

Ответив на поставленный в начале статьи вопрос об отличии толкований лексических значений названий лиц по профессии от их определений в словарях энциклопедического характера, перейдем к анализу филологических словарей, вернее словаря.

Рассмотрим толкования названий лиц по профессии в 17-томном словаре с целью установить модели определения значений этой тематической группы слов общелитературного языка.

Как показал анализ толкований названий лиц по профессии в 17-томном словаре, большинство названий профессий имеет только одно значение, толкование которого связано с простыми моментами труда. «Простые моменты процесса труда следующие: целесообразная деятельность, или самый труд, предмет труда и средства труда».⁴ Типичные определения словаря включают родовой признак (указание на деятеля) и видовой признак (спецификатор), который представляется как указание на характер труда, предмет труда или средство труда:

Слово	Толкование	
	родовой признак	видовой признак
<i>Дубильщик</i>	человек,	занимающийся дублением
<i>Дульщик</i>	рабочий,	приводящий в движение мех у кузнечного горна
<i>Задавальщик</i>	подающий	снопы в барабан молотильной машины
<i>Золотильщик</i>	мастер,	занимающийся золочением
<i>Клеильщик</i>	тот, кто	занимается клеем, оклеиванием чего-либо
<i>Механизатор</i>	специалист	по механизации
<i>Мерильщик</i>	лицо,	специально занимающееся измерением чего-либо
<i>Инкубаторщик</i>	работник	инкубатора
<i>Кубовщик</i>	рабочий,	обслуживающий куб
<i>Крепильщик</i>	рабочий в шахте,	занятый на крепежных работах
<i>Желонщик</i>	рабочий	при желонке
<i>Забойщик</i>	горнорабочий.	выполняющий работы, связанные с отбойкой полезных ископаемых

Как видим, непосредственно составляющие толкований лиц по профессии определяются по-разному.

Родовой признак обозначается словами *рабочий, работник, специалист, мастер, лицо, человек, подающий, горнорабочий*

⁴ Маркс К. Капитал. Т. 1. Госполитиздат, 1949, с.185.

и формулой «тот, кто». Только три слова в словаре определяются через слово *ремесленник*: *гробовщик*, *башмачник*, *медник*; одно — через слово *кустарь*: *синельщик*. Наибольшее количество толкований профессий лиц производственной сферы толкуется через слово *рабочий*: *трепальщик*, *белильщик*, *варильщик*, *ворнильщик*, *ворсильщик*, *выдувальщик*, *каильщик*, *клепальщик*, *лоцильщик*, *мазальщик*, *макаль*, *носильщик*, *паяльщик*, *подавальщик*, *присучальщик*, *прядильщик*, *разрезальщик*, *скобильщик*, *смоильщик*, *стекильщик*, *стропальщик*, *тесальщик* и т. п.

Обозначение *работник* чаще используется для толкования названий лиц по сельскохозяйственным специальностям и производственных профессий: *скирдовальщик*, *печатник*, *гуртильщик*, *веяльщик*, *бороновальщик*, *оформитель*, *кондуктор*, *экспедитор*, *рецептар*, *свинарь*, *секретарь*, *радист*, *ручник*, *стендист*, *телеграфист*, *телефонист* и т. п.

Мастером называют работников мелких производств: *скобарь*, *бочар*, *эмальер*, *жестяник*, *изрушечник*, *кадушечник*, *кастрюльник*, *корытник*, *ободник*, *печник*, *рогожник*, *саннык*, *шляпник*, *шорник*, *шпалерник*, *шпорник*, *часовщик* и т. п.

Слово *специалист* фигурирует чаще всего при толковании названий профессий в области науки и техники: *фонетист*, *флорист*, *фольклорист*, *стеклографист*, *статистик*, *славянист*, *синтаксист*, *русист*, *пушкинист*, *ориенталист*, *моторщик*, *методист*, *криминалист*, *компаративист*, *дизелист*, *канализатор*, *составитель*, *обогачитель*, *флотатор*, *механизатор*, *прожекторист* и т. п.

Остальные обозначения используются в основном при толковании названий лиц, выполняющих работу как профессиональную, так и непрофессиональную.

Однако довольно часто мы встречаемся с нарушениями этих соотношений. Во-первых, названия производственных профессий толкуются с использованием всех перечисленных обозначений родового признака: *гуртильщик* — работник монетного двора, делающий гурт (ребро монеты); *термист* — специалист по термической обработке металла; *трансформаторщик* — мастер по изготовлению трансформаторов; *чистильщик* — человек, профессионально занимающийся чисткой чего-нибудь; *шихтовщик* — тот, кто занимается составлением, подготовкой шихты, и т. п. Во-вторых, некоторые определения содержат два обозначения родового признака: *шоссеец* — специалист, рабочий по строительству и обслуживанию шоссе; *электробурильщик* — рабочий, специалист по электробурению, и т. п. В-третьих, толкования некоторых слов содержат два родовых обозначения в качестве самостоятельных значений или их разновидностей: *теребильщик* — 1) тот, кто теребит ручную лен, копоплю; 2) рабочий, обслуживающий теребильную машину; *сновальщик* — тот, кто делает основу для ткани (рабочий на сновальной машине); *стереотипер* — рабочий типографии, специалист по изготовлению стереотипов, и под.

Видовой признак при толковании названий профессий вызывает возражения в тех случаях, когда в качестве спецификатора используются обстоятельственные отношения: *регенераторщик* — специалист, работающий у регенератора; *насосчик* — рабочий при насосе; *муфельщик* — рабочий при муфелях; *мотовильщик* — рабочий при мотовиле, и т. п.

На наш взгляд, эти толкования не всегда точно отражают характер профессии. Например, слово *пультовщик* может быть истолковано как 'рабочий у пульта', так как функция специалиста сводится к наблюдению за приборами и именно нахождению за пультом управления. Профессия же, например, *горновой* не носит наблюдательного характера и требует нахождения рабочего непосредственно у горна, а там, где полагается по технологии плавки. Поэтому более точным толкованием лексического значения этого слова было бы 'рабочий, обслуживающий горн', как и *регенератор* — 'рабочий, обслуживающий регенератор', *насосчик* — 'рабочий, обслуживающий насос', и т. п.

Следовало бы установить модели толкований названий лиц по профессии общелитературного языка. Нам представляется возможным определить уже сейчас некоторые из них:

1) по отношению к названиям производственных профессий взять за основу родовой признак — 'рабочий';

2) по отношению к обобщенным названиям по отрасли производства и к работам в сельском хозяйстве взять за основу родовой признак — 'работник';

3) по отношению к названиям профессий в области науки и техники взять за основу родовой признак — 'специалист'.

Родовой признак, выраженный предельно широко — 'тот, кто', 'человек', 'лицо', — оставить для названий непрофессиональных деятелей.

Если то или иное название профессии может употребляться в разных специальных областях и в обиходе, отметить эти употребления как разные значения слова. Например: *составитель* — 1) 'тот, кто составляет, создает что-л.'; 2) 'специалист по составлению, формированию железнодорожных составов'; 3) 'рабочий, занимающийся составлением каких-л. смесей, растворов, соединений'; *ретушер* — 1) 'тот, кто ретуширует', 2) 'специалист по ретуши'; 3) 'рабочий, занимающийся ретушированием'.

Следует учесть и еще два фактора.

Во-первых, тенденцию к обобщению профессий, отмеченную В. П. Даниленко.⁵ Так, для работников транспорта в качестве родового использовать наименование с широким профессиональным значением — *водитель*, для работников химической промышленности — *аппаратчик*. Можно предположить целесообразность толкований целого ряда названий профессий производственной об-

⁵ Словообразование современного русского литературного языка. Гл. 5, § 93. М., 1968, с. 132—133.

ласти через обозначение родового признака численно небольшим количеством наименований с широким профессиональным значением: *наладчик, аппаратчик, автоматчик, моторист, машинист, монтажник, оператор*. Таким образом, распространяющиеся в настоящее время аналитические наименования могли бы войти в словарную статью толкового словаря.

Во-вторых, при построении определений терминов — названий профессий следовало бы учесть тенденцию к называнию рабочего по технологическому процессу.⁶ В качестве спецификатора при толковании профессий в производственных областях использовать там, где это возможно, указание на характер труда: *белильщик* — рабочий, занимающийся б е л е н и е м, о т б е л к о ю или п о б е л к о ю ч е г о - л.; *варильщик* — рабочий, занимающийся в а р к о й ч е г о - л.; *воронильщик* — рабочий, занимающийся в о р о н е н и е м; *выдувальщик* — рабочий, занимающийся в ы д у в а н и е м стеклянных изделий, и т. п.

Таким образом, толкование лексических значений названий лиц по профессии должно быть построено по моделям, учитывающим сегодняшнюю лексикографическую практику и предполагаемое развитие данной группы слов.

Проводимая в рамках международных организаций работа по созданию стандартной классификации профессий⁷ требует более строгого толкования названий лиц по профессии и в национальных словарях общенародного литературного языка.

Л. В. М А Л А Х О В С К И Й

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ТЕРМИНЫ В ОБЩЕМ СЛОВАРЕ: ПРИНЦИПЫ ОТБОРА И ТОЛКОВАНИЯ

(на материале английской лексикографии)

Слова специальной терминологии доставляют составителю толкового словаря немало трудностей. Первое, с чем сталкивается составитель, это вопрос о том, как из огромного числа терминов, используемых в разных специальных областях, выбрать те, которые должны быть включены в данный словарь. Наблюдающееся в последние десятилетия массовое проникновение научно-технической терминологии из языка узкоспециальных отраслей в общенародный язык делает решение этого вопроса все более и более затруднительным.

Надо сказать, что вопрос этот не всегда стоял так остро, как теперь. Составители английских толковых словарей XVIII—начала XIX в., стремясь как можно полнее отразить в своих изданиях словарный состав языка своего времени, старались включать

⁶ Социалистический труд, 1967, № 3, с. 54.

⁷ Социалистический труд, 1966, № 7, с. 144—145.

в словарь все известные им редкие слова, в том числе и узкоспециальные термины. Речь, таким образом, шла не о том, чтобы отсеивать узкоспециальные слова, а о том, чтобы не упустить из виду ни одного из них. Задача эта тоже была не из легких, поскольку специальных терминологических словарей в ту пору еще не существовало, а на страницы художественных произведений, откуда составитель мог черпать материал для своего словаря, специальные термины обычно не попадали, и полнота словаря зависела главным образом от эрудиции самого составителя.

Знаменитый английский лексикограф середины XVIII в. Сэмюэль Джонсон писал: «Я должен честно признать, что многие... термины в моем словаре отсутствуют, но я могу смело утверждать, что этот недостаток был неизбежен: я не мог спускаться в рудники, чтобы изучить язык шахтера, или отправляться в путешествия, чтобы лучше познакомиться с диалектом мореплавателей, или посещать склады купцов или мастерские ремесленников, чтобы узнать названия товаров, инструментов и действий, которые в книгах не упоминаются».¹

В наши дни составителю нет пужды «спускаться в рудники». К его услугам — многочисленные терминологические словари и богатейшие картотеки с примерами употребления слов специальной терминологии как в специальных изданиях, так и в научно-популярной, публицистической и художественной литературе. Задача теперь в том, чтобы выработать принципы отбора специальных терминов и установить четкие критерии их допуска в общий словарь.

Особенно серьезные трудности возникают при решении вопроса об отборе специальных терминов в большой толковый словарь. В малых словарях почти весь словник занимают слова общеупотребительной лексики, и на долю специальных терминов остается очень небольшая его часть. Естественно, что из слов специальной терминологии туда смогут попасть лишь наиболее употребительные, широко представленные в источниках неспециального характера.

Иначе обстоит дело с большими словарями. Словник обычного «настольного» словаря (desk dictionary), широко применяемого в настоящее время в США, насчитывает 120—150 тыс. слов;² словари, рассчитанные для использования в библиотеках и учреждениях, содержат по 200—250 тыс. слов,³ а число слов в так называемых полных («unabridged») толковых словарях английского языка достигает полумиллиона.⁴ Очевидно, что количество слов

¹ Цит. по: Burchfield R. W. Some aspects of the historical treatment of the twentieth century vocabulary. — In: Tavola rotonda sui grandi lessici storici. Accademia della Crusca. Firenze, 1973, p. 34.

² Например: Webster's seventh new collegiate dictionary. Springfield, Mass., 1971.

³ См., например: The Random House dictionary. N. Y., 1971.

⁴ См.: Webster's third new international dictionary of the English language. Unabridged. Springfield, Mass., 1961; Funk and Wagnalls' new standard

в таких словарях во много раз превосходит объем общеупотребительной английской лексики, и большая часть словника оказывается представленной словами узкоспециального характера.

Согласно подсчетам американского профессора Ремзи (R. L. Ramsay), объем «рабочего» словарного запаса английского языка, т. е. количество слов, которые могут встретиться любому грамотному человеку и относительно которых у него могут возникнуть вопросы, касающиеся их правописания, произношения, значения, происхождения и т. п., составляет около 250 000.⁵ Объем проектируемого Нового академического словаря русского языка — около 300 000 слов. Отсюда ясно, что вопрос о принципах рассмотрения слов специальной терминологии в толковом словаре является в настоящее время весьма актуальным.

К сожалению, составители упомянутых больших словарей очень мало высказываются о том, чем они руководствовались при отборе специальных терминов в словарь. Поэтому я ограничусь здесь лишь изложением некоторых своих наблюдений над Большим Оксфордским словарем, вышедшим в 1933 г. (его словник насчитывает около 450 тыс. слов) и опубликованным первым томом «Дополнения» к этому словарю — грандиозного издания, задуманного в 4 томах общим объемом свыше 2000 авторских листов.⁶

В предисловии к Большому Оксфордскому словарю говорится, что подход к словам научно-технической терминологии был различным в зависимости от степени ассимилированности слова английским языком. Из слов «английских по форме», т. е. ассимилированных, включались все, кроме тех, объяснение которых может быть понятно лишь специалисту. Из слов неассимилированных включались либо общеупотребительные (например, hippopotamus 'бегемот', geranium 'герань' и т. п.), либо принадлежащие к числу наиболее известных научных терминов (например, mammalia 'млекопитающие', invertebrata 'беспозвоночные' и т. п.).⁷

Фактически же правила эти составителями соблюдались не всегда. Анализ словника показал,⁸ что в словарь попало очень много терминов, которые носят узкоспециальный характер и не удовлетворяют критериям, изложенным в предисловии. К тому же в процессе работы над словарем критерии эти постепенно менялись. Так, если в первых выпусках словаря отсутствовали родо-

dictionary of the English language. N. Y., 1962; The Oxford English dictionary... on historical principles. Ed. by J. A. H. Murray et al. 12 vols. and Supplement. Oxford. At the Clarendon Press, 1933.

⁵ См.: Barnhart C. L. Problems in editing commercial monolingual dictionaries. — In: Problems in Lexicography. Bloomington. Ind., 1962, p. 162.

⁶ A supplement to the Oxford English dictionary. Ed. by B. W. Burchfield, Vol. I, A—G. Oxford, At the Clarendon Press, 1972.

⁷ The Oxford English dictionary... Vol. I, XXVIII.

⁸ См.: М а л а х о в с к и й Л. В. Оксфордский словарь английского языка (1884—1933 гг.). Анализ принципов построения. Автореф. канд. дисс. Л., 1954.

вые названия растений и животных, а также новые (для того времени) названия болезней, то в последующие выпуски подобные слова уже допускались. В результате в словаре имеется, например, слово *bronchitis* 'бронхит', но нет слова *appendicitis* 'аппендицит', и его пришлось дать в новом «Дополнении», с опозданием на 80 с лишним лет.

Если и в основных томах Большого Оксфордского словаря можно было встретить очень много узкоспециальных научно-технических терминов, то насыщенность словника «Дополнения» подобными словами еще более велика. Объясняется это не столько проникновением слов научно-технической терминологии в общелитературный язык, сколько изменением критерия допуска терминов в словарь и расширением круга источников, используемых для их отбора. Если раньше в словарь не допускались слова «непонятные для неспециалистов», то теперь это ограничение снято, а в качестве источников используется не только художественная, научно-популярная и публицистическая литература, но и статьи из специальных научных журналов, тексты учебников и т. п. Более того, очень многие термины, внесенные в «Дополнение», подтверждаются только специальными научными изданиями (монографиями или статьями в научных журналах) или терминологическими словарями.

В результате всех этих изменений «Дополнение» оказалось перегруженным узкоспециальными терминами, например *calutron* (физ.), *camerostome* (зоол.), *caprolactam* (хим.), *Entscheidungsproblem* (мат., лог.), *falso bordone* (муз.), *ganglioside* (био-хим.) и мн. др.

Несколько изменился и характер толкования специальных слов. Элемент энциклопедизма, и раньше игравший значительную роль в толкованиях, еще более усилился. Вот несколько типичных примеров.

Dibenzanthracene («дибензантрацен»). Хим. Любой из нескольких углеводородов, производных от антрацена, с молекулярной структурой, состоящей из пяти соединенных бензольных колец и формулы $C_{22}H_{14}$; в частности 1-, 2-, 5-, 6-дибензантрацен — бесцветное кристаллическое соединение, присутствующее в каменноугольной смоле и табачном дыму и имеющее канцерогенные свойства.

Fugue («фуга») *sb.* 2. *Психиатр.* Бегство от своего «я», часто выражающееся в переезде в какую-либо бессознательно желаемую местность. Оно представляет собой диссоциативную реакцию на шок или эмоциональный стресс у невротического индивидуума, во время которой сознание собственной идентичности отсутствует, хотя внешнее поведение может казаться разумным. По выходе из этого состояния память о событиях, происходивших в это время, полностью угнетена, но может перейти в сознание под воздействием гипноза или психоанализа. Фуга может быть частью эпилептического или истерического припадка.

Приведенные примеры достаточно ясно показывают, что составители «Дополнения» заботились не столько о «понятности определения неспециалисту», сколько об их научной точности и максимальной информативности.

Сильный уклон в сторону энциклопедизма, наблюдаемый в дополнительном томе Оксфордского словаря, в значительной мере объясняется, вероятно, еще и тем обстоятельством, что определения специальных терминов писались не лексикографами, а состоявшими в штате редакции специалистами по различным отраслям науки и техники. В связи с этим мне хотелось бы высказать некоторые соображения относительно того, какая роль должна принадлежать специалистам в работе со словами специальной терминологии в толковом словаре.

Последнее время часто дискутируется вопрос: могут ли лексикографы-филологи, не знакомые с системой понятий в той или иной области научных знаний, квалифицированно заниматься решением задач, связанных с отбором узкоспециальных слов и толкованием их в словаре, не следует ли предоставить решение этих задач специалистам? Подобное предложение выдвигалось, в частности, не так давно представителями редакции русских словарей издательства «Советская энциклопедия».

Мне кажется, что предложение это не учитывает главного — того, что речь идет не о терминологическом словаре и не об энциклопедии, а о толковом словаре общенародного языка. Если в терминологическом словаре желателен максимально полный охват терминологии данной конкретной области и исчерпывающее, точное и логически последовательное описание сложившейся в этой области системы научных понятий, то задача толкового словаря состоит в том, чтобы описать лексико-семантическую систему общенародного языка в том виде, в каком она существует в данном языковом коллективе. Замечание Л. В. Щербы о том, что толковый словарь не должен «навязывать общему языку понятия, которые ему вовсе не свойственны»,⁹ не утратило своего значения и до сих пор.

В толковый словарь должны допускаться только те слова, которые входят в реальный (или потенциальный) фонд речевого общения каждого носителя языка, и толковаться они должны именно в том значении, в каком они фактически используются в общем языке, т. е., в терминологии Л. В. Щербы, в своем наивном — «обывательском» — значении.¹⁰

Отсюда следует, во-первых, что из числа слов, представленных в том или ином терминологическом словаре, в толковый словарь войдут не все, а лишь те, которые перешигнули за пределы данной узкой области и стали — в большей или меньшей сте-

⁹ Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1940, № 3, с. 100.

¹⁰ Там же.

цепи — достоянием общепародного языка. Определить, какие это слова, и выработать критерии, позволяющие установить факт их принадлежности к общему языку, — дело лексикографа-филолога, хорошо знакомого с лексико-семантической системой данного языка и тонко ощущающего элементы, чуждые этой системе. Специалист же не может полагаться в этом вопросе ни на свои лингвистические познания, которые у него, как правило, недостаточно велики, ни на языковую интуицию, поскольку она блокирована его принадлежностью к узкому профессиональному коллективу, для которого актуальны все термины данной области.

Из принципиального различия между терминологическим и толковым словарем следует, во-вторых, что толкование терминов, допускаемых в толковый словарь, должно строиться на иных основах, чем в специальном словаре. Лексикограф должен найти место толкуемого слова в общей лексико-семантической системе языка, выявить его парадигматические (синонимические, антонимические, словообразовательные и иные) отношения и синтагматические связи и дать ему определение в соответствии с общими принципами толкования слов. Все это выходит за пределы компетенции ученого-нелингвиста, который, в силу своих профессиональных знаний, будет всегда стремиться описать не столько значение слова-термина в общем языке, сколько содержание соответствующего научного понятия.

Значит ли это, что специалисты-нефилологи вообще не должны участвовать в работе по составлению толкового словаря? Конечно, нет. Без помощи специалиста ни один лексикограф, ни один составительский коллектив не сможет разобраться в том море информации, в той сложнейшей системе научных понятий и терминов, которые возникли теперь в каждой отрасли знаний. Специалисты давно уже привлекаются составителями больших толковых словарей — как у нас, так и за рубежом — в качестве консультантов по вопросам отбора и толкования специальных терминов. Однако решающее слово в этих вопросах всегда оставалось и должно оставаться за составителями словаря — лексикографами-языковедами. Предоставление специалистам составительских прав может, как мы видели, приводить к гипертрофии узкоспециального компонента словника и к чрезмерному усилению энциклопедического элемента в толкованиях.

В. В. ЗАМКОВА

К ВОПРОСУ ОБ ОПИСАНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В ИСТОРИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ

(на материале словаря русского языка XVIII в.)

Любой толковый словарь литературного языка всегда в той или иной степени содержит в своем составе специальную, терминологическую лексику. Не составляют в этом отношении исклю-

ченпя и исторические толковые словари, хотя отбор и описание терминологической лексики в них имеют свои особенности в зависимости от того исторического периода, который охватывает словарь, от характера используемых источников, а также от принципов построения исторического словаря.

Представляется необходимым прежде всего определить сам объект описания — историческую терминологию, отграничив и выделив ее среди других лексических пластов. Историческая терминология — это часть исторической лексики. Термин «исторический» по отношению к лексике дает возможность рассматривать эту часть словарного состава как такую, которая относится к истории языка, к его прошлому, по отношению к выбранному для описания в историческом словаре состоянию языка. Однако состав исторической лексики неоднороден. С одной стороны, сюда принадлежит лексика, устаревшая для последующего периода развития языка. Определяющим признаком для выделения устарелой лексики служит факт замены старого слова новым без изменения его содержания, при условии, что понятие, заключенное в слове, остается неизменным как для языкового состояния, описываемого в словаре, так и для языкового состояния предшествующей эпохи. Например, устарелыми для русского языка XVIII в. будут древнерусские и старорусские слова, называющие: 1) наименования месяцев года: *сечень* 'январь', *цветень* и *травень* 'апрель', *паздерник* 'октябрь', *листопад* 'ноябрь', *студень* 'декабрь', 2) наименования родства: *братанич*, *нетий* и *сыновец* 'племянник', *вибий* 'зять', *свесть* 'свояченица'; 3) названия различных орудий: *копаница* 'заступ', *кружало* 'циркуль', *лыскарь* 'лопата', *матрель* 'ступа'; 4) названия лиц по роду занятий, по их физическим и духовным качествам: *пушояр* 'скорняк', *орач* 'пахарь', *мелец* 'мельник', *мовник* 'банщик', *манзер* 'стеклодув', *лечец* 'лекарь', *литец* 'литейщик', *крадца* 'вор', *лотыга* 'мот', *могутник* 'силач', *безмолвник* 'пустынный', *изветник* 'доносчик' и пр.; 5) названия свойств, качеств: *васнивый* 'сварливый', *срамяжлив* 'стыдливый', *клосный* 'хромой', *молчальный* 'безмолвный' и пр.; 6) названия действий: *вадити* 'приманивать', *изручать* 'выручать', *лживеть* 'лгать', *лучити* 'приобретать', *мотчати* 'медлить' и пр. Среди устарелой лексики может быть также и терминологическая лексика, например для XVIII в. древнерусские и старорусские названия животных, растений, металлов, минералов, терминов ремесла, литературы и др.: *веверица* 'ласка', *кос* 'скворец', *кур* 'петух', *леща* 'орешник', *ночница* 'летучая мышь', *лал рублин*, *вириша* 'рифма', *ценина* 'фаянс' и пр.¹

Такого рода лексика по отношению к языку XVIII в. является устарелой, она не зафиксирована памятниками этого периода, в Словаре Академии Российской такого рода лексика квалифици-

¹ Мы здесь не затрагиваем вопроса о причинах лексических смен, требующего специального рассмотрения.

руется как старинная и иллюстрируется цитатами только из памятников древнерусской и старорусской письменности. В исторический словарь XVIII в. подобная лексика в принципе включению не подлежит. Она является предметом описания древнерусских и старорусских словарей.

Среди лексики, относящейся к историческому прошлому языка, существует и другого рода лексика (которую в отличие от устарелой назовем собственно исторической), обозначающая реалии, гражданские установления, общественный строй и прочие атрибуты более ранней эпохи по отношению к той, которая отражена в данном историческом словаре. Эта лексика не имеет равнозначных эквивалентов в языке избранного для описания исторического периода, так как называемые ею реалии также отсутствуют в жизни того исторического состояния народа, язык которого является объектом описания исторического словаря. Так, для исторического словаря XVIII в. такой исторической лексикой будут древнерусские и старорусские слова, относящиеся к областям 1) права: *бессудная грамота, вдовье, десятина, дымовое, картама, копейщина, кормление, крестное целование (присяга)* и пр., 2) гражданского состояния: *вязень, дружина, деловые люди, захребетник, смерд, людин*, 3) административной: *дворский, дворовый воевода, дозорная книга, думный дворянин, дьяк, зазывная грамота, земская изба, санничей, скатертник, мостовой голова* и пр., 4) военного дела, различного рода доспехи: *баталык, бахтерец, колонтарь, кольчуга*, виды оружия: *гаковица, затинная пищаль, картаун, мултан* и др., 5) судоходства, разные виды судов: *кербат, мишан, садалец, комяга, тара, ушкуй, насад* и т. д. Отбор исторической лексики для любого исторического словаря зависит от культурно-исторического значения слова и того понятия, которое в нем заключено, а также от состава и характера источников данного словаря. Историческая лексика всегда относится к той или иной специальной сфере жизни и деятельности общества в прошлом, поэтому она по своему существу терминологична. Следовательно, эту лексику в вышеуказанном понимании можно одновременно считать исторической терминологией.

Итак, исторической терминологией мы называем лексику, относящуюся к любой специальной сфере деятельности общества в прошлом и не имеющую равнозначных эквивалентов в языке описываемого исторического периода. Однако существует и другой аспект этой проблемы, который должен учитываться современным составителем исторического словаря, — это отношение исторического и современного состояния языка и его словарного состава. Часть терминологии какого-либо периода, являющаяся для него современной и актуальной, для нынешнего состояния языка является исторической как в отношении обозначаемого ею явления, так и по сущности раскрытия того понятия, которое заключено в том или ином термине. Подобные явления особенно характерны для терминов науки и техники. В связи с тем, что именно

в области науки и техники происходят с течением времени значительные изменения, отражающие движение вперед человеческой мысли и прогресс в области знаний, объем понятий, заключенный в специальном слове, может изменяться, в результате чего историческое содержание термина может не совпадать с современным.

Исторический словарь должен отразить и эту сторону развития исторической терминологии.

Посмотрим, как указанные выше положения могут быть отражены при описании исторической терминологии в словаре русского языка XVIII в. Для истории русского языка период XVIII в. был весьма важным этапом, на протяжении которого шел интенсивный процесс сложения литературного языка в его современном состоянии, еще не заверченный к концу века во всех его звеньях. К этому периоду относится формирование отличных от русского средневековья новых терминологических систем. Значение терминологии на всем протяжении развития русского языка XVIII в. все возрастает, научная, техническая, политическая, культурная терминология становится неотъемлемой частью языка образованных представителей общества. Возникновение новых отраслей промышленности, развитие техники, бурный рост науки — все это вызывало к жизни новые, неизвестные ранее терминологические системы. Развиваются и обогащаются научные и технические стили языка, в которых специальная лексика занимает важное место. Все эти процессы происходили в тесном взаимодействии нового со старым, использованием старого для выражения новых понятий, сосуществованием старых и новых форм языкового выражения. В области специальной лексики наблюдается многоименность, отражающая поиски и закрепление термина. Исследования последних лет в области истории русской терминологии убедительно это доказывают.²

Исторический словарь XVIII в. должен и может показать по мере возможности историческое движение термина в течение века так, как оно отразилось в литературном языке. Проект словаря предусматривает такую возможность для всего словарного состава, когда выдвигает следующее положение: «В словаре отмечаются... вхождение слова в употребление, нарастание его употребительности или ограничение его употребительности, выход слова из употребления».³

Выше уже упоминалось, что устаревшая терминология, не отраженная источниками XVIII в. и приведенная в Словаре Академии Российской с пометой «старинное», в словарь XVIII в. в принципе попадать не должна. Иначе должно обстоять дело с лексикой устаревающей, но еще имеющей место в специальных сочинениях этого периода, обычно сосуществующей вместе

² См.: К у т и н а Л. Л. 1) Формирование языка русской науки. М.—Л., 1964; 2) Формирование терминологии физики в России. М.—Л., 1966.

³ Проект словаря русского языка XVIII века (в печати).

с лексикой новой, впервые попадающей в русский язык именно в XVIII в. Приведем некоторые примеры.

В анатомической науке исследуемого периода можно проследить становление закрепившихся в дальнейшем терминов, которые сосуществуют со старой терминологией. Примером подобного бытия могут служить составные термины со словом *жила*. Само слово *жила* имело в это время весьма широкий круг употреблений, что отмечает переводчик статьи из Энциклопедии: Ничто так в Русской Апатомии не находится неограниченно, как слово *жила*. Жилою называется *tendo*, жилою *nervus*, жилою *arteria*, жилою *vena*, а различаются только описанием крововозвращательные, бьющая, чувствительные и сухие (ПЭ, III, 59—60).⁴ В Словаре Академии Российской *жила* определена следующим образом: В телоразъятельной науке так называется всякой сосуд, кровь и другие соки в себе содержащий, так и концы мышц, коими те утверждаются. Следовательно термин *жила* обозначал артерию, вену, сухожилие и нерв. Однако с самого начала века имели место составные термины для различения этих понятий: *жила бьющая* (или *бьющаяся*, *бючая*) — артерия, *крововозвратная* (или *крововозвращательная*), *жила* — вена, *жила чувствительная* — нерв. Заимствованные латинские термины, ставшие интернациональными, вошли в русский язык именно в XVIII в.⁵ Все они употребительны в литературе этого периода наряду с терминами старыми: Артерия, *жила бьющаяся*, или *которою кровь от сердца во все части тела разливается* (ПЭ, III, 59—1767 г.). Термин *нерв* впервые фиксируется в источниках в 1718 г.⁶ и встречается наряду с термином *жила чувствительная*: Сок нервов или жил чувствительных (Зыб., 1777, 23). Позднее, во второй половине века, приходит в русский язык термин *вена*. В источниках XVIII в. термин *вена* встречается не часто и лишь в конце века, например: Кровь обращается в артериях и венах (Рдщв. Чел., 35). Большее распространение имеет еще старый термин *крововозвращательная* (крововозвратная) *жила*: Жила крововозвращательная, или крововозвратная (Росп. сл., 310). Также на всем протяжении века сосуществуют в анатомии два термина — *пасока* и *лимфа*.⁷ Термин *пасока* находим в словарях (в САР: Пасока. реч. медицинское. *Limpha* — при отсутствии в нем статьи *Лимфа*), также и в других сочинениях: Пасока (лимфа) (Апат. Г., XXX); Как желчь густая, так и пасока для тела не питательна (Зыб., 1777, 23). Заимствованный термин *лимфа* появляется в первой трети века в «Описании комментариев Академии наук» 1728 г., где наряду с русским написанием (Обо-

⁴ Все сокращения источников даны по Указателю источников Словаря русского языка XVIII в. (готовится к печати).

⁵ См.: Биржакова Е. Э., Воинова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л., 1972.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

его рода соки, то есть ради первого хля и второго лимфы) еще встречаем в качестве глоссы латинское написание (А кровавая вода * на поле *limpha* — с. 75). В конце века термин *лимфа* получает широкое распространение. Из астрономических терминов одновременно употребляются в первой трети века *планета* и *блудящая звезда*: Звезды блудящие суть планеты (Зерц. ест., 68); О планетах или блудящих звездах (Уч. II., 41); Звезды блудящие или планеты (Сокр. мат., II, 2); Халдеи считали комету между планетами или блудящими звездами (Прим. Вед., 1733, 36). Но уже в середине века термин *блудящая звезда* перестает встречаться в источниках, а в САР читаем: Блудящая звезды. Так называли в старину планеты. В области физики известны с середины века термины *электрическая сила* и *электричество*. В САР зафиксирован лишь термин *электрическая сила*, определенный следующим образом: Вообще означает действие вещества весьма текучаго от всех жидких известных тел, имеющая способность сообщаться почти со всеми телами, но с иными более, а с другими менее, движущаяся с необыкновенною скоростию и производящая своим движением весьма странные явления. Термин *электрическая сила* встречается во многих научных сочинениях, начиная со второй половины XVIII в.: в «Рассуждениях о человеческом познании» Козельского (1788), «Известиях об ученых делах» (1763), в речах Гирцеля, в сочинениях Ломоносова, Эпинуса, Котельникова и др. Термин *электричество* встречаем реже, но совершенно в том же значении: Физика есть гадатьльствовать способ, коим магнит привлекает к себе железо, и называть электричеством некоторых тел оное свойство, которым, когда они чрез трение разогреются, легкия тела притягивают к себе довольно чувствительным образом (Трд., СП, II, 22); Трение, возбуждая пекую силу, приводит ее в такое действие, что она легкие тела притягивает и отталкивает, сию в теле обитающую силу называют электричеством (Электр. оп., 4).

Как лекарственный термин употребительны в XVIII в. словосочетания *целительные воды* и *минеральные воды*,⁸ например: Целительные или минеральные воды называются те, которые под землею заимствуют различную силу от минералов, к здоровью поспешающую (Геогр. полит., I, 2).

Для названия клубня растения существовало несколько терминов — *земляное яблоко* (или *груша*), а также пришедший в русский язык через немецкое посредство термин *картофель* (с вариантами *тартуфель*, *картуфель*), например: Сей род земляных яблоков, которые и земляными грушами, а во иных местах тартуфелями и картуфелями называют (ПСЗ, XVII, 142); В Па-

⁸ Сочетание *минеральные воды* появилось в начале XVIII в. В указанной книге Е. Э. Биржаковой, Л. А. Воиновой, Л. Л. Кутной оно датирована 1718 г. Сочетание *минеральные воды* впервые встретилось нам в Архиве Куракиных под 1728 г.: по бутылки воды минеральной пил (АК, III, 23).

риже дознал некто опытом лечебные свойства земляных яблоков или картофелей в обжогах (ЭС, I, 266).

При параллельном существовании старого и нового термина исторический словарь XVIII в. имеет возможность показать историческое движение их на протяжении века, при помощи различных условных знаков.

В кругу исторической терминологии, являющейся предметом описания историческим словарем XVIII в., можно выделить две основные группы, различающиеся как в отношении исторической перспективы, так и в отношении к понятию, ими выражаемому. К первой группе относится терминология, являющаяся исторической не только по отношению к современному литературному языку, но и по отношению к языку XVIII в., например терминология древней Руси, античности, средневековой Европы. Сюда можно отнести названия древних народов, предметов их быта, культуры, государственных учреждений, должностей и пр. Главную трудность для составления словаря XVIII в. представляет отбор подобного рода терминологии при включении в словарь.

Ориентируясь при составлении словаря на памятники этого времени, следует, однако, учитывать характер источника, учитывать, является ли он оригинальным или переводным. Важно также, относятся ли исторические термины к жизни русского общества или к жизни других народов. По отношению к историческим терминам, относящимся к жизни европейских народов, отбор должен быть более жестким, чем по отношению к историческим терминам, относящимся к русскому обществу, представленным в оригинальных сочинениях (например, Татищева, Ломоносова и др.). Учитывая большой вклад античных авторов в мировую культуру и распространенность переводов из них в России XVIII в., а также имея в виду справочный характер словаря, следует включить значительное количество терминов греческой и римской культуры в словарь этого периода, в особенности, если они получают на русской почве новое реальное и семантическое развитие. Например административный термин *сенат* в древнем Риме означал совет патрициев, осуществлявший власть олигархии, именно это учреждение имеется в виду в следующих оригинальных источниках: Еще в юнoшeствe своем Цицерон говорил в сенате столь дерзновенно против друзей Катилины (Кант. Сат. 29); Сенат римский около году прежде Рождества Христова послал геодезов и географов в разные страны земли (Геогр. ген. 6); Калигула! Твой конь в Сенате Не мог сиять, сияя в злате, Сияют добрые дела (Држ., Соч., I, 210). В России XVIII в. сенат — это учрежденный Петром высший административно-распорядительный орган по текущим делам управления. Такого рода сенат имеется в виду в следующих текстах: Тогда Климентов говорил: подай-де па него в сенат доношение (Магн., ДТ, 39); Во второй день ново-выбранному Сенату и Губернаторам учинены присяги в том же

Успенском соборе (ПЖ, 1711, 4); Верховное правительство в России есть Сенат (Рдц, III, 166). Что касается определений этой группы исторической лексики в словаре XVIII в., то в них должны отразиться те основные признаки, которые заключены в попятии термина и преломлены в представлении посетителей языка этого времени (т. е. отражены в словарях и сочинениях). Необходимо также по возможности отразить в определении, к какому историческому периоду или культуре относится определяемый термин.

Вторая группа терминов, отраженных источниками, является исторической лишь по отношению к современному литературному языку, а для языка XVIII в. такого рода терминология является актуальной. При составлении словаря здесь встает такой важный вопрос, как выражение в определении того объема попятия, которое имел в исследуемый период тот или иной термин. В литературе находим целый ряд таких терминов, которые не отражают современных научных представлений, но имевших на том историческом отрезке времени и уровне науки совершенно определенное содержание, широко известное всем образованным людям того времени. Сюда относятся научные термины, вышедшие из употребления в современном языке как не соответствующие уровню развития современной науки.

Во многих научных сочинениях, относящихся к области естественных наук, существовал термин *полуметалл*. Этот термин отражал существовавшую классификацию природных тел на металлы, полуметаллы и минералы. Полуметалл противопоставлялся металлу на основании отсутствия у полуметалла свойства ковкости. Ломоносов и другие ученые определяли полуметаллы и их разновидности следующим образом: Полуметаллы пмянутся те, что вид иногда же и крепость металлическую имеют и огнем в течение приводятся, но коваться не могут (Тат., Сибирь, 70); Ртуть есть жидкий полуметалл (Бишинг, Геогр., 47); Предметом минералогии судя по точному значению слова должны бы быть одне только руды, то есть: металлы и полуметаллы (Теряев, Краткое рассуждение о минералах, I). В зависимости от представления о полуметалле находим и определение его в САР. К такого же рода историческим терминам принадлежит и физический термин *теплотворная материя*, чем объяснялось явление теплоты: Из чего явствуует, что теплота и без воздуха распространяется, и следовательно есть материя, которая воздуха много тончае, и в которой движении теплота состоит, мы станемся называть теплотворною материею (В. физ. (Лом.), 6, 3). Термин этот является важным для научных представлений XVIII в., и он должен быть включен в исторический словарь с соответствующим комментарием. Слово *эфир* в специальной литературе отражало физические представления, унаследованные из античности и средневековья, когда полагали, что это особая тончайшая материя, заполняющая все пустое пространство, и объясняли через это понятие многие фи-

зические свойства тел. Такое понимание эфира как термина физики отражено в САР: Эфир. Тончайшая стихия, о которой полагают, что она все пространство мира наполняет. Слово *эфир* уже в XVIII в. освоено общим литературным языком, где оно вступает в синонимические отношения со словами *небо* и *воздух* и часто используется в поэзии: Что се! средь дня в эфире блещет сложенный из созвездий крест (Птрв, 184); Сквозь ясность тихого эфира, Дары златаго вскрылись мира (Птрв, 87); Подвиглись радостью земля, моря, эфир, Петр шествовал во град, Елисавета в мир (Лом., СС. I, 74). Терминологическое значение слова *эфир* в историческом словаре XVIII в. следует определять с указанием на его историческую ограниченность.

Может быть и другой случай, когда термин сохраняется и в современном языке, но содержание его иное в результате расширения знаний в данной области или перенесения термина на другой объект, например в XVIII в. в области естественных наук отсутствовало представление о трех агрегатных состояниях тел, физика и химия того времени различали лишь твердые и жидкие тела, газы также считались жидкостями. Такое понимание отразилось в научной литературе при описании понятий газ и воздух.

Приведем некоторые иллюстрации определения воздуха в науке XVIII в.: Наш земный глобус окружен весь жидкою и светлою материею, которая называется воздух и всем на земле находящимся животным тварям к содержанию их жизни так надобна, как рыбам вода (Прим. Вед., 1734, 121). Натура к великим и многочисленным делам употребляет зыблющееся движение жидких тел, каков есть воздух (Лом., СС, I, 336). Газы также представлялись воздухообразным и парообразным веществом, т. е. жидкостью: Есть тела (ибо и жидкость суть тело), осязанию не подверженные... как то огонь, воздухообразные вещества или газы (Рдщв, Чел., 146); Ныне называют газом всякой род невидимых паров, которые могут разрушать электрическую силу воздуха, погашают огонь и проч. (Крм, ДВ, 146). Такое научное представление о воздухе и газе нашло выражение в определении их САР: Газ. В химии означает совершенно невидимое, весьма упругое жидкое, воздухообразное тело, которое от теплоты расширяется или становится реже, а от холода сжимается, по оным ни в твердое, ни в капающее тело превращено быть не может, оно заключается с удобностию в стеклянные сосуды, в которых свойств своих не теряет.

В современном русском литературном языке термин *патент* — свидетельство, удостоверяющее исключительное право на какое-либо изобретение. В XVIII же веке патент это также свидетельство, документ, но на получение чина, должности. Именно так определяет его САР: Патент. Грамота, свидетельство на чины за подписанием государя или правительства с приложением государственной печати. Об этом же его значении свидетельствуют мно-

гочисленные источники на всем протяжении века: Надлежит дворянских детей в коллегиях производить с пизу. А имянно, перво в коллегии Юпкеры, ежели ученые и освидетельствованы от коллегии, и в сенате представлены, и патенты получили (ТР, 13); Знаешь ли ты молокосос, что я имею патент, которым повелевается признавать меня и почитать за доброго, честного титулярного советника (Живоп., 241); Министр прислал каждому из нас патент на чин и паспорт (Папт. ин. сл., III, 203). Кроме того, патентом в конце XVIII в. называли свидетельство о принадлежности к масонской ложе: В Лионе основал он главную ложу, под именем побежденной мудрости, и каждой из членов ея получил от него патент (МЖ, 1792, V, 260). При подобном изменении сферы распространения термина в современном языке по сравнению с языком XVIII в. также необходимы в историческом словаре соответствующие указания.

Мы не вменяли себе в обязанность строгую регламентацию при описании исторической терминологии. Нашей задачей являлось лишь указание на два аспекта рассмотрения исторической терминологии — отношение ее к предшествующему для словаря XVIII в. состоянию языка и отношение к современному языку. Определения значений исторических терминов следует, по нашему мнению, производить с учетом реальных представлений о содержании данного термина у представителей языка XVIII в. и указанием на отличительные особенности его функционирования для современного читателя исторического словаря.

Н. А. Б А С К А К О В

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА И ТЕРМИНОЛОГИЯ В НАЦИОНАЛЬНО-РУССКИХ СЛОВАРЯХ

(на материале тюркских языков)

При разработке состава словников для национально-русских словарей конкретных языков, при выписке слов из текстов в тех случаях, когда лексикографические источники ограничены, составители иногда недостаточно полно, а иногда и совсем не привлекают так называемую этнографическую лексику и терминологию, отражающую специфические для данного языка, иногда уже устаревшие, но крайне необходимые для чтения фольклора и этнографической литературы термины, отражающие старую материальную и духовную культуру данного народа.

Вместе с тем необходимость включения данного слоя лексики в состав словников национально-русских словарей диктуется широким ее использованием в старых памятниках письменности на данном языке или в устном героическом эпосе и других жанрах фольклора и литературы, чтение которых часто затрудняется тем, что данная отрасль лексики и терминологии отсутствует в неко-

торых даже больших нацпопально-русских словарях, иногда переполненных русскими заимствованиями, не нуждающимися в переводе на русский язык.

Необходимость включения этнографической лексики и терминологии подчеркивают и специальные лексикографические исследования, касающиеся состава словников национально-русских словарей. В своей обобщающей работе, посвященной опыту составления тюркско-русских словарей, А. А. Юлдашев так мотивирует обязательность включения этнографической лексики: «...во-первых, эти слова выражают реалии, не имеющие в данном языке иного обозначения, во-вторых, они отражают материальную и духовную культуру данного народа, в-третьих, среди этой терминологии больше всего встречаются редкие, ранее не зафиксированные слова, представляющие помимо всего историческую ценность, в-четвертых, что самое главное, эта лексика почти во всех тюркских языках еще мало изучена как по своему составу и характеру, так и с точки зрения ее принадлежности к литературной норме».¹

В самое последнее время, однако, проявился значительный интерес к исследованию лексики и терминологии различных отраслей экономики и культуры в виде кандидатских и докторских диссертаций, что в значительной степени поможет лексикографам в составлении словников для различного типа словарей.

Так, в области кустарных промыслов была проделана значительная исследовательская работа по изучению терминологии в некоторых отраслях, в результате которой выполнены такие исследования, как: Ибрагимов С. Профессиональная лексика узбекского языка. (На материале ферганских говоров). Автореф. докт. дисс. Ташкент, 1961, и другие его работы; Мырадова С. 1) Лексика ковроткачества в туркменском языке. Автореф. канд. дисс. Ашхабад, 1965; 2) Халычылык ве эл пшлериниң сөзлүги. Ашхабад, 1967 (словарь); Асамутдинова М. А. Названия одежды и ее частей в узбекском языке. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1959 (по этой же отрасли терминологии ведет в настоящее время исследования И. М. Отаров на материале названий одежды и обуви в карачаево-балкарском языке).

В области сельского хозяйства: Баратов Ш. Профессиональная лексика уйгурского языка. (На материале терминов огородничества, бахчеводства и садоводства). Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1971; Нугманов Т. Термины бахчеводства в узбекском языке. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1971. А также исследования С. Ибрагимова по хлопководству и шелководству в узбекском языке и А. Шампатов по лексике злаковых культур в казахском языке. Ведутся ныне исследования А. А. Жаппуевым по лексике

¹ Юлдашев А. А. Принципы составления тюркско-русских словарей. М., 1972, с. 87.

земледелия в карачаево-балкарском языке и М. П. Пенжиевым по сельскохозяйственным терминам в туркменском языке.

В области животноводства, а также специальной лексики, связанной с названиями животных, зверей, птиц, рыб, насекомых и пр., с указанием довольно полной библиографии имеются такие последние работы и специальные исследования, как: Аширов П. Животноводческая лексика в туркменском языке. Автореф. канд. дисс. Ашхабад, 1971; Буранов М. Термины животноводства в узбекских говорах Каракалпакии. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1972; Билялов А. 1) Киргизские народные термины промысловой охоты. Автореф. канд. дисс. Фрунзе, 1972; 2) Киргизско-русский словарь терминов промысловой охоты. Фрунзе, 1967; Ишбердин Э. Ф. Названия животных и птиц в башкирских говорах. Автореф. канд. дисс. Уфа, 1970; Айтазип К. Профессиональная лексика рыбного хозяйства Казахстана. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1973; Дуйшеналиева Т. Киргизские народные термины животноводства. Автореф. канд. дисс. Фрунзе, 1969.

А также обобщающие исследования, например: Щербак А. М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках. — В кн.: Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961, с. 82—172; Номпханов Ц. Д. Термины животноводства в тюркских и монгольских языках. — Тр. АН Казахск. ССР. Т. I. Алма-Ата, 1959, с. 87—116, и др. Интересные исследования в области этнографической лексики проведены отдельными авторами по различного рода обрядам, ср., например: Мпразев Н. Этнографическая лексика узбекского языка. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1971, в котором автор систематизирует лексику, связанную со свадебными и похоронными обрядами, обрядами обрезания, национальными играми и пр. Специально свадебным обрядам посвящена кандидатская диссертация А. Джурабаева «Названия свадебных церемоний в узбекском языке» (Ташкент, 1971). Вместе с подобного рода лексикологическими исследованиями необходимо поставить вопрос о собирании и комплектовании специальной терминологической картотеки, в которую необходимо включить все оставшиеся пока в памяти народа специальные народные термины, связанные с различными явлениями природы, названиями минералов, различных горных пород, металлов и пр., все народные термины по флоре и фауне, специальную терминологию по материнской и духовной культуре данной нации или народности и пр.

Такая картотека не только позволит составителям словарей соответствующим образом отобрать необходимую лексику и терминологию и составить словники, но она окажет значительную помощь и в разработке различной отраслевой терминологии, и в составлении специальных терминологических словарей.

Отсутствие этнографической лексики и терминологии в современных национально-русских словарях объясняется большими трудностями ее сбора и фиксации, так как требует от составителей

непосредственного контакта с ее знатоками — различного рода ремесленниками, земледельцами, знатоками фольклора, сказителями, знахарями, шаманами и пр.

Существующие этнографические исследования по различным отраслям материальной и духовной культуры тюркоязычных народов не всегда дают точные транскрипции и толкования отдельных терминов, что вызывает необходимость тщательной их проверки непосредственно у соответствующих специалистов в полевых условиях.

Так, например, специальных исследований требует определение значений терминов, касающихся духовной культуры некоторых народов, сохранивших древние пережитки различных обрядов, связанных с анимистическими представлениями шаманизма. Ср., например, систему представлений алтайцев о душе и соответствующую терминологию, которая часто встречается в эпических поэмах алтайцев и которую не всегда точно переводят современные переводчики только потому, что в словарях нет точных определений каждого термина.

В алтайском языке существует девять различных названий для души и ее модификаций и ипостасей: *süne*, *tyñ*, *qut*, *djula*, *sür*, *aruu körmös*, *djamañ körmös*, *djel salqyn*, *üzüt* — все эти термины имеют значение 'душа', но каждый из терминов вместе с тем обозначает различные понятия, различные ипостаси души, требующие специального определения. Сложность и взаимозависимость этих терминов между собой не всегда раскрываются даже опытными этнографами, хорошо знающими быт и обычаи изучаемого ими народа.

Так, крупнейшие исследователи духовной культуры алтайцев В. И. Вербицкий² и А. В. Анохин,³ собравшие исчерпывающий материал, связанный с названиями души у алтайцев, не дали точных определений значения каждого из указанных девяти названий души, а иногда и не точно передавали их особенности и отдельные свойства. Для точного определения и объяснения каждого термина лексикографу необходимо было рассмотреть все оттенки значений в известной системе, чтобы понять характер и специфику каждого термина. И только после этого можно соответствующим образом лексикографически их оформить.

Рассмотрим для примера данную группу терминов в их системе.

В алтайском языке, в соответствии с представлениями, пережитки которых сохранились в некоторой степени и до настоящего времени, существует общее представление и паричательное назва-

² Вербицкий В. И. 1) Алтайские инородцы. М., 1893; 2) Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Казань, 1884.

³ Анохин А. В. 1) Материалы по шаманству у алтайцев. — В кн.: Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. IV. 2. Л., 1924; 2) Душа и ее свойства по представлению телеутов. — Там же. Т. VIII. Л., 1929.

ные души — *süpe*, которое реализуется в конкретных названиях в зависимости, во-первых, от того, относится ли *süpe* 'душа' к живому человеку или к мертвому, во-вторых, является ли она материальной — видимой или представляет собой нематериальную — невидимую субстанцию; в-третьих, может ли она быть отторгнута от человека без ущерба для него, или отторжение ее связано со смертью человека; в-четвертых, принадлежит ли она доброму, добродетельному человеку или злему, коварному ее обладателю. Точное определение каждой души связано с этими ее оппозициями.

Так, с живым человеком связаны следующие ипостаси или метаморфозы души.

1. *Tyn* 'душа', которая является нематериальной, невидимой, субстанцией, неотторгаемой при жизни человека, при лишении ее человек умирает.

2. *Qut* 'душа', материальное воплощение первой, т. е. *tyn*; *qut* представляется как жизненная сила, воплощаемая в утробе матери в виде *quzyl qurt* (букв. 'красного червячка'). *Qut* 'душа' является также неотторжимой от человека материальной субстанцией, лишение *qut* связано со смертью человека.

3. *Djula* — нематериальная, невидимая субстанция души, отторгаемая от тела человека, т. е. могущая временно выйти из человека при сохранении его жизни, причем отсутствие *djula* может оставаться незамеченным для самого человека, хотя длительное отсутствие ее отражается на самочувствии обладателя; возвращение ее человеку достигается специальным камланием шамана.

4. *Sür* — материальное воплощение предыдущего понятия души *djula* в виде привидения или призрака в образе двойника ее обладателя, который может появляться другим людям независимо от расстояния, отделяющего их от обладателя.

С мертвым человеком связаны следующие ипостаси или метаморфозы души.

1. *Aruu körmös* (букв. 'чистая душа') — душа добродетельного человека, живет самостоятельной жизнью после смерти ее обладателя «на том свете» (*ol djerde*) и становится доброй покровительницей людей — посредницей людей с добрым божеством Ульгеном-Иурбустаном.

2. *Djaman körmös* (букв. 'злая душа') — душа злого человека, живет в подземном царстве в огне и является пособницей злого божества подземного мира Эрлика.

3. *Djel salqun* (букв. 'ветер-прохлада') — материализация души добродетельного человека *aruu körmös*, посещающая людей с добрыми намерениями.

4. *Üzüt* (букв. 'обрыв, рывок, вихрь') — материализация души злого человека *djaman körmös*, посещает людей в виде вихря, может попасть внутрь человека, причинить ему болезнь (простуду), может похитить *djula-sür*, выпедшую из человека, а также украсть из дома пищу.

Таковы сложные и взаимозависимые значения каждого из названий души у алтайцев, которые при переводе в составе словаря должны быть соответствующим образом дифференцированы.

Не менее сложной является этнографическая лексика, связанная с материальной культурой народа, и в частности составляющая систему старых терминов сельского хозяйства, встречающихся, например в каракалпакском языке, в произведениях народной литературы и в художественных произведениях современных писателей, по часто отсутствующих в современных словарях.

Включение в словарь подобной лексики также необходимо в определенной системе. Так, если включать в словарь название сельскохозяйственных орудий, то необходимо, чтобы были включены и соответствующие названия упряжи, например, для каракалпакско-русского словаря вместе с названием *künde* 'соха' необходимо было включить и все названия ее частей и упряжи: *künde köti* 'деревянный корпус сохи'; *şojup* 'сошник', разна 'лемех', *şawşun* 'сбруя для сохи', *tirkiş* 'ярмо', *oqaşaş* 'дышло', *bulqun* 'хомут для упряжки вола' или *küşen* 'хомут для упряжки лошади', *başjir* 'привязь хомута' и пр.

Если включать в словарь систему названий, связанных с орошением у тех же каракалпаков, то необходимо также, чтобы они были приведены полностью в известной системе, а значения их соответствующим образом дифференцированы, ср., например, названия различного типа каналов в системе орошения у каракалпаков: *agna* 'основной канал, берущий начало непосредственно от реки — главной магистрали'; *žarmys~žarğan žarma* 'каналы, берущие начало от арна'; *žar* 'каналы, берущие начало от жарма'; *sağa* 'начало канала'; *aјау(у)* 'конец канала'; *ör(i)* 'верхняя часть канала'; *уу(у)* 'нижняя часть канала'; *tyrпаw* 'сооружение в голове канала для регулировки воды'; *qolşuq* 'самый мелкий канал, подающий воду на участок', а также терминов, связанных с подачей воды па поле: *atyz* 'участок с посевом'; *atyzduŋ qulaуу* 'место, куда подводят воду'; *aјаqtап suуaruw* 'самотечное орошение'; *toуurtqa* 'деревянная труба, подающая воду'; *şуууr* 'водоподъемное колесо'; *şуууr salma* 'глубокий арык, из которого черпается вода водоподъемным колесом'; *keriz* 'яма, откуда поступает вода в арык водоподъемного колеса'; *şуууr tartra* 'капавы, куда подается вода подъемным колесом'; *aspek* 'система распределения воды, очередь, по которой вода поступает па индивидуальное поле'; *mirab* 'выборное из поселения лицо, распределяющее воду'; *böget* 'плотина', и, наконец, устаревших, исторических терминов, связанных с прежним, феодальным способом ремонта и чистки каналов — *qazuw: bähargi qazuw* 'весенняя чистка системы орошения'; *ökş tüsirüw* 'образец, кусочек канала, который копали перед началом чистки'; *kerşe* 'специальная небольшая лопатка, которой копали в болотистом грунте'; *saјurker* 'чиповник хивинского хана, который посылался для организации чистки арыков';

beldar 'тот, кто чистит арык' (букв. 'лопаточник'); arqanşy 'землемер'; şybyqşy (букв. 'пруточник') 'старший над 50—100 копальщиками, который подгонял прутом отстающих'; žasawyl 'старший надзиратель'; afinjaq ruly 'деньги, которые давались администрации чистки каналов, чтобы избавиться от наказания прутом' и проч.

Полевой сбор материала по этнографической лексике и терминологии требует разработки особой методики, по которой эта лексика отбирается в известной системе, обеспечивающей всю полноту объема данной отрасли лексики.

Лексикограф — составитель словаря должен не только собрать соответствующий лексический материал, но и ясно представлять себе значение каждого слова, каждого термина с учетом вхождения каждого слова, каждого термина в известную систему взаимозависимости слов и терминов между собой.

Опыт составления тюркско-русских словарей по языкам, лексикографические источники по которым весьма ограничены, а иногда и полностью отсутствуют, ср., например, по таким тюркским языкам, как хакасский, ногойский, гагаузский, караимский, алтайский и т. п., показывает, что, кроме расписывания существующих в ограниченном количестве текстов литературы и фольклора, необходимо было организовать сбор лексики по различным отраслям знаний, экономики и культуры у соответствующих знатоков этой лексики, а иногда, за отсутствием таковых, и у рядовых носителей конкретных языков, знающих хорошо родной язык.

Для того чтобы в состав словника словаря по указанным выше слабоизученным языкам вошли все основные понятия и соответствующая лексика, довольно эффективно использовалось известное сочинение философа и педагога Яна Амоса Коменского «Мир чувственных вещей в картинках», в котором наглядно изображены все основные «чувственные вещи» и их латинские (а в переводе и русские) названия, которые минимально должны быть представлены в каждом словаре.⁴

В этом пособии приведено сто пятьдесят тематических отраслевых групп слов и терминов, отражающих: 1) все основные явления природы; 2) всю основную флору и фауну; 3) все основные ископаемые металлы и минералы; 4) человека и органы его тела; 5) все основные занятия человека: земледелие, скотоводство, кустарные промыслы и производство; 6) жилище и бытовую лексику; 7) пищу и одежду; 8) передвижение и транспорт; 9) науку, искусство и религию.

Таким образом, указанные девять отраслей, охватывающие сто пятьдесят тематических групп лексики, обеспечивают включение в словник словарей всех основных слов и терминов, характеризующих основной словарный фонд данного конкретного языка.

⁴ Коменский Ян Амос. Мир чувственных вещей в картинках. М., 1957.

Собранная таким способом лексика в сочетании с лексикой, выписанной из текстов, и лексикой, собранной опросным путем, составляет тот минимум словарного состава, который должен быть в каждом словаре не только тюркских языков, слабоизученных, но и языков, представленных в многочисленных уже лексикографических источниках и исследованиях.

Основными же отраслями этнографической лексики и терминологии, которая должна быть отражена в национально-русских словарях, таким образом, являются следующие:

а) в области социальных отношений: феодально-административно и патриархально-родовые титулы, должности, а также социальная и сословная терминология, термины, связанные с земельно-правовыми отношениями, названия налогов, податей, повинностей и пр., семейные отношения, термины родства и пр.;

б) термины материальной культуры: земледелия, скотоводства, кустарных промыслов, поселений, жилища, одежды, пищи, домашнего инвентаря и пр.

в) термины духовной культуры: семейные и религиозные обряды и верования (шаманская, мусульманская, христианская буддийская и подобная терминология), термины народной медицины и пр.

Специального лексикографического оформления требуют также эвфемизмы и табуированная лексика (охотничий жаргон, женский язык и пр.), включение которых в национально-русские словари, особенно младописьменных языков, также необходимо.

Вся этнографическая лексика и терминология в национально-русских словарях должна быть приведена с четкими, краткими определениями, а в отдельных случаях — описаниями и объяснениями с иллюстративными примерами ее использования.

А. И. МОИСЕЕВ

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ТЕРМИНОВ В СЛОВАРЯХ

Не раз говорилось, что еще многое мы, лингвисты, не умеем делать в области терминологии, делаем плохо или вообще не делаем. Но не все так плохо, как иногда кажется: в обсуждаемом деле у нас есть и определенные достижения. Показателем в этом отношении следующий эпизод из недавней истории лингвистической разработки терминологии: в 1956 г. журнал «Вопросы языкознания» (№ 2) опубликовал письмо специалиста-терминолога В. Н. Кострова под характерным названием «Языковеды должны изменить свое отношение к терминологической работе». С тех пор прошло и 20 лет, а положение изменилось коренным образом, и подобные письма теперь уже совершенно немыслимы. За последние 15 лет подготовлено и проведено три Всесоюзных совещания по терминологии, которые прошли не только при активном и преобладающем участии лингвистов, но и под их организацион-

ным и деловым руководством. Прогресс очевидный и весьма внушительный.

Прогресс здесь не только внешний или количественный, но и внутренний, содержательный. Об этом можно судить по тематике совещаний: первое из них (1959 г.) было посвящено общим вопросам терминологии с охватом всех ее разветвлений — общественно-политической терминологии, научно-технической, учебно-педагогической, лингвистической, а сверх того (организаторы совещания как бы еще не верили в силы и возможности его будущих участников) были взяты вопросы усовершенствования алфавитов и орфографии письменных языков в СССР; второе совещание (1967 г.) было посвящено уже только одной — научно-технической терминологии, у лингвистов нашлось что сказать и по более конкретному вопросу. На третьем совещании (1974 г.) обсуждался новый вопрос — проблема определения терминов в словарях. В этой сфере тематики терминологических совещаний можно видеть и логику, и проявление движения вперед: от общих вопросов терминологии к теории и практике учета, фиксации, обработки и подачи терминов в словарях.

Это, конечно, не значит, что все общие и спорные вопросы терминологии уже решены, и решены однозначно и согласованно, так что спорить уже не о чем. Многие спорные вопросы ставились или обнаруживались и на третьем совещании, хотя о них говорилось без полемической заостренности.

К таким вопросам можно отнести противопоставление терминологии и номенклатуры (доклады и статьи А. В. Суперанской, Р. Е. Березниковой, Н. Н. Забинковой). Разграничение и противопоставление терминологии и номенклатуры, терминов и номенов проводится главным образом на основе различия понятийного и предметного значения номинативных единиц: термины связаны с понятиями (отражают, выражают понятия); номены — связаны с предметами (называют предметы). Если разграничение терминов и номенов рассмотреть на фоне известного семантического треугольника (языковой знак, слово или номинативное словосочетание — предмет, денотат — понятие, десигнат), то получится, что языковой знак, разделившись на термин и номен, поделил между ними понятие и предмет. Это кажется нам излишним упрощением проблемы. Применительно к слову или номинативному языковому знаку в целом вопрос стоит гораздо сложнее: слово связано и с предметом, и с понятием, с предметом через понятие и с понятием через предмет,¹ т. е. с предметом и понятием одновременно, то с понятием, то с предметом преимущественно, но не исключительно, ср.: *Стол — мебель* (это стол вообще — преобладание поня-

¹ «Слово выполняет функцию наименования вещи только потому, что оно в то же время является выражением понятия» (Огольцев В. М. Устойчивые компаративные структуры в языковой системе. — В кн.: Системность русского языка. Новгород, 1973, с. 30).

тийности пад предметностью), *Мы купили стол* (это уже более конкретный стол, предметность выходит на первый план), *Положи книгу на мой стол* (вполне конкретный предмет, предметность оттеснена на задний план), и т. п. Противопоставление терминов и поменов напоминает старое противопоставление терминов и слов: термины — не слова, номены — не термины. Но первое противопоставление, кажется, уже преодолено: термины — все-таки слова (а также номинативные словосочетания); может быть, преодолено и второе противопоставление: номены — все-таки термины, разновидность терминов, термины, в которых предметное значение преобладает над понятийным.

Можно отметить также спорное положение, сформулированное в тезисах доклада В. А. Ступина: «Практически нет (языкового, — А. М.) знака, который бы не был термином»; «Все слова языка суть термины какой-то терминологии».² Полное отождествление слов и терминов представляет собой нечто противоположное отрицанию языковой природы терминов: раньше иногда говорили, что термины находятся вне языка, за пределами языковой системы и абсолютно недоступны языковым семантическим законам; теперь предлагается вообще снять различие «обычных» слов и терминов. То и другое — крайности. Но, к слову, если бы надо было выбирать между формулами «термины — не слова» и «все слова суть термины», то более приемлемой следовало бы признать все-таки вторую из них. Но, еще раз к слову, если принять вторую формулу, то тем более нет оснований для противопоставлений терминологии и номенклатуры.

Не раз затрагивался и старый вопрос о различении энциклопедических и филологических (лингвистических) словарей: одни считают, что это противопоставление объективно стирается (Л. Л. Кутина), другие, напротив, подчеркивают его абсолютный характер (Н. З. Котелова: «энциклопедии — не словари»).

Словом, спорные вопросы еще найдутся и, конечно, возникнут вновь, по прогресс в разработке терминологической проблематики все-таки не вызывает сомнения. Одно из проявлений этого прогресса — реализм в определении, характеристике и оценке терминологии, отказ от идеализации ее (строгость, системность, однозначность и т. п.), признание терминологии такой, какая она есть, со всеми присущими ей «недостатками»: «При нынешнем состоянии реальных терминологий, которые существуют как исторически и стихийно сложившиеся системы терминов, лишь частично затронутые процессом нормализации и стандартизации, когда практически нет ни одной полностью упорядоченной терминологической системы, представляется необходимым отражать в терминологических словарях терминологию со всеми присущими ей недостатками (в том числе отражать также

² Тезисы докладов на совещании, посвященном проблеме определений терминов в словарях. Л., 1974, с. 66 (далее: Тезисы, страница).

полнсемью, омонимью и синонимью терминов)» (В. М. Перерва. Тезисы, с. 35). Автор приведенного высказывания, однако, еще не полностью преодолел идеализацию терминологии: он верит и надеется, что когда-нибудь терминология будет полностью упорядочена и стандартизована. «Так будет!» — сказал он в своем докладе на конференции. В противовес этому можно сказать: «Так не было и не будет». Не будет, так как «дефиниции науки» как база терминов, «временны», «они постоянно варьируют» по мере дальнейшего познания объекта (Н. В. Подольская, Тезисы, с. 40); так как в современных условиях развития науки и техники возможность быстрой и гибкой обработки терминологических повествований, их стандартизации, приведения в систему по существу «исключается», и терминологи вынуждены довольствоваться только ролью пассивного регистратора изменений, имея очень мало возможности вмешаться в процесс и упорядочить его; так как «динамика лексического состава в технических областях настолько значительна, что к моменту выхода в свет нередко требуется фундаментальная переработка словаря» (Л. Н. Засорина, В. П. Силвестров, Тезисы, с. 60). Иными словами: упорядочение и стандартизация терминологических систем никогда не устраним спонтанных процессов их развития, упорядоченное всегда будет дополняться, а иногда и вытесняться новым, неупорядоченным, и т. д.

Реализм в подходе к терминологии проявляется и в тематике 3-го совещания и данного сборника — они ориентированы на решение практических задач.

Я коснусь некоторых сторон этого вопроса, уже затронутых в докладах совещания и статьях.

1. Типология словарей, общих и специальных (в связи с обработкой в них терминов). Разработка типологии словарей — вообще, а в данном случае, применительно к терминологии особенно — совершенно необходимое дело, если даже многие из возможных и объективно необходимых типов словарей реализовать не удастся. Есть опасность, что не удастся реализовать даже некоторые из тех словарей, которые были названы в докладах на конференции. Надо, следовательно, думать еще о минимизации в охвате материала и в его обработке; на основе минимизации или принципа минимизации удастся, может быть, определить оптимальный тип или типы реально возможных словарей, пацеленных на регистрацию и обработку специальных терминов.

2. Отбор терминов для общих филологических словарей. В тезисах доклада В. П. Петушкова, В. Н. Сергеева и Ф. П. Сорокалетова эта проблема, очень важная и трудная, представлена довольно пессимистически: «руководствоваться каким-либо одним критерием» здесь невозможно. «Этому не помогают ни свидетельства языка художественной литературы и языка средств массовой коммуникации, ни существующие статистические подсчеты. Сомнительно, что таким критерием может служить возможность

описания специального слова словами общелитературного языка» (Тезисы, с. 6). Думается, что как раз эти, а также другие критерии (отражение терминов в учебной и научно-популярной литературе, а сверх всего опыт терминологов и лексикографов) заслуживают доверия; по крайней мере критериев, которые позволили бы решить проблему одним махом, нет, и надо смотреть на дело реалистически.

3. Приемы и принципы толкования терминов в словарях, общих и специальных. Иногда, исходя из правила не употреблять, где только возможно, обычных слов, предлагают следующее: «Термин X не должен толковаться через A, B, C, D, E , если в словаре есть термины $Y=A+B+C$ и $Z=D+E$; правильно толкование: $X=Y+Z$ » (Тезисы, с. 38). Обычными словами это можно передать так: не следует толковать термин через его признаки, если эти признаки порознь входят в толкование других терминов; первый термин надо толковать через эти вторые термины. Проще, на конкретных примерах, но без обсуждения представила это Н. В. Подольская. Она сопоставила определение термина *антропонимика* в нескольких словарях (и на этом фоне привела собственное определение); *антропонимика* — «раздел ономастики, изучающий собственные имена людей, происхождение, изменение этих имен, географию распространения и социальное функционирование, структуру и развитие антропонимических систем» (БСЭ-2, т. 1); «раздел лексикологии, изучающий собственные имена людей» (О. С. Ахманова, Словарь лингвистических терминов); «наука об антропонимах» (Краткий словарь славянской ономастической терминологии). Последнее толкование соответствует приведенной формуле: $X=Y+Z$. Но, если такое толкование принять за образец, то далее пойдут толкования типа: фразеология — наука о фразеологизмах, фонология — наука о фонемах, морфология — наука о морфемах, лексикология — наука о лексемах, орфография — наука об орфограммах и т. п. Чтобы что-то понять из таких толкований, надо смотреть, что такое фразеологизм, фонема, орфограмма и т. д., а от них, может быть, придется перейти к другим терминам, и т. д. При этом, вероятно, не возникнет «кругов», против которых не раз выступали в печати Ю. Д. Апресян и многие другие, но возникнут многочисленные «петли»: лексикограф будет петлять как бы для того, чтобы запутать и сбить с толку своих читателей. Толкование самой Н. В. Подольской «Антропонимика — отрасль ономастики, изучающая антропонимы» (Тезисы, с. 42) немногим отличается от только что прокомментированного. Более приемлемым поэтому может быть следующее толкование: «Антропонимика — раздел ономастики, изучающий собственные имена людей (антропонимы)». Если перейти от примеров к некоторым обобщениям, то можно сказать, что толкование терминов должно быть по возможности самодовлеющим, а не отсылочным.

В связи с вопросом о типах толкования терминов нельзя, ко-

нечно, миновать то, что в свое время говорил по этому поводу акад. Л. В. Щерба. Уже не раз приводился в этой связи пример с «прямой (линией)». В дополнение к нему я приведу другой пример — рассуждение Л. В. Щербы по поводу возможного толкования слова-термина *золотник*: «Слово *золотник* (в машине) всем хорошо (разрядка моя, — А. М.) известно. Но кто из нас, не получивших... технического образования, знает как следует, в чем тут дело? Кто может сказать, что вот это *золотник*, а это не *золотник*?»³ Итак, мы хорошо знаем слово *золотник*, но не только не знаем, что такое *золотник*, но даже не умеем отличить *золотник* от *пезолотника*, хотя бы так, как можем отличать овцу от козы, корову от лошади. Как же определять слово *золотник* в общем словаре? Может быть, просто «(какая-то) деталь (какой-то) машины»? Но таких «хорошо известных» «золотников» в словаре будет очень и очень много. Действительно, все мы «хорошо» знаем, что есть пшеница, рожь, ячмень, полба и т. п. Помните одно из условий найма к попу, выставленное Балдой: «Есть же давай мне вареную полбу»? Но кто из нас, говоря словами Щербы, может сказать, что вот это полба, а это ячмень и т. п. — в зерне или в колосе, в муке или блинах? Далее, все мы «хорошо» знаем, что есть пескарн, гольцы, головли, плотва, красноперки и даже «шилишперы»; знаем, что один пескарь был «премудрый», а шилишпер, по словам чеховского злоумышленника, — «простор любит». Но кто из нас знает, что это пескарь, а это шилишпер? Что же, все эти названия в словаре получают единое толкование — «какая-то рыба» или, в лучшем случае, «мелкая рыба»? Ясно, что тут что-то не то. Конечно, возможны и, может быть, даже интересны и такие словари, в которых сотни и тысячи «хорошо» известных слов получают толкования типа «что-то такое этакое». Такие словари отразили бы некоторую систему формальных, наивных, обывательских и тому подобных понятий носителей языка. Но такие словари — роскошь, а не минимизация. Более нужны словари, поднимающие читателей над его бытовыми, формальными, наивными, бедными, а порой и убогими «попятиями». И тут даже не надо ничего придумывать и изобретать: надо отразить в словарях богатейший языковый опыт всего народа, а народ в целом знает, что такое *золотник*, *полба* и *шилишпер*.

Кроме того, все сказанное относится не только к специальным словам и терминам; то же самое можно сказать едва ли не о всех словах языка: все ли русские люди непосредственно знают, что земля — это и планета, и суша, и почва, и надел-угодья, и государство, область и т. п.? В докладе Ю. Д. Апресяна был приведен пример со словом «даже»: «Даже Иванов пришел». Не все, вероятно, могут сразу сказать, что это предложение означает:

³ Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии. — В кн.: Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. I. Л., 1958, с. 68.

1) Иванов пришел, или 2) пришли и другие, или 3) удивительно, что Иванов пришел. Но все это представлено в русском языке, и все это должно найти отражение в словарях.

Таким образом, толкования в словарях должны быть безусловно содержательными и, при возможности, исчерпывающе полными. Но возможным (и даже необходимым и целесообразным) это оказывается, однако, не всегда, что и лежит в основе дифференциации словарей: общие и специальные, большие и малые и т. п. Существующие словари в целом удовлетворяют этому требованию, и это должно быть сохранено и развито. В качестве примера можно привести как раз толкование термина *золотник*: «Устройство, служащее для автоматического управления потоком пара (жидкости, газа) в тепловых, гидравлических и пневматических машинах» (Словарь русского языка в 4-х томах); «Деталь для изменения и распределения потока жидкости, пара или газа, характеризующаяся поступательным движением параллельно уплотняющей поверхности» (Краткий политехнический словарь. М., 1956). Общефилологическое толкование, уступая специальному в технических деталях, информативностью, в некотором отношении превосходит его (указание на типы машин).

4. Этимологизация терминов. Этому вопроса касались многие из выступавших: В. П. Петушков и его соавторы («возрастает роль этимологии», «обнажается словообразовательный инструментарий» — Тезисы, с. 6), Н. В. Подольская (специализация словообразовательных морфем в системе опомастической терминологии), Н. Н. Забинкова (то же в ботанической терминологии), В. А. Алексенко (гнездовой терминологический словарь) и др.

Это направление в терминологической работе заслуживает одобрения и широкой поддержки. Благодаря этимологизации термины получают отчетливую структурно-семантическую мотивированность, осмысленность, что облегчит их вхождение в соответствующую терминологическую систему и внутренне укрепит саму эту систему; облегчит понимание, запоминание и применение терминов, обозначит сферу, направление и пределы возможного сужения или расширения их значения, предостережет от произвола в обращении с ними. Можно сказать, что мотивированность термина поможет не только понять, но и принять этот термин: такой термин будет законным членом системы, а не случайным произвольным знаком.

Эта сторона дела имеет и теоретическое значение. Как известно, существует, и не раз высказывалось мнение, что термин должен быть чисто условным знаком, совершенно лишенным внутренней формы, которая будто бы может вызвать посторонние для термина и даже ложные ассоциации, мешающие его точности и однозначности; допускается, таким образом, что чем бессмысленнее сам по себе (т. е. в языковом отношении) термин, тем лучше. Можно, кажется, считать, что участники Совещания непротиворечиво высказались в пользу мотивированных и пра-

вильно ориентированных терминов. Это большой положительный вклад в теорию термина и терминологию. Если к терминам будут предъявляться требования осмысленности, мотивированности, правильной ориентированности на объект номинации, то соответствующим образом возрастут и требования к терминотворчеству: термины должны создаваться более внимательно и ответственно. Это должно стать некоторой преградой на пути безудержного терминологического произвола, в частности в лингвистической терминологии, где терминологический взрыв последних десятилетий создал крайне напряженную обстановку и очень часто возникает ситуация взаимного непонимания, «диалога глухих». Это непременно должно быть преодолено.

Л. С. ПАЛАМАРЧУК

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ОБЩЕЯЗЫКОВОМ (ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ) СЛОВАРЕ

Наше время — величайшая эпоха научно-технического прогресса, невиданного расцвета просвещения и культуры. Постоянное общение людей разных профессий и специальностей, все увеличивающийся поток разнообразной массовой информации, непрерывно расширяющийся обмен культурными и духовными ценностями народов нашей разноразличной и многонациональной Советской Отчизны, как и увеличение и расширение контактов наших соотечественников с гражданами государств мира, — все это теперь обычные явления. Поэтому словари разного типа и назначения действительно сделались у нас, по меткому выражению Л. А. Булаховского, «крайне необходимым инструментом прежде всего для овладения нужными языками как основным средством контакта между народами и совершенствования культуры своего слова на родной почве».¹

Объективное отражение словарного состава литературного языка на определенном этапе его исторического развития является одной из наиболее ответственных задач создателей филологического словаря любого языка. Именно поэтому, очевидно, оценка научных достоинств каждого общезыкового словаря почти всегда начинается с рассмотрения вопроса о полноте фиксации в нем лексического инвентаря данного языка в хронологических границах охватываемого этим словарем периода, с выявления возможных пропусков общеупотребительных и особенно актуальных слов, характерных для данного периода в развитии языка и засвидетельствованных в различных лексических источниках.

Правильное определение контингента лексических единиц для того или иного словаря, учитывающего и обусловленную самим

¹ Булаховский Л. А. Значения мовознавства. Київ, 1962, с. 8.

типом словаря специфичу, и его направленность и назначение, является сложнейшим этапом в работе каждого лексикографического коллектива. «Установить и зарегистрировать состав лексики живого литературного языка в какую-либо пору его существования, — справедливо подчеркивает А. М. Бабкин, — столь же важно, как и трудно».²

Словарный состав языка, как известно, непосредственно связан с внеязыковой действительностью и поэтому всегда очень чуток к тем изменениям, которые происходят в жизни создателя и носителя языка — народа. Каждое новое общественное явление, каждый новый предмет, процесс, действие, каждое новое понятие получают свое наименование, а язык в результате этого обогащается новыми словами и терминами, которые в большинстве случаев занимают со временем надлежащее им место в словниках различных типов словарей. С другой стороны, в лексическом составе языка всегда находятся слова и термины, которые ко времени составления данного словаря уже перешли или переходят в пассивный фонд, хотя на предыдущем этапе развития общества находились в активном употреблении. Именно эти, располагающиеся на противоположных полюсах языковые единицы подвижного состава лексической системы составляют самую большую трудность при отборе лексического инвентаря и определении словника общезыкового словаря.

Весьма существенную часть словника каждого современного филологического словаря составляет лексика терминологическая, поступающая в кодифицированный литературный язык из сферы научно-технической и профессионально-производственной. В силу невиданного ранее прогресса разных отраслей науки и техники и бурного развития производства для этой категории лексики особенно характерны большая динамичность многих терминологических единиц, относительно быстрое и свободное перемещение их из одной сферы функционирования в другую, от одного полюса употребительности к другому. Все это указывает на большую сложность лексикографической разработки терминологической лексики и на особую ответственность лексикографа в деле отбора слов этой категории для конкретного словаря.³

В проспектах и инструкциях по составлению общезыковых словарей обычно намечается лишь круг источников, из которых привлекается в словарь терминологическая лексика в соответствии с ориентацией этого словаря на определенный круг читателей. Отечественные филологические словари почти всегда ориентируются на людей, имеющих общее среднее образование. Так же поступают и украинские лексикографы.

² Бабкин А. М. Новый академический словарь русского языка. Проспект. М., 1971, с. 13.

³ См.: Ожегов С. И. О трех типах толковых словарей русского языка. — Вопросы языкознания, 1952, № 2, с. 99.

Опыт работы советских лексикографов, как и практика словарной работы в социалистических странах и других развитых государствах мира, свидетельствует, что в общезыковых словарях специальная лексика разных наук, техники и производства разрабатывается обычно на уровне той терминологии, которая представлена учебниками и пособиями для общеобразовательной средней школы, научно-популярной литературой и массовой печатью.

Все же при создании конкретных словарей такой вроде бы ясно очерченный круг источников, а с ним и внешне отчетливый принцип отбора терминологической лексики в результате всевозможных пожеланий, замечаний и дополнений обычно теряет свою выразительность, в результате чего пределы отбора терминов и объем лексики этой категории в целом становятся расплывчатыми. Понятно поэтому, что и создаваемые таким способом словари, даже при их однотипности и той же самой направленности адресату, в отношении подачи терминологических единиц имеют больше различий, чем сходства.

Нечеткость, расплывчатость в отношении отбора терминологической лексики обнаруживаются в ряде проектов общезыковых словарей, в том числе и в проспекте толкового словаря украинского языка,⁴ послужившего основой для разработки принципов построения первого в истории украинской культуры толкового словаря, работу над которым успешно ведет коллектив лексикографов ордена Трудового Красного Знамени Института языковедения им. А. А. Потебни Академии наук УССР.⁵

В разделе, излагающем, какие слова включаются в словарь названного словаря, содержится следующая рекомендация: «Из специальной лексики разных наук, техники и производства словарь включает термины, вошедшие в учебники по соответствующим предметам общеобразовательной средней школы, а также и других наук, хотя они и не преподаются в общеобразовательной средней школе, но терминология которых употребляется в научно-популярной (не профессиональной) литературе и в общей печати и вообще шире используется как в книжном языке, так и в устной речи (в докладах, радиопередачах и др.)».⁶

Хотя процитированное положение из проспекта иллюстрируется далее отдельными примерами употребления терминов из разных отраслей науки, техники и производства, практическое применение его при составлении и редактировании материалов словаря потребовало конкретизации и уточнения. Ведь количество специальных терминов в различных областях науки и техники так велико, что и самые большие, многотомные общезы-

⁴ Проспект тлумачного словника української мови. Київ, 1958.

⁵ Словник української мови. Київ, т. I — 1970, т. II — 1971, т. III — 1972, т. IV — 1973. В настоящее время находятся в печати V и VI тома; подготовка VII—XI томов идет параллельно.

⁶ Проспект тлумачного словника української мови, с. 7.

ковые словари не могут их включать без строгого учета как типа словаря, так и его направленности, назначения.

Бесспорно, что и самые совершенные проспекты и инструкции не могут предусмотреть всех сложных вопросов отбора слов, в частности из сферы профессионально-терминологической лексики, которая, будучи наиболее подвижной частью словарного состава, претерпевает заметные изменения даже в течение сравнительно небольших периодов в развитии конкретного языка. Тем не менее такая инструкция должна предусматривать установку на то, что включение или невключение того или иного термина в общезыковой словарь связано прежде всего с его общепринятостью и распространенностью в лексической системе языка, а не на основе перенесенного из других категорий лексики «критерия общеупотребительности».

Именно в этом плане шло уточнение упомянутого проспекта украинского словаря, который ориентировал его создателей в отборе терминологической лексики руководствоваться «принципом употребления слова в языке и его ролью в общественной жизни». Но ведь важность, весомость термина в системе понятий данной науки, конкретной области техники или производства еще не определяет его общественной роли, так как «в действительности, — писал С. И. Ожегов, — не наблюдается совпадения по значимости круга терминов основных и частных понятий науки и техники и круга терминов общего, общенародного употребления, которые только могут иметь место в общих словарях языка, являясь средством общения вне данной научной или технической сферы. Так, для химии одинаково важна вся терминология периодической системы элементов. Однако, с точки зрения лексического обихода общенародного языка, не следует включать даже в большой словарь такие названия элементов, как актиний, радон, ксенон, гафний, индий и т. п.»⁷

Совсем иной подход к тем терминам, которые уже вышли или выходят далеко за пределы какой-либо определенной отрасли науки, знаний, производства, став, таким образом, неотъемлемой частью словарного состава общенационального языка (как, например, барокамера, лазер, луноход, космодром, сенаж, транзистор, прилунение и т. д.). Подобные лексические элементы просто невозможно оставлять за пределами словника общезыкового словаря. Поэтому вполне правильно решают вопрос о включении конкретных производственно-технических и научных терминов в словник общезыкового словаря те исследователи, которые взвешивают их значимость и в узкой (специальной) сфере функционирования, и в плане коммуникативности, т. е. учитывают употребительность и надобность этих терминов в литературном языке. «Вопрос о месте производственной терминологии в словаре литературного языка теснейшим образом связан с вопросом о переходе

⁷ Ожегов С. И. О трех типах толковых словарей... с. 100.

производственного термина из узких рамок профессионального употребления в общенародный литературный язык».⁸

Исходя из концепции многотомного «Словника української мови», в основу которой положены принципы справочности и нормативности, авторский коллектив и редакция стремятся подать в нем все ценное и жизнеспособное из богатой лексической сокровищницы современного украинского языка. Разумеется, что и современная наиболее употребительная терминология находит в нем должное место и надлежащую интерпретацию.

Следует особо подчеркнуть, что названный словарь ориентируется именно на современную украинскую терминологию, окончательно сложившуюся в практике живой речи и кодифицированного письменного языка уже в советское время в результате саморазвития внутренних ресурсов украинского народного языка и постоянного взаимодействия его с другими языками, прежде всего с близкородственным русским, богатая терминологическая система которого всегда оказывала благотворное влияние на терминотворчество украинцев и на терминообразование в их языке.

Попытки некоторых буржуазно-националистически настроенных ученых и специалистов 20-х—начала 30-х годов повернуть этот исторически закономерный процесс развития украинской терминологии вспять и навязать чуждые украинскому народу и его языку способы и модели терминообразования оказались тщетными. Не принял украинский народ и созданные в эти же годы на порочных методологических основах проекты словарей отраслевых терминологий, в которых, в ряду других нелепостей, предлагалось, например, заменить издавна общие для украинцев и русских термины искусственными образованиями типа: *бігун* вместо *полос*, *виробня* вместо *завод*, *жильник* вместо *кабель*, *кінарня* вместо *кинофабрика*, *мугра* вместо *гайка*, *прямка* вместо *катет*, *висока піч* вместо *домна*, *зв'язень* вместо *ферма* и т. д., и т. п.

Созданные в последующие годы новые словари навсегда отбросили подобную ориентацию. Они составлялись на основополагающих принципах советской лексикографии после всестороннего изучения процессов развития украинского общенародного языка в целом и его терминологической системы в частности, с учетом новых тенденций терминообразования в других языках, особенно в русском языке, ставшем языком межнационального общения для всех народов СССР.

Публикация в течение последних 15—20 лет нескольких больших переводных (русско-украинских и украинско-русских) общезыковых и терминологических словарей, издание свыше 20 словарей отраслевых терминологий, создание первой Украинской Советской Энциклопедии (в 17-ти томах), 3-томного Украинского

⁸ Сороколетов Ф. П. О месте производственной терминологии в толковом словаре русского языка. — В кн.: Лексикографический сборник. Вып. I. М., 1957, с. 124.

советского энциклопедического словаря и ряда других трудов лексикографического и энциклопедического характера значительно содействовали развитию, обогащению и нормированию научно-технической и производственно-профессиональной терминологии современного украинского языка. Бесспорно, что наличие таких авторитетных источников во многом облегчает нам разработку терминологии в первом толковом словаре. Вместе с тем мы постоянно используем накопленный опыт лексикографий других братских народов нашей страны и лучшие достижения зарубежных лексикографов. Приведем конкретные примеры.

Для характеристики сферы функционирования или области употребления того или иного термина в Словаре украинского языка, как в словарях других национальных языков, широко используются специальные пометы (*анат.* — анатомия, *астр.* — астрономия, *бакт.* — бактериология, *бот.* — ботаника, *вет.* — ветеринария, *геогр.* — география, *техн.* — техника и т. д., всего таких помет около 80). Правда, очень часто в самом толковании слова-термина раскрывается и его содержание и сфера использования, поэтому дополнительная квалификация слова посредством специальной пометы была бы излишней, и составители словаря в таких случаях ее не применяют (см., например, разработку терминов: *бусоль*, *гормон*, *дифтонг*, *електроліт*, *локатор*, *маларія* и др.).

В отдельных случаях (если это не усложняет понимания слова-термина) вместо детализации сфер приложения того или иного термина и раскрытия возможных оттенков его значения в словаре дается обобщающее толкование слова-термина. В подобных случаях перед толкованием слова-термина, как правило, ставится помета *спец.* (специальное), указывающая на то, что данный термин употребляется в нескольких сферах, например:

Дисперсія... *спец.* Подрібнення або розсіяння чого-небудь.

Дисперсійний... *спец.* Який перебуває в стані розпилення, розпорошення [цитата-иллюстрация].

Електрокар... *спец.* Електричний самохідний візок, який використовується для перевезення вантажів на заводах, вокзалах і т. ін. [цитата-иллюстрация].

Кбітур... 2) *спец.* Замкнений ланцюг провідників [цитата-иллюстрация].

Хотя среди лексикологов и словарников до сих пор нет единого мнения в отношении целесообразности приведения в общезыковом словаре при разработке некоторых терминов латинских эквивалентов,⁹ украинские лексикографы и в новом своем словаре

⁹ См., например: Биржакова Е. Об определении в толковом словаре слов, обозначающих животных. — В кн.: Лексикографический сборник. Вып. II. М., 1957, с. 76; Карелсон Р. Толкование значений в словаре современного финского языка. — В кн.: Проблема толкования слов в филологических словарях. Рига, 1963, с. 131—132.

все же не исключают этого вспомогательного способа для раскрытия значений терминов. Применяется этот способ в основном при разработке тех ботанических и зоологических терминов, которыми обозначаются некоторые виды растений, грибов и насекомых, имеющие в украинском языке либо параллельные наименования локально-территориального происхождения, либо сходные по оформлению с названиями в других славянских языках, но не совпадающие с ними по семантике (*буркун, вовчий сон, вороняче око, нечуйвітер, оксамит, оленка, орлики* и т. п.). Представляется, что подача латинских синонимов при лексикографической разработке терминологии этой категории еще более необходима в словарях переводных, прежде всего в двуязычных словарях славянских языков, в которых кажущаяся соотносительность терминов приводит иногда к ошибкам, а затем к путанице в литературе, печати и других источниках.¹⁰

Постоянная интеллектуализация, или рационализация, языка украинской советской нации предусматривает дальнейшее углубление определенности и точности его лексических средств. Бурный рост в современном украинском языке как в процессе его дальнейшего развития, так и в результате постоянного взаимодействия с языками братских народов СССР и прежде всего с близкородственным русским языком элементов интернациональной и межнациональной лексики — это также черты интеллектуализации языка. Основная масса новых слов и новых или обновленных значений известных слов, которые раскрывают общую панораму современной науки и техники, прогресс нашего общества, одинаково активна во всех национальных языках народов Советского Союза и составляет своеобразный общий фонд советской межнациональной лексики. Поэтому лексикографам всех наших республик обязательно необходимо включать такой лексический инвентарь в словарь своих национальных языков.

Современный общезыковой словарь — это не простое механическое собрание слов, а многоплановый научный труд, который «фиксирует передовую мысль эпохи, современные идеи, а также уровень и тенденции развития литературного языка».¹¹ Именно поэтому словарь ориентируется на объективное отражение живого, актуального и реально существующего лексического инвентаря, необходимого самым широким кругам членов нашего общества. Ведь наша действительность постоянно предусматривает освоение, переработку и применение разнообразной инфор-

¹⁰ Подобные случаи наблюдались, например, в некоторых переводах на русский язык украинских наименований деревьев *смерека, ялиця, ялина* и соответственно в украинских переводах русских ботанических названий *пихта и ель*.

¹¹ Белодед И. К. О Словаре украинского языка. — Вестн. АН СССР, 1971, № 10, с. 127.

мации в несравненно больших объемах, нежели когда-либо прежде. Именно на этот повышенный уровень информации и должен ориентироваться современный общезыковой словарь.

М. Ш. Г А С Ы М О В

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ РАБОТА В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

Вопросы, обсуждавшиеся на конференции и нашедшие отражение в статьях настоящего сборника, прежде всего имеют большое практическое значение для усовершенствования словарной работы в национальных республиках Советского Союза. Мы иногда чрезмерно увлекаемся теоретическими вопросами в своих исследованиях, повторяем друг друга, а разрешение необходимых практических вопросов остается вне поля зрения.

В Азербайджане в области составления словарей накоплен богатый опыт. Достаточно отметить тот факт, что за годы Советской власти в республике только терминологических издано более ста двуязычных, многоязычных, толковых словарей. Однако имеются некоторые спорные положения в этой области, в частности о словниках терминологических словарей. В связи с этим у нас часто возникает вопрос — должна ли отражаться в них диалектная лексика. Вероятно, это интересует специалистов-терминологов и других национальных республик.

Дело в том, что составители словарей, особенно двуязычных, например русско-азербайджанских, затрудняются найти точные эквиваленты для некоторых русских терминов. Поэтому в процессе составления национальной части терминологических словарей составители идут наиболее легким путем, используя готовые термины, употребляемые в русском языке, или передавая значение русских терминов аналитически, описательно.

Не следует забывать, что в отдельных диалектах и говорах имеются десятки слов, которые могут войти в качестве специальных терминов в словари, особенно по географии, ботанике, зоологии, медицине и сельскохозяйственным наукам.

Приведу два примера. Обычно как в общепереводных, так и в терминологических словарях термин *пруд* передается описательно — *сун'и көл* 'искусственное озеро', тогда как в диалектах существует точный эквивалент этого термина — *нохур*. Или: в словарях как эквивалент термина *водопой* используется словосочетание *нахыр булағы* 'родник для стада', тогда как существует слово *суват*, точно передающее это понятие.

Диалектологам Азербайджана определено, что только в одном кубинском диалекте азербайджанского языка имеется около ста названий сортов яблок, а в бакинском диалекте — около тридцати названий сортов винограда, которые могут быть использованы как специальные термины-названия в словарях.

Таким образом, целесообразно при составлении терминологических словарей по различным отраслям науки и техники, сельского хозяйства использовать также богатства диалектной лексики, хотя чрезмерное увлечение диалектным материалом нецелесообразно и неоправданно. При использовании диалектных слов в словарях терминологических словарей следует в основном исходить из следующих принципов.

1. Одно и то же слово в разных диалектах и говорах может употребляться в различных формах. Но как термин должен быть выбран и использован только один из этих вариантов, который наиболее точно передает нужное понятие. Например, слово со значением 'кукуруза' в диалектах азербайджанского языка употребляется в пяти вариантах, но в терминологических словарях отражен лишь один вариант — *гаргыдалы* как более распространенный.

2. Необходимо учитывать особенности диалекта, носители которого наиболее квалифицированы и специализированы в данной отрасли. И этот момент действительно учитывается при разработке терминологии на азербайджанском языке, например в терминологических словарях по нефтедобыче многие слова взяты из бакинского диалекта, носители которого издавна занимаются нефтедобычей и нефтепереработкой. В терминологический словарь по шелководству включены многие слова из диалекта шекинского района, где основным занятием населения является шелководство.

3. Диалектные слова, проникающие в терминологические словари, должны подчиняться фонетическим нормам литературного языка.

4. Каждый принятый диалектный термин должен точно обозначать соответствующее понятие.

Как специалист, занимающийся терминологией, я пытался изложить свое мнение по поводу одного лишь частного вопроса, который, как мне кажется, заслуживает внимания и обсуждения.

А. А. МАГОМЕТОВ

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В КУБАЧИНСКО-РУССКОМ СЛОВАРЕ

При дефиниции термина в словаре даже в языках с большой лексикографической традицией лексиколог сталкивается с определенными трудностями. Трудности эти усугубляются при составлении словарей младописьменных или бесписьменных языков, таких как, например, многочисленные дагестанские языки, многие из которых вообще не имеют своих словарей.

Работа над словарем одного из дагестанских языков — кубачинского,¹ где толкование дается на русском языке, выявила труд-

¹ Лингвистически точнее — кубачинского диалекта даргилского языка.

ности при дефляции термина, адекватного соответствующему русскому термину. Например, в кубачинском имеется термин, скажем, *xъxъaцI*, имеющий соответствие в русском языке *чернь*. Возникает вопрос, дать перевод этого термина словом *чернь* и этим ограничиться или дать описание понятия, заключенного в этом термине, поскольку оно далеко не всем знакомо. Это одна сторона вопроса.

Однако перед составителем национально-русского словаря (под национальным в данном случае мы имеем в виду один из дагестанских языков) возникают еще большие трудности. В Дагестане, как известно, представлено много народных ремесел, каждое из которых закреплено за определенным аулом, где ремесло по традиции передается из поколения в поколение.

Таков лакский аул Балхар — аул ремесленников известных глиняных кувшинов, получивших Гран При на Международной брюссельской выставке; аул Анди в Аварии, где производят распространенные на Кавказе андийские бурки; широко известно ковроткачество в табасаранских и лезгинских аулах Южного Дагестана; издревле далеко за пределами Кавказа известен аул Кубачи как аул искусных златокузнецов,² и т. д.

Естественно, что в этих центрах народных ремесел выработалась богатая терминология, дифференцирующая процесс их труда до мельчайших нюансов. Даже когда в русском языке есть соответствующее тому или иному дагестанскому языку название какого-нибудь процесса, то в дагестанском языке одному этому русскому термину может соответствовать целый ряд терминов. Возьмем, например, термины кубачинских златокузнецов. Так, каждому из русских терминов *полировать*, *шабровать* и т. п. в кубачинском соответствует ряд терминов, уточняющих процесс обработки металла.

При общем термине *билгъий* 'полировать' имеем: *чий-билгъий* 'полировать верх', *вий-билгъий* 'полировать низ' или 'полировать предварительно' (по другой операции), *бёний-билгъий* 'полировать внутреннюю поверхность', *биший-билгъий* 'полировать часть', *те-билгъий* 'полировать переднюю часть'.

При общем термине *билчий* 'спилить' имеем: *чий-билчий* 'спилить верх', *вил-билчий* 'спилить низ', 'спилить предварительно' (до другой операции), *бёний-билчий* 'выпилить внутреннюю часть', *биший-билчий* 'спилить часть', *тё-билчий* 'спилить переднюю часть'.

² В древности кубачинцы были более известны как оружейники. Сам термин — турецкое «Кубачи» или более древнее персидское «Зирехгеран», оба означают 'кольчугоделатель'. Самоназвание кубачинцев *гIуъгъубут* (*гIуъгъубуган* 'кубачинец') пока не поддается этимологии. Акад. И. А. Орбели предков кубачинцев считает «одной из разновидностей албанских племен, сохранившей в своем племенном наименовании, несомненно, древнее название своей страны Албании» (Орбели И. А. Албанские рельефы и бронзовые котлы. — В кн.: Памятники эпохи Густавели. Л., 1939, с. 304).

Аналогично и с термином, означающим 'шабровать', и ему подобными.

Естественно также, что далеко не все кубачинские термины ремесла имеют соответствия в русском языке. Вот здесь возникает гораздо более трудный вопрос — как их представить в словаре, какую дать дефиницию. Причем здесь трудность разная, так сказать, «индивидуальная» применительно к каждому термину. Иногда сравнительно простое описание передает значение термина.

Например, *дйхъхана* — мастер по инкрустации, *дикана* — мастер, занимающийся золочением или серебрением изделий, *ранг дикан* — посуда для отбеливания, *чибигала-гъюмул* — части отделки кинжала (букв. 'заплата-гвоздь'), *хъхъай-хъай* — верхняя и нижняя части из металла, обрамляющие ножны кинжала или шашки (букв. 'низ-верх'), *дялчЯнте* — ручной пресс для расплющивания припоя, *бѣмбулІла* — пунсон для насечки фона глубокой гравировки, *бѣмбулІий* — насечь фон при глубокой гравировке, и т. д.

В других случаях такое простое описание может оказаться недостаточным. В этом случае придется давать более распространенное толкование. Например: *жиьм* — матрица для штамповки полых полукруглых сферических предметов (из двух таких половин изготавливаются шарообразные полые серьги), *къай гъабтІий* — штамповкой получить полое полушарие для изготовления шарообразных серег, *къюртІикІвла* — режущий инструмент для обработки внутренней поверхности деревянных ножей кинжала или шашки, *пулге* — медная трубка с отогнутым концом, в которую дуют, направляя пламя паяльной лампы на паяемый предмет, *кумуле* — трубка для продувки тигеля с расплавленным металлом от мелкого угля перед отливкой, и т. д.

В ряде случаев кроме описания приходится прибегать и к рисунку. Так, в терминологии кубачинских златокузнецов существует ряд терминов, характеризующих тип деталей орнамента: *къяцала бикІ*, *вавла бикІ*, *гул-гул бикІ*, *паранг бикІ*, *истамбул бикІ* и др.

Дословные переводы мало что дают для объяснения элементов орнамента (так, *къяцала бикІ* буквально означает 'голова козла', хотя в этом элементе орнамента нет ничего похожего на голову козла). Тут же необходимо будет приложить рисунки деталей орнамента.

Сами орнаменты имеют свои пазвания: *мархарай накъиш* — асимметричный орнамент (букв. 'зарослевый орнамент'), *ттѣтта накъиш* симметричный орнамент (букв. 'дерево орнамент'), *миндурма накъиш* — орнамент 'миндурма', *лумла накъиш* — орнамент, обрамляющий края изделия (букв. 'орнамент края') и т. д.

В XX в. кубачинские мастера стали использовать также русский орнамент, возникли и соответствующие термины: *гІурус*

накыш 'русский орнамент', *маскав накыш* 'московский орнамент'.

Для пояснения орнаментов в словаре также потребуется дать их рисунки.

В связи с созданием в ауле Кубачи художественной фабрики с механизацией производства целый ряд терминов, связанных с работой кубачинских златокузнецов, выходит из употребления (как например, вышеотмеченные: *жиьм, пуге, кумуле, кьуртукле* и т. п.). Подобные термины, пока они еще бытуют в речи, желательно отразить в словарях.

При составлении словарей по дагестанским языкам могут быть успешно использованы принципы составления адыгейского толкового словаря, разработанные Г. В. Рогава и З. И. Керашевой при участии А. С. Чпкобавы.³

Б. О. О Р У З Б А Е В А

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ РАБОТА В КИРГИЗСКОЙ ССР

В настоящее время в национальных лексикографических центрах союзных республик накоплен немалый опыт по созданию различного типа словарей:

- кратких и многотомных толковых словарей;
- двуязычных русско-национальных и национально-русских словарей;
- двуязычных и толковых фразеологических, синонимических словарей;
- национальных орфографических словарей;
- энциклопедических словарей; диалектологических словарей, и, наконец, терминологических словарей типа русско-киргизских, киргизско-русских или же в виде списка терминов.

Все они отличаются друг от друга как по своему составу, так и по структуре и принципу систематизации (т. е. по подаче терминов, объяснений к ним, снабжению иллюстрациями, примерами, формулами и иными дополнительными материалами) в зависимости от специфики. Ниже речь пойдет о некоторых трудностях по систематизации киргизской национальной терминологии.

Для младописьменных языков терминологическая лексика является одновременно показателем и лексического обогащения, и межкультурного взаимовлияния. В этой связи сбор, систематизация и унификация терминов по отраслям знаний, разработка теоретических принципов, обобщение опыта создания словарей, контроль за внедрением терминов в литературный язык становятся актуальными.

³ См.: Хатапов А. А., Керашева З. И. Толковый словарь адыгейского языка. Майкоп, 1960.

Удельный вес терминологической лексики в общем словарном составе киргизского письменного литературного языка значителен, и это во многом определяет отличие последнего от устного разговорного языка.

По мере прогресса в науке и технике научно-технические термины все больше проникают в ткань литературного языка, обогащают его, а в национальных языках большинство иноязычных заимствований (следовательно, неологизмов) составляет прежде всего терминологическая лексика.

Появление первых терминологических словарей относится к середине 30-х годов. Но эти словари содержали лишь небольшие списки терминов и их киргизских эквивалентов.

Интенсивная и планомерная систематизация терминов различных отраслей знаний, их словарная разработка начинаются в послевоенное время.

Со дня функционирования Комиссии по терминологии издано более 70 названий терминологических словарей. Среди них: русско-киргизские терминологические словари по физике и математике, биологии, ботанике, ветеринарии, земледелию, экономике сельского хозяйства и промышленности, политической экономии, общественно-политическим знаниям, лингвистике и литературоведению, почвоведению, астрономии, геологии, горному делу, электротехнике, машиноведению, легкой промышленности, педагогике, мелиорации, черчению и рисованию, архитектуре и строительству, органической, неорганической, физической и биологической химии, лесному хозяйству, автоматике, технике, анатомии и физиологии человека, космонавтике, медицине и ряду других. Практикуется снабжение каждого киргизского термина кратким объяснением его значения.

Накопленный материал и опыт по созданию терминосистем на киргизском языке позволили сделать и некоторые теоретические обобщения в специальных статьях и исследованиях проблем, связанных с ролью традиционной профессиональной лексики в формирующихся научно-технических и общественно-политических терминосистемах.¹

¹ Щукуров Д. См.: 1) Принципы киргизской терминологии. — В кн.: Тр. ИЯЛ АН КиргССР, 1952, вып. 3; 2) О киргизской терминологии и мерах ее улучшения. — Коммунист, 1954, № 9 (на киргизском языке); 3) Вопросы киргизской терминологии. — В кн.: Тр. ИЯЛ АН Кирг. ССР, 1958, вып. 6; 4) Выступление на Всесоюзном терминологическом совещании. — В кн.: Вопросы терминологии. М., 1961, с. 100—102; см. также: Орузбаева Б. О. О состоянии и задачах разработки терминологических словарей в современном киргизском языке. — В кн.: Вопросы киргизской терминологии. Фрунзе, 1968; Мусаев С. М. Об упорядочении киргизских математических терминов. — Там же; Нуракунов М. Состояние киргизской физической терминологии и некоторые вопросы ее упорядочения. — Там же, и др.; Дуйшеналиева Т. Киргизские народные термины животноводства. Автореф. канд. дисс. Фрунзе, 1969; Назаралиев Т. Киргизские народные строительные термины. Автореф. канд. дисс. Фрунзе,

Внедрение в киргизский литературный язык массы терминов как непосредственного заимствования, так и использование собственных средств в термимированных значениях способствовало широкому развитию синонимии, появлению синонимичных терминов типа *конструкция* — *түзүлүш* (в лингвистике и архитектуре); *сингармонизм* — *үндөштүк закону*; *ассимиляция* — *окишошуу* (в лингвистике); *лактоза* — *сүт канты*; *сахароза* — *камыш канты* (в органической химии); *клапан* — *жапкыч*; *бронхи* — *кекиртек*; *функция* — *кызмат* (в медицине) и мн. др.

Это уже показатель своеобразия национальной терминологии, где лексическая синонимия стала одной из характерных ее черт.

Изменились и источники проникновения заимствований. Главным источником стал русский язык — язык межнационального общения, язык-посредник. Между тем в толковых и двуязычных словарях специальным терминам отводится очень незначительное место, хотя в общем лексическом составе живого функционирующего языка количество их достаточно велико, что подтверждается следующими примерами.

В трех отрывках, состоящих примерно из одинакового количества слов, количество терминов также было почти одинаково: в тексте из научного труда, состоящем из 78 слов, терминов — 25; во втором тексте из публицистической литературы, состоящем из 83 слов, терминов — 28; в третьем тексте из художественного произведения, состоящем из 91 слова, терминов — 23.

Такое сопоставление еще не раз подтверждает тезис о примерно равном количестве терминов в различных стилях литературного языка; о том, что термины стали неотъемлемой частью выразительных средств современных национальных литературных языков; о том, что они активно участвуют в мыслительно-выразительном процессе, функционируя по собственным закономерностям, и служат показателем сдвигов в развитии современных литературных языков. Следовательно, в существующих толковых и двуязычных словарях не получают отражения многие терминологические средства языка.

В дальнейшем в словари необходимо включить больше терминологических неологизмов, активно участвующих в разных стилях литературного языка. В национальных терминологических центрах в связи с наплывом большого количества терминологических заимствований возникают значительные трудности в процессе их систематизации, отбора и унификации. При таком положении Комитету научно-технической терминологии АН СССР следовало бы обратить особое внимание на налаживание контакта и настоящей координации с местными комиссиями для обеспечения идентификации систем путем снабжения их: а) перечнями под-

систем; б) словником отраслевых терминологических систем и дополнительными приложениями (или списками) терминов, появляющихся по мере прогресса в той или иной области науки. Необходимо серьезно изучить и определить новые основы о действительном месте терминов в общих словарях (толковых и двуязычных). Комитет должен, наконец, выступить инициатором в созыве ряда региональных встреч лексикографов (скажем, Средней Азии и Казахстана, Сибирских научных центров и других) для обмена опытом, налаживания межреспубликанских контактов, чтобы направить в единое русло дело упорядочения терминологических разработок; в определении структур и других видов национальных лексикографических справочников; в создании национальных энциклопедий, где фактор взаимовлияния языков местных и русского играет немаловажную роль.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
С. Г. Бархударов. Актуальные задачи лексикографии в области терминов	5
В. П. Петушков, В. Н. Сергеев. О классификации словарей . .	13
Л. Л. Кутина. Термин в филологических словарях (к антитезе: энциклопедическое — филологическое)	19
Н. З. Котелова. Семантическая характеристика терминов в словарях	30
Е. П. Толикина. Термин в толковом словаре (к проблеме определения)	45
О. С. Ахманова, С. А. Тер-Мкртчян. Научное определение как лингвистическая и семиотическая проблема	57
П. П. Денисов. Системность и связанность в лексике и система словарей	63
А. В. Суперанская. Терминология и номенклатура	73
Р. Е. Березникова. Подача номенов в словарях различных типов	83
Н. Н. Забинкова. Термины и номенклатурные слова в ботанических словарях	91
А. С. Герд. Терминологическое значение и типы терминологических значений	101
<div style="border: 1px solid black; padding: 2px; display: inline-block; margin-bottom: 2px;">Я. А. Климовицкий.</div> Термин и обусловленность определения понятия в системе	107
В. Ф. Журавлев. По поводу определений в формальной логике, в сборниках рекомендуемых терминов, терминологических стандартах, толковых словарях и энциклопедиях	114
Н. П. Мостовенко. Дефиниция в советских универсальных энциклопедиях	121
М. Г. Бергер, Н. Б. Вассоевич. Об определениях терминов в геологических словарях	133
В. П. Берков. Заметки об определениях терминов в филологических и энциклопедических словарях	140

Л. Н. Комарова. О терминологической лексике в «Словаре иностранных слов»	144
Н. В. Подольская. Модели дефиниций в словаре ономастических терминов	152
С. Е. Никитина. Информационный тезаурус как средство систематизации терминологии (схема словарной статьи на материале лингвистики)	158
В. Ф. Першиков, Э. В. Станиславская. Использование дефиниций при установлении парадигматических отношений в дескрипторных ИПЯ	167
Р. Ю. Кобрин. О формальных критериях терминологичности и методологическом обосновании работ по унификации и стандартизации терминологии	174
В. В. Морковкин. Смысловое членение универсума и классификация лексики	181
В. М. Перерва. О принципах и проблемах отбора терминов и составления словника терминологических словарей	190
Т. С. Козоткова. Терминология и межфункционально-стилевая «омонимия»	204
Л. А. Шкатова. Толкование лексических значений названий разных лиц по профессии	215
Л. В. Малаховский. Специальные термины в общем словаре: принципы отбора и толкования (на материале английской лексикографии)	222
В. В. Замкова. К вопросу об описании исторической терминологии в историческом словаре (на материале словаря русского языка XVIII в.)	227
Н. А. Баскаков. Этнографическая лексика и терминология в национально-русских словарях (на материале тюркских языков)	236
А. Н. Моисеев. К определению терминов в словарях	243
Л. С. Паламарчук. Терминологическая лексика в общезыковом (филологическом) словаре	250
М. Ш. Гасымов. Терминологическая работа в Азербайджанской ССР	257
А. А. Магомедов. Терминологическая лексика в кубачинско-русском словаре	258
В. О. Орузбаева. Терминологическая работа в Киргизской ССР	261

**ПРОБЛЕМАТИКА ОПРЕДЕЛЕНИЙ ТЕРМИНОВ
В СЛОВАРЯХ РАЗНЫХ ТИПОВ**

*Утверждено к печати
Научным советом по лексикологии и лексикографии
АН СССР*

Редактор издательства Н. Г. Герасимова
Художник Д. С. Данилов
Технический редактор М. Э. Карлайтис
Корректоры Г. Н. Атлас,
Е. А. Гинстлинг и Л. Я. Комм

Сдано в набор 27/IV 1976 г. Подписано к печати
30/VIII 1976 г. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага № 2. Печ. л.
16³/₄=16.75 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 18.91, Изд. № 6145.
Тип. зак. № 1169. М-3-3⁴. Тираж 4300. Цена 1 р. 36 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, д. 1

1-я тип. издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12